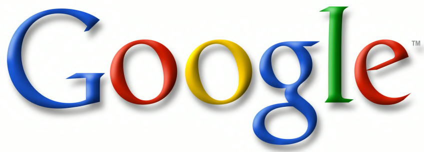

П. Милюковъ.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй.

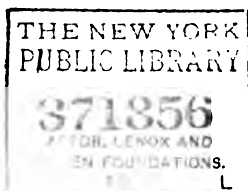
Изданіе редакціи журнала «МІРЪ БОЖІЙ».

5-е изданіе,

исправленное и дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Карты, картограммы и діаграммы.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЯТОМУ ИЗДАНІЮ.

Для настоящаго изданія текстъ «Очерковъ» вновь просмотрѣнъ и значительно дополненъ сравнительно съ предъидущимъ изданіемъ. Важнѣйшее изъ дополненій относится къ вопросу о происхожденіи государства въ Россіи сравнительно съ Зап. Европой и о различіяхъ между отдѣльными частями Россіи по отношенію къ соціально-политической эволюціи. Авторъ былъ вызванъ на это дополненіе многочисленными критическими замѣчаніями, съ сущностью которыхъ онъ согласиться не могъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, указывали на пробѣлъ и недостаточность аргументаціи въ данномъ мѣстѣ «Очерковъ». Другія болѣе или менѣе значительныя дополненія сдѣланы относительно исторіи кредита въ Россіи, относительно новѣйшей финансовой политики и податного дѣла, относительно сформированія дворянскаго класса, отношенія города и деревни, вопроса объ общинѣ и т. д. Статистическія данныя освѣжены по новѣйшимъ источникамъ. Затѣмъ, цѣлый рядъ измѣненій имѣлъ цѣлью—упростить языкъ «Очерковъ», сдѣлать изложеніе болѣе отчетливымъ и, такимъ образомъ, по возможности облегчить работу читателя. Чтобы не загромождать доступа къ самому тексту «Очерковъ», предисловія къ четвер-

тому и третьему изданіямъ перенесены изъ начала въ конецъ книги. Содержаніе ихъ помогаетъ уяснить точку зрѣнія автора на тѣ или другіе существенные вопросы, связанные съ I-мъ томомъ «Очерковъ», и потому авторъ не счелъ себя вправѣ исключить вовсе эти предисловія. Но въ то же время значительная часть споровъ, возбужденныхъ критиками «Очерковъ», въ настоящее время сохранила только историческій интересъ, и обращаться съ ними ко всей читающей публикѣ казалось автору уже неудобнымъ.

Лондонъ,
9 (22) февраля 1904 г.

Введеніе: Общія понятія.

«Прагматическая» и «культурная» исторія.—Споры о содержаніи культурной исторіи. — Споры о цѣли и способахъ изученія культурной исторіи. — Теоретическія задачи исторической науки и прикладныя задачи политическаго искусства. — Смѣшеніе тѣхъ и другихъ въ «философіи исторіи». — Съужая границы телеологическаго объясненія, «философія исторіи» превращается въ научную теорію прогресса.—Закономѣрность, какъ цѣль научнаго объясненія исторіи.—Существуютъ ли историческіе законы?—Трудность соціологическаго анализа. — Соціологическая дедукція, какъ средство облегченія анализа.—Дедукція основныхъ соціологическихъ тенденцій. — Видоизмѣненіе этихъ тенденцій подъ вліяніемъ среды. — Вліяніе окружающей обстановки. — Понятіе случайности въ исторіи. — Роль личнаго фактора. — Безсознательное и цѣлесообразное, лично и общественно-цѣлесообразное, единичное и массовое дѣйствіе личности.—Цѣль и содержаніе «Очерковъ».

Принимаясь за исчисленіе войскъ, пришедшихъ съ Агамемнономъ подъ Трою, греческій пѣвецъ Троянской войны счелъ нужнымъ сдѣлать такое предисловіе:

«Нынѣ повѣдайте, музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Вы, божества, вездѣсущи и знаете все въ поднебесной;
Мы ничего не знаемъ; молву мы единую слышимъ;
— Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки данаевъ?
Всѣхъ же бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Еслибъ и десять имѣлъ языковъ я, и десять гортаней,
Еслибъ имѣлъ неслабѣющій голосъ и мѣдныя перси.
Развѣ, небесныя музы, Кронида великаго дщери,
Вы бы напомнили всѣхъ приходившихъ подъ Трою ахеянъ?
— Только вождей корабельныхъ и всѣ корабли я исчислю».

Приблизительно такъ же, какъ Гомеръ, разсуждало огромное большинство историковъ стараго и новаго времени. Ни силъ, ни знаній человѣческихъ не хватило бы для того, чтобы изобразить «всѣхъ рядовыхъ бойцовъ» въ исторіи человѣчества. Поэтому исторія должна ограничиться разсказомъ объ однихъ «вождяхъ и владыкахъ». Личная исторія вождей, ихъ дѣянія и судьба, ихъ взаимныя отношенія — таково должно быть главное содержаніе историческаго разсказа. А идеальной цѣлью историка должно быть—

изобразить эти приключенія «вождей» съ возможно большей живостью и драматичностью, въ возможно болѣе совершенной художественной формѣ. Но что же дѣлать со всей остальной безымянной массой обыкновенныхъ людей, за которыми не числится никакихъ подвиговъ, которые не оставили по себѣ никакихъ историческихъ воспоминаній? Историки-разсказчики игнорировали ихъ вовсе, замѣчая иногда, въ свое оправданіе, или для успокоенія читателей, что исторія толпы сама собой уже отразится въ біографіи героевъ, какъ ея лучшихъ и наиболѣе яркихъ представителей.

Не такъ давно, однако же, появилось среди историковъ направленіе, не предъусмотрѣнное Гомеромъ. Направленіе это рѣшительно утверждало, что истинный предметъ исторіи—не біографіи «вождей», хотя бы извѣстныя намъ въ малѣйшихъ подробностяхъ, а именно жизнь народной массы, повидимому, вовсе намъ неизвѣстная. Сторонники новаго направленія прибавляли къ этому, что такая исторія безъ собственныхъ именъ, безъ событій, безъ сраженій и войнъ, безъ дипломатическихъ хитростей и мирныхъ трактатовъ,—не только не будетъ недостовѣрна, но что она, напротивъ, будетъ несравненно достовѣрнѣе той исторіи, къ которой насъ пріучали до сихъ поръ историки-повѣствователи. Въ доказательство они приводили то соображеніе, что самая подробная личная исторія есть, во-первыхъ, самая сомнительная въ сущности, такъ какъ никакой свидѣтель-очевидецъ не можетъ ни видѣть, ни запомнить, ни передать безошибочно всѣхъ подробностей жизни извѣстнаго лица или всѣхъ частностей даннаго событія; во-вторыхъ, что такая исторія будетъ совершенно анекдотична и случайна, такъ какъ существованіе и дѣятельность личности зависитъ отъ тысячи мелкихъ и случайныхъ причинъ. Наоборотъ, исторія народной массы,—утверждали они,—будетъ, прежде всего, заключать въ себѣ только одно существенное и несомнѣнное; затѣмъ, такую исторію можно будетъ изучать болѣе точнымъ научнымъ методомъ: методомъ наблюденія массовыхъ явленій, т. е. *статистическимъ*. Наконецъ, въ силу такого своего содержанія и метода, исторія народной массы дастъ намъ возможность впервые понять причины и смыслъ историческихъ явленій; такимъ образомъ исторія перестанетъ быть предметомъ простой любознательности, пестрымъ сборникомъ «дней прошедшихъ анекдотовъ»,—и сдѣлается предметомъ, способнымъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу.

Въ сравнительно короткое время новое направленіе завоевало себѣ почти всеобщее признаніе. Исторія «событій» отошла на второй планъ передъ исторіей «быта»,—учрежденій и нравовъ.

Изученіе *внѣшней* исторіи (или, такъ называемой, прагматической, политической) должно было уступить мѣсто изученію *внутренней* (бытовой или культурной).

Таковъ общій смыслъ переворота, совершившагося въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. «Культурная исторія» составляетъ предметъ занятій или, по крайней мѣрѣ, стремленій большинства историковъ нашего времени. Но согласіе между ними очень скоро кончается, какъ только рѣчь заходитъ о томъ, что должно составлять *содержаніе* культурной исторіи, и съ какой *цѣлью* ее слѣдуетъ изучать. Относительно содержанія культурной исторіи среди историковъ господствуетъ величайшее разногласіе. Одни готовы считать главнымъ предметомъ культурной исторіи—развитіе государства, другіе—развитіе соціальныхъ отношеній, третьи — экономическое развитіе. Съ другой стороны, понятіе культурной исторіи съуживается до явленій духовной культуры, и подъ культурной исторіей начинаютъ разумѣть исключительно исторію умственной, нравственной, религіозной и эстетической жизни человѣчества. Въ этомъ узкомъ смыслѣ понятіе культурной исторіи особенно было употребительно въ нашей литературѣ. Какъ противоположность «культурной» исторіи въ узкомъ смыслѣ, у насъ часто употребляли терминъ «матеріальной» исторіи. Не разъ уже оказывалось, однако, что такое употребленіе терминовъ ведетъ къ излишнимъ недоразумѣніямъ и бываетъ причиной довольно безплодныхъ пререканій. Въ виду этого всего лучше, кажется, будетъ вернуться къ первоначальному употребленію слова «культурная» исторія, т. е. пользоваться имъ въ томъ, болѣе широкомъ, смыслѣ, въ которомъ оно обнимаетъ всѣ стороны внутренней исторіи: и экономическую, и соціальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религіозную, и эстетическую. Этимъ устранятся, конечно, только одни терминологическія недоразумѣнія; вопросъ о томъ, какая, или какія изъ перечисленныхъ сторонъ общественной жизни должны считаться главными, или основными, и какія — вторичными или производными,—этотъ вопросъ остается открытымъ. Еще не такъ давно въ основу историческаго процесса историки полагали развитіе духовнаго начала; въ послѣднее время господствовало противоположное мнѣніе, по которому матеріальныя условія производства опредѣляютъ все содержаніе исторіи. Оба эти взгляда представляются намъ, однако, одинаково односторонними, и споръ о первенствѣ того или другого элемента культурной исторіи кажется намъ тоже не особенно плодотворнымъ. Мы должны, конечно, отличать болѣе простыя явленія общественнаго развитія отъ болѣе сложныхъ; но попытки свести всѣ пере-

*

численныя стороны исторической эволюціи къ какой-нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными. Если гдѣ-нибудь можно различать простое и сложное, то это не въ разныхъ *сторонахъ* человѣческой природы, а въ различныхъ *ступеняхъ* ея развитія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ развитіе каждой стороны исторической жизни начинается съ простого и кончается сложнымъ. Чѣмъ ближе къ началу процесса, тѣмъ элементарнѣе проявленія различныхъ сторонъ жизни,—матеріальной и духовной,—и тѣмъ тѣснѣе эти стороны связаны другъ съ другомъ. Чѣмъ далѣе развивается процессъ, тѣмъ болѣе различныя стороны процесса выдѣляются другъ отъ друга и тѣмъ сложнѣе становятся продукты ихъ взаимодѣйствія.

Какъ бы мы ни рѣшили, впрочемъ, споръ о взаимномъ отношеніи разныхъ сторонъ «культурной исторіи», мы никогда не поймемъ, почему этотъ споръ принялъ такой острый характеръ, если останемся при его обсужденіи на чисто теоретической почвѣ. Отдавая преимущество исключительно матеріальнымъ, или исключительно духовнымъ явленіямъ культуры, стараясь свести одни изъ этихъ явленій къ другимъ, обѣ спорящія стороны, большею частью, руководились задними мыслями, которыя и давали тонъ всей полемикѣ. Центръ тяжести спора заключался, въ сущности, не столько въ пререканіяхъ по поводу *содержанія* культурной исторіи, сколько въ разногласіяхъ по поводу *цѣли и способовъ* историческаго изученія. На этой почвѣ столкнулись уже не различныя научныя гипотезы, болѣе или менѣе вѣроятныя, а различныя міровоззрѣнія, совершенно непримиримыя другъ съ другомъ. И самыя гипотезы духовной или матеріальной основы исторіи являлись только послѣдовательнымъ приложеніемъ этихъ міровоззрѣній къ объясненію историческихъ явленій.

Культурная исторія, сказали мы выше, можетъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу. Оба эти побужденія для занятій культурной исторіей—и научный интересъ, и практическая польза—одинаково умѣстны и законны. Но не надо забывать, что это—два различныя побужденія. Тамъ, гдѣ ученый спрашиваетъ о *причинѣ* явленія,—практическій дѣятель спрашиваетъ о *цѣли*, вызвавшей это явленіе къ жизни. Первый, ставя свой вопросъ «почему»,—стремится къ уясненію *закономѣрности* историческаго процесса. Второй, съ своимъ вопросомъ, «зачѣмъ»,—старается постигнуть его *цѣлесообразность*. Первый ищетъ въ исторіи только причинной связи явленій; второй добивается ихъ «смысла». И если первый никоимъ образомъ не можетъ признать историческое явленіе безпричиннымъ, то второй, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, долженъ будетъ признать это самое явле-

ніе—безсмысленнымъ. Тамъ, гдѣ первый ограничится спокойнымъ наблюденіемъ фактовъ и удовлетворится открытіемъ ихъ внутренняго отношенія, — тамъ второй постарается вмѣшаться въ ходъ событій и установить между ними то отношеніе, какое ему желательно. Однимъ словомъ, первый поставитъ своею цѣлью изученіе, второй—творчество; одинъ откроетъ законы исторической науки, а другой установитъ правила политическаго искусства.

Во всемъ этомъ параллелизмѣ нѣтъ, какъ видимъ, ничего неправильнаго и незаконнаго. Наука и искусство вездѣ и всегда существовали рядомъ, не мѣшая другъ другу и не врываясь въ законную сферу взаимной дѣятельности. Искусство нуждается въ наукѣ: въ данномъ случаѣ, политическое искусство нуждается въ *законахъ* соціальной науки, безъ знанія которыхъ не могутъ быть установлены его *правила*. Вотъ и всѣ нормальныя отношенія ихъ другъ къ другу. Въ теоріи такъ легко провести эту демаркаціонную линію. И однако же, оказывается почти невозможнымъ выдержать ее на практикѣ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ познающій и дѣйствующій субъекты стоятъ такъ близко другъ къ другу, такъ часто совмѣщаются въ одномъ лицѣ, что смѣшеніе научной и практической точки зрѣнія становится самымъ обыкновеннымъ случаемъ. Теоретика въ области механики или химіи никакая внутренняя сила не побуждаетъ заняться непремѣнно практическими усовершенствованіями въ машиностроеніи или въ технологіи, вмѣсто того, чтобы изучать научные законы явленій его области. Физіологъ обыкновенно не занимается лѣченіемъ людей, хотя легко представить себѣ случай, въ которомъ дать медицинскій совѣтъ будетъ для него нравственной обязанностью. То, что для физіолога составляетъ болѣе или менѣе рѣдкій случай, — для соціолога и историка превращается въ общее правило. Какъ членъ даннаго общества, соціологъ необходимо чувствуетъ потребность или обязанность прилагать свое знаніе къ оцѣнкѣ окружающей его общественной дѣйствительности. Въ большей или меньшей степени, слѣдовательно—своей дѣятельностью, или даже просто своими мнѣніями—онъ поневолѣ призванъ играть роль общественнаго дѣятеля. Весьма естественно, что обязанности общественнаго дѣятеля оказываютъ воздѣйствіе на направленіе ученой работы, и точка зрѣнія цѣлесообразности переносится въ непринадлежащую ей область причиннаго объясненія. Это вполнѣ естественно психологически, но, тѣмъ не менѣе, неправильно. Тѣмъ болѣе неправильно—возводить этотъ психологическій фактъ въ теорію и доказывать, что примѣненіе точки зрѣнія цѣлесообразности къ научному объясненію —есть дѣло, вполнѣ законное.

Такъ какъ подобное сочетаніе разнородныхъ точекъ зрѣнія нельзя уже бываетъ отнести ни къ области науки, ни къ области искусства, то единственнымъ возможнымъ исходомъ оказывается — отнести ее къ области «философіи». Философія—это тотъ паровой котелъ, въ которомъ всевозможные ирраціональные обрѣзки человѣческаго духа претворяются въ однородную и безцвѣтную массу высшаго синтеза, готовую принять въ умѣлыхъ рукахъ какую угодно форму.

Поиски за «смысломъ» исторіи, истолкованіе историческаго процесса съ точки зрѣнія цѣлесообразности, дѣйствительно, только и могутъ быть отнесены къ искусственно созданной области «философіи исторіи». Ни наука объ обществѣ (теоретическая соціологія), ни политическое искусство (иногда называемое прикладной соціологіей) не имѣютъ съ этой промежуточной областью ничего общаго. При этихъ условіяхъ не можетъ быть и дальнѣйшаго спора между противниками и сторонниками «философіи исторіи». Дѣло рѣшается простой справкой съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ. Для однихъ эта рубрика въ самой себѣ заключаетъ свое лучшее оправданіе. Для другихъ,—и мы принадлежимъ къ ихъ числу,— «философія исторіи», въ смыслѣ телеологическаго (т. е. цѣлесообразнаго) объясненія исторіи, есть только одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ обломковъ давно разрушеннаго міровоззрѣнія.

Здѣсь, впрочемъ, необходимо объясниться подробнѣе. Мы очень хорошо знаемъ, что и «философія исторіи» нашего времени все болѣе и болѣе проникается общимъ научнымъ духомъ, и что она уже очень многое сдѣлала, чтобы, по возможности, съузить область исторической телеологіи. Нечего и говорить, что «философы исторіи» нашего времени не прилагаютъ къ объясненію исторіи ни богословской цѣлесообразности, ни даже философской въ полномъ ея объемѣ. Они отказываются отъ понятія о высшей волѣ, руководящей развитіемъ человѣчества. Они готовы даже пожертвовать философской идеей общаго плана, осуществляющагося во всемірной исторіи. Все, чего они, въ концѣ концовъ, хотятъ,—это признанія той степени цѣлесообразности, которую вкладываетъ въ исторію самъ человѣкъ, какъ дѣятель историческаго процесса. Область исторіи, говорятъ они, есть область человѣческихъ поступковъ; а дѣятельность человѣческой воли, несомнѣнно, цѣлесообразна. Цѣль, существующая въ человѣческомъ сознаніи,—это та же причина его поступка. Такимъ образомъ, цѣлесообразность соціальнаго процесса есть только частный случай причинности, господствующей въ міровомъ процессѣ. Противъ такой аргументаціи едва ли можно было бы что-нибудь возразить; но дѣло въ

томъ, что, если бы всѣ «философы исторіи» держались *такой* аргументаціи, философія исторіи прекратила бы свое существованіе и замѣнилась бы научной теоріей развитія воли въ соціальномъ процессѣ, или, что то же, научной теоріей «прогресса». Къ сожалѣнію, многіе философы исторіи продолжаютъ смотрѣть на волю, какъ на самостоятельный, какъ бы извнѣ данный факторъ историческаго развитія. Признавая волю самостоятельнымъ факторомъ, они не всегда помнятъ, что волевой механизмъ приводится въ движеніе причинами болѣе первичнаго характера. Утверждая цѣлесообразность человѣческихъ поступковъ, они забываютъ, что еще цѣлая пропасть раздѣляетъ каждый отдѣльный цѣлесообразный поступокъ, съ его личными побужденіями, въ его ближайшей обстановкѣ, — отъ его соціальныхъ послѣдствій, отъ цѣлесообразнаго общественнаго результата. Для заполненія этой пропасти,—для того, чтобы превратить индивидуальный цѣлесообразный поступокъ въ общественно-цѣлесообразный результатъ,— необходимъ цѣлый рядъ условій, осуществляющихся *вполнѣ* только на высшихъ ступеняхъ общественной жизни. Только тамъ, гдѣ въ рядѣ поколѣній существуетъ одинаковое пониманіе цѣли, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе традиціей и воспитаніемъ; только тамъ, гдѣ существуетъ общественная организація, приспособленная къ вполнѣ сознательнымъ и цѣлесообразнымъ общественнымъ поступкамъ массы,—только въ такихъ случаяхъ можно говорить о цѣлесообразномъ ходѣ историческаго процесса, т. е. о соотвѣтствіи его результатовъ—сознательно поставленнымъ общественнымъ задачамъ. Но такая цѣлесообразность развитой общественной жизни ничего не имѣетъ общаго съ отысканіемъ философскаго «смысла» въ явленіяхъ прошлаго. Выясненіемъ всѣхъ условій общественной цѣлесообразности занимается политическое искусство, пользующееся всѣми наблюденіями науки; а «философія исторіи» спѣшитъ отдѣлить свое дѣло отъ дѣла науки и требуетъ для себя, во имя идеала, апріорнаго права прикидывать къ исторіи идеальную мѣрку и судить историческія явленія нравственнымъ судомъ.

Итакъ, между научнымъ объясненіемъ культурной исторіи и практическимъ приложеніемъ результатовъ такого объясненія къ жизни—не можетъ быть ничего средняго. Политика можетъ и должна воспользоваться соціологіей, не прибѣгая ни къ какой помощи «философіи». И «философы исторіи» стараго типа лучше всего сдѣлаютъ, если признаютъ, что въ ихъ спеціальной области изученія нѣтъ ничего такого, что бы не могло быть отнесено или къ теоретической, или къ прикладной соціологіи. «Философія

исторіи» съиграла свою роль — роль предшественницы современной научной соціологіи — и теперь должна прекратить свое существованіе, если не хочетъ плодить старыхъ недоразумѣній.

Намъ остается теперь изложить нашъ взглядъ на научное или соціологическое объясненіе исторіи. Въ основѣ такого объясненія должна лежать, какъ мы говорили, идея закономѣрности историческаго процесса. Цѣлесообразная дѣятельность личности, съ точки зрѣнія науки, есть только одно изъ видоизмѣненій причинной связи явленій: это тотъ же закономѣрный процессъ, перенесенный изъ области внѣшняго міра въ область психической жизни. Цѣлесообразный же ходъ исторіи нисколько не вытекаетъ самъ по себѣ изъ цѣлесообразной дѣятельности личности, хотя и можетъ сдѣлаться цѣлью ея сознательныхъ стремленій. Какихъ бы сложныхъ и высокихъ формъ ни достигало развитіе сознательной дѣятельности личности, эта дѣятельность нисколько не мѣшаетъ научному представленію о закономѣрномъ ходѣ исторіи, а является только лишнимъ факторомъ, подлежащимъ научному изученію и объясненію съ точки зрѣнія закономѣрности. Такимъ образомъ, свободное творчество личности никоимъ образомъ нельзя противопоставлять законамъ историческаго процесса, такъ какъ и самое это творчество входитъ въ рамки тѣхъ же самыхъ законовъ.

Такое широкое примѣненіе идеи закономѣрности необходимо вытекаетъ изъ современнаго взгляда на міръ, точно такъ же, какъ идея цѣлесообразности вытекала изъ стараго міровоззрѣнія. Мы принимаемъ закономѣрность историческихъ явленій совершенно независимо отъ того, можетъ ли исторія открыть намъ эти искомые законы. Если бы даже намъ никогда не суждено было открыть ни одного историческаго закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки утверждать, что общественныя явленія, какъ и всякія другія, — не безпричинны.

Эту оговорку необходимо сдѣлать, такъ какъ признать историческую закономѣрность несравненно легче, чѣмъ открыть законы исторіи. Сложность историческихъ явленій такова, что, нисколько не подрывая идеи закономѣрности, вполнѣ естественно усомниться даже въ самомъ существованіи спеціальныхъ «историческихъ» (т. е. отдѣльныхъ отъ «соціологическихъ») законовъ. Въ популярной рѣчи мы такъ привыкли обозначать историческіе процессы и факты условными общими именами, что часто совсѣмъ забываемъ о томъ, что общее имя и реальный фактъ суть двѣ разныя вещи. Мы разсуждаемъ о причинахъ развитія реформаціи или о причинахъ неудачи революціи, какъ будто бы ре-

формація и революція были какимъ-то осязаемымъ предметомъ, а не безконечнымъ количествомъ процессовъ, объединяемыхъ въ одно цѣлое исключительно въ нашемъ сознаніи. При этихъ условіяхъ мы легко принимаемъ за историческій законъ такія сочетанія явленій, которыя, собственно говоря, требуютъ еще дальнѣйшаго, болѣе глубокаго анализа. Возьмемъ для примѣра послѣдовательность различныхъ формъ государственнаго устройства. Извѣстно то наблюденіе, выведенное преимущественно изъ античной жизни, по которому за патріархальной монархіей слѣдуетъ господство аристократіи, затѣмъ идетъ демократизація государственнаго строя, кончающаяся господствомъ черни и возвращеніемъ къ новой формѣ монархіи. Допустимъ, что это наблюденіе подтвердилось бы во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Спрашивается, имѣли ли бы мы даже и въ этомъ случаѣ дѣло съ «историческимъ закономъ»? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ каждую изъ этихъ формъ мы никоимъ образомъ не могли бы считать причиной послѣдующей формы,—точно такъ же, какъ не можемъ считать молодость — причиной зрѣлаго возраста, а зрѣлый возрастъ—причиной старости. Каждое изъ этихъ состояній, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ, составляетъ, очевидно, совокупность многихъ процессовъ, причины которыхъ и являются истинными причинами того общаго результата, который бросается въ глаза наблюдателю. Итакъ, этотъ общій результатъ, кажущійся на первый взглядъ чѣмъ-то цѣльнымъ и единымъ, мы должны анализировать дальше, чтобы выдѣлить отдѣльные, создавшіе его, факторы. Легко можетъ оказаться, что и выдѣленные нами факторы, въ свою очередь, будутъ не простыми элементами, а сложными равнодѣйствующими болѣе элементарныхъ силъ. Мы остановимся въ этомъ анализѣ только тогда, когда дойдемъ до элементовъ, извѣстныхъ намъ изъ ближайшей сосѣдней области знанія, т. е. когда увидимъ, что явленія общественной жизни находятъ себѣ объясненіе въ психологіи и вмѣстѣ съ послѣднею опираются на все зданіе закономѣрности болѣе простыхъ явленій міра, — физическихъ, химическихъ или физіологическихъ.

Чѣмъ же, однако, руководствоваться при подобномъ анализѣ сложнаго соціологическаго процесса? Напомнимъ, прежде всего, что процессъ этотъ мы признали закономѣрнымъ въ его цѣломъ, т. е. во всей его конкретности. Мы не можемъ выбрать изъ процесса предполагаемыхъ нами единообразій, назвать ихъ,—какъ это иногда дѣлается,—законами а все остальное считать отступленіемъ отъ закона и просто-на-просто—отбросить. Такъ называемыя «отступленія», въ сущности, такъ же закономѣрны, какъ и «законы». При-

знавши необходимость разлагать историческія явленія на простые элементы, мы этимъ самымъ признали, что сами по себѣ эти явленія сложны. Необходимо признать и то, что сочетанія элементовъ при безконечной сложности явленій будутъ безконечно разнообразны и что закономѣрности надо искать прежде всего въ дѣйствіи отдѣльныхъ элементовъ, а потомъ уже въ ихъ сочетаніяхъ. Такимъ образомъ, задача анализа сводится къ тому, чтобы выдѣлить изъ сложнаго соціологическаго итога отдѣльныя слагаемыя и опредѣлить сферу ихъ дѣйствія. Путь, которымъ можно надѣяться достигнуть этой цѣли,—можетъ быть двоякій. Можно взять прямо готовый итогъ и попытаться выяснить роль создавшихъ его причинъ путемъ извѣстныхъ пріемовъ индуктивнаго изслѣдованія. Этимъ методомъ съ блестящимъ успѣхомъ пользовались статистики. Но употребленіе его зависитъ отъ того, имѣется ли подходящій матеріалъ для наблюденій, а значеніе выводовъ ограничивается предѣлами изслѣдованнаго матеріала. Естественно, что рядомъ съ этимъ методомъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе признается необходимымъ употреблять другой—дедуктивный. Если признать, что историческая закономѣрность должна быть сведена къ закономѣрности явленій сосѣднихъ областей,—и прежде всего къ закономѣрности психологической,— то сама собой является мысль приложить извѣстные наукѣ законы этихъ явленій къ объясненію историческаго процесса. Мысль эта настолько естественна, что уже цѣлый рядъ соціологовъ старался объяснить закономѣрность общественной жизни при помощи законовъ біологіи и психологіи. Здѣсь не мѣсто разбирать, какіе положительные результаты достигнуты соединенными усиліями этихъ соціологовъ; достаточно сказать, что результаты эти далеко не окончательные и что дедукція изъ біологическихъ и психологическихъ данныхъ можетъ дать для соціологіи гораздо больше, по нашему мнѣнію, чѣмъ дала до сихъ поръ. Позволимъ себѣ иллюстрировать нашу мысль примѣромъ, болѣе или менѣе общеизвѣстнымъ. Возьмемъ для примѣра такой дедукціи основной и необходимый физіологическій фактъ: способность людей къ размноженію и перевѣсъ рождающихся вновь людей надъ умирающими. Изъ этой способности естественно вытекаетъ тотъ выводъ, что населеніе любой страны, каковы бы ни были ея особенности, будетъ стремиться къ увеличенію. Присоединимъ теперь къ этой физіологической тенденціи тотъ психологическій законъ, по которому потребность въ пропитаніи составляетъ сильнѣйшее побужденіе къ человѣческой дѣятельности. Увеличеніе населенія сдѣлаетъ, конечно, необходимымъ увеличить и то количество средствъ пропитанія, которое это населеніе извлекаетъ изъ

окружающей обстановки. Но одна и та же обстановка можетъ дать больше средствъ къ жизни только тогда, когда увеличено количество прилагаемаго къ ней труда. Стало быть, напряженность (интенсивность) труда, прилагаемаго къ данной единицѣ площади, необходимо будетъ возрастать по мѣрѣ увеличенія населенія. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества труда явится техническая возможность, или даже необходимость—измѣнить его форму. Ловля животныхъ, требующая наименьшей затраты труда (охотничій бытъ), замѣнится болѣе тяжелымъ прирученіемъ животныхъ и уходомъ за ними, сперва, по возможности, легкимъ (кочевой пастушескій бытъ). Уходъ за животными уступитъ, въ свою очередь, мѣсто еще болѣе трудному уходу за землею (земледѣльческій бытъ). И уходъ за землей, по мѣрѣ уменьшенія того количества ея, которое приходится на человѣка,—будетъ становиться все болѣе и болѣе интенсивнымъ; въ началѣ земледѣльческаго развитія мы встрѣтимъ простое пользованіе землей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ—до полнаго истощенія, послѣ котораго необходимо бываетъ надолго забросить землю (переложная система); а въ концѣ этого процесса мы найдемъ уже искусственное удобреніе каждаго клочка земли и самые сложные ряды перемѣнъ въ посѣвахъ, разсчитанные такъ, чтобы вернуть землѣ только что взятые у нея составные элементы. Мы видимъ на этомъ примѣрѣ цѣлый рядъ матеріальныхъ состояній, переходящихъ одно въ другое совершенно иначе, чѣмъ монархія переходитъ въ аристократію, а аристократія въ демократію. Тогда какъ тамъ мы должны были предположить въ основѣ рядъ сложныхъ процессовъ, требующихъ каждый особаго объясненія,—здѣсь мы прямо имѣемъ дѣло съ элементарными факторами, непосредственно объясняющими процессъ: съ размноженіемъ населенія и съ потребностью питанія. Мы нисколько не склонны, разумѣется, считать только что взятый для примѣра процессъ единственнымъ простымъ и элементарнымъ процессомъ исторіи. Законы коллективной психологіи уже были употребляемы соціологами, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, для соціологическихъ дедукцій, какъ статическаго, такъ и динамическаго характера: и этого рода дедукціи далеко еще не кажутся намъ исчерпанными. Какъ бы то ни было, возможности соціологическихъ дедукцій нельзя отрицать; достаточно только вспомнить, что на такого рода дедукціяхъ преимущественно основывалось большинство историковъ первобытной культуры. Въ результатѣ этихъ дедукцій необходимо получается представленіе, въ настоящее время уже достаточно распространенное,—что существуетъ рядъ основныхъ закономѣрныхъ эволюцій разныхъ сторонъ со-

ціальной жизни, что ходъ этихъ эволюцій необходимо вытекаетъ изъ коренныхъ, элементарныхъ свойствъ эволюціонирующихъ факторовъ и что, слѣдовательно, въ любомъ человѣческомъ обществѣ ходъ этотъ будетъ, по необходимости, одинаковый.

Въ наше время, кажется, нѣтъ основаній опасаться, что историческая теорія будетъ продолжать игнорировать эти основныя, всюду одинаковыя тенденціи историческаго процесса. Является, напротивъ, противоположная опасность, что теорія придастъ имъ слишкомъ исключительное значеніе при объясненіи реальныхъ историческихъ явленій. Не надо забывать, что установить дедуктивнымъ путемъ извѣстную закономѣрную послѣдовательность соціальнаго развитія—еще не значитъ объяснить вполнѣ историческую реальность. Основная закономѣрная тенденція есть только одинъ изъ факторовъ историческаго процесса; нигдѣ и никогда эта тенденція не осуществляется въ своемъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ. Историкъ, который ограничился бы выдѣленіемъ одного этого основного фактора соціологической эволюціи и счелъ бы на этомъ свою задачу поконченной, походилъ бы (мы пользуемся здѣсь удачнымъ сравненіемъ Шмоллера) на химика, который, разложивъ воду на составныя части, объявилъ бы, что главное значеніе при образованіи воды имѣетъ кислородъ, такъ какъ его въ восемь разъ больше, чѣмъ водорода. Въ чистомъ своемъ видѣ внутренняя тенденція соціальнаго процесса есть только отвлеченная возможность. Чтобы перейти изъ возможности въ дѣйствительность, эта тенденція должна преломиться въ призмѣ реальныхъ условій исторической жизни. Подъ вліяніемъ данныхъ географическихъ, климатическихъ, почвенныхъ и друг. условій, основное направленіе исторической жизни можетъ разнообразиться до безконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможныхъ варіацій одну и ту же основную подкладку. Прямая обязанность историка не только обнаружить присутствіе этой подкладки, но и объяснить причины ея проявленія именно въ данной конкретной формѣ, въ каждой отдѣльной варіаціи. Вернемся къ нашему старому примѣру: къ вліянію размноженія населенія на его экономическій строй. Представимъ себѣ, что народъ живетъ среди обстановки, которая только и даетъ возможность охотничьей или кочевой жизни, напр., гдѣ-нибудь въ Лапландіи или въ Киргизскихъ степяхъ. Понятно и безъ историческихъ справокъ, что такой народъ останется на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, пока не измѣнятся кореннымъ образомъ внѣшнія условія его жизни; если же эти условія останутся неизмѣнными въ теченіе долгаго времени, то онъ выработаетъ себѣ особый національный типъ, вполнѣ приспо-

собленный къ обстановкѣ, а численность его остановится на тѣхъ размѣрахъ, какіе въ состояніи прокормить данная страна при данныхъ условіяхъ. Наша основная тенденція въ этомъ случаѣ не уничтожится, какъ не уничтожается, напр., законъ тяготѣнія въ случаѣ равновѣсія тѣла, но совокупный результатъ дѣйствія этой тенденціи и данной обстановки будетъ уже иной. Дальнѣйшаго развитія основной тенденціи не произойдетъ, какъ не происходитъ ускоренія падающаго тѣла, если тѣло находится въ состояніи покоя. Впрочемъ, связь основной тенденціи и обстановки, въ которой она обнаруживается, — въ дѣйствительности гораздо тѣснѣе, чѣмъ можно было бы заключить изъ этого сравненія. Среда не есть мертвая рамка, къ которой пригоняются формы общественной эволюціи, и ея сопротивленіе не есть сопротивленіе глухой стѣны или каменнаго пола. Это скорѣе — почва, измѣняющая свойства растенія уже въ самомъ зародышѣ, въ сѣмени. И если мы прослѣдимъ исторію сѣмени, то найдемъ, что чѣмъ глубже мы восходимъ въ прошлое, тѣмъ тѣснѣе оказывается зависимость отъ среды, тѣмъ элементарнѣе и слабѣе сопротивленіе готовой структуры. Эволюція соціальной структуры слѣдуетъ тому же закону.

Введя, такимъ образомъ, въ объясненіе новый усложняющій факторъ — обстановки, — мы далеко еще не кончили соціологическаго объясненія. Прежде всего, видоизмѣняющее вліяніе обстановки не ограничивается вліяніемъ той среды, въ которой живетъ данный народъ. Въ дѣйствительности, ни одинъ народъ не живетъ особнякомъ, изолированно. Каждая страна окружена тѣми или другими опредѣленными народами и государствами. Это сосѣдство составляетъ новую причину, видоизмѣняющую еще разъ, и иногда весьма существенно, основной ходъ историческаго развитія. Извѣстный примѣръ Англіи, окруженной моремъ, въ сравненіи съ континентальными государствами Европы, показываетъ, какъ можетъ измѣниться развитіе страны подъ вліяніемъ отсутствія или присутствія непосредственныхъ сосѣдей. Но не одно только ближайшее сосѣдство оказываетъ вліяніе этого рода. Достаточно вспомнить, что передвиженіе всемірной торговли на океанъ подорвало средневѣковую торговлю на внутреннихъ моряхъ — Средиземномъ и Балтійскомъ. Урожай хлѣба въ Индіи, Австраліи или Америкѣ, въ настоящее время, оказываетъ существенное вліяніе на положеніе русскаго земледѣлія. Такимъ образомъ, еще очевиднѣе, чѣмъ дѣйствіе среды, дѣйствіе окружающей обстановки является *внѣшнимъ* — и въ этомъ смыслѣ случайнымъ — по отношенію къ ходу внутренняго развитія. И такъ же мало, какъ въ томъ случаѣ, это дѣйствіе можетъ считаться второстепеннымъ при объясненіи

историческаго результата. Самое понятіе главнаго и второстепеннаго должно быть или вовсе оставлено, или существенно видоизмѣнено при научномъ объясненіи исторіи, точно такъ же, какъ и понятія случайнаго и необходимаго. Съ точки зрѣнія науки—нѣтъ причинъ главныхъ и необходимыхъ, случайныхъ и второстепенныхъ. Есть только причины съ болѣе широкимъ и съ менѣе широкимъ кругомъ дѣйствія, причемъ ни объ одной категоріи причинъ нельзя утверждать заранѣе, какъ широка или какъ ограничена окажется сфера ихъ вліянія въ каждомъ данномъ случаѣ.

Установивъ этотъ основной принципъ соціологическаго объясненія, мы можемъ теперь смѣлѣе подойти къ оцѣнкѣ значенія третьяго и послѣдняго фактора, подлежащаго нашему разсмотрѣнію. Рѣчь идетъ объ обширномъ классѣ явленій, вносящихъ наибольшую случайность въ исторію, наименѣе поддающихся закономѣрному объясненію и на этомъ основаніи относимыхъ одними къ самымъ важнымъ, а другими—къ самымъ второстепеннымъ факторамъ историческаго процесса. Соединенное дѣйствіе двухъ факторовъ, разсмотрѣнныхъ раньше,—основной соціологической тенденціи и среды,—объясняетъ, въ существенныхъ чертахъ, эволюцію соціальнаго *порядка*, учрежденій и нравовъ. Но этихъ факторовъ недостаточно для объясненія историческихъ «событій» и «дѣяній», привлекавшихъ главное вниманіе старыхъ историковъ. Нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, что и явленія этого рода допускаютъ вполнѣ научное и закономѣрное объясненіе. Нельзя, конечно, спорить и противъ того, что, при такомъ объясненіи «событій», уже извѣстные намъ факторы, создающіе общественный «порядокъ», должны играть существенную роль. Но, за вычетомъ всего, что въ историческихъ «событіяхъ» поддается закономѣрному объясненію, изъ основной соціологической тенденціи и видоизмѣняющаго вліянія среды, несомнѣнно остается нѣкоторый остатокъ, объясняемый индивидуальными особенностями дѣйствующихъ лицъ. Немало усилій было употреблено на то, чтобы доказать, что этотъ остатокъ будетъ совершенно ничтоженъ, что при историческомъ объясненіи можно его игнорировать, но никто, кажется, не пытался доказывать, что такого остатка не получится вовсе. Возьмемъ для наглядности нѣсколько примѣровъ. Левъ Толстой приводилъ мнѣніе историковъ, что европейскія событія пошли бы инымъ путемъ, если бы у Наполеона во время Бородинской битвы не было насморка. Паскаль говорилъ, что, будь у Клеопатры носъ немножко короче, весь земной шаръ имѣлъ бы другой видъ. Въ этой парадоксальной формѣ значеніе личности въ исторіи подчеркивается тѣмъ ярче, что самая дѣятельность личности поставлена въ

зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ. Предположимъ, что историкъ-спеціалистъ доказалъ бы намъ, что дѣйствія Наполеона и Антонія не зависѣли отъ указанныхъ случайностей, и что, тѣмъ болѣе, паденіе наполеоновской имперіи и возникновеніе римской не зависѣли отъ дѣйствій данныхъ историческихъ личностей. Что мы должны были бы отсюда вывести? Конечно, не то, что болѣзненное состояніе и впечатлѣніе женской красоты вообще не могутъ имѣть вліянія на психологію историческихъ дѣятелей, и не то, что психологія дѣятелей не имѣетъ вліянія на ходъ историческихъ событій. Самое большее, мы могли бы сказать, что въ данномъ случаѣ насморкъ могъ не имѣть вліянія на Наполеона, а красота Клеопатры—на поведеніе Антонія, и что, вообще, *одной* психологіей историческихъ дѣятелей нельзя объяснять сложныхъ соціальныхъ явленій. Другими словами, мы признали бы причину, но ограничили бы кругъ ея дѣйствія. Значило ли бы это, что мы имѣемъ право скинуть вовсе со счетовъ ничтожную по своему вліянію причину? Конечно, нѣтъ, такъ какъ мы должны были бы, во всякомъ случаѣ, признать, что если не общій смыслъ, то, по крайней мѣрѣ, индивидуальная физіономія даннаго явленія могла бы измѣниться, если бы не дѣйствовали названныя причины; и что, вообще, тѣ или другія причины подобнаго рода должны всегда быть на лицо, чтобы явленіе могло существовать и имѣть индивидуальную физіономію. Итакъ, для полнаго объясненія *данныхъ* событій, утвержденія одной имперіи и паденія другой,—для объясненія ихъ, какъ они были въ дѣйствительности, а не какъ *могли* быть, и приведенныя причины должны быть приняты во вниманіе. Но является дальнѣйшій вопросъ. Полное объясненіе данныхъ, конкретныхъ фактовъ нужно историку, но нужно ли оно соціологу? Имѣя въ виду открытіе законовъ и пользуясь конкретными данными только какъ матеріаломъ, не долженъ ли соціологъ просто оставить въ сторонѣ всѣ факторы, придающіе событію индивидуальную физіономію? Конечно, объясненіе индивидуальной физіономіи даннаго факта не можетъ быть дѣломъ абстрактной науки, какова соціологія. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не входило въ ея область изученіе тѣхъ сочетаній причинъ, въ силу которыхъ соціологическій фактъ пріобрѣтаетъ индивидуальную физіономію. Поскольку психологія правителя можетъ быть признана одною изъ такихъ причинъ, постольку и соціологія должна удѣлить ей вниманіе, и поскольку носъ Клеопатры можетъ намъ уяснить психологію правителя, постольку соціологія можетъ оказаться вынужденной заниматься и носомъ Клеопатры. Въ этомъ смыслѣ каждый фактъ, какъ бы великъ или малъ онъ ни былъ, можетъ понадобиться наукѣ для

открытія постоянной причинной связи явленій. Пути планетъ, носящихся въ небесномъ пространствѣ, и случайное паденіе яблока съ дерева одинаково могли повести къ открытію закона тяготѣнія. Но послѣ пресловутаго яблока Ньютона, не сохраненнаго потомству никакимъ музеемъ древностей, множество яблокъ падаютъ съ яблонь каждый день, не возбуждая болѣе ничьего вниманія. Для науки красота Клеопатры могла бы съиграть роль этого яблока, если бы нашелся какой-нибудь мыслитель, который вывелъ бы изъ этого обстоятельства новый законъ психическаго тяготѣнія. Если въ дѣйствительности эта подробность насъ нисколько не интересуетъ, то это не потому, чтобы она не имѣла своего закономѣрнаго дѣйствія,—и не потому, чтобы мы этого дѣйствія не могли открыть,—а только потому, что психологическое дѣйствіе любви извѣстно намъ изъ другихъ, болѣе надежныхъ источниковъ.

Мы намѣренно разсматривали вопросъ о вліяніи личности на такихъ примѣрахъ, въ которыхъ психологія личности обусловливается совершенно внѣшними обстоятельствами, и вліяніе личности на ходъ историческихъ событій оказывается вполнѣ непреднамѣреннымъ. Между тѣмъ, къ тому же классу явленій относятся и тѣ случаи, когда личность—въ роли правителя, законодателя, моралиста, изобрѣтателя и т. д.—дѣйствуетъ преднамѣренно и цѣлесообразно. Мы не нашли возможнымъ отвергнуть всякое значеніе личнаго фактора въ примѣрахъ, въ которыхъ это значеніе сводится къ минимуму. Естественно, что въ случаяхъ, только что указанныхъ, личное вліяніе приметъ еще болѣе значительные размѣры. Династическія войны Людовика XIV и испанскихъ Филипповъ, конечно, сильно подорвали французскую и испанскую промышленность; но гораздо болѣе сильное и длительное вліяніе имѣла та систематическая политика этихъ правителей, которая повела къ выселенію изъ Франціи и Испаніи значительной части торгово-промышленнаго класса. И въ приведенномъ раньше примѣрѣ достаточно сравнить образъ дѣйствій Антонія съ цѣлесообразной политикой Октавія, чтобы почувствовать, какъ разнится невольное дѣйствіе личности отъ дѣйствія сознательнаго. Но пойдемъ еще дальше. На примѣрѣ Людовика XIV и Филипповъ мы видимъ, что можетъ сдѣлать личность, дѣйствующая *наперекоръ* эволюціонной тенденціи соціальнаго процесса. Насколько увеличивается соціальная сила той же личности въ томъ случаѣ, если она дѣйствуетъ въ *одномъ* направленіи съ развитіемъ историческаго процесса, можно видѣть на примѣрахъ многихъ изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ исторія присвоила названіе «великихъ». Личность, какъ выразитель или исполнитель потребности времени, становится всемогущей. Отсюда и вытекаетъ тотъ обманъ зрѣнія,

который принимаетъ историческій процессъ за созданіе личныхъ усилій героевъ. «Всемірная исторія,—говоритъ Карлейль въ своемъ «Культѣ героевъ»,—есть, въ сущности, какъ я понимаю ее, исторія дѣйствующихъ въ мірѣ великихъ людей. Они были руководителями массы,—эти великаны,—созидателями, образцами, творцами всего, что стремилась создать и чего стремилась достигнуть человѣческая толпа. Все, что мы видѣли осуществленнымъ въ этомъ мірѣ, есть, собственно, внѣшній матеріальный результатъ, осуществленіе и воплощеніе на практикѣ идей, жившихъ въ великихъ людяхъ, ниспосланныхъ міру. Душой всемірной исторіи,—по справедливости слѣдуетъ признать, — была ихъ исторія». Въ этомъ взглядѣ вѣрно только одно. При той безсознательности и стихійности, съ которой совершалась до сихъ поръ всегда и вездѣ общественная эволюція, дѣйствительно, только *личности*, оффиціальные или моральные руководители массы, совершали общественно-цѣлесообразные поступки. Но зато эти единичныя дѣйствія личностей всегда наталкивались на косность массы, и отдѣльные цѣлесообразные поступки не влекли за собой прочныхъ общественно-цѣлесообразныхъ результатовъ. Полагать, что такъ всегда и будетъ впослѣдствіи, значило бы предаваться излишнему и, во всякомъ случаѣ, преждевременному пессимизму. Возможности распространенія общественнаго сознанія въ массѣ мы отрицать не можемъ, а, слѣдовательно, не можемъ и указать границы, на которой должно остановиться развитіе сознательнаго соціальнаго поведенія массы. Движущія пружины человѣческой психологіи, разумѣется, всегда останутся однѣ и тѣ же. Стремленіе поддержать собственное существованіе и продлить существованіе рода, потребность упражнять органы и выполнять функціи человѣческаго организма, физическаго и психическаго,—всегда будутъ направлять дѣятельность человѣческой воли. Но формы, которыя могутъ принимать эти стремленія и потребности, будутъ разнообразиться до безконечности, и средства для ихъ достиженія будутъ безконечно развиваться въ направленіи большей сложности и цѣлесообразности. Какъ далеко пойдетъ человѣчество по этому пути, мы не знаемъ; но путь, которымъ можно придти къ замѣнѣ стихійнаго историческаго процесса сознательнымъ, можетъ быть только одинъ: постепенная замѣна общественно - цѣлесообразныхъ поступковъ отдѣльныхъ личностей — общественно-цѣлесообразнымъ поведеніемъ массы.

Все сказанное имѣетъ цѣлью поставить читателя на ту общую точку зрѣнія, съ которой мы предполагаемъ трактовать «культурную исторію» Россіи. Намъ остается прибавить еще нѣсколько словъ о самомъ содержаніи послѣдующихъ «Очерковъ». Цѣль «Очер-

ковъ» заключается въ сообщенiи читателямъ тѣхъ *основныхъ* процессовъ и явленiй, которые характеризуютъ русскую общественную эволюцiю. Составителю казалось, что изображенiе этихъ существенныхъ чертъ русской культурной исторiи значительно выиграетъ въ ясности и отчетливости, если оставить въ сторонѣ хронологическiя рамки и характеризовать разныя стороны историческаго процесса въ систематическомъ порядкѣ. Конечно, при такомъ способѣ изложенiя отодвигается на второй планъ взаимная связь различныхъ сторонъ соцiальнаго развитiя. Авторъ старался устранить это неудобство перекрестными ссылками; но нѣкоторое впечатлѣнiе искусственной изолированности отдѣльныхъ историческихъ эволюцiй легко можетъ возникнуть у читателя, и автору остается только подчеркнуть еще разъ, что такая изолированность характеристикъ объясняется литературной формой «Очерковъ», а вовсе не теоретическими взглядами автора.

Размѣры «Очерковъ» дѣлаютъ необходимымъ самый строгiй выборъ матерiала. Ничего, кромѣ *элементарныхъ* данныхъ, наиболѣе существенныхъ для общаго пониманiя историческаго процесса, не могло быть введено въ содержанiе «Очерковъ». Но относительно того, что̀ именно считать элементарнымъ, составитель долженъ былъ руководиться собственнымъ сужденiемъ. Задача «Очерковъ» будетъ выполнена, если всѣ сообщаемыя въ нихъ данныя, вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ выводами, дѣйствительно сдѣлаются «элементарными», т.-е. общедоступными и общеизвѣстными. Въ настоящее время значительная часть матерiала, употребленнаго для «Очерковъ», доступна для однихъ спецiалистовъ; нѣкоторыя же данныя составляютъ результатъ собственныхъ работъ составителя и отчасти впервые появляются въ печати.

Роль посредника между спецiальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики являлась въ данномъ случаѣ особенно отвѣтственной и трудной. Большая часть спецiальныхъ изслѣдованiй по русской исторiи была сдѣлана, когда о «культурной исторiи» еще не было и рѣчи, или же когда идея «культурной исторiи» недостаточно овладѣла вниманiемъ историковъ. Естественно, что изъ обширнаго запаса спецiальной литературы только сравнительно небольшая часть могла пригодиться для цѣлей «Очрековъ». Съ другой стороны, многое, что было бы необходимо для «Очерковъ», пока еще не разработано въ спецiальной литературѣ. Отсюда—значительныя неровности и прямые пробѣлы въ разныхъ частяхъ «Очерковъ». Спецiальная критика, вѣроятно, укажетъ, какiе изъ этихъ пробѣловъ являются результатомъ недостаточной освѣдомленности автора. Нѣкоторые выводы автора, изложенные

въ популярной формѣ, безъ ученой аргументаціи, можетъ быть, покажутся спеціалистамъ слишкомъ смѣлыми и необоснованными. Насколько можно было, составитель старался указать свои источники въ концѣ каждаго отдѣла «Очерковъ»; дѣлать же постоянныя и точныя ссылки на литературу казалось составителю неудобнымъ, въ виду той цѣли, которую преслѣдуютъ «Очерки». Наконецъ, найдутся, вѣроятно, критики, которымъ самая попытка, предпринимаемая въ «Очеркахъ», покажется черезчуръ рискованной и преждевременной при современномъ состояніи науки. Въ свое оправданіе составитель можетъ только сослаться на несомнѣнную потребность въ подобной книгѣ—не только среди читающей публики, но и среди самихъ спеціалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ. «Очерки по исторіи русской культуры», конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ. Но самыми своими недостатками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, можетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя даютъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, спеціальному изслѣдованію. Привлеченіе къ такой работѣ спеціалистовъ и разумная организація ученой работы, которая теперь съ такой расточительностью тратится часто не на то, на что слѣдовало бы,—эти задачи такъ же дороги и близки автору, въ качествѣ спеціалиста и преподавателя, какъ важна и привлекательна для него роль популяризатора научныхъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ. Предлагаемые «Очерки» стремятся удовлетворить той и другой потребности. Авторъ почтетъ себя счастливымъ, если они найдутъ себѣ путь къ тѣмъ читателямъ, для которыхъ предназначаются.

Обильный матеріалъ для знакомства съ современными взглядами на теорію исторической науки русскій читатель найдетъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ проф. *Н. И. Карѣева* («Основные вопросы философіи», 1 изд., съ подробными обзорами литературы по важнѣйшимъ вопросамъ, Спб. 1883, 2 тома. 2 изд. сокращенное, безъ упомянутыхъ обзоровъ, но съ библіографическимъ указателемъ. Спб. 1887. 2 тома. 3 изданіе, безъ ссылокъ и съ сокращеннымъ библіографическимъ указателемъ, въ одномъ томѣ. Спб. 1897. Продолженіемъ этой книги служитъ «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи». Спб. 1890. Наконецъ значительная часть журнальныхъ статей автора о тѣхъ же вопросахъ собрана въ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ». Спб. 1895, 2-е изд. 1899, и въ «Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ». Спб. 1896. Въ первомъ сборникѣ можно найти и списокъ остальныхъ статей проф. Карѣева такого же содержанія). Собственныя разсужденія проф. Карѣева клонятся къ защитѣ

*

очки зрѣнія «философіи исторіи». Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ являются теоріи автора въ его «Введеніи къ изученію соціологіи». Спб. 1897. См. тамъ и полемику проф. Карѣева съ взглядами, изложенными въ настоящемъ введеніи. Наиболѣе интересной изъ новѣйшихъ попытокъ научной теоріи прогресса является сочиненіе ***Lester Ward'а***: Dynamic Sociology or applied social science, as based upon Statical Sociology and the less complex sciences. New-York. 1903, 2 тома. ***Его же*** новѣйшія сочиненія: Психическіе факторы цивилизаціи. Пер. ***Бошнякъ***, М. 1897, Outlines of Sociology, N. Y. 1898 (есть русскій переводъ) и Pure Sociology: a treatise on the origin and spontaneous development of society N. Y. 1903. Русскую популяризацію перваго сочиненія Уорда можно найти въ книгѣ ***П. Θ. Николаева***: Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. М. 1893. Интересныя попытки позитивнаго построенія исторической теоріи сдѣланы во французской литературѣ: ***Louis Bourdeau***, L'histoire et les historiens. Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive. Paris. 1888, и ***P. Eacombe***, De l'histoire considérée comme science, Paris, 1894 (русскій переводъ подъ загл. Соціологическія основы исторіи, Спб. 1895). Первое сочиненіе написано болѣе блестяще, чѣмъ глубокомысленно. Второе отличается тонкимъ анализомъ, но тоже страдаетъ мѣстами, хотя не такъ сильно, какъ первое, излишествомъ схематизма. Нѣсколько туманное, но очень поучительное обсужденіе теоретическихъ вопросовъ исторіи съ точки зрѣнія критической философіи заключаетъ въ себѣ небольшая брошюра ***Simmel'я***: Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnisstheoretische Studie. Leipzig. 1892. Мы не указываемъ извѣстной книги ***Bernheim'а*** (Lehrbuch der historischen Methode, 2 völlig durchgearbeitete und vermehrte Auflage, Leipzig, 1894), такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не столько теорію исторіи, какъ науки, сколько методику спеціальнаго историческаго изслѣдованія. Интересную попытку синтеза соціологическихъ теорій представляютъ The principles of Sociology ***Giddings'а*** (New-York and London Macmillan, 1896; русскіе переводы. Спб. и Кіевъ. 1898). Въ послѣдующихъ своихъ трудахъ (Elements of Sociology, a textbook, N. Y. 1898 и Inductive yociology, a syllabus of methods, analyses and classifications, and provisionally formulated laws, N. Y. 1901). Giddings повелъ дальше аналитическую работу и, между прочимъ, представилъ интересный опытъ соціологическихъ дедукцій, построенныхъ на коллективно-психологическихъ данныхъ. Общій обзоръ новѣйшихъ соціологическихъ теорій можно найти въ книгѣ ***Waentig'а***: August Comte, въ первомъ томѣ сочиненія ***Barth'а***: Die Philosophie der Geschichte als Sociologie (русскій переводъ, Спб. 1899) и въ упомянутомъ выше «Введеніи» проф. ***Карѣева***. См. также ***Stuckenberg***, Introduction to the study of Sociology.

Очеркъ первый.—Населеніе.

I.

Связь населенности страны съ ея экономическимъ развитіемъ.—Взгляды экономистовъ на движеніе народонаселенія. — Ростъ населенія въ Россіи съ Петра I.—Отношеніе его къ населенію Европы.—Территоріальныя присоединенія и внутренній приростъ. — Количество браковъ и рожденій.—Движеніе населенія до Петра I.—Густота русскаго населенія сравнительно съ европейскимъ. — Измѣненія въ густотѣ населенія за два вѣка на пространствѣ петровскихъ губерній.—Различіе въ исторіи заселенія русскаго сѣвера, центра и юга. — Причины замедленія роста населенія въ центрѣ.

Во «Введеніи» мы говорили, что населеніе каждой страны имѣетъ склонность увеличиваться само собой, стихійно, автоматически, и что такое автоматическое возростаніе населенія является главнымъ толчкомъ, заставляющимъ людей увеличивать количество труда, необходимаго для поддержанія жизни, и измѣнять его форму. Другими словами: отъ количества населенія въ странѣ зависитъ степень экономическаго развитія данной страны. Чѣмъ гуще населена извѣстная мѣстность, тѣмъ больше труда можетъ проявить населеніе, тѣмъ лучше оно можетъ распредѣлить между собой этотъ трудъ, тѣмъ больше оно можетъ накопить сбереженій, необходимыхъ для того, чтобы создать или улучшить орудія и съ ихъ помощью извлечь изъ наименьшаго количества труда наибольшую пользу. Французскій ученый Левассеръ различаетъ въ исторіи пять ступеней экономическаго развитія, и каждой изъ этихъ ступеней, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ особая степень густоты населенія. Въ періодъ дикаго или *охотничьяго* быта каждому охотнику нуженъ огромный просторъ, чтобы добыть необходимыя средства къ жизни. Такимъ образомъ, у эскимосовъ на каждую сотню километровъ приходится всего только по два человѣка населенія, а въ Амазонской провинціи Бразиліи на томъ же пространствѣ живетъ только по три человѣка. Въ *пастушескій* періодъ та же площадь можетъ прокормить уже значительно большее количество людей, но все-таки очень немного. Въ Киргизскихъ степяхъ на километръ приходится по одному жителю, а въ Туркестанѣ отъ 0,5 до 2,7 человѣкъ. Въ періодъ *земледѣльческій* населеніе можетъ разро-

тись еще гуще; при благопріятныхъ условіяхъ густота земледѣльческаго населенія можетъ доходить до 40 жителей на километръ. Въ періодъ *промышленный*, съ помощью искусственныхъ способовъ удобренія земли и при дѣятельномъ обмѣнѣ городскихъ и сельскихъ продуктовъ, на той же площади можетъ умѣститься вчетверо больше людей, т.-е. 160 жителей на километръ. Наконецъ, въ періодъ *торговый*, когда населеніе начинаетъ получать пищу изъ другихъ странъ, а само платитъ имъ своими промышленными произведеніями,—густотѣ населенія почти нѣтъ предѣловъ. Цѣлые торговые народы существовали такимъ образомъ, скученные на самомъ тѣсномъ пространствѣ.

Надо прибавить, что связь тутъ взаимная. Если ростъ населенія заставляетъ людей искать новыхъ формъ экономической дѣятельности, то и наоборотъ, новыя формы экономической жизни могутъ вызвать усиленный ростъ населенія.

Естественно, что при такой тѣсной связи между количествомъ населенія и высотою экономическаго развитія большинство писателей прежнихъ вѣковъ считали великимъ благодѣяніемъ для страны, чтобы населеніе въ ней росло какъ можно быстрѣе. Правительства, въ свою очередь, принимали всевозможныя мѣры для ускоренія роста населенія; давали, напр., преміи женатымъ и многосемейнымъ, налагали налоги на холостяковъ и т. д. Однако же, въ концѣ прошлаго вѣка, взгляды писателей и правительствъ рѣзко перемѣнились. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка сильно выросъ рабочій классъ въ Европѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились самыя крайнія проявленія необезпеченности этого класса: нищета, голодъ—въ невиданныхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Мальтусъ написалъ свою знаменитую книгу (1798), въ которой слагалъ всю вину нищеты рабочаго класса на него самого,—на его непредусмотрительное размноженіе,—и доказывалъ, что населеніе возростаетъ вообще гораздо быстрѣе, чѣмъ увеличиваются средства существованія,—въ силу неизбѣжнаго закона природы. Тогда и писатели, и правительства, съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ прежде старались о размноженіи населенія, стали проповѣдывать и даже принимать мѣры противъ этого размноженія. Въ Германіи, гдѣ населеніе продолжало и въ наше столѣтіе быстро расти, теорія Мальтуса до сихъ поръ сохранила вліяніе. Напротивъ, въ Англіи, и особенно во Франціи, приростъ населенія въ послѣднія десятилѣтія значительно уменьшился или даже вовсе пріостановился. Вмѣстѣ съ тѣмъ и «мальтузіанство» стало быстро терять здѣсь почву. Присмотрѣвшись къ фактамъ, экономисты скоро нашли, что теорія Мальтуса осно-

вана на слишкомъ отвлеченномъ разсчетѣ. Оказалось, что, поскольку она вѣрна, она вовсе не представляетъ *закона* развитія населенія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а только частное наблюденіе надъ размноженіемъ *одного* рабочаго класса при условіяхъ современнаго капиталистическаго строя. За предѣлами этого частнаго случая, какъ оказалось, средства существованія возрастали въ нашемъ вѣкѣ не медленнѣе, чѣмъ народонаселеніе, а, напротивъ, быстрѣе. Приспособленіе населенія къ средствамъ существованія совершалось гораздо тоньше и сложнѣе, чѣмъ полагалъ Мальтусъ. Въ дѣйствительности излишекъ населенія не истреблялся «пресѣкающими средствами», въ родѣ голодной смерти людей, не нашедшихъ себѣ мѣста на жизненномъ пиру. Противъ такого излишка скорѣе дѣйствовали «предупреждающія средства», т.-е. уменьшеніе количества браковъ и количества рожденій, какъ только экономическія условія жизни становились неблагопріятными. Наконецъ,—что всего важнѣе,—было сдѣлано біологическое наблюденіе, въ силу котораго увеличеніе благосостоянія и развитіе индивидуальности неизмѣнно влечетъ за собой ослабленіе производительной силы и пріостановку роста населенія.

Вся эта исторія развитія экономическихъ фактовъ и экономическихъ ученій о населеніи лучше всего показала, что не существуетъ никакого закона развитія народонаселенія, приложимаго ко всѣмъ періодамъ исторической жизни. Можно только сказать, что тамъ, гдѣ въ массѣ населенія нѣтъ надежды на прочное увеличеніе благосостоянія и на развитіе индивидуальности, или, наоборотъ, гдѣ средства существованія достаются сравнительно легко, гдѣ запасы природы сравнительно менѣе израсходованы, гдѣ существуютъ или открываются вновь нетронутые источники жизненныхъ средствъ (въ видѣ, напр., незанятыхъ земель), тамъ возрастаніе населенія будетъ наиболѣе значительно. Напротивъ, тамъ, гдѣ достигнута уже сравнительно высокая степень благосостоянія, гдѣ личность имѣетъ большій просторъ для дѣятельности и для удовлетворенія потребностей въ болѣе или менѣе широкомъ размѣрѣ, гдѣ производительность труда можетъ быть увеличиваема далѣе только искусственными средствами, гдѣ, стало быть, увеличеніе средствъ существованія можетъ быть достигнуто только посредствомъ усилій, болѣе или менѣе значительныхъ,—тамъ прирость населенія затормозится. Нечего и прибавлять, что положеніе Россіи, въ ея настоящемъ и прошломъ, соотвѣтствуетъ первой изъ этихъ характеристикъ.

Къ сожалѣнію, не только для Россіи, но и для остальной Европы мы имѣемъ очень неполныя свѣдѣнія о движеніи населенія.

Только относительно двухъ послѣднихъ столѣтій можно сдѣлать по этому поводу сколько-нибудь надежные выводы. На этомъ времени, поэтому, мы прежде всего и остановимся.

Ко времени смерти Петра Великаго (1725) въ Россіи было всего около 13 милліоновъ жителей. Теперь въ ней насчитывается 131 милліонъ. Такимъ образомъ, со времени Петра населеніе Россіи увеличилось въ 10 разъ. По вѣкамъ это возрастаніе распредѣляется почти одинаково. Въ XVIII вѣкѣ съ 13 милліоновъ населеніе поднялось до 40 мил. Въ XIX вѣкѣ оно возрасло съ 40 мил. до 129 мил. Другими словами, русское населеніе увеличивалось втрое въ теченіе каждаго изъ двухъ послѣднихъ столѣтій.

Нѣсколько подробнѣе ростъ русскаго населенія можно представить по даннымъ «ревизій». Мы выбираемъ для этого нечетныя ревизіи, производившіяся въ наиболѣе любопытные моменты русской исторіи: въ концѣ царствованія Петра (1-я), въ началѣ и въ концѣ царствованія Екатерины (3-я и 5-я), послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ (7-я) и въ срединѣ XIX вѣка (9-я).

1724 г.	13 мил.	—	13	мил.
1762 »	19 »	—	19	»
1796 »	29+7	=	36	»
1815 »	30 $^1/_2$+14$^1/_2$	=	45	»
1851 »	39+28	=	67	»
1897 »	65+64	=	129	»

За исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ (населеніе которыхъ только за 100 послѣднихъ лѣтъ, 1790—1890, увеличилось въ 16 разъ), это—самый быстрый ростъ, какой мы только знаемъ. Остальная Европа далеко не поспѣвала за такимъ быстрымъ размноженіемъ населенія въ Россіи. Въ результатѣ,—одинъ этотъ статистическій фактъ, взятый самъ по себѣ, долженъ былъ совершенно измѣнить положеніе Россіи среди европейскихъ державъ. Во время Петра и его ближайшихъ преемниковъ русское населеніе составляло отъ $^1/_{10}$ до $^1/_8$ части всего населенія Европы (насчитывавшей въ срединѣ XVIII вѣка около 130 мил. жителей). Въ началѣ нынѣшняго вѣка эта пропорція стала уже вдвое выгоднѣе для Россіи. Считая въ Россіи въ 1801 году отъ 36 до 40 милліоновъ населенія, а въ Европѣ отъ 170 до 175 мил., мы получимъ на долю Россіи отъ $^1/_5$ до $^1/_4$ всего европейскаго населенія. Наконецъ, въ настоящее время населеніе Россіи составляетъ уже цѣлую треть населенія Европы (считая 393 мил. въ Европѣ и изъ этого числа 131 мил. въ Россіи).

Чѣмъ же объясняется такой необычайно быстрый ростъ населенія Россіи? Прежде всего, необходимо выдѣлить здѣсь ту долю

прироста, которая приходится на вновь присоединенныя къ Россіи области. Въ приведенной таблицѣ мы раздѣлили общій итогъ русскаго населенія, начиная съ 1796 года, на два слагаемыхъ. Первое слагаемое обозначаетъ возрастаніе населенія Россіи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣла Россія при Петрѣ. Второе слагаемое означаетъ населеніе областей, присоединенныхъ или заселенныхъ послѣ Петра. Въ цифрѣ 7 милліоновъ, присоединенной къ итогу 1796 года, включено населеніе мѣстностей, пріобрѣтенныхъ по тремъ польскимъ раздѣламъ, а также населеніе Новороссіи. Такая же цифра присоединилась къ населенію Имперіи при Александрѣ I (Царство Польское, Финляндія и Бессарабія). Въ теченіе XIX вѣка населеніе вновь присоединенныхъ и колонизованныхъ областей росло съ особенной быстротой, какъ видно изъ цифръ нашей таблицы. По даннымъ послѣдней переписи оно почти сравнялось съ населеніемъ коренной Россіи. Напротивъ, въ предѣлахъ коренной Россіи, отдававшей значительную часть своего населенія вновь колонизуемымъ мѣстностямъ, населеніе возрастало сравнительно медленнѣе. Къ нашему времени на пространствѣ старой петровской Россіи (считая Малороссію лѣваго берега и землю войска Донскаго) можно насчитать болѣе 59 милліоновъ населенія, а вмѣстѣ съ Сибирью 65 милл. Сравнительно съ тринадцатью милліонами, жившими на томъ же пространствѣ при Петрѣ I,— это все-таки въ пять разъ больше. За тѣ же два столѣтія населеніе Франціи увеличилось только вдвое, населеніе Австріи въ $3^1/_2$ раза *), Англіи—въ 4,4 раза. Такимъ образомъ, если и вычтемъ территоріальныя пріобрѣтенія (заселенныя, однако, отчасти колонистами изъ той же старой Россіи), то все-таки найдемъ, что населеніе коренной Россіи увеличивалось быстрѣе другихъ странъ Европы.

Ближайшей причиной этого усиленнаго роста было значительное количество браковъ и дѣтей, рождающихся среднимъ числомъ отъ каждаго брака въ Россіи. Насколько можетъ прослѣдить русская статистика,—правда, начинающаяся сколько-нибудь правильно только со второй половины прошлаго столѣтія,—число браковъ и число рожденій въ Россіи значительно превосходитъ тѣ же цифры въ Европѣ. Въ итогѣ, ежегодное количество рожденій въ Россіи превышаетъ 5% всего населенія. Между тѣмъ, въ самыхъ сильныхъ по производительности странахъ Европы,— въ Румыніи, Венгріи, Сербіи—этотъ процентъ немногимъ превосходитъ 4, а во Франціи спускается даже до двухъ. Надо

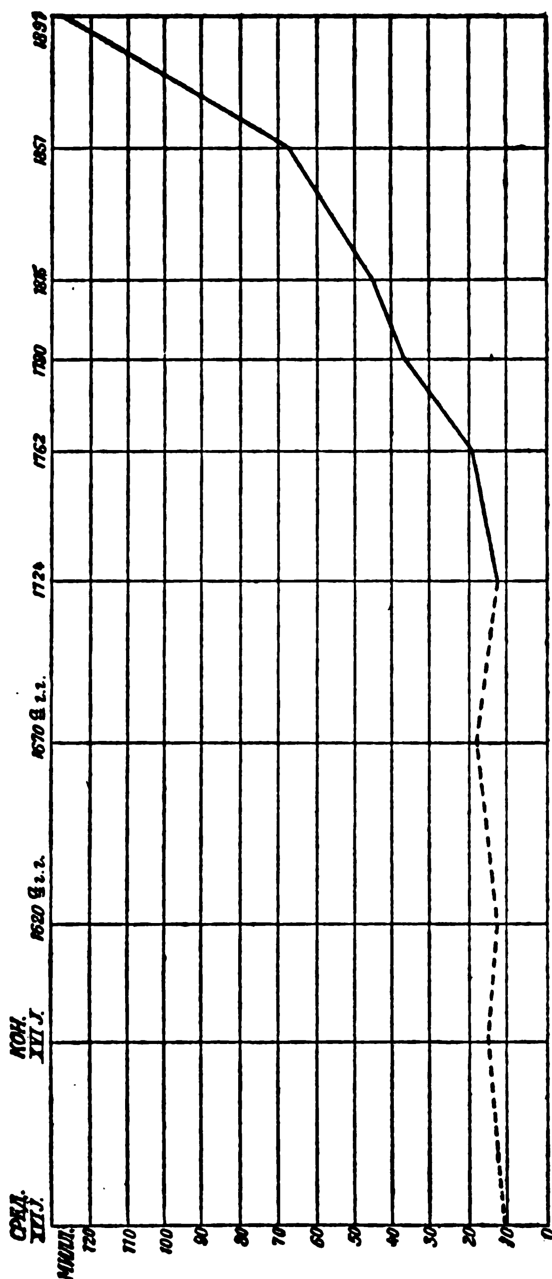
*) Даже не вычитая земельныхъ пріобрѣтеній обѣихъ странъ. Населеніе Франціи съ 19 милл. поднялось до $38^1/_2$; Австріи съ 12—13 милл. до 45,9 милл. и Англіи съ 8,9 милл. до 40,4.

прибавить, что зато и смертность дѣтей въ Россіи превышаетъ дѣтскую смертность на Западѣ. Но и при этомъ неблагопріятномъ условіи,—при вымираніи большаго процента рождающихся,—все еще остается около полутора процентовъ ежегоднаго прироста (1,3%—1,5%—1,7%). Какъ объяснить усиленную рождаемость,—объ этомъ мы уже говорили. Современная наука біологическою причиной многочисленныхъ браковъ и рожденій считаетъ слабое развитіе индивидуальности, экономическою причиной—низкій уровень благосостоянія и соціальною—обособленность низшаго общественнаго слоя и отсутствіе надежды—подняться выше своего положенія.

Нѣтъ пока никакой возможности установить сколько-нибудь точно движеніе населенія въ Россіи до времени Петра Великаго. Несомнѣнно только одно,—что предполагать до Петра такой же быстрый ростъ населенія, какой мы наблюдаемъ въ два послѣдніе вѣка,—невозможно. Въ самую петровскую эпоху населеніе не возрастало, а уменьшалось въ числѣ, благодаря побѣгамъ и рекрутскимъ наборамъ. По цифрамъ *подворныхъ* переписей, какія производились раньше «ревизій» (*подушныхъ* переписей), число дворовъ въ Россіи въ промежутокъ отъ 1678 до 1710 года уменьшилось на 20%, т.-е. одна пятая часть населенія, платившаго подворные налоги, убыла. Такимъ образомъ, тотчасъ по смерти Алексѣя Михайловича (1676) въ Россіи было населенія на 1/5 болѣе, чѣмъ во время Петра, т.-е. вмѣсто 13 милліоновъ мы можемъ предположить около 16-ти.

Еще раньше, при царѣ Алексѣѣ и его отцѣ, населеніе вѣроятно, возростало въ Россіи; но по нѣкоторымъ даннымъ, впрочемъ, не совсѣмъ надежнымъ, можно думать, что возростаніе это было не особенно значительно. Подворная перепись 1678 года дала цифры дворовъ, въ среднемъ, всего процентовъ на 30 больше подворной переписи 1620-хъ годовъ. Другими словами, вмѣсто 16-ти милліоновъ, предположенныхъ нами для 1678 года, въ 1620-хъ годахъ мы должны предположить въ Россіи около 12½ милліоновъ. Это была цифра населенія, только-что оправившагося отъ бѣдствій смутнаго времени. Мы навѣрное не ошибемся, если предположимъ, что смутное время произвело въ положеніи населенія потрясеніе не меньше того, какое произведено было реформами Петра; т.-е., что въ итогѣ смуты получилась убыль населенія не меньше процентовъ 20-ти. Въ такомъ случаѣ, до смуты можно предполагать вмѣсто 12-ти милл. не менѣе 15-ти милліоновъ населенія. Въ свою очередь, эта цифра навѣрное была результатомъ довольно значительнаго прироста населенія, вызван-

наго тѣмъ, что въ срединѣ XVI вѣка началась, какъ скоро увидимъ, усиленная колонизація Россіи. Слѣдовательно, въ срединѣ XVI вѣка мы должны предположить цифру меньшую на нѣсколько десятковъ процентовъ: около 10—11½ милліоновъ. Всѣ эти цифры, конечно, гадательны; но общее движеніе ихъ очень вѣроятно; вѣроятно также и то, что общая сумма населенія Россіи современи Ивана Грознаго до времени Петра Великаго едва ли измѣнилась значительно и колебалась между 10 — 16-ю милліонами. Въ итогѣ—движеніе населенія въ Россіи съ середины XVI вѣка можно представить въ видѣ слѣдующей ломаной линіи (фиг. 1).

Фигура 1.

Абсолютная цифра количества населенія сама по себѣ говоритъ очень мало. Чтобы дать этой цифрѣ серьезное значеніе, надо найти ея отношеніе къ занятой населеніемъ площади. Другими словами, надо опредѣлить плотность или густоту населенія. Заселенная часть площади петровской Россіи занимала около трехъ милліоновъ квадр. верстъ (а вмѣстѣ

съ Сибирью около 14 милліоновъ кв. верстъ). Раздѣливъ на эту цифру количество петровскаго населенія (13 милл.), мы получимъ выводъ, что при Петрѣ въ Евр. Россіи жило, среднимъ числомъ. всего по 3,7 человѣка на квадр. километръ (4,3 на кв. версту), т.-е., примѣрно столько, сколько теперь живетъ въ Архангельской или Вологодской губ. На томъ же пространствѣ петровской Россіи въ наше время помѣщается, какъ мы говорили, 59 милліоновъ. На километръ это дастъ по 17 человѣкъ *). Между тѣмъ, въ Австро-Венгріи живетъ 69,7 чел. на квадр. километръ; во Франціи—71,8; въ Германіи—104; въ Италіи—113; въ Англіи—132; въ Бельгіи—231. Сравнительно съ Россіей это составитъ въ 4—13 разъ больше. Во всей Европѣ только Балканскій полуостровъ и Испанія до нѣкоторой степени могутъ сравниться съ Россіей по слабой населенности.

Послѣ сдѣланныхъ раньше разсужденій, одинъ этотъ фактъ покажетъ намъ, какъ далеко Россія должна была отстать отъ западныхъ государствъ по своему экономическому развитію. Наиболѣе близкая къ Россіи экономически и географически—Пруссія уже двѣсти лѣтъ тому назадъ достигла той плотности, которую имѣетъ теперь старая Россія, и больше ста лѣтъ, какъ превзошла ее. Въ 1688 году въ Пруссіи было 15,8 человѣкъ на кв. килом.; въ 1740 г.—18,9; въ 1774 г.—24,9. Франція уже въ началѣ XIV вѣка, т.-е. полтысячи лѣтъ тому назадъ, имѣла 40 человѣкъ на кв. кил.: столько, сколько теперь имѣютъ только хорошо населенныя мѣстности Россіи. Что же касается Англіи, она превысила среднюю плотность теперешней Россіи еще во времена Вильгельма-Завоевателя (средина XI вѣка). Тогда уже въ ней жило около 21 человѣка на кв. килом.

Правда, что ни въ одной изъ названныхъ странъ нѣтъ такой огромной массы неудобныхъ и пустынныхъ земель, какъ въ Россіи. Въ Германіи 34,9% всей площади остаются незаселенными (и въ томъ числѣ 25,8% подъ лѣсомъ); во Франціи 30,1% (въ томъ числѣ 15,8% подъ лѣсомъ); въ Англіи—21,5% (3,9% подъ лѣсомъ). Между тѣмъ, въ Европейской Россіи (безъ Финляндіи) необитаемы и покрыты лѣсомъ (не имѣющимъ никакой цѣны на всемъ сѣверѣ)—57,9% всей площади (въ томъ числѣ подъ лѣсомъ 38,8%). Только Скандинавскій полуостровъ превосходитъ въ этомъ отношеніи Россію, а Пиренейскій и Балканскій полуостровъ до нѣкоторой степени къ ней приближаются.

При этомъ условіи средняя цифра плотности на всю Россію еще не выражаетъ дѣйствительной населенности обитаемыхъ частей

*) На квадр. версту по 19,7. На всемъ пространствѣ Европейской Россіи средняя плотность на километръ будетъ 19,5 человѣкъ, на квадр. версту 22,2.

государства. Чтобы получить болѣе правильное понятіе о густотѣ русскаго населенія, нужно расчленить Россію на части, соотвѣтственно разницѣ естественныхъ условій жизни. Тогда только наши цифры и выводы пріобрѣтутъ сколько-нибудь реальный смыслъ; въ противномъ же случаѣ мы останемся при однихъ отвлеченіяхъ. И такъ, мы продолжимъ теперь наши наблюденія надъ историческимъ ростомъ населенія по отдѣльнымъ областямъ Россіи.

Основной единицей, надъ которой мы будемъ производить эти наблюденія, будетъ для насъ губернія Петра Великаго *). Это все еще очень большая единица, гораздо больше нашей теперешней губерніи. Нельзя сказать, чтобы петровскія губерніи точно соотвѣтствовали естественнымъ географическимъ районамъ, на которые можно бы было раздѣлить Россію для болѣе удобнаго изученія роста русскаго населенія. Но зато дѣленіе Петра тѣсно связано съ историческими условіями, при которыхъ происходило расширеніе государства и размноженіе населенія. Московская губернія съ частями губерній, ее окружающихъ **), составляла въ этомъ дѣленіи старинный правительственный центръ съ населеніемъ, плотно усѣвшимся на мѣстѣ. На сѣверъ тянулась къ Архангельску густо заселенная рѣчная дорога по Двинѣ среди пустырей теперешней Вологодской и Архангельской губерніи. При Петрѣ этотъ поморскій бассейнъ отошелъ въ составъ «Архангелогородской» губерніи ***). На сѣверо-западѣ верхнее теченіе Волги, не отличавшееся по населенности отъ московскаго центра, отошло къ гораздо скуднѣе населеннымъ мѣстностямъ бывшихъ новгородскихъ владѣній. Эта старинная область новгородскихъ «пятинъ», раскинувшихся въ озерномъ бассейнѣ, вмѣстѣ съ верхнимъ Поволжьемъ перешла при Петрѣ въ управленіе только-что построенной столицы подъ названіемъ «Ингерманландской» губерніи ****). На западъ отъ центра

*) Предѣлы Петровскихъ губерній см. на приложенныхъ картограммахъ «Сравнительной населенности евр. Россіи» въ 1724, 1858 и 1897 г.г.

**) Калужская безъ юго-западныхъ уѣздовъ, Тульская безъ южныхъ, Рязанская безъ юго-восточныхъ, Владимірская безъ восточныхъ, три западные уѣзда Костромской, Ростовскій уѣздъ Ярославской губ.

***) Соотвѣтствуетъ теперешней Архангельской, Вологодской безъ двухъ восточныхъ, совершенно пустынныхъ уѣздовъ (Яренскаго и Устьсысольскаго), Костромской безъ западныхъ (Нерехот., Костр. и Буйск.) и двухъ восточныхъ (тоже пустынныхъ, Ветлужск. и Варнавинскаго) уѣздовъ, и Каргопольскому уѣзду Олонецкой губерніи. На картограммахъ 4 пустынныхъ уѣзда оставлены безъ раскраски.

****) Въ составъ ея вошли теперешняя Петербургская, Новгородская, Псковская, Тверская безъ Зубцов. у., Ярославская безъ Ростов. у. и Олонецкая безъ Каргопол. у.

«Смоленская» губернія Петра соотвѣтствовала теперешней Смоленской съ шестью южными уѣздами Калужской *). Наконецъ, на югъ и на востокъ отъ старыхъ московскихъ владѣній шли земли, позднѣе колонизованныя. Только въ юго-западной части этихъ земель, приписанной Петромъ къ Кіеву, мы найдемъ болѣе старое населеніе **), да на востокъ отъ центра, въ среднемъ Поволжьѣ и дальше, по дорогѣ въ Сибирь, издавна жили русскіе поселенцы. Эту дорогу въ Сибирь, изстари заселенную, мы выдѣляемъ отъ сосѣднихъ пустырей Ветлужскаго, Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ; вмѣстѣ съ ними она отнесена была Петромъ къ огромной Сибирской губерніи ***). Весь остальной юго-востокъ распредѣлился между двумя петровскими губерніями: «Азовской», тянувшейся на югъ до границъ Екатеринославской губ. и Земли Войска Донскаго †), и «Казанской», спускавшейся, начиная отъ средняго Поволжья и отъ нижняго теченія Вятки и Камы съ Бѣлой, внизъ по правому берегу Волги, до Царицына ††).

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій мы прямо представимъ таблицу движенія народонаселенія на пространствѣ петровскихъ губерній. Первый столбецъ цифръ означаетъ въ ней предполагаемую плотность населенія въ до-петровское время (на квадр. версту). Эти цифры мы поставили въ скобки, потому что ихъ нельзя считать вполнѣ надежными. Онѣ основаны на сравне-

*) Кромѣ того, она включала Зубцовскій у. Тверской губ. и Одоевскій уѣздъ Тульской.

**) «Кіевская» губернія Петра состояла изъ Новосильск. и Бѣлев. у Тульской губ., Орловской безъ Елецкаго, Курской безъ Новооскольскаго и шести западныхъ уѣздовъ Харьковской; Полтавская и Черниговская составляли особое малороссійское или «гетманское» управленіе.

***) Такимъ образомъ, подъ Сибирской губерніей мы будемъ дальше разумѣть европейскую часть ея, въ составѣ пяти сѣверныхъ уѣздовъ Вятской и пяти сѣверныхъ (европейскихъ) уѣздовъ Пермской губерніи. См. прилагаемыя картограммы «Населенности Россіи».

†) Въ составъ Азовской губ. входили Чернскій и Ефремовскій у. Тул. губ., пять южныхъ уѣздовъ Рязанской, Тамбовская безъ двухъ сѣверныхъ уѣздовъ, Пензенская безъ трехъ юго-восточныхъ (Пенз., Мокшанск. и Город.), четыре западныхъ уѣзда Саратовской, пять восточныхъ уѣздовъ Харьковской-вся Воронежская, Новооскольскій у. Курской и Елецкій у. Орловской губ.

††) Въ составъ «Казанской» губ. Петра I входили Касимов. и Спасскій у. Рязанской губ., Елатомскій и Темниковскій у. Тамбовской, три юго-восточные у. Пензенской, четыре восточные у. Владимірской (Меленковск., Муром., Горохов., Вязник.), Юрьевецкій и Варнавинскій у. Костромской, вся Нижегородская, Казанская и Симбирская, Кузнецкій и пять приволжскихъ уѣздовъ Саратовской губ., вся Уфимская, Нолинскій и другіе пять южныхъ у. Вятской, два южныхъ (европ.) уѣзда Пермской губ.

нія тѣхъ подворныхъ переписей Россіи 1678 и 1710 г., о которыхъ мы уже говорили *). Второй, третій и четвертый столбецъ показываютъ плотность населенія (на квадр. версту) при Петрѣ и въ наше время. Въ примѣчаніи мы помѣщаемъ другую таблицу показывающую, во сколько разъ увеличилось теперешнее населеніе Россіи сравнительно съ прежнимъ **).

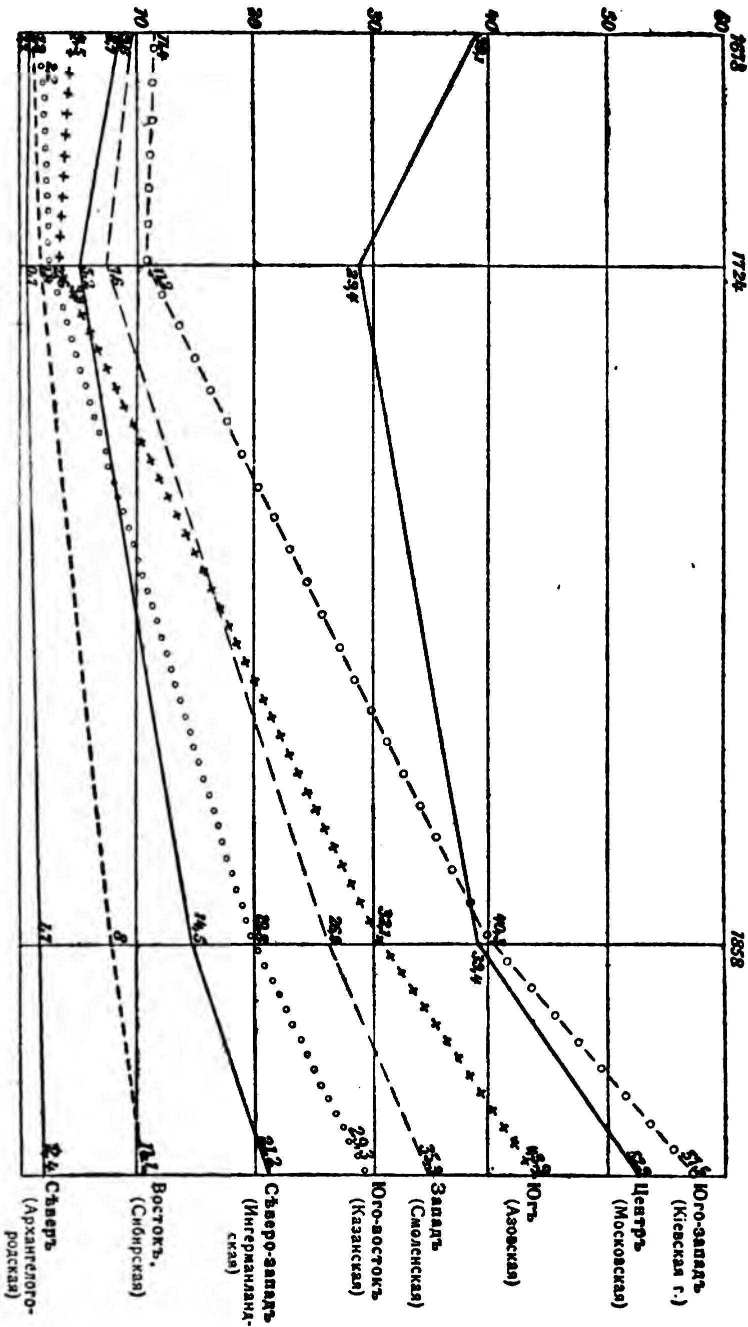
Петровскія губерніи.	1678 г.	1724 г.	1858 г.	1897.
		Жителей на квадр. версту.		
Центръ. (Московская губ.)...	[39,1]	29,4	39,4	52,9
Юго-западъ. (Кіевская губ.)..	[11,4]	11,2	40,8	57,5
Западъ. (Смоленская губ.)....	[9,6]	7,6	26,0	35,3
Сѣв.-западъ. (Ингерманл. г.)..	[8,7]	5,2	14,7	21,2
Югъ. (Азовская губ.)........	[4,5]	3,9	32,1	43,9
Юго-востокъ. (Казанская г.)..	[2,2]	2,6	19,8	29,3
Востокъ. (Сибирская губ.)....	[1,8]	1,9	8,0	11,1
Сѣверъ. (Архангел. губ.).....	[1,1]	0,7	1,7	2,4

Для большей наглядности прилагаемъ діаграмму съ изображе-

*) Перепись 1710 года показала убыль *дворовъ*, процентъ которой въ разныхъ губерніяхъ оказался различный. (Именно въ Архангелогородской и Ингерманландской губ. убыло до 40% дворовъ, въ Московской—до 25%, въ Смоленской — 21%, въ Азовской — 13,7%, въ Кіевской—2%; напротивъ, въ европейской части Сибирской прибыло 8%, въ Казанской прибыло 17%). *Если предположить* теперь, что убыль *населенія* къ 1710 году была такая же, какъ убыль *дворовъ* (и что съ 1710 года до 1724 г. количество населенія оставалось неизмѣннымъ; на самомъ дѣлѣ оно продолжало уменьшаться; поэтому цифры перваго столбца нѣсколько ниже дѣйствительныхъ: населеніе до-петровской Россіи было еще плотнѣе, чѣмъ онѣ показываютъ), то достаточно будетъ измѣнить цифры второго столбца пропорціонально измѣненію количества населенія между 1678 и 1710 годами, и мы получимъ цифры перваго столбца.

**) Прилагаемая таблица, составленная по цифрамъ предыдущей, показываетъ, во сколько разъ увеличилось населеніе петровской Россіи со времени Θеодора Алексѣевича (первый столбецъ), со времени смерти Петра (второй столбецъ) до первой всероссійской переписи и, въ частности, какая часть этого прироста падаетъ на время до (третій и четвертый столбецъ) и послѣ (пятый столбецъ) освобожденія крестьянъ.

	[1678—1897]	1724—1897	[1678—1858]	1724—1858	1858—1897
Центръ	[1,3]	1,8	[1]	1	1,3
Сѣверъ	[2,2]	3,4	[1,5]	2,4	1,4
Сѣверо-востокъ ..	[2,4]	4	[1,7]	2,8	1,4
Западъ	[3,7]	4,6	[2,8]	3,5	1,3
Юго-западъ.	[5]	5,6	[3,6]	3,6	1,4
Востокъ	[6,1]	5,8	[4,4]	4,2	1,4
Югъ	[9,7]	11,3	[7,1]	8,2	1,4
Юго-востокъ	[13,3]	11,3	[9]	7,6	1,5

Фигура 2.

ніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ густотѣ населенія петровскихъ губерній въ 1678, 1724, 1858 и 1897 годахъ (Фиг. 2).

Какъ видимъ, одинъ старый центръ Московскаго государства

... послѣдствія исторіи сказываются еще яснѣе. Противорѣчі...
...ду распредѣленіемъ естественныхъ богатствъ Россіи и исто...
...ескими условіями разселенія русскаго народа достигаетъ здѣсь
...йняго предѣла. Русскій югъ до самаго Петра остается со-

тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ густотѣ населені
овскихъ губерній въ 1678, 1724, 1858 и 1897 годахъ (Фиг. 2
Какъ видимъ, одинъ старый центръ Московскаго государств

только рѣзко выдѣляется въ до-петровское время густотой своего населенія. Уже въ то время онъ достигъ такой плотности населенія, какою теперь отличаются хорошо населенныя мѣстности Россіи (39,1). Зато съ этой давно достигнутой точки московскій центръ за цѣлые два вѣка (1678—1858) почти не двинулся впередъ. Только въ послѣднія сорокъ лѣтъ, со времени крестьянскаго освобожденія, населеніе центра снова начало возрастать: всего естественнѣе искать главной причины этого быстраго роста послѣ двухсотлѣтней остановки — въ промышленномъ развитіи центральной Россіи, особенно въ ростѣ ея городского населенія. За центромъ слѣдовала полоса на юго-западъ, въ наше время самая населенная во всей Россіи, — очевидно, благодаря своей черноземной нестепной почвѣ. Но при Петрѣ и до Петра населеніе этой полосы значительно отстало отъ населенія историческаго центра: оно немногимъ превышало теперешнюю густоту населенія въ верховьяхъ Камы и Вятки. Несомнѣнно, въ этомъ виновато было недавнее прошлое юго-западной полосы, подвергавшейся частымъ татарскимъ набѣгамъ изъ степи. Какъ только стала проходить опасность набѣговъ, населеніе бросилось на богатую почву и поспѣшило не только нагнать, но даже перегнать населенность центральнаго суглинка. Слѣдующая по плотности Смоленская губернія, казалось бы, должна была походить по плотности населенія на центръ, къ которому она такъ близка и по географическому положенію, и по характеру жизни. Но тутъ тоже сказалось историческое прошлое. Смоленская губернія была пограничной и несла на себѣ всю тяжесть долгой и упорной борьбы двухъ политическихъ центровъ. Начиная съ XV вѣка вплоть до средины XVII вѣка Смоленскъ былъ яблокомъ раздора между Россіей и Польшей. Мѣстное населеніе жестоко страдало отъ цѣлаго ряда войнъ: его истребляли, переводили въ другія мѣста; не далѣе, какъ при Петрѣ пограничныя смоленскія земли сильно опустошены были шведской войной. Только уже при Екатеринѣ II русская граница отодвинулась дальше на западъ, и смоленское населеніе, не равняясь по быстротѣ прироста съ черноземными областями, стало однако приближаться къ той нормальной цифрѣ плотности, на которой давно остановился центръ.

Если и съ этой стороны не вполнѣ еще затянулась историческая рана, нанесенная русскому населенію, то на юго-востокѣ Россіи послѣдствія исторіи сказываются еще яснѣе. Противорѣчіе между распредѣленіемъ естественныхъ богатствъ Россіи и историческими условіями разселенія русскаго народа достигаетъ здѣсь крайняго предѣла. Русскій югъ до самаго Петра остается со-

всѣмъ пустыннымъ и населеннымъ слабѣе русскаго сѣверо-запада; даже пустынный и скудный русскій сѣверъ недалеко отстаетъ отъ богатаго Поволжья. Очевидно, здѣсь дѣйствуетъ въ сильнѣйшей степени та же причина, какъ въ Смоленской и Кіевской области. Опасность съ юга и съ востока не прошла еще здѣсь и ко времени Петра; немудрено, что богатыя залежи чернозема продолжаютъ пустовать. Естественно также, что, когда опасность пройдетъ, населеніе и здѣсь поспѣшитъ наверстать потерянное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ населенности русскаго юга и сѣвера, первоначально сходный, далеко разойдется въ разныя стороны. На пространствѣ Казанской и Азовской губерній Петра населеніе за двѣсти лѣтъ возрасло въ одиннадцать разъ. Русскій юго-востокъ стремится, такимъ образомъ, догнать населеніе центра *). Напротивъ, поморскій бассейнъ и озерная область за тѣ же двѣсти лѣтъ стали всего только вдвое или втрое люднѣе. Только верховья Вятки и Камы, неразрывно связанныя съ Поволжьемъ, увеличили свою населенность слишкомъ въ шесть разъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти три мѣстности по плотности населенія остаются на самомъ низу нашей діаграммы.

Итакъ, во всей сѣверной половинѣ и центрѣ Россіи населеніе за послѣдніе два вѣка остается почти неподвижнымъ или возрастаетъ весьма медленно. Мы скоро увидимъ, что эта половина и центръ составляли почти *всю* Россію до самой средины XVII столѣтія. Южная же половина, которая начала присоединяться къ сѣверной только съ середины XVII вѣка, растетъ съ необычайной быстротой, догоняетъ центръ и даже перегоняетъ его по плотности своего населенія. Одного этого факта достаточно, чтобы заключить, что при переходѣ отъ Московскаго государства къ императорской Россіи долженъ былъ совершенно измѣниться характеръ русской исторической жизни. Правда, послѣдствія этой перемѣны сказались далеко не сразу. Можно даже сказать, что и въ наше время не вполнѣ обнаружились результаты перемѣщенія центра русской населенности съ сѣвера на югъ, точно такъ же какъ и ростъ южнаго населенія далеко не остановился. Послѣднее видно изъ того обстоятельства, что ежегодный приростъ населенія на югѣ достигаетъ и теперь очень высокой цифры—2%. На сѣверѣ и въ центрѣ тотъ же приростъ колеблется всего между 1% и ½%.

Это наблюденіе возвращаетъ насъ къ тому, что мы говорили

---

*) Не забудемъ, что въ то же время заселяются за предѣлами петровскихъ губерній земли, остававшіяся при Петрѣ совершенно пустынными. См. объ этомъ ниже стр. 63 и слѣд.

въ началѣ этого очерка. Есть, очевидно, для каждой страны и для каждаго времени какой-то естественный предѣлъ насыщенія страны населеніемъ. Населеніе растетъ свободно, пока не достигнутъ этотъ предѣлъ, но послѣ его достиженія упругость сопротивленія новому приросту быстро увеличивается, и возрастаніе населенія замедляется. Судя по низкой степени населенности, по большому количеству браковъ и рожденій, мы заключили раньше, что русское населеніе находится въ періодѣ свободнаго возрастанія. Теперь мы должны прибавить, что этого вывода нельзя приложить ко всей Россіи одинаково. Ростъ сѣвернаго и центральнаго населенія Россіи, по представленнымъ нами даннымъ, очевидно замедленъ. Почему же происходитъ это явленіе? Чѣмъ оно объясняется?

Едва ли можно утверждать, что развитіе индивидуальности сѣвернаго и центральнаго населенія такъ далеко пошло, что именно оно и ослабило «генерацію» (выражаясь терминомъ Спенсера), производительныя силы русской массы. Еще труднѣе предполагать, что причиной задержки роста послужило достиженіе этой массой прочнаго благосостоянія. Возможность пробраться въ высшіе общественные слои—или то, что нѣкоторые экономисты называютъ общественной «капиллярностью»—существовала, правда, въ Россіи всегда въ большей степени, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ; но количество лицъ, обладавшихъ достаточной силой личнаго почина, чтобы воспользоваться этой возможностью, едва ли было въ Россіи велико. Такимъ образомъ, и «капиллярность» русскаго общества не даетъ намъ надлежащаго объясненія остановки роста населенія въ цѣлой половинѣ Россіи. Единственнымъ возможнымъ объясненіемъ остается то, въ силу котораго увеличеніе населенія тѣсно связано съ увеличеніемъ средствъ существованія; а возможность увеличить средства существованія зависитъ отъ характера экономической жизни. Нельзя не замѣтить, что задержка въ развитіи населенія центральной Россіи произошла на той цифрѣ, которую Левассеръ полагаетъ предѣльной для роста *земледѣльческаго* населенія (40 человѣкъ на кв. километръ, что равняется 45,6 на версту). Приблизительно къ той же цифрѣ (30—46 чел. на кв. килом.) приходили экономисты, пытавшіеся опредѣлить, сколько населенія Россія можетъ прокормить своимъ собственнымъ хлѣбомъ при современныхъ условіяхъ русскаго земледѣлія. Мы увидимъ, правда, впослѣдствіи, что русскій центръ давно уже нашелъ подспорье для земледѣльческаго заработка—въ занятіяхъ домашней промышленностью и отхожими промыслами. Но мы увидимъ также, что этотъ добавочный заработокъ не увеличивалъ средствъ существованія нашего

крестьянина, а лишь давалъ ему возможность оплатить подати. При этомъ условіи практическій выводъ остается тотъ же. Предѣлъ, на которомъ готово остановиться населеніе центра, есть предѣлъ тѣхъ средствъ, которыя крестьянинъ могъ добыть съ помощью личнаго труда, прилагая его къ землѣ, къ дешевымъ или даровымъ матеріаламъ, или просто продавая его на сторону,—словомъ, употребляя свой трудъ безъ приложенія къ нему капитала.

Сказаннаго достаточно, чтобы показать читателю, какая глубокая связь существуетъ между движеніемъ населенія и всѣмъ строемъ экономической жизни народа. Во второмъ очеркѣ мы и перейдемъ къ изученію экономическаго развитія Россіи. Но предварительно намъ предстоитъ еще коснуться исторіи русскаго населенія съ другой стороны, чѣмъ только-что изображенная: со стороны его племеннаго состава и его разселенія на пространствѣ Россіи.

Историческій очеркъ ученій о народонаселеніи и попытку систематизировать эти ученія, независимо отъ теоріи Мальтуса, читатель найдетъ въ интересной книжкѣ неаполитанскаго профессора Нитти (*F. S. Nitti*. Population and the social system, London, Sonnenschein, 1894: одинъ изъ томиковъ Social science series. Есть русскій переводъ). Такой же очеркъ и очень обстоятельный сводъ данныхъ по исторической статистикѣ см. въ прекрасной статьѣ о Bevölkerungswesen новаго Словаря государственныхъ наукъ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, hgb. v. *Konrad* u. *Lexis*. Русскій переводъ статьи изданъ Н. В. Водовозовымъ). Нѣкоторыя данныя «Очерковъ» заимствованы изъ капитальнаго изслѣдованія *Levasseur*, La population française, 1889—1891 (особенно изъ III тома). Новѣйшія статистическія цифры взяты изъ извѣстныхъ таблицъ *Юрашека* (Otto Hübner's Geographisch-Statistische Tabellen. Ausg. 1903). Данныя по статистикѣ прироста и убыли 1620-хъ, 1678, 1710 и 1724 годовъ взяты изъ книги автора: Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго. Сводъ старой русской литературы по исторической статистикѣ населенія съ большой полнотой сдѣланъ во II томѣ изслѣдованія *Schnitzler*'а, до сихъ поръ сохраняющаго значеніе для историковъ, L'empire des Tsars au point actuel de la science, 4 тома. (Paris, 1862 — 1869): За позднѣйшее время огромный матеріалъ по движенію населенія накопился въ изданіяхъ центральнаго статистическаго комитета и земскихъ статистическихъ работахъ. Разработку этого матеріала см. въ Военно-статистическомъ сборникѣ, вып. IV, Россія, составл. подъ ред. *Н. Н. Обручева*, Спб. 1871; въ Сравнительной статистикѣ Россіи и западно-европейскихъ государствъ *Ю. Янсона*, Спб. 1878—1880, 2 т., и въ Сельско-хозяйственной статистикѣ европейской Россіи *А. Ѳ. Фортунатова*, М. 1893. Попытка опредѣлить движеніе населенія въ до-петровское время сдѣлана спеціально для настоящихъ «Очерковъ», такъ же, какъ и попытка опредѣлить приростъ населенія за послѣдніе два вѣка въ районахъ петровскихъ губерній. Площади этихъ губерній опредѣлены въ площадяхъ современныхъ уѣздовъ по даннымъ 1897 г. Болѣе точное опредѣленіе потребовало бы спеціальныхъ изслѣдованій.

II.

Связь первоначальнаго заселенія Россіи съ ея геологическимъ прошлымъ. — Вопросъ о связи первобытнаго населенія Россіи съ ея позднѣйшими обитателями. — Древнѣйшее распредѣленіе племенъ. — Югъ. — Иранцы и тюрки. — Сѣверъ. — Древнѣйшее разселеніе финновъ: восточная и западная группа. — Дальній сѣверъ. — Древнѣйшія мѣста жительства восточныхъ славянъ. — Разселеніе племенъ въ Приднѣпровьѣ. — Отношеніе древнихъ племенъ къ наречіямъ. — Распредѣленіе малорусскихъ говоровъ въ зависимости отъ условій разселенія малороссовъ. — Этнографическая основа полѣсскихъ говоровъ. — Великоруссы: вопросы о колонизаціи Поволжья и о смѣшеніи здѣсь восточныхъ славянъ съ финнами. — Новгородская колонизація сѣвера.

Наблюденія надъ исторической статистикой русскаго населенія мы могли дѣлать только относительно двухъ послѣднихъ столѣтій русской исторіи. Напротивъ, вопросъ объ этнографическомъ составѣ русскаго населенія возвращаетъ насъ къ самому отдаленному прошлому нашей страны. Только раздвинувъ рамки нашихъ наблюденій далеко за предѣлы исторически извѣстнаго, мы можемъ составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, изъ какихъ составныхъ элементовъ сложилось современное населеніе Россіи.

Надо сказать, что и здѣсь, при всякой попыткѣ проникнуть въ существо дѣла, мы встрѣтимъ болѣе вопросовъ, чѣмъ отвѣтовъ, болѣе загадокъ, чѣмъ разъясненій. И антропологи, и археологи, и этнографы, и лингвисты еще менѣе политико-экономовъ приготовили намъ данныхъ для твердаго вывода.

Несомнѣнно, прежде всего, одно:—это то, что Россія послѣднею изъ европейскихъ державъ перешла изъ рукъ природы въ руки человѣка. Тогда какъ въ Западной Европѣ человѣкъ жилъ, по всей вѣроятности, уже въ то время, которое геологи называютъ «третичной эпохой»,—въ Европейской Россіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія человѣка не только въ третичный, но даже во всю первую половину послѣ-третичнаго періода. Начиная съ Финляндіи и кончая Орловской и Курской губерніями, большая часть Россіи была въ это время покрыта сплошнымъ льдомъ; и дальше на югъ, огибая возвышенную плоскость этихъ губерній, ледникъ давалъ

два длинные отростка въ низменности Днѣпра и Дона. На западъ отъ р. Онеги до Балтійскаго моря и на востокъ отъ Сѣв. Двины до Урала, все пространство было покрыто моремъ, уровень котораго былъ на 150 метровъ выше теперешняго. Каспійское море доходило тоже до рѣкъ Камы и Бѣлой. Ледникъ сѣверной половины Россіи представлялъ собою покрытую льдомъ и снѣгомъ, лишенную всякой растительной и животной жизни пустыню, походившую на теперешнюю Гренландію. На югѣ, параллельно сѣвернымъ ледникамъ, возникали многочисленныя прѣсноводныя озера; рѣки начинали прокладывать себѣ свои русла, обратившіяся теперь въ обширныя рѣчныя долины. У южной окраины ледника, во вторую половину ледниковой эпохи, вмѣстѣ съ мамонтомъ и носорогомъ появился, наконецъ, и человѣкъ, умѣвшій выдѣлывать себѣ орудія только изъ неполированнаго камня. Ледникъ мало-по-малу таялъ, отступая на сѣверъ и на сѣверо-западъ. Слѣдомъ за нимъ подвигались въ томъ же направленіи и крупныя млекопитающія, и человѣкъ. Какъ долго они шли, пока не достигли до Финляндіи и до Балтійскаго моря,—это видно изъ того, что за этотъ промежутокъ времени вся физіономія природы измѣнилась и постепенно приняла современный характеръ. Только немногіе экземпляры мамонта добрались до Балтійскаго моря—и скоро исчезли. Человѣкъ, пришедшій сюда, уже умѣлъ полировать свои каменныя орудія, знакомъ былъ съ гончарнымъ искусствомъ, и т. д.

Какъ ни поздно, однако же, разселился человѣкъ впервые на пространствѣ теперешней Россіи, все-таки и эта эпоха цѣлыми десятками тысячелѣтій отдѣлена отъ того времени, о которомъ мы имѣемъ сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія. Что происходило въ этотъ длинный и темный промежутокъ, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ. Очень трудно было бы, поэтому, рѣшить, какъ относится первобытный человѣкъ Россіи къ современнымъ ея обитателямъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда только-что зарождалась антропологическая наука, основатель русской антропологіи, проф. Богдановъ, думалъ, что онъ нашелъ черепа представителей первобытной русской расы въ могилахъ, не восходившихъ раньше IX в. послѣ Р. Х. Впослѣдствіи онъ даже старался пріурочить этихъ старожиловъ Россіи къ какому-нибудь опредѣленному племени: онъ то считалъ ихъ финнами, то славянами. Но дальнѣйшее развитіе антропологіи привело къ совершенно иной постановкѣ подобныхъ вопросовъ. И вопросы о «расѣ», и вопросы объ ея отношеніи къ національностямъ и языкамъ оказались гораздо сложнѣе, чѣмъ думали раньше. Прежде всего, какъ бы мы ни заходили далеко вглубь вѣковъ, въ Европѣ мы

находимъ уже только смѣшанныя, а не чистыя расы. Новѣйшіе антропологи отрицаютъ, поэтому, самое существованіе «расъ» въ смыслѣ безпримѣсной, чистой породы, какія создаются и поддерживаются искусственнымъ подборомъ. Но если и допустить существованіе *сравнительно*-чистыхъ расъ на землѣ, то между ними и современными національностями все еще остается огромная пропасть. Мы, правда, знаемъ, что повсюду въ Европѣ можно различать четыре-пять главныхъ антропологическихъ типовъ; можно, кажется, признать и то, что въ разныхъ частяхъ Европы преобладаніе принадлежитъ то одному, то другому изъ этихъ типовъ. Но географическіе предѣлы, въ которыхъ сохраняются расовые типы, не имѣютъ ничего общаго съ границами языковъ, т.-е. современныхъ намъ національностей. Географія антропологическихъ типовъ до такой степени не соотвѣтствуетъ географіи національностей, и время происхожденія этихъ типовъ такъ отдалено отъ времени происхожденія національностей, что пріурочить ту или другую національность къ опредѣленному антропологическому типу очень трудно. Были ученые, которые отожествляли длинноголовый типъ сѣверной Европы съ германцами; на такомъ же основаніи—и столь же слабомъ — сдѣлана была попытка найти среди этихъ длинноголовыхъ также предковъ литовцевъ и славянъ. Но южная часть живущихъ въ Европѣ германцевъ и славянъ принадлежитъ къ короткоголовымъ, и является вопросъ, среди какой же именно изъ этихъ двухъ антропологическихъ группъ—длинноголовыхъ или короткоголовыхъ—явились *первые* представители обѣихъ народностей, и на какую группу языкъ ихъ перенесенъ былъ впослѣдствіи. Новѣйшіе изслѣдователи ищутъ предковъ германо-славянъ (и вообще арійцевъ) какъ разъ среди короткоголовыхъ южной Европы, и ихъ доказательства кажутся намъ болѣе убѣдительными, чѣмъ аргументы ихъ противниковъ. Несомнѣнно при томъ и другомъ толкованіи одно,— что смѣшенія въ разныхъ пропорціяхъ длинноголовыхъ и короткоголовыхъ существовали въ Европѣ задолго до того времени, къ которому относится происхожденіе арійскихъ языковъ. Съ какого бы пункта ни началось распространеніе арійскихъ языковъ по Европѣ, оно во всякомъ случаѣ должно было оставить эти антропологическія группы совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ нашло ихъ. Исторія языковъ неразрывно связана съ исторіей національностей, но она не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи распространенія антропологическихъ типовъ.

Какъ бы то ни было, мы должны признать, что доисторическая этнографія Россіи остается намъ совершенно неизвѣстной.

Только къ концу этого доисторическаго періода археологія начинаетъ отмѣчать нѣкоторыя черты, сближающія наиболѣе древнюю часть населенія Россіи, т.-е. южную,—именно съ южнымъ же и юго-восточнымъ населеніемъ Европы.

Историческая жизнь народовъ, населяющихъ Россію, подобно доисторической, — начинается у насъ позднѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Только около времени Рождества Христова, — на нѣсколько столѣтій раньше или позже,—мы начинаемъ получать о населеніи Россіи сколько-нибудь положительныя или вѣроятныя извѣстія.

Среди этихъ извѣстій самыя раннія касаются Черноморья. Сколько мы можемъ судить, югъ Россіи заселенъ былъ тогда племенами, не игравшими почти никакой роли въ послѣдующей русской исторіи. Вѣка за три до Р. Х. здѣсь начинаютъ упоминаться сарматы. На основаніи ихъ собственныхъ именъ, сохраненныхъ намъ греческими надписями, мы можемъ утверждать, что сарматы были тотъ же народъ, который во время переселенія народовъ назывался аланами, а въ нашихъ лѣтописяхъ носитъ названіе ясовъ. Остатки этого народа живутъ и до сихъ поръ на склонахъ Кавказскаго хребта и называются осетинами. Они принадлежатъ, по языку, къ той же арійской или индо-европейской группѣ народовъ, какъ славяне, германцы, греки и римляне; но еще ближе, чѣмъ къ этому (западному) отдѣлу арійцевъ, осетины стоятъ къ восточному отдѣлу—къ мидянамъ и персамъ. Когда-то они распространялись на всемъ югѣ, вплоть до Дуная; самыя имена Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Дона, повидимому, даны этимъ народомъ: на языкѣ осетинъ и до сихъ поръ слово «донъ» значитъ рѣка.

На мѣсто этого стараго «иранскаго» населенія въ историческое время выдвинулось на югѣ Россіи тюркское племя, принадлежавшее къ обширной урало-алтайской группѣ народовъ. Чтобы понять, какая сила толкнула тюрковъ въ Европу, намъ надо было бы заглянуть вглубь азіатскаго материка. Тамъ мы увидѣли бы, по показаніямъ китайскихъ лѣтописей, какъ на западныхъ границахъ Китая, въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ послѣ Р. Х., произошелъ цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ, сопровождавшихся этнографическими катастрофами. Каждый изъ такихъ переворотовъ, на протяженіи отъ III-го до XIII-го вѣка по Р. Х., выбрасывалъ изъ Азіи въ Европу новую толпу тюркскихъ кочевниковъ, побѣжденныхъ въ Азіи, но страшныхъ для Европы. За гуннами (IV вѣкъ) послѣдовали булгары, авары (VI вѣкъ); затѣмъ владычество на югѣ Россіи переходило поочередно къ хазарамъ (VII—X вѣкъ), печенѣгамъ (IX—XI), половцамъ (XI—XIII);

наконецъ, за тюркскими нашествіями послѣдовало монгольское въ лицѣ татаръ, самыхъ опасныхъ и всего дольше державшихся на югѣ (XIII—XVIII вѣкъ). Всѣ эти волны кочевниковъ, захлестывавшія одна другую, смели безслѣдно старое осѣдлое населеніе южной Россіи, когда-то кормившее своимъ хлѣбомъ Аѳины. За полторы тысячи лѣтъ были, конечно, и промежутки роздыха. Усѣвшись на мѣстѣ, каждая изъ этихъ ордъ замирялась и устанавливала прочныя отношенія съ сосѣдями. Смотря по силѣ орды, это были или отношенія союза, или отношенія подданства. Но едва успѣвали установиться эти отношенія, какъ слѣдомъ за старой волной набѣгала новая и безъ слѣда смывала предъидущую; жалкіе остатки кочевниковъ искали спасенія отъ своихъ соплеменниковъ на окраинахъ осѣдлыхъ поселеній и составляли съ пограничными жителями пеструю этнографическую смѣсь. Этими отложеніями на берегу степного моря и ограничилось, впрочемъ, вліяніе тюркскаго элемента. Какъ ни велико было значеніе кочевниковъ въ общемъ ходѣ русской исторіи, — въ образованіи племенного состава русскаго населенія роль ихъ была совершенно ничтожна.

Обратимся къ двумъ другимъ этнографическимъ элементамъ, изъ которыхъ и сложилась, главнымъ образомъ, русская національность: къ *финнамъ* и *славянамъ*. Отношенія между ними остаются далеко неразъясненными. Изслѣдованіе языковъ финскихъ племенъ показало, однако, что гораздо раньше славянъ сосѣдями финновъ были германцы и литовцы. Ихъ сосѣдскія отношенія установились, повидимому, около времени Р. Х. Западные финны тогда только-что стали отдѣляться отъ восточныхъ (мордвы). Литовское вліяніе тѣ и другіе испытали (по новѣйшему мнѣнію Томсена) еще въ то время, какъ жили вмѣстѣ; на восточныхъ финновъ это вліяніе литвы сохранялось еще и послѣ раздѣленія. Напротивъ, западные финны уже одни, отдѣльно отъ восточныхъ, пережили вліяніе германцевъ (именно готовъ); и притомъ, это было въ такое время, когда готскій языкъ еще не принялъ того вида, въ которомъ онъ становится намъ извѣстенъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Затѣмъ, наконецъ, сосѣдями западныхъ финновъ становятся и славяне. Когда славяне пришли въ соприкосновеніе съ финнами,—это можно приблизительно опредѣлить тоже по даннымъ языка. Оказывается, что и русскій языкъ тогда еще не принялъ той формы, въ какой мы встрѣчаемъ его въ древнѣйшихъ памятникахъ IX — X вѣка. Русское *ъ* и *ь* произносились еще тогда, какъ *у* и *и*; русское *о* произносилось, какъ короткое *а* *); полно-

*) Это, впрочемъ, могло быть и особенностью того нарѣчія, которое оказалось въ сосѣдствѣ съ западными финнами, т.-е., вѣроятно, бѣлорусскаго (кривичскаго).

гласіе, составляющее особенность русскаго языка передъ другими славянскими нарѣчіями, еще не вполнѣ развилось *); даже носовые звуки **), отсутствіе которыхъ считается обыкновенно другой русской особенностью,—еще сохранялись въ русскомъ языкѣ въ моментъ первой встрѣчи съ финнами. Такимъ образомъ, мы должны предположить, что встрѣча эта произошла никакъ не позже V—VII столѣтія послѣ Р. Х.

Какъ видимъ, языкъ можетъ указать намъ *время*, когда происходили всѣ эти древнѣйшія передвиженія народовъ на пространствѣ Россіи. Языкъ же остается нашимъ главнымъ помощникомъ и при опредѣленіи *мѣста*, гдѣ все это происходило. Географическія названія, обыкновенно, сохраняются долго спустя послѣ того, какъ исчезаетъ народъ, давшій эти названія. Чуждыя и непонятныя для племенъ, занявшихъ мѣсто исчезнувшаго народа, географическія имена снова оживаютъ въ рукахъ языковѣда и могутъ разсказать намъ любопытныя вещи про давно минувшую этнографическую старину. Всѣмъ извѣстны многочисленныя названія русскихъ рѣкъ, кончающіяся на *ма* и *ва*. Недавно одинъ спеціалистъ по финскимъ языкамъ, Веске, доказалъ, что это въ сущности — одинъ и тотъ же суффиксъ, имѣвшій первоначально значеніе «рѣка». Слѣдя за рѣками, носящими подобныя названія, мы приходимъ къ заключенію, что племя, которое давало эти имена, распространялось когда-то съ сѣверо-востока Россіи далеко на юго-западъ, включая Костромскую, Владимірскую, Московскую, Калужскую губерніи и отсюда переходя даже въ бассейнъ Днѣпра,—именно, въ область его верховьевъ и лѣвыхъ притоковъ, кончая Десной. Въ настоящее время на востокъ отъ этой полосы живутъ два близкихъ другъ къ другу племени финновъ: черемисы и мордва. Что касается мордвы, мы знаемъ, что на своихъ теперешнихъ мѣстахъ она живетъ уже въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ: въ V вѣкѣ упоминаетъ впервые ея имя готскій историкъ Іорданъ, а въ X вѣкѣ довольно точно опредѣляетъ ея мѣсто жительства византійскій императоръ Константинъ Багрянородный. Тотъ же Іорданъ называетъ рядомъ съ мордвой и племя *мери*, хорошо извѣстное нашей лѣтописи. Поселенія мери какъ разъ соотвѣтствуютъ только-что очерченной площади распространенія рѣчныхъ названій. Мерей продолжаетъ называть себя до сихъ поръ черемиса (мӓр, мари); и изъ ея языка объяс-

*) Напомню, что «полногласіемъ» называется употребленіе двухъ *о* вмѣсто славянскаго *а* (борода, волосы, вмѣсто брада, власы). Какъ произошло полногласіе, не рѣшили еще сами лингвисты.

**) Ѫ = французск. *on*; Ѧ = фр. *in*.

вяется цѣлая масса мѣстныхъ названій рѣкъ и деревень въ губерніяхъ центральной Россіи. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что древнѣйшимъ, намъ извѣстнымъ, населеніемъ центральнаго междурѣчья были восточные финны. Мы видѣли, что, по свидѣтельству языка, восточные финны испытали сильное вліяніе литвы. Должны ли были они, чтобы подвергнуться этому вліянію, жить западнѣе только-что названныхъ мѣстъ,—или, наоборотъ, литва жила гораздо восточнѣе, чѣмъ она живетъ теперь? Географическія названія даютъ намъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. На основаніи ихъ можно заключить, что литовскія поселенія когда-то, дѣйствительно, распространялись на востокъ далеко отъ области Нѣмана. Еще на памяти исторіи, въ XII вѣкѣ, одинъ оторванный клочокъ литовскаго племени (голядь) продолжалъ жить въ какой-нибудь сотнѣ верстъ отъ Москвы, на сѣверѣ Калужской губерніи. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что гдѣ-нибудь у верховья Днѣпра или Оки литва сосѣдила съ финнами въ періодъ, непосредственно предшествовавшій разселенію послѣднихъ, т.-е. въ первые вѣка нашей эры. Вполнѣ вѣроятнымъ кажется намъ и то предположеніе Томсена, что самый толчекъ для этого разселенія финновъ данъ былъ передвиженіемъ славянъ. Предыдущіе изслѣдователи предполагали, правда, что финское населеніе Финляндіи и Балтійскаго края пришло сюда прямо съ востока или даже съ сѣверо-востока. Но, можетъ быть, вѣрнѣе представлять себѣ, что движеніе финновъ къ Балтійскому морю шло съ юго-запада, съ верховьевъ Днѣпра, Оки и Волги. Потѣсненные около 500 года славянами, западные финны къ 800 году окончательно усѣлись на своихъ теперешнихъ мѣстахъ.

Намъ пора теперь вернуться къ первоначальному разселенію русскихъ племенъ. Исключивъ всѣ тѣ мѣстности, которыя, по нашимъ предыдущимъ наблюденіямъ, заняты были иранцами и потомъ тюрками, литовцами и финнами,—мы должны будемъ искать древнѣйшихъ поселеній славянъ на югъ отъ Нѣмана и на западъ отъ Днѣпра. Въ самомъ дѣлѣ, различныя соображенія, которыя не мѣсто излагать здѣсь, приводятъ къ выводу, что недалеко отъ этихъ мѣстъ,—въ Прикарпатьѣ, на верхней Вислѣ, въ теперешней Галиціи и Волынской губерніи находилось самое древнее мѣстопребываніе восточныхъ славянъ, какое мы только можемъ услѣдить. Изъ этого центра, въ прямой связи съ передвиженіями германцевъ, начиная съ III-го вѣка по Р. Х., восточные славяне стали распространяться на сѣверо-востокъ — вверхъ по Днѣпру и его притокамъ. Мы уже видѣли, что около V—VII столѣтія,—скорѣе раньше, чѣмъ позже,—славяне прорѣзали поясъ

литовскихъ поселенiй на верхнемъ Днѣпрѣ и столкнулись съ западными финнами. Навѣрное, къ этому времени славянскiя поселенiя успѣли уже пустить и другой длинный отростокъ — на востокъ, черезъ Десну и Сеймъ, къ Дону. Два-три вѣка спустя (IX — X вв.), мы уже застаемъ восточно-славянскiя племена окончательно усѣвшимися въ Приднѣпровьѣ — на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя затѣмъ въ теченiе вѣковъ остаются за ихъ потомками. Передвиженiя здѣсь были, конечно, и при свѣтѣ исторiи; но большихъ перемѣнъ въ племенномъ составѣ днѣпровскаго бассейна эти передвиженiя не произвели. Главныя племенныя различiя, повидимому, уже въ это древнее время опредѣлились съ достаточной отчетливостью; каждое племя уже заняло свою опредѣленную территорiю и держалось за свою «землю» съ замѣчательной цѣпкостью и постоянствомъ. Княжескимъ линiямъ XI—XIII вѣка оставалось только принять эти племенныя «земли» за основу для опредѣленiя границъ своихъ владѣнiй *).

Самъ собой является вопросъ: если древнерусскiя племена различались уже другъ отъ друга въ до-татарское время, если эти различiя племенъ опредѣлили даже до нѣкоторой степени очертанiя древнихъ княжествъ,—то куда же эти племена дѣлись потомъ? Что сдѣлалось съ древнерусскими племенами послѣ того, какъ территорiи древнихъ княжествъ были перетасованы и вошли въ новыя и болѣе крупныя политическiя сочетанiя XV—XVI вѣка? Старыя племенныя прозвища за этотъ промежутокъ времени исчезаютъ, затрудняя этимъ нашу задачу. Зато на смѣну прозвищамъ является новый, болѣе надежный признакъ: особенности языка. Русскiя нарѣчiя сложились, конечно, не тогда, когда они впервые становятся намъ извѣстными. Разница нарѣчiй должна восходить къ болѣе ранней по времени разницѣ племенныхъ группъ. Какъ же относятся къ древнимъ племенамъ современныя русскiя нарѣчiя?

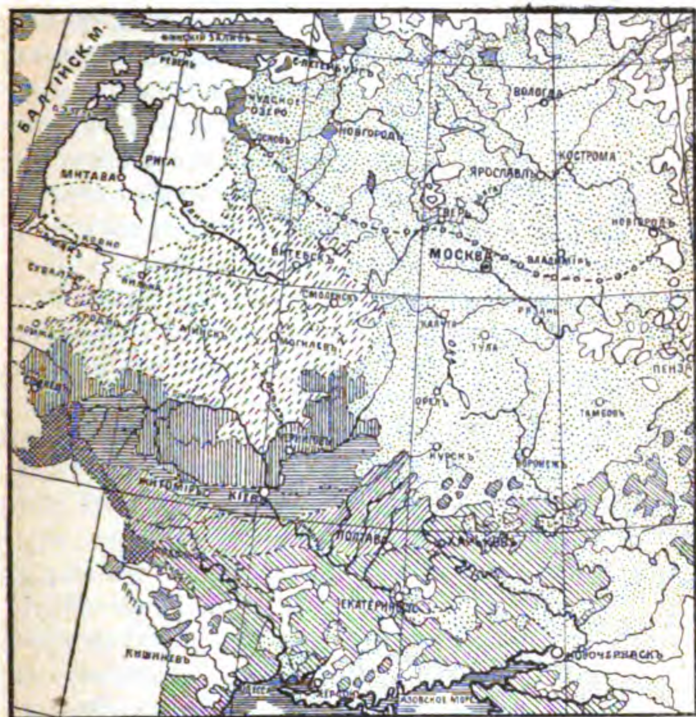
Надо признаться, что отвѣтить на этотъ вопросъ теперь, когда не изучены, какъ слѣдуетъ, ни древнiя племена, ни современныя нарѣчiя,—довольно трудно. Но все же сомнѣваться и колебаться можно только въ извѣстныхъ предѣлахъ: важно намѣтить и эти предѣлы, такъ какъ и они не всегда соблюдаются.

Русскiя нарѣчiя дѣлятся, обыкновенно, на два отдѣла: сѣверно-русское и южно-русское (или малороссiйское). Съ послѣдняго, какъ болѣе близкаго къ исконному мѣсту жительства восточныхъ славянъ, мы и начнемъ. На прилагаемой картѣ къ чисто малорусскимъ

*) Отношенiе политическихъ границъ XI—XIII в. къ этнографическимъ можно видѣть на приложенной картѣ княжествъ XI—XIII в.

говорамъ относятся четыре. Темная полоса по западной границѣ съ Австріей представляетъ небольшой обрывокъ червонорусскаго говора, примыкающій къ такому же говору русскихъ жителей Галиціи. Начиная отъ этой полосы, тянутся съ запада на востокъ въ три ряда—три главныхъ оттѣнка украинскаго нарѣчія: северно,-средне-и южно-украинское. Какимъ же древнимъ жителямъ этихъ мѣстностей соотвѣтствуютъ теперешніе малороссы?

Карта русскихъ нарѣчій.

Великоруссы.

-о-о- Приблизительная граница между сѣверно-великорусскимъ (окающимъ) и южно-великорусск. (акающимъ) нарѣчіями.

Бѣлоруссы.

Малоруссы:
- Полѣсскіе говоры.
- Червонорусскій говоръ.
- Сѣверно- } украинскій говоръ.
- Средне- } украинскій говоръ.
- Южно- } украинскій говоръ.

Опустошенія, произведенныя на югѣ тюркскими кочевниками, значительно облегчили намъ объясненіе этой загадки. Всѣ мѣстности на югъ отъ теченія Десны и отъ линіи, проведенной между Кіевомъ и верховьями южнаго Буга, безусловно не могли сохранить своего древняго населенія, такъ какъ подверглись полному

разоренію со стороны тюрковъ. Теперешнее населеніе всѣхъ этихъ мѣстностей, несомнѣнно, явилось сюда въ качествѣ новыхъ поселенцевъ съ запада. Такимъ образомъ, изъ списка древнихъ народностей русскаго юга мы можемъ вычеркнуть добрую половину. Всѣ эти дулѣбы, уличи, тиверцы, даже поляне и значительная часть древлянъ и сѣверянъ, навѣрное, не пережили эпохи тюркскихъ нашествій. Но и населеніе, уцѣлѣвшее на ближайшихъ окраинахъ, едва ли могло сохранить свою этнографическую чистоту: дѣло въ томъ, что здѣсь селились, одни за другими, тѣ же тюрки, выгоняемые новыми пришельцами,—своими же родичами,—изъ степи. Пограничное населеніе было, такимъ образомъ, или инородческимъ, или смѣшаннымъ. Жители Сквирскаго уѣзда Кіевской губ. называли себя половцами еще въ XVI столѣтіи.

Сколько-нибудь чистаго и безпримѣснаго славянскаго населенія мы можемъ, стало быть, искать только на западъ отъ Кіевской губерніи. Древнее населеніе Волынской губерніи такъ и называлось—волынянами; но это названіе ничего не говоритъ намъ, такъ какъ оно, очевидно, означаетъ не племенной составъ жителей, а только ихъ географическое положеніе. Такимъ образомъ, этнографическій составъ волынскаго населенія остается для насъ загадкой до XIV вѣка, когда эта загадка разъясняется сразу. Дѣло въ томъ, что въ это время Волынь вмѣстѣ съ Галиціей начинаетъ называться въ источникахъ «Малой Россіей», а вмѣстѣ съ тѣмъ на противоположныхъ окраинахъ обѣихъ мѣстностей обнаруживаются ясные признаки того, что жители говорятъ нарѣчіемъ, которое мы теперь называемъ малорусскимъ. Въ Галиціи, несомнѣнно, жили въ древнюю эпоху «бѣлые хорваты». Нѣтъ никакихъ основаній думать, что они только въ XIV вѣкѣ пробрались отсюда на Волынь и замѣстили волынянъ. Такимъ образомъ, мы пріобрѣтаемъ увѣренность, что уже старожилы Волыни были близко родственны хорватамъ и вмѣстѣ съ ними принадлежали къ предкамъ малорусскаго племени.

Верховья Днѣстра, двухъ Буговъ и Припети мы должны, стало быть, считать самымъ древнимъ извѣстнымъ намъ мѣстомъ жительства малороссовъ. Отсюда, гонимыя польскими государственными порядками, господскими поборами и религіозными преслѣдованіями, массы простого малорусскаго люда пробирались на юго-востокъ въ теченіе столѣтій. Но съ юго-востока грозили тюрки,—и эта опасность заставляла малороссовъ до поры до времени держаться, въ своемъ движеніи, на сѣверъ отъ степи. Этнографическая карта сохранила намъ нѣмую исторію этой борьбы двухъ противоположныхъ тенденцій. Узкая полоса *сѣверно*-украинскаго на-

рѣчія напоминаетъ о времени, когда со стороны степи грозила сильнѣйшая опасность, когда въ окрестностяхъ Житоміра населеніе склонялось къ союзу съ татарами (XIII вѣкъ). Сѣверные украинцы держались въ малодоступномъ оазисѣ по верховьямъ Припети и по всему теченію Стыри. Внѣ этого оазиса сѣверноукраинское населеніе сохранилось только въ узкой полосѣ отъ Луцка къ Житоміру и Кіеву. Дальше за Днѣпромъ полоса сѣверно-украинскаго нарѣчія становится шире, охватывая всю часть Черниговской губ. на югъ отъ Десны и сѣверную часть Полтавской. Оттого ли это, что здѣсь всегда дышалось свободнѣе со стороны степи, или оттого, что степь перестала быть грозной къ тому времени, когда пришли сюда сѣверные украинцы? Отвѣтъ будетъ различный, смотря по тому, будемъ ли мы видѣть въ здѣшнемъ населеніи потомковъ древняго племени сѣверянъ, уцѣлѣвшихъ отъ татарскаго разгрома, или новыхъ пришельцевъ, заселившихъ эти мѣста послѣ того, какъ прошла опасность. Выше мы отвергли первое предположеніе. Теперь мы должны, слѣдовательно, принять второе. Сѣверные украинцы разселились на лѣвомъ берегу Днѣпра, вѣроятно, въ промежуткѣ XIV—XVI столѣтій.

Опредѣленнѣе можно говорить о *средней* полосѣ украинскаго говора. Заднѣпровская часть этой полосы лежитъ какъ разъ на самой границѣ тюркскихъ и татарскихъ опустошеній. Только къ XVI вѣку мѣстное населеніе начало оправляться отъ этихъ опустошеній. Только въ этомъ вѣкѣ украинцы средней полосы могли продвинуться въ Кіевскую губернію. Дальше же на востокъ, за Днѣпръ ихъ выгнала только окончательная унія Литвы съ Польшей. Заселивъ въ первую половину XVII вѣка Полтавскую губернію, они въ серединѣ столѣтія толпами бросились бѣжать дальше, въ Харьковскую губернію (см. ниже, стр. 58—59).

Наконецъ, поселенія *южныхъ* украинцевъ, въ самыхъ древнихъ своихъ частяхъ (Подольская губ., югъ Кіевской, Харьковской и Воронежской), не восходятъ ранѣе XVII вѣка. Болѣе же позднія изъ нихъ (въ Херсонской и Екатеринославской губ.) явились только въ XVIII столѣтіи, когда степь стала окончательно безопасной.

Перейдемъ теперь къ мѣстностямъ, до которыхъ рѣдко или вовсе не доходили опустошенія кочевниковъ. На сѣверъ отъ украинскаго нарѣчія, по сю и по ту сторону Днѣпра, тянется припетское и десенское полѣсье. Народные говоры обоихъ полѣсьевъ, называемые «полѣсскими», представляютъ переходный характеръ. Нарѣчіе припетскихъ жителей составляетъ переходъ отъ малорусскаго къ бѣлорусскому; жители черниговскаго задесенья говорятъ языкомъ переходнымъ отъ малорусскаго къ великорусскому. Одинъ

этотъ фактъ,—если только считать его твердо установленнымъ,— долженъ свидѣтельствовать о томъ, что населеніе обоихъ полѣсьевъ есть продуктъ смѣшенія. Но какую роль въ этомъ смѣшеніи сыграло древнее населеніе, которое на этотъ разъ, навѣрное, никуда не ушло и не исчезло, сказать трудно. На Припети сталкивались въ древности дреговичи съ сѣвера и древляне съ юга. За Десной долженъ былъ сохраниться остатокъ сѣверянъ. Былъ ли языкъ этихъ племенъ и первоначально переходнымъ, или же прежде онъ былъ чище,—въ послѣднемъ случаѣ, къ какому изъ своихъ составныхъ элементовъ онъ былъ ближе, къ малорусскому, или же къ великорусскому и бѣлорусскому,—все это вопросы, которые нельзя разрѣшить при настоящемъ состояніи нашихъ знаній.

Относительно бѣлорусскаго племени вопросъ рѣшается легче. Теперешнія поселенія бѣлоруссовъ почти совершенно соотвѣтствуютъ своими предѣлами распространенію кривичей по нашей древней лѣтописи. Вопросъ можетъ быть только относительно того, куда дѣлись радимичи, жившіе на пространствѣ Могилевской губерніи. Но и этотъ вопросъ можно рѣшить довольно опредѣленно, не углубляясь въ древнѣйшій періодъ русской исторіи. Территорія Могилевской губерніи подвергалась стольким опустошеніямъ въ теченіе долгой борьбы московской и литовской Руси, что древнее населеніе ея едва ли могло сохраниться *).

Съ переходомъ къ великорусскому племени, затрудненія опять растутъ и становятся неразрѣшимыми. Лингвисты дѣлятъ великорусское нарѣчіе на сѣверно-и южновеликорусское; между обоими въ среднемъ Поволжьѣ существуетъ промежуточное нарѣчіе, которое Даль называлъ «восточнымъ». Взаимныя отношенія между этими нарѣчіями, а тѣмъ болѣе подраздѣленія ихъ на говоры, далеко еще не уяснены спеціалистами по исторіи языка. Такъ же мало сдѣлано антропологами для уясненія физическаго типа великорусса.

Главный интересъ вопроса заключается въ томъ, что мы несомнѣнно имѣемъ здѣсь дѣло съ областью, позже колонизованной славянами, и должны предполагать смѣшеніе ихъ съ коренными жителями, финнами. Но, прежде всего, какое изъ славянскихъ племенъ колонизовало Поволжье? Шелъ ли славянскій притокъ на Волгу сверху, изъ Новгорода, или съ запада, изъ смоленской области кривичей, или съ юга, съ Оки, изъ вятичской области? Или же, наконецъ, всѣ три эти теченія существовали и слились въ одно цѣ-

*) И если бы даже оно сохранилось, есть основанія думать, что уже въ древнѣйшую эпоху радимичи были въ значительной степени ассимилированы сѣверянами. Едва ли не единственная, ихъ территорія не послужила для опредѣленія политическихъ границъ.

лое? Можетъ быть, нѣкоторый отвѣтъ заключался бы и тутъ въ наблюденіяхъ надъ распредѣленіемъ нарѣчій. На нашей картѣ нарѣчій обозначена, приблизительно, линія, на сѣверъ отъ которой великоруссы говорятъ на *о*, а на югъ—на *а*. Окающее и акающее нарѣчія, несомнѣнно, указываютъ намъ на два параллельные потока колонизаціи: одинъ, направлявшійся изъ новгородской области внизъ по Волгѣ; другой изъ смоленской области кривичей и изъ вятичской области (Калужской губ.) внизъ по Окѣ. Теперь и бѣлоруссы смоленской области, и великоруссы Калужской губерніи, и рязанцы—одинаково акаютъ. Но когда и какъ явилось это сходство въ говорѣ — рѣшить трудно. Какъ давно бѣлоруссы и южно-великоруссы начали акать, объ этомъ лингвисты держатся самыхъ противоположныхъ взглядовъ. Если аканіе очень древне, то можно было бы предположить, что между кривичами и вятичами существовало старинное родство. Если же, напротивъ, аканіе относится къ числу позднихъ явленій языка, то оно могло явиться и вслѣдствіе вліянія одного племени на другое; и тогда возникаетъ вопросъ, которое именно племя оказывало вліяніе. Историку напрашивается предположеніе, что кривичи повліяли на вятичей и—вмѣстѣ съ ними, или одни—создали поздній (XIV вѣка) рязанскій говоръ; но лингвисты высказывали и противоположное мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, въ отношеніи южно-великорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому много неяснаго и загадочнаго. Съ одной стороны, между ними такъ много общаго, что бѣлорусскій многими считался и отчасти до сихъ поръ считается однимъ изъ южно-великорусскихъ нарѣчій. Съ другой стороны, напротивъ, въ бѣлорусскомъ есть такія коренныя особенности, которыя заставляли выдѣлять его въ особую группу, равноправную съ великорусской и малорусской. Произошли ли черты, роднящія бѣлорусскій съ южно-великорусскими говорами, изъ ихъ первоначальнаго родства, или онѣ возникли путемъ позднѣйшаго вліянія одного на другія, и котораго именно на которое,—всѣ эти вопросы могутъ быть рѣшены только языковѣдами.

Вопросъ о смѣшеніи славянъ съ финнами тоже остается до сихъ поръ невполнѣ рѣшеннымъ. Всѣ мы на глазъ готовы признать финскія черты въ типѣ великорусса; но, тѣмъ не менѣе, физическіе признаки смѣшенія до сихъ поръ не поддаются точному научному опредѣленію. Въ недавней работѣ проф. Зографа мы нашли, было, антропологическое подтвержденіе нашихъ апріорныхъ ожиданій: славянинъ оказывался — высокорослымъ блондиномъ, финнъ — низкорослымъ брюнетомъ; въ среднемъ Поволжьѣ авторъ думалъ найти слѣды различныхъ степеней смѣшенія между тѣми и другими

Но антропологи разрушили цифры, на которыхъ пр. Зографъ основывалъ свои заключенія, и мы опять остаемся при однихъ предположеніяхъ.

Намъ остается упомянуть о распространеніи сѣверно-великорусскаго нарѣчія на всемъ сѣверѣ Россіи, въ предѣлахъ поморскаго бассейна. Это нарѣчіе, несомнѣнно, явилось здѣсь вмѣстѣ съ новгородскими колонистами. Съ самыхъ древнихъ временъ новгородцы начинаютъ это движеніе на востокъ и сѣверо-востокъ, за «волокъ» (т.-е. водораздѣлъ) озернаго бассейна. Сперва они появляются здѣсь въ роли сборщиковъ дани; потомъ начинаютъ въ качествѣ звѣропромышленниковъ эксплуатировать мѣстныя лѣсныя богатства,—черезъ посредство ли мѣстнаго населенія, или съ помощью новгородскихъ «ватагъ»; наконецъ, они разбираютъ между собой лучшія земли по теченію рѣкъ, уже въ качествѣ осѣдлыхъ поселенцевъ. Естественно, что весь этотъ ходъ новгородской колонизаціи совершается постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Отдѣльные смѣлые авантюристы еще въ XI вѣкѣ проникаютъ изъ Новгорода чуть не до самаго Урала; но вплоть до конца XIII вѣка владычество Новгорода на востокъ отъ Двины остается очень непрочнымъ. Оно выражается исключительно въ дани, которую очень неохотно и нерегулярно платятъ инородцы, возставая по временамъ и даже убивая сборщиковъ. Но и на западъ отъ Двины власть новгородцевъ, повидимому, до самой средины XII вѣка не сопровождается колонизаціей. Въ XIII столѣтіи начинается борьба новгородцевъ съ суздальскими князьями за волокъ,—на всемъ протяженіи отъ Твери до Устюга. Борьба эта ведетъ ко взаимному размежеванію, и новгородской вольной колонизаціи полагается предѣлъ. На перерѣзъ ей съ юга идетъ уже съ XIV вѣка московское вліяніе. Въ это время самой восточной областью, прочно колонизованной новгородцами, оказывается теченіе Двины; надо прибавить, что въ послѣднюю четверть того же XIV вѣка вольные новгородскіе колонисты успѣваютъ сдѣлать послѣднее усиліе и пробраться на Вятку. Затѣмъ, Новгородъ втягивается въ борьбу, которая все болѣе и болѣе становится борьбою за существованіе. Какъ подѣйствовала эта борьба и ея исходъ на дальнѣйшій ходъ колонизаціи,—видно изъ того, что и теперь инородческія поселенія финновъ пермской группы начинаются вблизи тѣхъ самыхъ мѣстъ, на которыхъ остановилась новгородская колонизація XIV-го вѣка.

Геологическій очеркъ сдѣланъ по статьямъ гг. *Никитина* (Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles

résultants de l'activité de l'homme préhistorique) и *Черньшева* (Aperçu sur les dépôts posttertiaires en connexion avec les trouvailles des restes de la culture préhistorique au nord et à l'est de la Russie d'Europe) въ Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. 11-me session, à Moscou т. I. М. 1892. Карту ледниковыхъ отложеній Евр. Россія см. въ Энциклопедическомъ словарѣ Арсеньева и Петрушевскаго, подъ сл. «Наносы». Теорія проф. *Богданова* изложена въ рядѣ работъ, резюмированныхъ въ его статьѣ: quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? См. тѣ же труды международнаго конгресса и мой «Научный обзоръ» въ «Русской Мысли» 1892 года. Теорія происхожденія арійцевъ въ средѣ длинноголовыхъ выставлена *Poesche* и *Penka* и приложена къ происхожденію славянъ *Люборомъ Нидерле*, см. его о pûvodu slovanû. Prag. 1896. Противоположную теорію см. у *Isaac Taylor*. L'origine des Aryens et l'homme préhistorique, exposé de l'ethnologie et de la civilisation préhistoriques de l'Europe. Trad. de l'anglais, Paris, 1895 (Есть русскій переводъ). Ср. также интересную, хотя иногда черезчуръ смѣлую по заключеніямъ работу *G. Sergi*. Arii ed italici. Torino, 1898. Того же мнѣнія держится *Риплей* см. его книгу о «Расахъ въ Европѣ», New-York, 1899. Сводъ старой литературы по исторической этнографія Россіи сдѣланъ во II томѣ названнаго уже ранѣе труда *Schnitzler'a*, L'empire des Tsars. Болѣе новаго общаго свода не существуетъ. Объ иранствѣ сарматовъ см. *Müllenhoff* Deutsche Alterthumskunde, т. III; статью *В. Ө. Миллера*, Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи. «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. CCXLVII отд. 2 и его же Осетинскіе этюды, т. III. О тюркахъ, см. *Hermann Vámbéry* «Ursprung des Magyaren. Leipz, 1882 и *его же* Das Türkenvolk, Leipz., 1885. О роли тюрковъ на югѣ Россіи въ древнѣйшую эпоху см. *П. Голубовскаго*, Печенѣги, тюрки и половцы до нашествія татаръ; исторія южно-русскихъ степей IX — XIII в. Наблюденія надъ историческими связями финскаго готскаго, литовскаго и славянскаго языковъ сдѣланы въ сочиненіяхъ датскаго ученаго *В. Томсена*: Den gotiske sprogklasses indflydelse paa den finske Копенгагенъ, 1869 (нѣмец. переводъ 1870: Halle) и Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. Копенг. 1890, и финскаго ученаго *Ioos. I. Mikkola*, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. l. Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen, Helsingfors, 1894 (въ Mémoires de la société finno-ougrienne. VIII). Наблюденія надъ распространеніемъ финскихъ рѣчныхъ названій см. у *Веске*: Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка, Казань, 1890 (въ «Извѣстіяхъ Общ. археологіи, исторіи и этнографіи при Казан. унив.» Т. VIII, вып. I) и *И. Н. Смирнов*" Вотяки (ibid. т. VIII, вып. 2), *его же* Пермяки (ibid. т. IX, вып. 2), Мордва (ibid. т. X) и резюмирующая статья въ Трудахъ московской сессіи международнаго конгресса антропологіи и доисторич. археологіи, т. I. О родствѣ мери съ черемисами см. статью *Т. Семенова* подъ этимъ заглавіемъ (Къ вопросу etc.) въ Трудахъ VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ, т. I. О слѣдахъ распространенія литовскаго племени на востокъ отъ теперешней территоріи (по названіямъ рѣкъ) см. рефератъ проф. *А. Кочубинскаго* на X археологич. съѣздѣ въ Ригѣ, 1896 г., засѣданіе 7 августа по II отдѣленію. Интересныя попытки общаго свода данныхъ лингвистики и археологіи по вопросу о разселеніи восточно-славянскихъ племенъ сдѣланы въ послѣднее время *А. А. Шахматовымъ* (Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей, «Ж. М. Н. Пр.» 1899, апрѣль) и *А. А. Спицынымъ* (Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ, ibid., августъ).

Карта русскихъ княжествъ XI—XIII в. въ связи съ древними племенами составлена на основаніи *Н. Барсова*, Очерки русской исторической географіи, изд. 2-е, 1885, Варшава; *его же* Матеріаловъ для историко-географическаго словаря, 1865, Вильна, и сочиненій по исторіи отдѣльныхъ княжествъ кіевской Руси, особенно *М. Грушевскаго*: Очеркъ исторіи Кіевской земли до конца XIV столѣтія, Кіевъ, 1891, и *Довнара-Запольскаго*, Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до конца XIII в., Кіевъ, 1891. О русскихъ нарѣчіяхъ см. статью *Даля* въ «Вѣстникѣ Русск. Геогр. Общества», 1852 и IV вып. его «Толковаго словаря»; *Потебни*, Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, *А. Соболевскаго*, Лекціи по исторіи русскаго языка, изд. 2-е, Спб., 1891, *Его же*, Очерки изъ исторіи русскаго языка, Очерки русской діалектологіи («Живая Старина», 1892), *Будде*, Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій (изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора), Варшава, 1892; *А. Шахматова*, Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій, «Русск. Филологич. Вѣстникъ», 1894; *А. Смирнова*, Сборникъ древнерусскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи, Варшава, 1882. Кромѣ указанныхъ сочиненій, пособіями при составленіи карты нарѣчій служили: этнографическая карта Риттиха и Карта южно-русскихъ нарѣчій и говоровъ, составленная въ 1871 и изданная въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край; Матеріалы и изслѣдованія, собр. *П. П. Чубинскимъ*, т. VII, вып. 2-й, Спб., 1877. О великоруссахъ см. статью проф. *Анучина* въ «Энциклопедич. словарѣ» Арсеньева и Петрушевскаго. Теорія проф. *Н. Ю. Зографа* изложена въ его Антропометрическихъ изслѣдованіяхъ мужского великорусскаго населенія Владим., Ярославской и Костромской губ. М. 1892, и опровергнута въ брошюрѣ гг. *А. А. Ивановскаго* и *А. Г. Рождественскаго*: Насколько вѣрны выводы проф. Н. Ю. Зографа etc. и имѣютъ ли эти «Изслѣдованія» какое-либо научное значеніе? Москва, 1894. О времени основанія Вятки см. «Два реферата, читанныхъ въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ», Вятка, 1887. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, названы *только* тѣ пособія, которыя или непосредственно послужили для составленія очерка, или могутъ помочь читателю основательнѣе ознакомиться съ предметомъ изложенія.

III.

Значеніе колонизаціи Россіи.—Колонизація сѣвера: роль монастырей.—Крайніе предѣлы опустошеній на юго-востокѣ. — Защита «берега» и устройство Тульской засѣки.—Колонизація на Камѣ и Бѣлой.—Дальнѣйшее движеніе на югъ и устройство Бѣлгородской, Симбирской и Закамской черты.—Колонизація Полтавщины и движеніе малороссовъ въ Харьковскую и Воронежскую губ.—Устройство Украинской линіи. — Сокращеніе территоріи войска донскаго. — Военная колонизація Заволжья до средины XVII в. — Колонизація Исетской провинціи. — Успѣхи колонизаціи во второй половинѣ XVIII вѣка.—Колонизація Новороссіи. — Устройство Кавказской линіи. — Колонизація Поволжья.

Мы видѣли, что въ Россіи, какъ и въ остальной Европѣ, процессъ племенныхъ смѣшеній и разселеній начинается еще въ доисторическую эпоху. Но начало доисторической эпохи, совпадающее съ появленіемъ человѣка, для Россіи относится къ несравненно болѣе позднему времени, чѣмъ для европейскаго запада. Точно также и конца этихъ этнографическихъ перемѣщеній и сліяній мы должны искать въ Россіи гораздо позднѣе. На западѣ передвиженіе этнографическихъ массъ улеглось въ общихъ чертахъ къ VIII — IX вѣку; такимъ образомъ, Европа усѣлась на мѣстѣ къ тому времени, когда только-что началась наша исторія. Процессъ сліянія главнѣйшихъ племенныхъ элементовъ западной Европы къ этому времени также уже почти закончился, и современнымъ ученымъ стоитъ много труда открыть, какіе это были составные элементы, образовавшіе теперешній національный типъ француза, итальянца и т. д. Только ближайшее къ Россіи пространство между Вислой и Эльбой составляетъ въ обоихъ случаяхъ нѣкоторое исключеніе. У насъ въ Россіи тоже не легко разобраться въ древнѣйшихъ передвиженіяхъ и смѣшеніяхъ племенъ; но тотъ же процессъ продолжается у насъ на всемъ протяженіи исторіи, отъ доисторической эпохи до настоящаго времени, и по сію пору не можетъ считаться совершенно законченнымъ. Пестрота племеннаго состава до сихъ поръ превращаетъ Россію въ живой этнографическій музей всевозможныхъ народностей; инородческое населеніе мы застаемъ здѣсь на всевозможныхъ ступеняхъ обрусѣ-

нія. Тогда какъ на западѣ Европы уже со времени переселенія народовъ чуть не каждый клочекъ земли имѣетъ свою межу, своего владѣльца,—у насъ черезъ всю исторію красной нитью проходитъ процессъ разселенія жителей на пустыхъ и никому не принадлежащихъ пространствахъ. Этотъ процессъ колонизаціи русской земли точно такъ же далеко не закончился въ настоящую минуту, какъ и процессъ сліянія различныхъ этнографическихъ элементовъ русскаго населенія.

Для пониманія общаго хода развитія русской исторіи знакомство съ колонизаціей русской земли, хотя бы въ общихъ чертахъ,—совершенно необходимо. Мы не будемъ долго останавливаться на колонизаціи русскаго сѣвера. Въ существенныхъ чертахъ, колонизація эта завершилась, какъ мы видѣли, уже въ новгородскій періодъ. Остановившись въ XIV вѣкѣ на Двинѣ, колонизація не идетъ дальше на востокъ, несмотря на содѣйствіе, которое оказываетъ московское правительство миссіонерской дѣятельности Стефана Пермскаго. Дальнѣйшее колонизаціонное движеніе происходитъ только на югъ и на сѣверъ отъ района, охваченнаго новгородцами. На южной окраинѣ мелкія линіи Бѣлозерскихъ и Ярославскихъ князей, вѣроятно, стараются заселить свои крохотные удѣлы; одновременно съ ними, въ XIV и XV вѣкахъ, развивается вокругъ Вологды колонизаціонная дѣятельность монастырей.

Относительно роли монастырей, какъ колонизаторовъ сѣвера, существуютъ нѣсколько преувеличенныя представленія. Въ дѣйствительности, монастыри рѣдко являются піонерами колонизаціи; они возникаютъ большею частью на замиренныхъ и даже заселенныхъ мѣстахъ. До XIV вѣка намъ извѣстны всего только два монастыря на сѣверѣ, которые могли имѣть колонизаціонное значеніе *). Въ XIV вѣкѣ возникаютъ здѣсь уже около 17 монастырей, въ XV в. — около 22-хъ; но изъ первыхъ только 7, изъ вторыхъ 13 играютъ роль въ процессѣ колонизаціи. Большая половина этихъ 20-ти монастырей тѣснится въ трехъ сосѣднихъ уѣздахъ Вологодской губерніи (Грязовецкомъ, Вологодскомъ и Кадниковскомъ). Только въ XVI вѣкѣ монастыри пробираются на перешеекъ между Ладожскимъ и Онежскимъ озеромъ, спускаются внизъ по Сухонѣ и поднимаются вверхъ по Вычегдѣ на встрѣчу монастырямъ Стефана, которыхъ далеко превосходятъ въ роли колонизаторовъ; наконецъ, въ томъ же XVI вѣкѣ на сѣверной окраинѣ новгородской колонизаціи, на Бѣломъ морѣ, начи-

*) Палеостровскій на островѣ Онежскаго озера и Спасо-Каменный на островѣ Кубенскаго озера.

нается въ обширныхъ размѣрахъ колонизаціонная дѣятельность Соловецкаго монастыря и Троицкаго-Сергіева. Далѣе, въ XVII вѣкѣ, присоединяется еще одинъ новый элементъ: колонизація раскольническая. Но было бы трудно рѣшить, въ какой степени притокъ населенія на сѣверъ былъ усиленъ гоненіями на расколъ. Повидимому, дѣло сводилось здѣсь не столько къ появленію новаго населенія, сколько къ перемѣщенію стараго внутри тѣхъ же предѣловъ поморскаго бассейна.

Настоящая область колонизаціи—это юговостокъ Россіи, частью заселенный инородцами, частью опустошенный кочевниками. Движеніе населенія на юговостокъ можно прослѣдить съ гораздо большей отчетливостью, чѣмъ колонизацію сѣвера. Причины этого тѣ, что, во-первыхъ, заселеніе юговостока происходитъ позднѣе, чѣмъ заселеніе сѣвера, во-вторыхъ, населеніе движется сюда цѣлыми массами и, въ-третьихъ, движеніе этихъ массъ происходитъ подъ прямымъ вліяніемъ и контролемъ московскаго правительства, взявшаго на себя оборону южной границы, а отъ обороны нечувствительно перешедшаго къ наступленію.

Чтобы опредѣлить районъ юговосточной колонизаціи, мы должны прежде всего установить крайнюю границу опустошеній, произведенныхъ набѣгами изъ степи. Набѣги эти начались, какъ мы видѣли, очень давно и велись съ перемежающейся силой. Въ послѣдній разъ набѣги усилились тогда, когда испортились мирныя отношенія Руси съ Золотой Ордой: точнѣе, когда Орда, со второй половины XIV вѣка, начала приходить въ упадокъ, и ордынскіе ханы потеряли возможность удерживать въ повиновеніи собственныхъ мурзъ. Сильнѣйшіе изъ этихъ мурзъ стали тотчасъ же образовывать цѣлый рядъ самостоятельныхъ владѣній, среди которыхъ особенно выдвинулись владѣнія крымской и нагайской орды.

Русское населеніе, спокойно сосѣдившее съ татарами, послѣ разстройства мирныхъ отношеній должно было быстро отодвинуться на сѣверъ, подальше отъ степи. Весь югъ Россіи, начиная съ Орловской губерніи, представлялъ уже и безъ того совершенную пустыню въ XIV и XV столѣтіяхъ. Теперь и на сѣверъ отъ Орловской губерніи, въ Тульской и Рязанской, населеніе старалось держаться поближе къ Окѣ,—преимущественно между Окой и Проней съ Упой, а дальше на востокъ—между Окой, Волгой, Пьяной и Тешей.

Планомѣрная борьба Москвы со степными врагами началась только со средины XV вѣка, т. е. какъ разъ тогда, когда только-что образовалось Казанское царство и когда набѣги усилившагося Крымскаго ханства стали особенно тяжелы. Потребность въ за-

щитѣ стала настолько велика, что надо было во что бы то ни стало найти средства для ея удовлетворенія. Московское государство было для этого въ тотъ моментъ еще недостаточно сильно. На первыхъ порахъ оно ограничилось только тѣмъ, что было безусловно необходимо для его собственнаго самоохраненія. Оно рѣшилось защищать ближайшую естественную границу, «берегъ» (Оки). Но и для обороны «берега» оно употребило не собственныя силы, которыя еще не были созданы, а силы подручныхъ татарскихъ царевичей. Такіе «служилые» царевичи появляются во второй половинѣ XV вѣка въ городахъ по Окѣ,—въ Каширѣ, въ Серпуховѣ, въ Касимовѣ.

Пока въ Крыму сидѣлъ союзникъ Москвы, Менглы-Гирей, эта простая мѣра достигала своей цѣли. Но она оказалась слишкомъ слабой, когда Менглы-Гирея смѣнилъ враждебный Москвѣ Махметъ-Гирей и когда три ханства—крымское, астраханское и казанское, соединились въ рукахъ династіи Гиреевъ. Страшный набѣгъ 1521 года показалъ, что услуги царевичей не могутъ спасти Москву отъ неожиданностей со стороны степи. Пришлось сдѣлать новое усиліе и позаботиться о регулярной охранѣ «берега». На «берегъ» ежегодно начинаютъ командироваться полки, а на югъ отъ Оки также выставляются въ извѣстныхъ мѣстахъ сторожевыя войска. Къ серединѣ XVI вѣка создается, такимъ образомъ, первая правильная линія обороны. Мѣста стоянки войскъ становятся крѣпостями; между ними проводятся валы и засѣки. Общее направленіе оборонительной линіи можно видѣть на картѣ, гдѣ эта линія принята за границу осѣдлаго населенія въ рединѣ XVI вѣка *). Восточнѣе Шацка русское населеніе жило уже среди инородцевъ и не рѣшалось подвигаться на югъ изъ Запьянья, колонизованнаго еще въ XIV вѣкѣ. Еще дальше на востокъ, со взятіемъ Казанскаго царства, Москва становится со второй половины вѣка твердой ногой въ Поволжьѣ. До покоренія Казани русское населеніе держалось только въ верховьяхъ Вятки и Камы теперь русская колонизація дѣлаетъ изумительно быстрые успѣхи въ камскомъ бассейнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ открывается широкая дорога въ Сибирь. Въ 1555—1568 гг. братья Строгановы получили свои первыя грамоты «на мѣста пустыя» по Камѣ и Чусовой, гдѣ «прежде сего пашни не пахиваны и дворы не ставливали». Прошло всего десять лѣтъ со времени послѣдней грамоты, и царскій писецъ

*) Т. наз. Тульская линія: Путивль, Рыльскъ, Трубчевскъ, Брянскъ, Карачевъ, Болховъ, Мценскъ, Крапивна, Тула, Дѣдиловъ, Епифань (а раньше: Михайловъ, Пронскъ), Ряжскъ и Шацкъ, всѣ эти пограничныя крѣпости построены или вновь укрѣплены между 1550—1560 гг.

нашелъ на земляхъ, пожалованныхъ Строгановымъ, 35 деревень и починковъ съ населеніемъ до 1.500 человѣкъ. Еще десять лѣтъ спустя казаки Строгановыхъ нашли дорогу въ Сибирь, и слѣдомъ за ними потянулись туда непрерывной вереницей русскіе поселенцы и искатели приключеній. Владѣнія Строгановыхъ были для нихъ, на пути изъ Россіи въ Сибирь, промежуточной стоянкой, гдѣ они отдыхали и запасались новыми силами.

Такъ же быстро создалось и окрѣпло, послѣ взятія Казани, русское владычество по рѣкамъ Бѣлой и Ику и на всемъ теченіи Волги. Одновременно съ Астраханью Москва подчиняетъ башкиръ, повиновавшихся раньше нагайцамъ; подорвавъ, такимъ образомъ, господство нагайцевъ, московское правительство систематически стѣсняетъ и обезсиливаетъ послѣднихъ построеніемъ укрѣпленныхъ городовъ по Волгѣ и въ сердцѣ Башкиріи (Самара, Царицынъ, Саратовъ, Уфа).

Прямо на югъ отъ тульской линіи работа построенія новыхъ городовъ пошла во второй половинѣ XVI вѣка не менѣе бойко. За это время возникла большая часть городовъ Орловской губерніи; города западной части губерніи, существовавшіе раньше, были вновь укрѣплены или перестроены. Южнѣе Орловской губ. появляется въ послѣдніе годы XVI столѣтія Бѣлгородъ; нѣсколько раньше выстраивается Воронежъ.

Смутное время сразу останавливаетъ все это движеніе на югъ. Наиболѣе южные форпосты (какъ Царевъ-Борисовъ) исчезаютъ безслѣдно. Татарскіе «шляхи» *) снова протаптываются кочевниками; населеніе разбѣгается изъ бассейна рѣки Оскола (по обѣ стороны которой тянутся два «шляха») и ищетъ убѣжища на лѣсныхъ притокахъ Донца, кругомъ Бѣлгорода—или на еще болѣе отдаленномъ Воронежѣ, защищенномъ лѣсами Тихой Сосны. Сѣвернѣе Бѣлгорода, въ Курской губерніи, гдѣ сходятся (на водораздѣлѣ донскихъ, днѣпровскихъ и окскихъ притоковъ) всѣ татарскіе шляхи, населеніе пока не рѣшается селиться. Въ такомъ положеніи находится дѣло колонизаціи, когда правительство, оправившись отъ смуты и испытавъ, во время второй польской войны (1634), все неудобство границы, открытой со стороны степи,— принимается вновь за строительную и колонизаціонную дѣятельность. Въ теченіе двадцати лѣтъ (1636—1656) создаются теперь три новыхъ оборонительныхъ линіи, примыкающихъ другъ къ

*) Дороги: см. карту. Западный (идущій изъ Крыма на Тулу) шляхъ назывался Муравскимъ; восточнѣе расположенъ — Изюмскій, самый восточный—Кальміусскій.

другу: Бѣлгородская, Симбирская и Закамская *). Почти на всемъ протяженіи этой черты правительству приходилось строить новые города, спеціально съ цѣлями обороны; во многихъ мѣстахъ ему приходилось вмѣстѣ съ городами создавать и населеніе. Въ западной части черты населеніе, правда, мѣстами выходило даже за предѣлы укрѣпленной линіи; но въ восточной части, гдѣ вольная колонизація сдѣлала гораздо меньше успѣховъ, пришлось насильно переводить на черту поселенцевъ. Такъ, въ Инсаръ переведены были колонисты изъ Темникова, въ Корсунь — изъ Алатыря, въ Симбирскъ — изъ Тетюшей **). Гдѣ было на лицо крестьянское населеніе, правительство обращало его въ служилое; не брезговали и инородцами для заселенія новой военной границы.

То же самое и въ то же время дѣлало въ сосѣднихъ съ Россіей мѣстахъ польское правительство. Мы говорили уже, что съ начала XVII вѣка украинское населеніе начало заселять Полтавщину. Правительство поспѣшило воспользоваться имъ для цѣлей военной обороны. Вмѣсто всякихъ подробностей, мы можемъ привести здѣсь свидѣтельство очевидца и участника этой военной колонизаціи, инженера Боплана. «Въ теченіе 17-ти лѣтъ, — пишетъ онъ, — проведенныхъ мной на службѣ двухъ польскихъ королей (1630—1647)... я основалъ болѣе пятидесяти значительныхъ слободъ или колоній, образовавшихъ, въ свою очередь, въ нѣсколько лѣтъ до тысячи деревень, благодаря приросту новыхъ поселеній. Это населеніе раздвинуло границы государства...; эта страна (большая часть которой заселена была при мнѣ) составляетъ теперь неприступный оплотъ противъ могущества турокъ...; въ провинціи, которая открывала врагамъ безпрепятственный путь къ побѣдамъ, они, къ величайшему своему изумленію, встрѣчаютъ теперь неизбѣжный позоръ и погибель».

Населеніе пришло, однако, въ Полтавщину вовсе не для того, чтобы прикрывать собой границы польскаго государства. Народъ бѣжалъ за Днѣпръ, чтобы спастись отъ польскихъ порядковъ. Эмиграція остановилась, какъ только началось возстаніе Хмельницкаго. Но когда надежда на благополучный исходъ борьбы была потеряна, эмиграція снова растетъ (съ 1651 г.) и скоро принимаетъ небывалые размѣры. «И повелѣлъ народу (Хмельницкій)», такъ разсказываетъ малорусскій лѣтописецъ (Грабянка), «вольно

*) 1) Ахтырка, Бѣлгородъ, Короча, Острогожскъ, Коротоякъ, Воронежъ, Усмань, Козловъ. 2) Тамбовъ, Верхній и Нижній Ломовы, Инсаръ Саранскъ, Корсунь, Симбирскъ. 3) Сенгилей, Мензелинскъ. См. 2-ю черту на картѣ «разселенія русскаго племени».

**) См. на картѣ пограничную линію населенія средины XVII вѣка.

сходить съ городовъ, кидаючи свои пожитки, къ Полтавщинѣ, такожъ и за границу у Великую Россію, чтобы тамъ селиться городами. И отъ того часу стали селиться: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и всѣ слободы до самаго Дона козацкимъ народомъ». Показанія лѣтописца вполнѣ подтверждаются фактами Въ 1652 году уже намѣчаются границы малорусской иммиграціи: на западѣ основываются Сумы, на востокѣ — Острогожскъ. Въ Острогожскъ пришелъ цѣлый полкъ — 1.000 человѣкъ—изъ Волыни, послѣ пораженія подъ Берестечкомъ. Въ 1654 г., не говоря о болѣе мелкихъ поселеніяхъ, — является Ахтырка, тоже полковой городъ съ населеніемъ болѣе 1.000 чел. муж. пола, и Харьковъ. Вслѣдъ затѣмъ, съ принятіемъ Малороссіи въ русское подданство, эмиграція малороссовъ опять пріостанавливается, съ тѣмъ, чтобы снова усилиться въ эпоху Руины. Правый (польскій) берегъ Днѣпра былъ совершенно опустошенъ въ это время поляками и татарами (особенно тяжела была вторая половина семидесятыхъ годовъ). Вотъ свидѣтельство другого малорусскаго лѣтописца о томъ, какой видъ представляла польская украйна послѣ этого «сгона». «Проходя украйну того берега», говоритъ Величко, «я видѣлъ много городовъ и замковъ пустыхъ и безлюдныхъ...; и стѣны видѣлъ... разваленныя, къ землѣ приникшія, лѣсомъ заросшія и покрытыя сорной травой, въ которой гнѣздятся змѣи, гады и черви. И поля, и сады, и ловли, и озера,— все запустѣло; повсюду множество костей человѣческихъ, голыхъ и сухихъ, прикрытыхъ однимъ небомъ. А не даромъ поляки звали ту украйну раемъ польскаго міра: потому что до войны Хмельницкаго она была какъ вторая земля обѣтованная, текущая млекомъ и медомъ». За то на московской сторонѣ появляется въ это время рядъ новыхъ городовъ, основанныхъ малороссами: Суджа, Бѣлополье, Волчанскъ, Торъ, Золочевъ и нѣсколько городковъ на донецкихъ перевозахъ.

Такимъ образомъ, за какія-нибудь 30 лѣтъ (1650—1680) заселяется югъ Курской губерніи, вся Харьковская, за исключеніемъ восточныхъ уѣздовъ, и западъ Воронежской губ. Только-что построенная московскимъ правительствомъ Бѣлгородская черта оказывается совершенно заслоненной малорусскими поселеніями. Для защиты вновь колонизованныхъ мѣстъ приходится въ 1680 годахъ устроить третью дополнительную линію укрѣпленій—по Донцу. Но и эта линія тотчасъ же опережается съ юга новыми поселенцами: одновременно съ ея устройствомъ поселяется южнѣе ея Изюмскій полкъ. Тогда же возникаетъ, поэтому, идея—провести новую (четвертую) укрѣпленную черту, которая загородила бы отъ набѣговъ

водораздѣлъ Днѣпра и Донца: по этому водораздѣлу шелъ одинъ изъ главныхъ татарскихъ шляховъ,—Муравскій.

Осуществленіе этой идеи было, однако, отложено,—вѣроятно, подъ вліяніемъ тѣхъ надеждъ, которыя возбуждены были ходомъ борьбы съ Турціей. Бахчисарайскимъ договоромъ 1681 г. за Россіей были признаны запорожскія земли; затѣмъ, довольно неопредѣленныя границы этихъ земель были приведены въ ясность перемиріемъ съ Турціей 1700 года и межевой записью 1705 года. Казалось, при такомъ передвиженіи владѣній—на югъ отъ Екатеринославской губерніи—не было никакой надобности укрѣплять южную границу Харьковской и Полтавской губ. Скоро, однако, Прутская неудача положила конецъ этимъ надеждамъ. Русская граница по прутскому миру 1711 года отодвинулась снова до Кіевской, Полтавской, Харьковской губерній, а къ предѣламъ 1705 года вернулась не раньше бѣлградскаго мира (1739) и послѣдовавшихъ за нимъ разграниченій 1740 и 1742 годовъ. Такимъ образомъ, надо было опять подумать объ укрѣпленіи границъ Слободской украйны *). Первыя мѣры были приняты немедленно: въ томъ же 1711 г. учреждена ландмилиція, или пограничная военная стража. Но только при Аннѣ устройство новой оборонительной линіи было закончено, передъ самымъ началомъ турецкой войны (1731—35). На линіи было поселено 20 ландмилицкихъ полковъ; самая линія укрѣплена цѣлымъ рядомъ фортовъ и, между ними, различными земляными сооруженіями. Какъ мы сказали, однако, запорожскія земли черезъ четыре года вернулись къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и только-что укрѣпленная («Украинская») линія перестала быть пограничной. Для обороны новой границы понадобились новыя мѣры, которыя правительство и начинаетъ принимать съ середины XVIII столѣтія (ниже, стр. 63).

Обратимся теперь къ колонизаціи болѣе восточныхъ мѣстностей Россіи за тотъ же промежутокъ—съ середины XVII по середину XVIII столѣтія. Какъ и въ предыдущее столѣтіе, колонизаціонное движеніе здѣсь сильно отстаетъ отъ мѣстностей, только-что разсмотрѣнныхъ. Защищенныя лѣсами и поселеніями инородцевъ, эти мѣста менѣе подвергались опасности со стороны степи. Правительство не было заинтересовано въ ихъ заселеніи и оборонѣ: поэтому, и колонизація за весь XVII вѣкъ почти не двигалась далѣе Бѣлгородской и Симбирской черты. Къ рединѣ XVIII вѣка населеніе продвинулось сколько-нибудь значительно за черту только

*) Подъ Слободской украйной разумѣлись поселенія малороссійскихъ полковъ 1560—80 годовъ, т.-е. Изюмскаго, Харьковскаго, Острогожскаго, Ахтырскаго и Сумскаго.

въ самомъ безопасномъ углу—между теченіемъ Волги (отъ Симбирска до Саратова) и Симбирской чертою*). Дальше на югъ начинается бассейнъ донскихъ притоковъ—старинное достояніе донскаго казачьяго войска. Почти въ одно время съ запорожскимъ около половины XVI вѣка, оба эти низовыя войска становятся замѣтны въ исторіи. Съ Баторія запорожское войско служитъ, хотя не очень вѣрно, Польшѣ и отъ Баторія получаетъ грамоту на дикія поля по Днѣпру. Съ современника Баторія, Ивана Грознаго, донское войско служитъ Москвѣ,—и тоже не очень вѣрно,—да и жалованье царское не велико: казаки служатъ «съ земли и съ воды». Какъ время появленія двухъ войскъ, такъ и время паденія ихъ независимости совпадаетъ: въ томъ же самомъ 1775 г., кода русскія войска разрушаютъ Сѣчь по приказанію Екатерины, Потемкинъ учреждаетъ въ войскѣ донскомъ войсковую канцелярію, которая упраздняетъ старую дѣятельность войсковаго круга. За эти два вѣка своей исторіи оба войска—сперва расширяютъ свои земли путемъ вольной казацкой колонизаціи, а затѣмъ, подъ напоромъ колонизаціи съ сѣвера, ихъ территоріи начинаютъ сокращаться. Съ конца XVII вѣка донскихъ казаковъ начинаютъ тѣснить съ Донца малороссійскіе колонисты; въ то же время съ сѣвера Воронежской и Тамбовской губерній бѣжитъ къ донскимъ казакамъ великорусская вольница. Правительство принимаетъ мѣры, старается поставить барьеръ противъ побѣговъ гулящихъ людей въ придонскія степи. Въ 1682 году встрѣчаемъ первое запрещеніе принимать бѣглыхъ; въ 1683 году устроена застава на границѣ Воронежской губерніи, а въ 1703 г. посланы чиновники для приведенія въ извѣстность казачьихъ городковъ на Дону: городки (которыхъ въ 1672 г. числилось уже 48) описаны, и казакамъ запрещено занимать пустопорожнія земли. Отнятіе въ казну соляныхъ источниковъ у Донца переполнило мѣру терпѣнія казаковъ. Послѣдовалъ извѣстный Булавинскій бунтъ, окончившійся очень печально для войска. Казаки потеряли часть Донца (ниже Изюма) съ его лѣвыми притоками, верховья Хопра, Медвѣдицы и Иловли. Въ общихъ чертахъ Земля войска донского была приведена въ ея теперешніе предѣлы. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылась возможность прочнаго заселенія отрѣзанныхъ у войска рѣчныхъ верховьевъ съ ихъ притоками. Уже Петръ I разрѣшаетъ острогожскимъ казакамъ занять мѣста по Айдару; въ 1782 году они являются сюда и заселяютъ самый восточный уѣздъ Харьковской губерніи (Старобѣльскій). За тотъ же промежутокъ времени, т.-е. съ

*) См. карту.

конца XVII вѣка по середину XVIII, начинаетъ заселяться юго-востокъ Воронежской и Тамбовской губерній, и сѣверъ Саратовской.

Такъ же медленно продвигалось на югъ заволжское населеніе. Вплоть до Петра Великаго сплошныя русскія поселенія не шли за Волгой дальше Черемшана, т. е. маленькаго сѣверо-западнаго уголка Самарской губерніи. Но со времени Петра частые башкирскіе бунты заставляютъ правительство обратить вниманіе на колонизацію этого края. Дѣло начинается съ того, что старая закамская линія передвигается южнѣе, къ окраинѣ осѣдлаго населенія: а вмѣсто Сенгилея, западной ея оконечностью становится Самара (1730). Затѣмъ, изъ оборонительнаго положенія правительство переходитъ въ наступательное. Возникаетъ идея—прорѣзать поселенія инородцевъ укрѣпленной линіей по Уралу, окруживъ, такимъ образомъ, съ тыла поселенія башкиръ и отрѣзавъ ихъ сообщенія съ киргизами. Въ 1734—1744 гг. эта идея приводится въ исполненіе. Центромъ новой линіи становится Оренбургъ. Отъ него внизъ и вверхъ по Уралу тянется рядъ крѣпостей. Защита нижняго теченія Урала поручается старожиламъ,—яицкимъ казакамъ, извѣстнымъ въ исторіи съ конца XVI вѣка. На верхній Уралъ переселяются правительствомъ войска со старой укрѣпленной черты: два полка переводятся со старой закамской линіи, два другихъ—съ новой черты 1730 года, которая теряетъ всякое значеніе послѣ укрѣпленія Урала; наконецъ, еще два полка сформировываются вновь. Такимъ образомъ создается зерно Оренбургскаго казачьяго войска. Со старыми поселеніями на Волгѣ новая черта соединяется рядомъ крѣпостей по рѣкѣ Самарѣ *).

Послѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій пустое пространство между старой и новой укрѣпленной линіей начинаетъ быстро наполняться переселенцами. Такимъ образомъ заселяются Бугульминскій и Бугурусланскій уѣзды Самарской губерніи. Южнѣе Самары все пространство остается пустыннымъ до Екатерины II.

Какъ видимъ, колонизація Заволжья находится въ самой тѣсной связи съ правительственными мѣрами для обороны края. То же самое придется повторить и относительно дальняго востока Россіи, съ тою только оговоркой, что здѣсь былъ еще одинъ серьезный поводъ стараться о замиреніи края: это—возникавшее на Уралѣ горнодѣліе. До средины XVII вѣка русское населеніе держалось теченія тѣхъ главныхъ рѣкъ, которыя привели его въ Сибирь. Съ этого времени начинается движеніе населенія на югъ, въ предѣлы Красноуфимскаго, Екатеринбургскаго, Камышловскаго

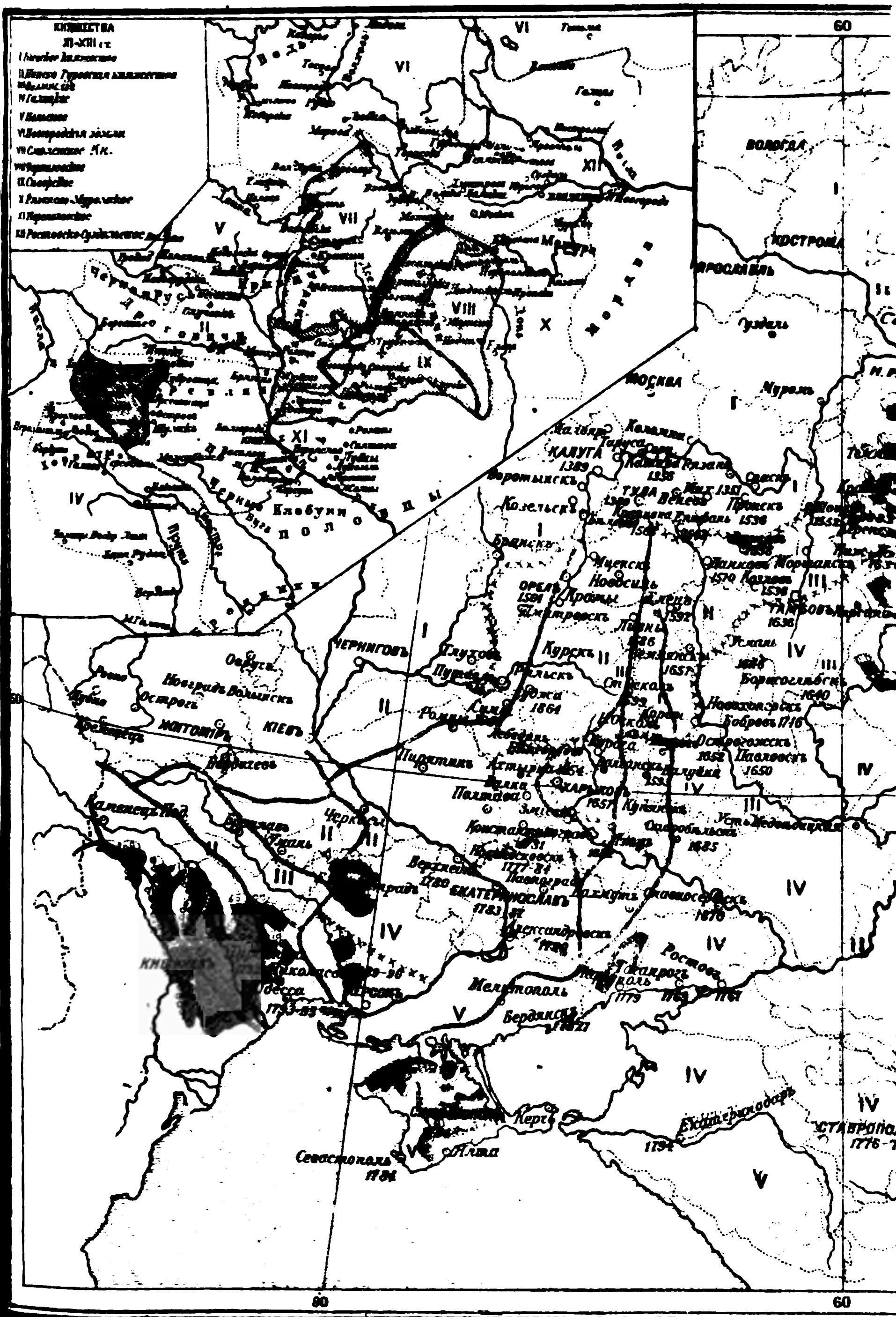
*) См. всѣ эти линіи на картѣ.

и Шадринскаго уѣздовъ Пермской губерніи. По мѣрѣ знакомства съ горными богатствами пермскаго юга, начинаютъ возникать и горнозаводскія предпріятія, въ судьбѣ которыхъ, особенно съ Петра Великаго, принимаетъ близкое участіе правительство. Екатеринбургъ въ 1723 г., Красноуфимскъ въ 1736 г. возникаютъ въ качествѣ крѣпостей для защиты страны отъ башкиръ. Въ 1754 г. создается между обоими пунктами рядъ промежуточныхъ крѣпостей. Впрочемъ, къ этому времени, послѣ опустошительной войны второй половины 30-хъ годовъ, башкиры перестали быть страшными. Отъ киргизовъ охраняла новая линія по Уралу и Ую. Насколько безопасно чувствовало себя населеніе отъ тѣхъ и другихъ враговъ, видно изъ того, что около середины вѣка и мѣстность на сѣверъ отъ Уя, между этой рѣкой и Міясомъ, начинаетъ быстро заселяться. Такимъ образомъ, къ серединѣ XVIII вѣка населеніе проникло до крайнихъ восточныхъ предѣловъ европейской Россіи.

Вторая половина XVIII вѣка была еще богаче послѣдствіями для исторіи русской колонизаціи, чѣмъ первая. Правительство продолжало видѣть въ колонизаціи лучшее средство для борьбы со степью. Съ построеніемъ Украинской линіи 1730 года русское населеніе придвинулось къ самой границѣ, за которой кончалась черноземная земледѣльческая полоса и начиналась степь. Вмѣстѣ съ тѣмъ истощился и колонизаціонный матеріалъ—малорусскій и великорусскій. Но въ виду ослабленія Крыма и вызванныхъ этимъ ослабленіемъ политическихъ плановъ и стратегическихъ соображеній, правительство продолжало искусственно развивать дальнѣйшую колонизацію въ степь. Запаса вольныхъ колонистовъ болѣе не хватало для такого быстраго заселенія юга, какого хотѣло правительство. Поэтому оно обратилось къ заграничному переселенческому матеріалу,—и прежде всего къ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ—южнымъ славянамъ.

Собственно говоря, еще при Петрѣ начались попытки выманить турецкихъ и австрійскихъ славянъ въ южную степь. Въ серединѣ вѣка славяне являются массами. Въ 1785-хъ годахъ на флангахъ Украинской линіи выстраиваются сербскія военныя поселенія За южной границей Кіевской губерніи селится полкъ Хорвата и возникаетъ поселеніе т. наз. Новой Сербіи. Южнѣе Новой Сербіи появляется вскорѣ новый слободской полкъ. Такимъ образомъ, колонисты размѣщаются уже среди запорожскихъ земель, отнимаемыхъ теперь у старыхъ владѣльцевъ. На восточномъ флангѣ Украинской линіи, на Лугани и Бахмутѣ, поселяются полки Шевича и Прерадовича—Славяно-сербія. Съ этой стороны тоже отодвигаются

запорожскія поселенія, а часть ихъ входитъ въ составъ новыхъ полковъ. Помимо славянъ, правительство открываетъ доступъ въ новыя поселенія раскольникамъ и бѣглымъ; тотъ и другой элементъ скоро начинаютъ составлять преобладающую часть населенія. Черезъ десять лѣтъ послѣ поселенія Хорвата (1764) Украинская линія оказывается настолько закрытой новыми поселеніями, что теряетъ свое стратегическое значеніе и упраздняется вовсе. Еще черезъ шесть лѣтъ, во время турецкой войны, является новая (5-я) «Днѣпровская» линія по границѣ теперешней Екатеринославской губерніи съ Таврической. Такимъ образомъ русскія укрѣпленія подошли вплотную къ нагайской степи. По Кайнарджійскому миру установляется граница, которая и на правомъ берегу Днѣпра доводитъ русскія владѣнія до нагайцевъ. Мы видѣли, что въ сущности уже договоры 1740—42 года включили запорожскія владѣнія въ предѣлы Россіи (выше стр. 60). Но укрѣпленія, созданныя тогда на границѣ, были разрушены безслѣдно ко времени турецкихъ войнъ. Фактически довести свою власть до этихъ предѣловъ русское правительство въ то время не имѣло еще возможности. Только въ 50-хъ годахъ, съ помощью славянскихъ колонистовъ, оно начинаетъ налагать свои руки на владѣнія запорожскихъ казаковъ. Теперь, немедленно послѣ Кайнарджійскаго мира, запорожскія земли окончательно присоединяются къ русской территоріи и самая Сѣчь формально прекращаетъ свое существованіе. Больше 50 тысячъ стараго запорожскаго населенія становятся такимъ образомъ жителями русской Новороссіи. На земли, оставшіяся незанятыми, правительство въ тотъ же годъ открываетъ доступъ грекамъ и армянамъ изъ Крыма. Въ четыре года тѣхъ и другихъ переселилось до 30.000 человѣкъ. Наконецъ, въ 80-хъ годахъ правительство обращается къ иностраннымъ колонистамъ-сектантамъ и отводитъ подъ ихъ поселенія болѣе 500 тысячъ десятинъ въ предѣлахъ Новороссійскаго края. Такія же усиленныя мѣры принимаются для заселенія нагайской степи, присоединенной вмѣстѣ съ Крымомъ въ 1783 году. Но заселеніе русскими Таврической губерніи, также какъ и Черноморскаго прибрежья между Бугомъ и Днѣстромъ, пріобрѣтеннаго по Ясскому миру, относится уже къ XIX столѣтію. Зато колонизація Новороссійскаго края уже въ прошломъ вѣкѣ достигла значительныхъ результатовъ. До 1750 годовъ на заселенной тогда сѣверной окраинѣ Новороссіи можно насчитать до 20 тысячъ русскаго населенія. Немного больше этого количества (до 27 тысячъ) жило въ то время въ предѣлахъ запорожскихъ земель. Всего, слѣдовательно, было въ Новороссіи середины XVIII вѣка едва ли больше 50 тысячъ человѣкъ насе-

60
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
Суздаль
Муромъ
МОСКВА
КАЛУГА
1389
Козельскъ
Брянскъ
ТУЛА
Мценскъ
Новосиль
ОРЕЛЪ
Елецъ
Ливны
Курскъ
Тамбовъ
Борисоглѣбскъ
Новохоперскъ
Острогожскъ
Павловскъ
1650
ЧЕРНИГОВЪ
Глуховъ
Путивль
Ромны
КІЕВЪ
ЖИТОМІРЪ
Острогъ
Бердичевъ
Пирятинъ
Полтава
Змiевъ
Черкассы
Умань
ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
1783
Бахмутъ
Ростовъ
Таганрогъ
Одесса
Херсонъ
Мелитополь
Бердянскъ
Керчь
Ялта
Севастополь
1784
Екатеринодаръ
1794
СТАВРОПОЛ
IV
V
80
60

ленія. Въ 1790-хъ годахъ это количество болѣе чѣмъ удесятерилось: не смотря на двѣ турецкія войны, которыя обѣ коснулись Новороссіи и дорого ей стоили, въ ней насчитывалось жителей болѣе полумилліона *). Такимъ образомъ, за какія-нибудь 40 лѣтъ выросъ Новороссійскій край.

Въ то же самое время русская колонизація становится твердой ногой на Кавказѣ. Въ 1777—99 годахъ устраивается укрѣпленная «Кавказская» линія на Кубани и Терекѣ. Для обороны линіи, кромѣ изстари жившихъ здѣсь терскихъ и гребенскихъ казаковъ, переселены были нѣсколько казацкихъ полковъ съ Дона и съ Волги. Этимъ средствомъ правительство достигало сразу двухъ цѣлей: оно освобождалось отъ безпокойныхъ элементовъ въ мѣстностяхъ, ставшихъ безопасными въ военномъ отношеніи, и пріобрѣтало прочную точку опоры для дѣйствій противъ кавказскихъ горцевъ. Попытки проникнуть за Терекъ оставались, однако, неудачными вплоть до нашего столѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и колонизація не могла двинуться въ прошломъ вѣкѣ дальше Терека и Кубани.

Заселеніе нижняго Поволжья также значительно подвинулось впередъ во вторую половину прошлаго вѣка. Здѣсь, какъ и на югѣ, правительство употребило въ дѣло искусственныя колонизаціонныя средства. Въ самый годъ вступленія на престолъ, Екатерина II манифестомъ пригласила иностранцевъ и бѣжавшихъ за-границу раскольниковъ селиться въ Поволжьѣ, южнѣе Самары. На призывъ откликнулось значительное количество нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся по теченію Волги, и раскольниковъ, основавшихъ свои скиты на Иргизѣ. На югъ отъ Иргиза все пространство Самарской губерніи осталось пустыннымъ, несмотря на то, что по теперешней южной границѣ губерніи устроена была правительствомъ для охраны населенія отъ киргизовъ и калмыковъ кордонная линія. Такимъ же пустыннымъ оставалось и пространство между Дономъ и Волгой на югъ отъ Царицына. Только въ XIX-мъ столѣтіи всѣ эти мѣстности получили сколько-нибудь значительное населеніе. Обширные южные уѣзды Самарской губерніи (Николаевскій и Новоузенскій), а также Царевскій уѣздъ Астраханской губерніи оффиціально открыты только въ 1836 году.

Мы разсмотрѣли теперь, въ самыхъ общихъ чертахъ, численность, составъ и размѣщеніе русскаго населенія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ историческій процессъ, проходящій черезъ всю рус-

*) Напомню, что количество жителей трехъ новороссійскихъ губерній превышаетъ уже 6 милліоновъ, т.-е. составляетъ въ 12 разъ больше, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ.

скую исторію, оказался и до сихъ поръ недоконченнымъ. Въ составѣ населенія далеко не завершился вѣковой процессъ слiянія различныхъ этнографическихъ элементовъ и образованія новыхъ разновидностей русскаго племени. Въ размѣщеніи населенія прекратилось дѣйствіе историческихъ причинъ, оттѣснившихъ русское населеніе на сѣверъ и державшихъ его въ этомъ положеніи въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ. Въ 200—300 лѣтъ результатъ дѣйствія этихъ причинъ, конечно, не могъ вполнѣ изгладиться, и населеніе не успѣло еще разселиться по Россіи сообразно естественнымъ богатствамъ ея различныхъ мѣстностей. Но съ каждымъ годомъ процессъ разрушенія послѣдствій, созданныхъ исторіей, быстро идетъ впередъ. Настоящее все болѣе стремится оторваться отъ прошлаго, а вмѣстѣ съ этимъ и «завѣты исторіи» все болѣе теряютъ надъ нами свою фатальную силу. Это замѣчаніе особенно справедливо относительно русскаго юга, — страны, которую уже въ XVII-мъ вѣкѣ славянскій патріотъ Крижаничъ призналъ обѣтованной страной русскаго будущаго.

Свѣдѣнія о сѣверныхъ монастыряхъ сгруппированы по Исторіи Россійской Іерархіи и по *Ратшину*: Полное собраніе историч. свѣдѣній о монастыряхъ. М. 1852. Общаго очерка колонизаціи Россіи до сихъ поръ не существуетъ въ литературѣ. Въ наиболѣе доступномъ видѣ читатель можетъ найти матеріалы для такого очерка въ статьяхъ Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи *П. Семенова*, Спб., 1863—1885 г., 5 томовъ; въ предисловіяхъ къ губернскимъ «Спискамъ населенныхъ мѣстъ Росс. имперіи», составл. и издаваем. центральн. статистич. комитетомъ (съ 1861 г.): нѣкоторыя изъ этихъ предисловій («общія свѣдѣнія о губерніи») очень обстоятельны и обширны; въ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба», также по губерніямъ (такъ наз. 4-е изданіе, матеріалы для котораго собирались съ 1857 года). Изъ спеціальныхъ изслѣдованій наиболѣе послужили для составленія очерка и карты слѣдующія: *Д. Багалѣй*. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. государства. М. 1887, и *его же* Матеріалы для исторіи колонизаціи и т. д. 2 тома, Харьковъ, 1886—90. *И. Н. Миклашевскій*. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. (Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, ч. I). М. 1894. *Д. И. Эварницкій*. Вольности запорожскихъ казаковъ, историко-топограф. очеркъ. Спб. 1890. *Скальковскій*. Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. 1731 — 1823. Одесса 1836—38, 2 части, и *его же* Исторія Новой Сѣчи (2-е и 3-е изданія). *Перетятковичъ*. Поволжье въ XVI и XVII вѣкахъ. М. 1887 и *его же* Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка, Одесса, 1882. *Ѳирсовъ*. Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства (въ Запискахъ Казан. Универ. 1870). *Витевскій*. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. 3 выпуска. Казань, 1789—91; *его же* И. И. Неплюевъ, біограф. истор. очеркъ. Каз. 1891.

Очеркъ второй. Экономическій бытъ.

I.

Натуральное и денежное хозяйство. — Характеръ натуральнаго хозяйства древней Руси. — Эксплуатація зоологическихъ богатствъ.—Истощеніе центра и перенесеніе зоологической эксплуатаціи на окраины. — Медленность перехода къ земледѣльческой культурѣ.—Экстенсивныя системы древне-русскаго земледѣлія. — Постепенное истощеніе почвы въ центрѣ и на окраинахъ. — Причины замедленія перехода къ интенсивнымъ системамъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на Кузнецкомъ мосту, на самомъ бойкомъ мѣстѣ, стоялъ большой барскій домъ. Передъ домомъ оставался незастроеннымъ просторный дворъ, по обѣ стороны котораго, такъ же, какъ и позади барскаго дома, тянулись многочисленныя барскія службы: людскія, поварня, конюшни и сараи, кладовыя и амбары. Богатый владѣлецъ дома мало однако же приносилъ дохода московскимъ лавкамъ и магазинамъ, такъ какъ все у него было свое, а не покупное: провизія привозилась ему цѣлыми обозами изъ крѣпостныхъ деревень, прислуга была тоже своя, крѣпостная, и въ составъ ея входили не только лакеи и горничныя, но и кучера, и повара, и даже музыканты и парикмахеръ. Если бы какимъ-нибудь чудомъ вся Москва исчезла съ своего мѣста, и перестала бы существовать вся Россія, кромѣ крѣпостныхъ деревень владѣльца, то въ барскомъ домѣ на Кузнецкомъ мосту обычная жизнь хозяина съ многочисленными гостями могла бы продолжать свое теченіе, какъ будто нигдѣ ничего не измѣнилось.

Не знаю хорошенько, что именно находится теперь на мѣстѣ стараго барскаго дома; вѣроятно, какой-нибудь грандіозный магазинъ, многоэтажная гостинница или банкирская контора. Но что бы тамъ ни находилось теперь, можно навѣрное сказать, что теперешній хозяинъ, будь это собственникъ дома или содержатель магазина и гостинницы, или квартирантъ въ послѣдней,—уже не

могутъ раздѣлять того философскаго равнодушія, съ какимъ имѣлъ возможность созерцать окружающее ихъ предшественникъ, владѣлецъ крѣпостныхъ деревень. Дѣло въ томъ, что никто изъ нихъ не можетъ быть сытъ предметами своего имущества,—зданіями, сукнами, лампами и т. д.; всѣмъ имъ приходится, чтобы существовать и пользоваться достаткомъ, обращать свой товаръ въ деньги и деньги опять въ товаръ и такъ далѣе до безконечности: другими словами, всѣ они зависятъ отъ покупателя, и всѣ ихъ предпріятія разсчитаны на болѣе или менѣе быстрый обмѣнъ.

Эта перемѣна въ центрѣ Москвы представляетъ намъ въ миніатюрѣ то, что случилось на протяженіи, главнымъ образомъ, нашего вѣка, во всей Россіи, а за много вѣковъ раньше и въ Западной Европѣ. Вездѣ экономическая жизнь народовъ начиналась съ такъ-называемаго натуральнаго хозяйства, то-есть такого, которое производитъ свои продукты для самого себя и само всѣ ихъ потребляетъ. Но въ Западной Европѣ уже при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, съ XIV вѣка началось распаденіе этого натуральнаго хозяйства, и совершилась мало-помалу замѣна его хозяйствомъ мѣновымъ, при которомъ каждый производитель создаетъ не все для себя нужное, а выбираетъ какую-нибудь одну спеціальность, нужную для всѣхъ, и продукты своей работы, конечно уже болѣе совершенные,—обмѣниваетъ на нужные для себя продукты работы другихъ спеціалистовъ. Это хозяйство называется еще и денежнымъ, такъ какъ деньги служатъ необходимымъ орудіемъ общаго обмѣна, такъ сказать, общимъ знаменателемъ цѣнности всѣхъ отдѣльныхъ спеціальныхъ работъ, очень трудно сравнимыхъ безъ этого вспомогательнаго средства. Впрочемъ, когда обмѣнъ правильно и прочно устанавливается, тогда это вспомогательное средство постепенно становится излишнимъ: точнѣе говоря, излишнимъ становится всякій разъ мѣнять обмѣниваемые продукты на наличный драгоцѣнный металлъ, — оказывается достаточнымъ опредѣлить ту цифру металла, какую имѣетъ право получить за свой продуктъ владѣлецъ этого продукта, и дать ему документъ, который бы обезпечивалъ ему полученіе этого количества металла. Такимъ образомъ, деньги постепенно замѣняются денежными знаками, равноцѣнность которыхъ съ настоящими деньгами обезпечивается довѣріемъ къ тѣмъ учрежденіямъ или лицамъ, которыя даютъ эти знаки.

Всѣ перечисленныя явленія, свойственныя мѣновому хозяйству, получаютъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ дальше идетъ экономическій ростъ страны; раздѣленіе труда становится все болѣе и болѣе дробнымъ; сложность и быстрота обмѣна все болѣе увели-

чивается; въ результатѣ общественное довѣріе или кредитъ все болѣе выростаетъ, и все болѣе расширяются примѣненія кредита къ различнымъ явленіямъ экономической жизни.

Предыдущій очеркъ долженъ былъ уже подготовить читателя къ тому, что въ исторической жизни Россіи всѣ эти явленія, сопровождающія экономическій ростъ страны, онъ встрѣтитъ гораздо менѣе развитыми и весьма запоздалыми сравнительно съ Западной Европой. Обмѣнъ является, конечно, на самыхъ низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія; но, въ общемъ, все наше экономическое прошлое есть время господства не мѣноваго, а натуральнаго хозяйства; въ классѣ землевладѣльческомъ только освобожденіе крестьянъ вызвало окончательный переходъ къ мѣновому хозяйству, а въ классѣ крестьянскомъ натуральное хозяйство процвѣтало бы и до нашего времени, если бы необходимость добыть деньги для уплаты податей не заставляла крестьянина выносить свои продукты и свой личный трудъ на рынокъ.

Но характеризовать экономическую жизнь Россіи преобладаніемъ натуральнаго хозяйства—далеко еще недостаточно. Натуральное хозяйство можетъ быть разное, а въ нашемъ примѣрѣ помѣщичьяго дома на Кузнецкомъ мосту мы имѣли дѣло съ высоко развитымъ и весьма сложнымъ типомъ натуральнаго хозяйства. Если мы углубимся въ русское прошлое, мы встрѣтимъ тамъ несравненно болѣе элементарные типы.

По свойству человѣческой природы люди не склонны затрачивать на поддержаніе своего существованія больше труда, чѣмъ это безусловно необходимо. Только возрастающее несоотвѣтствіе между потребностями людей и запасами природы заставляетъ людей увеличить количество работы. Такое несоотвѣтствіе можетъ произойти или отъ увеличенія потребностей, или отъ уменьшенія запасовъ. Именно увеличеніемъ потребностей, происходящимъ отъ возростанія числа жителей страны, мы и объяснили раньше необходимость усиливать трудъ, предполагая при этомъ, что количество запасовъ природы остается одно и то же. Но дѣло въ томъ, что и запасы природы не остаются одинаковыми, а параллельно съ увеличеніемъ населенія уменьшаются. Занявши страну съ непочатыми естественными богатствами, населеніе начинаетъ съ того, наиболѣе легкаго средства,—что расхищаетъ эти даровыя или требующія наименьшаго приложенія труда богатства природы. При этомъ прежде всего пускаются въ оборотъ и постепенно истребляются зоологическія богатства края, животное населеніе лѣсовъ и водъ. Затѣмъ подвергаются истощенію ботаническія и почвенныя богатства. Наконецъ, очередь доходитъ до

ископаемыхъ минералогическихъ средствъ страны. Всѣ эти природные рессурсы были тронуты въ Западной Европѣ и частью даже истощены еще въ доисторическомъ прошломъ. У насъ процессъ постепеннаго расхищенія ихъ составляетъ основной фонъ нашей прошлой экономической жизни и проходитъ красной нитью черезъ все наше экономическое развитіе вплоть до настоящаго времени. Чѣмъ долѣе занимало населеніе извѣстную мѣстность, тѣмъ истощеніе природныхъ богатствъ должно было наступить въ ней раньше. Время, когда, напримѣръ, жители Кіевской области занимались звѣроловствомъ, уже древнѣйшему нашему лѣтописцу XI вѣка представлялось отдаленнымъ преданіемъ. На русскомъ сѣверѣ природныя зоологическія богатства сохранились дольше. Правда, для того, чтобы найти въ Поволжьѣ самыя рѣдкія и цѣнныя пушныя породы, вродѣ черныхъ соболей или чернобурыхъ лисицъ, намъ пришлось бы восходить къ первымъ вѣкамъ нашего государства, ко временамъ арабской торговли IX—XI вѣка. Но въ томъ же центральномъ Поволжьѣ въ XIV—XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ достаточно слѣдовъ, показывающихъ, что зоологическія богатства края продолжали служить основой экономической жизни. Въ старинныхъ грамотахъ постоянно попадаются цѣлыя селенія, спеціальностью которыхъ была эксплуатація этихъ зоологическихъ богатствъ: селенія *бобровниковъ*, *бортниковъ*, *рыболововъ*. На пустынныхъ тогда рѣчкахъ Московской и сосѣднихъ губерній въ большомъ еще количествѣ водились бобры. На мѣстахъ, богатыхъ бобрами, гдѣ нибудь по Вожѣ или по Клязьмѣ, цѣлыми десятками садились деревни «бобровниковъ», распредѣлявшихъ между собою эти «бобровые гоны». Въ лѣсахъ Московской губерніи уже въ началѣ XV вѣка, по свидѣтельству Герберштейна, не было иныхъ пушныхъ звѣрей, кромѣ зайцевъ; горностая и куницу можно было найти тогда не ближе Волги. Но въ этихъ центральныхъ лѣсахъ, все еще обширныхъ, въ изобиліи водилась дикая пчела, сама себѣ создававшая въ дуплахъ деревьевъ естественные ульи. Рядъ новыхъ поселковъ «бортниковъ» раздѣлилъ между собою эти борти (дуплистыя деревья съ медомъ) на «бортные ухожья»; медъ и воскъ были однимъ изъ самыхъ распространенныхъ продуктовъ старинной русской добывающей промышленности. Наконецъ, по всему теченію Волги и ея большихъ притоковъ, насколько этотъ бассейнъ былъ заселенъ, существовалъ цѣлый рядъ «рыбныхъ слободъ», населенныхъ «рыболовами».

Легко замѣтить, однако же, что бобры, медъ, воскъ, и даже рыба, если она добывается въ большомъ количествѣ, не могли же потребляться въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ добывались,—

что, слѣдовательно, самое существованіе такихъ поселеній какъ бы противорѣчитъ господству натуральнаго хозяйства. Это было бы такъ, конечно, если бы всѣ эти промышленники были свободными людьми и работали на себя. Но въ дѣйствительности всѣ они были слугами мѣстной власти: князья-владѣльцы и, можетъ быть, нѣкоторые крупные собственники давно уже разобрали между собою всѣ эти «бобровые гоны», «бортные ухожья», «рыбные ѣзы» (затворы), словомъ, всѣ лакомые куски тогдашней народной экономіи. Продукты этихъ промысловъ всѣ, или почти всѣ, потреблялись въ княжескомъ хозяйствѣ. На поддержаніе же собственнаго существованія эти слуги княжескаго дворца должны были имѣть собственную небольшую запашку.

Къ XVII-му вѣку, однако же, упоминанія о поселеніяхъ бобровниковъ, бортниковъ, становятся все рѣже; новые поселки этого характера совсѣмъ перестали возникать въ московскомъ центрѣ. Дѣло въ томъ, что въ теченіе XVI-го вѣка и къ XVII-му вѣку зоологическія богатства центральной московской Россіи окончательно истощились. Владѣльцы старыхъ бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ ловель и бортнаго лѣса расчищали теперь лѣсъ подъ пашню, ставили новые починки, и старыя зоолого-экономическія поселенія превращались въ «пашенныя села». Но, разставшись съ этой ступенью экономическаго развитія въ центрѣ, русское населеніе далеко не разставалось съ ней окончательно. Обратившись въ центрѣ къ занятіямъ по преимуществу земледѣльческимъ, оно перенесло теперь свою эксплуатацію зоологическихъ богатствъ на непочатыя окраины. Вслѣдъ за пушнымъ звѣремъ русскій звѣропромышленникъ пошелъ въ Сибирь; бортничество сохранилось у юго-восточныхъ инородцевъ (мордва, чуваши) и на всемъ вновь заселяемомъ юго-востокѣ начался новый періодъ зоолого-промышленной эксплуатаціи. Мы знаемъ изъ предыдущаго очерка, что колонизація юго-востока была вызвана политическими причинами: необходимостью борьбы съ кочевниками; но теперь мы можемъ прибавить и новую, внутреннюю, причину передвиженія населенія на новыя земли. Дѣло въ томъ, что эти новыя земли представляли непочатый край природныхъ богатствъ въ то самое время, когда богатства центра замѣтно оскудѣли *). Конечно, эта бо́льшая

*) Само собою разумѣется, что экономическое оскудѣніе центра есть только одна изъ причинъ, ухудшавшихъ положеніе массы въ срединной Россіи и побуждавшихъ его искать лучшаго на окраинѣ. Усилившійся къ концу XVI вѣка финансовый гнетъ и владѣльческіе поборы сами по себѣ уже даютъ достаточное объясненіе для этого бѣгства земледѣльческаго населенія изъ-подъ власти установившихся государственныхъ и соціальныхъ отношеній.

легкость жизни на свѣжей окраинѣ была однимъ изъ главныхъ побужденій, направлявшихъ потокъ народной колонизаціи въ эту окраину, какъ только она становилась сколько-нибудь безопасной отъ набѣговъ. Отливъ населенія изъ центра на окраину былъ настолько быстрый и рѣшительный, что на нѣсколько десятковъ лѣтъ центръ замѣтно опустѣлъ и, какъ увидимъ, экономическое развитіе его пріостановилось. Зато въ тѣ же десятилѣтія заселились вновь обширныя пространства на югѣ и на востокѣ Россіи. Въ общемъ итогѣ надо предположить, что къ концу XVI вѣка, въ результатѣ колонизаціи юго-востока, населеніе Россіи должно было значительно увеличиться; по крайней мѣрѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ открытіе новыхъ земель и ихъ заселеніе вело за собою усиленное размноженіе народонаселенія.

Во всякомъ случаѣ, та же быстрота заселенія новыхъ окраинъ была причиной того, что періодъ эксплуатаціи зоологическихъ богатствъ продолжался здѣсь сравнительно недолго, и полоса этой эксплуатаціи быстро отодвигалась все далѣе и далѣе на югъ. Въ серединѣ XVI вѣка югъ Кіевской губерніи, вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская—представляютъ такую полосу бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ, и звѣриныхъ ловель: вездѣ тутъ звѣря бьютъ, бобровъ и рыбу ловятъ. Къ серединѣ XVII-го вѣка эти мѣстности уже заселены земледѣльческимъ населеніемъ, и полоса звѣропромышленныхъ угодій, такъ называемыхъ «юртовъ», отодвигается на югъ—за Бѣлгородскую линію. Въ 1622-мъ году все теченіе Донца со всѣми притоками занято такими угодьями: вся средина Харьковской губерніи состоитъ изъ семи «юртовъ», которые эксплуатируютъ бѣлгородскіе служилые люди. Съ середины вѣка, однако, и сюда, какъ мы знаемъ, приходятъ новые колонисты и занимаютъ, съ согласія правительства, старые «юрты»,— не безъ предварительной борьбы съ ихъ прежними владѣльцами. Мы видѣли уже, что правительство пользовалось колонизаціей юга для своихъ военныхъ цѣлей: оно превращало поселенцевъ въ служилыхъ людей и поручало имъ оборону границы. Уже эта раздача «юртовъ» въ помѣстья, вмѣсто пашни, служилымъ людямъ сокращаетъ періодъ эксплуатаціи зоологическихъ богатствъ края; но того же самаго сокращенія правительство добивается и прямо, заставляя всячески новопоселенныхъ служилыхъ людей заняться хлѣбопашествомъ и стараясь повсюду завести собственную казенную запашку. Правительство при этомъ преслѣдовало собственные интересы: значительная часть жалованья служилымъ людямъ платилась въ XVII вѣкѣ натурой — хлѣбомъ: отправляя въ новый край отряды служилыхъ людей, правительство должно

было посылать имъ обозы хлѣба до тѣхъ поръ, пока не было или не хватало казеннаго и владѣльческаго хлѣба на мѣстѣ.

Вотъ почему правительство спѣшило здѣсь, какъ и въ Сибири, завести поскорѣе запашки на мѣстѣ. Но это удавалось ему далеко не сразу. Изъ отведеннаго правительствомъ участка только самая небольшая часть разрабатывалась подъ пашню, а остальная оставалась «дикимъ полемъ», или продолжала эксплуатироваться, какъ угодье. Въ Воронежѣ, напримѣръ, въ 1615 году, каждый владѣлецъ пахалъ только по $1^1/_2$ десятины (въ каждомъ полѣ, считая пашню «наѣздомъ»), а «дикаго» (то-есть, нераспаханнаго) поля было у каждаго по 25 десятинъ. Въ Осколѣ (1615 г.) распахано на каждаго менѣе десятины, а дикаго поля приходится по 30 десятинъ. Постольку же имѣли и бѣлгородскіе служилые люди; но пашня въ этомъ числѣ почти вовсе отсутствовала: «за пашню» имъ было дано въ помѣстье «1 островокъ, 7 юртовъ съ озерки и съ упалыми (то-есть, впадающими) рѣчками и съ бортными ухожьи и съ рыбными и съ звѣриными ловлями», разбросанными на разстояніи десятковъ верстъ отъ Бѣлгорода. Только постепенно въ теченіе XVII-го вѣка угодья и дикое поле разрабатывались подъ пашню.

Къ XVIII вѣку оставалось, однако, все еще много мѣста для звѣропромышленной и рыболовческой эксплуатаціи. Полный просторъ для такой эксплуатаціи представляли Екатеринославская губернія и нижнее Поволжье, тогда еще вовсе незаселенныя. Затѣмъ, два казачьихъ войска: Запорожская сѣчь на юго-западѣ и донское казачество на юго-востокѣ, на весь вѣкъ сохранили характеръ огромныхъ рыболовныхъ и звѣропромышленныхъ артелей. До самаго своего уничтоженія въ 1775 г., большая часть «войска запорожскаго низового» ежегодно весною собиралась и бросала между своими куренями «лясы» (жребій) на рѣчки. Затѣмъ, ватаги промышленниковъ отправлялись въ тѣ мѣста, которыя доставались ихъ куренямъ по жребію и оставались тамъ на все лѣто. Для защиты промышленниковъ отъ возможныхъ нападеній посылались каждое лѣто особыя команды куренныхъ казаковъ, получавшія за это на свою долю первые десятки наловленной рыбы. Пахали въ Запорожьѣ мало; въ составъ царскаго жалованья, посылавшагося запорожцамъ, входили мука и крупа. Въ 1755 г. кошевой просилъ у императрицы Елизаветы прибавки хлѣбнаго жалованья и мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что «войско запорожское низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ». Не забудемъ, что это говорилось про мѣстности, принадлежащія къ наи-

болѣе плодороднымъ во всей Россіи. То же самое преобладаніе промышленной эксплуатаціи и отсутствіе хлѣбопашества мы видимъ въ области Донского войска. Еще въ 1690 г. войсковой кругъ посылаетъ въ казацкіе городки по Хопру и Медвѣдицѣ грамоту, въ которой прямо запрещается пахать землю и сѣять хлѣбъ, а «если станутъ пахать, и того бить до смерти и грабить». Въ этомъ оригинальномъ распоряженіи выразился инстинктивный протестъ казачества противъ надвигавшейся изъ Москвы болѣе интенсивной культуры. Защищая формы своего стараго экономическаго быта, донское войско этимъ самымъ какъ бы защищало свое право на обширные пустыри, которые въ концѣ XVII вѣка начало у него отнимать московское правительство и вольные колонисты. Величайшей измѣной со стороны своихъ былъ, съ этой точки зрѣнія, именно, переходъ отъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ края къ земледѣлію.

Такимъ образомъ, и донскому казачеству приходилось посылать изъ Москвы «хлѣбное жалованье»: и здѣсь средства къ жизни добывались промышленной эксплуатаціей «юртовъ», подѣленныхъ тутъ разъ навсегда между «станицами»; каждый въ угодьѣ своей станицы имѣлъ право «всякіе промыслы чинить», «запоръ запирать» (на рѣкахъ для рыбной ловли), «звѣря бить», «рыбу ловить» и т. д. Только уже въ XIX-мъ вѣкѣ эти богатѣйшія области Россіи сдѣлались, въ свою очередь, земледѣльческими. И опять, исчезнувши здѣсь, разработка зоологическихъ богатствъ была перенесена на дальнѣйшую окраину: артельное производство рыболовнаго промысла всѣмъ войскомъ сохранилось до нашихъ дней у войска уральскаго; хлѣбопашество появилось, правда, и въ этомъ краѣ, но лишь въ двадцатыхъ годахъ XIX-го вѣка—и до сихъ поръ еще стоитъ на низкой степени развитія.

Въ итогѣ, къ нашему общему наблюденію, что экономическое прошлое Россіи представляется временемъ господства натуральнаго хозяйства, мы можемъ теперь прибавить еще тотъ выводъ, что натуральное хозяйство древней Россіи было наименѣе интенсивнымъ, т. е. требовало наименьшаго напряженія труда, что оно было напротивъ, въ высшей степени экстенсивнымъ, довольствовалось потребленіемъ даровыхъ продуктовъ природы, истощило эти продукты въ центрѣ только къ концу XVI в., чѣмъ далѣе на югъ (и востокъ), тѣмъ позднѣе, а на нѣкоторыхъ окраинахъ не вполнѣ истощило и понынѣ. Только истративъ зоологическія богатства страны, населеніе сдѣлалось окончательно земледѣльческимъ, т. е. перешло къ трудовому добыванію своихъ пищевыхъ продуктовъ.

Но и въ этой области, въ области земледѣльческой культуры, русское населеніе ограничивалось до сихъ поръ наименьшей затратой труда, и употреблявшіяся имъ системы земледѣлія суть наиболѣе экстенсивныя. Даровыя силы природы и здѣсь прежде всего пускались въ оборотъ и расходовались безвозвратно, и только истощеніе почвы заставляло населеніе обратиться къ менѣе хищническому хозяйству. На всемъ русскомъ крайнемъ сѣверѣ мы не можемъ, впрочемъ, прослѣдить этого процесса, такъ какъ развитіе земледѣлія, по мѣстнымъ условіямъ края, не пошло тамъ (за исключеніемъ узкихъ полосъ по берегамъ рѣкъ) дальше первыхъ шаговъ (подсѣчная система). Съ тѣхъ поръ, какъ Герберштейнъ отмѣтилъ тамъ «рѣдкость или почти совершенное отсутствіе хлѣбнаго потребленія», общее количество запашки, конечно, должно было увеличиться; но и до сихъ поръ площадь пашни и луга составляетъ въ Архангельской губерніи только, 0,2%, въ Вологодской — 3,4%, въ Олонецкой—3,8% общей площади, 8/10 или 9/10 которой покрыты лѣсами. Прежде, какъ и теперь, старая Новгородская область, даже включая самый Новгородъ, не могла прокармливаться собственнымъ хлѣбомъ и если не замѣняла хлѣба «рыбной и звѣриной пищей», по словамъ того же Герберштейна, то должна была питаться привознымъ хлѣбомъ Поволжья.

Другое дѣло въ центральномъ междурѣчьи. Здѣсь періодъ наиболѣе экстенсивнаго земледѣлія проходитъ раньше, чѣмъ начинаются показанія нашихъ источниковъ. Лѣса уже въ XVI в. составляли кругомъ Москвы не больше 10% всей площади. По самымъ древнѣйшимъ свѣдѣніямъ, мы встрѣчаемъ уже здѣсь обычныя и въ наше время три поля: озимое, засѣваемое обыкновенно рожью, яровое, засѣваемое большею частью овсомъ, и паръ. Даже удобреніе пашни навозомъ встрѣчается уже въ извѣстіяхъ конца XV и начала XVI вѣка, какъ явленіе вполнѣ обычное. Этотъ фактъ показываетъ намъ, что уже въ это время почва московскаго центра до нѣкоторой степени истощилась. Далѣе на востокъ, во Владимірской, Нижегородской и Рязанской областяхъ, въ началѣ того же XVI в., почва была, повидимому, свѣжѣе: хотя и невозможно повѣрить свидѣтельству Герберштейна, будто она давала здѣсь часто 20, а иногда и 30 зеренъ на одно зерно посѣва пшеницы; въ Рязанской области даже еще больше. Конечно, необходимо помнить при этомъ, что Московская область расположена на суглинкѣ, тогда какъ въ Рязанской и Нижегородской области Московское государство захватывало единственный тогда въ его составѣ уголокъ хорошаго чернозема. Но, чтобы давать урожай, указываемый Герберштейномъ, этотъ черноземъ долженъ былъ

быть въ четыре раза плодороднѣе теперешняго. Частные факты, до сихъ поръ извѣстные, этого не подтверждаютъ: бывали, правда, въ XVI вѣкѣ (въ Ярославскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ) сборы самъ-10, даже самъ-15, но обыкновенно уже сборъ самъ-5 (т.-е. такой же, какъ теперь) считался нормальнымъ, а часто не получалось и этого *).

Съ середины XVI вѣка русское хозяйство впервые передвинулось на полосу чернозема. Правительство, руководившее колонизаціей, при первомъ же заселеніи вводило здѣсь повсюду московское трехполье. Однако же и въ самомъ центрѣ трехпольная система не успѣла еще въ то время вытѣснить болѣе экстенсивныхъ культуръ. Огромное количество земель, записанныхъ въ правительственныя описи подъ названіемъ «перелога» или «пашни, поросшей лѣсомъ», свидѣтельствуетъ о томъ, что наряду съ трехпольемъ повсюду продолжала еще существовать переложная и подсѣчная система земледѣлія. Во второй половинѣ XVI вѣка эти болѣе экстенсивныя системы даже вытѣсняютъ на время трехпольную. Надо думать, что этотъ временный упадокъ земледѣлія въ центрѣ связанъ съ отливомъ населенія на окраины. Къ концу вѣка, когда массовое колонизаціонное движеніе пріостанавливается, отчасти достигнувъ своего результата **), отчасти сдерживаемое все болѣе энергичными мѣрами правительства ***), — останавливается и возвратъ земледѣлія къ болѣе экстенсивнымъ культурамъ. Но остатки этихъ культуръ не исчезаютъ и въ слѣдующемъ столѣтіи. Даже въ серединѣ XVII вѣка, въ такомъ раціональномъ по тому времени хозяйствѣ, какимъ было хозяйство Б. И. Морозова, и притомъ не только въ нижегородскихъ его имѣніяхъ, но подъ самой Москвой (въ Звенигородскомъ у.) шла ежегодная расчистка и сожиганіе лѣса подъ новую пашню. Но тутъ, надо прибавить, дѣло шло уже объ эксплуатаціи оставшихся неудобныхъ участковъ: лѣсъ сѣкли, «выбирая низкія мѣста», и приказчикъ Морозова сохранилъ намъ одну сценку, живо

*) О такихъ же урожаяхъ самъ-20—30 вспоминаютъ старожилы и относительно степного чернозема въ первую половину нашего вѣка. Но нужно сказать, что вообще преданія о высокихъ урожаяхъ стараго времени не подтверждаются собранными до сихъ поръ, правда, весьма немногочисленными данными. Въ XVII вѣкѣ, можетъ быть, вслѣдствіе дурной обработки, урожаи были значительно ниже теперешнихъ. Казенная запашка въ Елецкомъ у. давала 19 лѣтъ подрядъ самъ-2,2 урожай ржи и самъ-1,5 урожай овса. Урожаи самъ-4 были большою рѣдкостью, а самъ-5 извѣстны только въ вотчинахъ Б. И. Морозова.

**) См. выше, стр. 56—57.

***) См. ниже, въ главѣ о крестьянахъ.

рисующую характеръ этой эксплуатаціи. «Сѣкли пустошь», докладываетъ онъ какъ разъ изъ подмосковнаго села; «пришло болото и въ немъ вода въ иномъ мѣстѣ выше колѣна, и бочаги—вода по поясъ; какъ кустъ станутъ сѣчь, такъ вода и забрызжетъ; а рабочіе говорятъ: мы-де нанялись не болото сѣчь и не въ водѣ; вотъ заработаемъ харчъ, да и пойдемъ».

На вновь колонизуемомъ юго-востокѣ не было никакой надобности такъ выгадывать и тѣсниться. Если московское правительство и заводило здѣсь прямо трехполье на казенной запашкѣ, то это было скорѣе всего просто по старой привычкѣ. По обычаю, и надѣлы, отводившіеся служилымъ людямъ, дѣлились на три поля. Но мы видѣли, что новые колонисты вообще неохотно занимались земледѣліемъ на окраинѣ, предпочитая эксплуатировать непочатыя еще зоологическія богатства края. Естественно, что, поскольку они все-таки принимались за соху, они выбирали болѣе экстенсивную систему земледѣлія. Занявъ участокъ нетронутаго никѣмъ «дикаго» поля, они распахивали его «наѣздомъ» и возвращались къ нему нѣсколько лѣтъ подрядъ, до полнаго истощенія, чтобы не поднимать новой цѣлины. Затѣмъ, истощенный участокъ на новый рядъ лѣтъ забрасывался, обращался въ перелогъ, или даже снова поросталъ лѣсомъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что эта «переложная» система преобладала надъ трехпольной на окраинѣ XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ, вслѣдъ за продвиженіемъ окраины на югъ, туда же продвинулась за нею и переложная система, опять-таки въ сообществѣ съ трехпольной. Оффиціально землевладѣльцы Харьковской, Воронежской, Оренбургской губ. отвѣчаютъ въ срединѣ XVIII вѣка на запросъ Вольнаго Экономическаго Общества, что у нихъ господствуетъ трехполье; но тутъ же оказывается, что они сплошь и рядомъ, «вмѣсто тѣхъ десятинъ, которыя кажутся имъ неплодоносными, поднимаютъ залогъ, т. е. вспахиваютъ новую землю, а старую, покидая, запущаютъ, которая черезъ нѣсколько лѣтъ сама отъ себя утучняется». По наблюденіямъ нашихъ агрономовъ, въ этихъ мѣстностяхъ до самаго послѣдняго времени продолжала существовать улучшенная залежная система. Въ своемъ примитивномъ видѣ эта система опять передвинулась въ XIX вѣкѣ южнѣе, на новую окраину.

Какъ видимъ, постепенное истощеніе почвы идетъ полосами, слѣдуя за направленіемъ русской колонизаціи. Послѣдней ступенью въ этомъ длинномъ процессѣ расхищенія природныхъ богатствъ почвы было истощеніе—уже въ нашемъ вѣкѣ и почти въ наше время—новороссійскаго степного чернозема. Если вѣрить воспоминаніямъ старожиловъ, этотъ черноземъ, еще въ первой половинѣ

XIX-го вѣка, давалъ баснословные урожаи. Но съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался предметомъ лихорадочной спекуляціи. Подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на пшеницу и удешевленія провоза хлѣба къ южнымъ портамъ (по вновь построеннымъ желѣзнымъ дорогамъ), хозяева спѣшили увеличить количество посѣвовъ пшеницы въ ущербъ качеству обработки земли подъ посѣвы, притомъ, отъ земли, плохо вспаханной и взбороненной, они требовали нѣсколько лѣтъ подрядъ урожая все той же пшеницы. Другими словами, они примѣнили къ этому случаю привычные имъ пріемы переложнаго хозяйства, но безъ періодическаго отдыха пашни. Въ результатѣ получилось, конечно, быстрое истощеніе почвы, заростаніе ея негодными травами и рядъ неурожаевъ. Въ то же время цѣны хлѣба и преимущественно пшеницы, непрерывно возраставшія до средины 70-хъ годовъ, съ этого времени стали такъ же непрерывно падать. Американская пшеница перегнала русскую на англійскомъ и французскомъ рынкахъ, и русское хлѣбное производство, составляющее болѣе половины русскаго вывоза, очутилось передъ кризисомъ. Такимъ образомъ и здѣсь наступилъ, наконецъ, моментъ, когда, истративъ даровыя силы природы, населеніе должно будетъ возмѣстить ихъ усиленнымъ трудомъ. Въ центральныхъ мѣстностяхъ, какъ мы видѣли, этотъ моментъ долженъ былъ наступить гораздо раньше; но пока оставались въ Европейской Россіи незанятыя земли и продолжался процессъ колонизаціи, это истощеніе природныхъ богатствъ повело за собою лишь пріостановку роста населенія въ центрѣ *). Переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія съ правильнымъ сѣвооборотомъ, съ лучшимъ скотомъ и орудіями, съ искусственнымъ удобреніемъ и орошеніемъ,—словомъ, съ большей затратой капитала въ земледѣліе,—задерживался также и общимъ строемъ крѣпостного хозяйства. Но съ тѣхъ поръ, какъ крестьянское освобожденіе положило конецъ господству натуральнаго хозяйства, улучшеніе культуры стало очередной задачей нашего земледѣлія. Если оно все еще задерживалось до сихъ поръ, то это лишь благодаря послѣдствіямъ того самаго соціальнаго переворота, который сдѣлалъ его окончательно необходимымъ, т. е. крестьянскаго освобожденія. На владѣльческихъ земляхъ развитіе земледѣлія было отсрочено кризисомъ помѣщичьяго хозяйства, сопровождавшимся ускореннымъ переходомъ изъ рукъ въ руки дворянской земельной собственности. Появленіе на рынкѣ новаго товара, земли, повело на первыхъ порахъ къ коммерческимъ спекуляціямъ на этотъ товаръ и къ самой хищни-

*) См. выше, стр. 31, 33, 34.

ческой эксплуатаціи купленныхъ имѣній новыми собственниками. Въ послѣдніе годы передъ реформой средняя цѣна десятины въ Европейской Россіи была $15^1/_2$ р. Въ 60-хъ годахъ она уже поднялась до 28 руб., въ 70-хъ—равнялась 45 руб., а въ 80-хъ — достигла 70 руб. Конечно, такой быстрый ростъ цѣнъ на землю объясняется не одною спекуляціей; напротивъ, самая спекуляція до нѣкоторой степени вызывалась возрастаніемъ цѣнъ. Стоимость земли, помимо общаго оживленія внутренняго рынка, поднималась сперва вслѣдствіе повышенія цѣнъ на хлѣбъ подъ вліяніемъ международнаго рынка, а потомъ вслѣдствіе усиленнаго спроса на землю со стороны крестьянъ. Положеніе крестьянъ послѣ освобожденія объясняетъ всего лучше, почему и усидѣвшіе на своихъ земляхъ дворяне не спѣшили заняться улучшеніемъ земледѣльческой культуры. Рабочій трудъ крестьянъ такъ дешево цѣнится, что владѣльцы предпочитаютъ не замѣнять его машинами. Съ другой стороны, потребность крестьянъ въ землѣ такъ велика, что они готовы дать землевладѣльцу больше, чѣмъ онъ самъ можетъ выручить, хозяйничая на своей землѣ: они уступаютъ ему не только то, что онъ могъ бы получить въ качествѣ прибыли и процента на свой капиталъ, но и часть того, что ему пришлось бы заплатить имъ въ качествѣ заработной платы, если бы онъ нанялъ ихъ въ батраки. Такимъ образомъ, весьма значительная часть владѣльцевъ предпочитаетъ отдавать землю въ аренду крестьянамъ. Крестьяне же, конечно, не имѣютъ ни возможности, ни желанія производить какія-либо улучшенія на арендованномъ участкѣ, и всего чаще доводятъ его до полнаго истощенія, за которымъ должно послѣдовать паденіе арендной платы. Такимъ образомъ и этимъ путемъ, какъ всякимъ другимъ, мы приходимъ къ тому же неизбѣжному исходу: къ необходимости ввести болѣе интенсивныя культуры. За послѣднія полтора десятилѣтія накопилось не мало признаковъ, показывающихъ, что на этотъ путь уже вступило не только владѣльческое, но даже и крестьянское хозяйство.

Разработка экономической исторіи Россіи едва началась въ наше время и не успѣла дать значительныхъ результатовъ. Основная мысль этого отдѣла (постепенное истощеніе природныхъ богатствъ Россіи) развивается въ статьяхъ *А. П. Щапова*: Историко-географическое распредѣленіе русскаго населенія въ «Русскомъ Словѣ», 1874, №№ 8 — 10; 1875, №№ 6 — 9. Отрывочныя данныя относительно промышленной эксплуатаціи юго-востока можно найти въ сочиненіяхъ по исторіи колонизаціи (стр. 66).—См. также: *П. А Соколовскаго* Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб., 1878. Для очерка

сельско-хозяйственной исторіи послужили: *И. Н. Миклашевскій*. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. М., 1894 г. *Н. Рожковъ*. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ, М., 1899. — *И. Е. Забѣлинъ*. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ («Вѣстн. Европы», 1871, 1 и 2); *имъ же* изданныя «Книги, посѣвныя, ужинныя и умолотныя въ имѣніи Морозова». («Временникъ Общества Исторія и Древностей», кн. VII). — *Н. Н. Оглоблинъ*. Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII вѣка. («Описаніе докум. и бумагъ моск. архива Мин. Юстиціи», кн. IV). — *Ал. Бѣлевскій*. Общинное землевладѣніе и землепользованіе, въ «Юрид. Вѣстникѣ», 1888, сентябрь.—*А. Ѳ. Фортунатовъ*. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893, и *его же*.—Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893.—*Н. Карышевъ*. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Дерптъ. 1892 г. — *Кн. Васильчиковъ*. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Спб. 1881. — *А. Ермоловъ*. Организація полеваго хозяйства, т. I-й. — Свѣдѣнія о цѣнахъ на земли, проданныя съ публичн. торга 1854 — 1859 гг. Спб. 1859. — *Matthaei*. Die wirthschaftlichen Hülfsquellen Russlands. Dresden, 1883—4. О «переходѣ землевладѣльцевъ отъ барщиннаго хозяйства къ капиталистическому» и о приспособленіи русскаго земледѣлія къ условіямъ современнаго товарнаго хозяйства см. главы III и IV въ сводной работѣ *Вл. Ильина*: Развитіе капитализма въ Россіи. Спб., 1899.

II.

Пропорція городского населенія Россіи и ея возростаніе. — Роль домашней промышленности.—Происхожденіе фабричной промышленности; отношеніе къ ней государства въ послѣдніе два вѣка. — Причины устойчивости кустарной промышленности въ Россіи.—Измѣненія во внутреннемъ строѣ ея.

Самымъ нагляднымъ признакомъ развитія экономической жизни страны служитъ сосредоточеніе ея населенія въ городскихъ центрахъ. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе потребности населенія, чѣмъ болѣе у него покупательныхъ средствъ, тѣмъ многочисленнѣе становится и классъ производителей и посредниковъ, удовлетворяющихъ этимъ потребностямъ,—другими словами, тѣмъ болѣе возрастаетъ торгово-промышленный классъ, составляющій главную часть городского населенія, и тѣмъ болѣе, вмѣстѣ съ этимъ, развиваются высшія сферы экономической жизни: промышленность, торговля и кредитъ. Въ наиболѣе передовыхъ въ этомъ отношеніи странахъ Европы населеніе быстро переходитъ отъ сельскихъ занятій къ городскимъ. Во Франціи, въ серединѣ этого вѣка, четверть всего населенія жила въ городахъ (25%); теперь эта цифра поднялась до 41%, т.-е. составляетъ $^2/_5$ населенія. Въ Германіи тотъ же классъ тридцать лѣтъ назадъ составлялъ 36% а теперь доходитъ до 55% всего населенія, а въ промышленной Саксоніи это число поднимается даже до 72%. При занятіяхъ земледѣліемъ остается во Франціи до 46%, въ Германіи до 35,7%, въ Саксоніи всего 15% населенія. Въ Англіи уже въ срединѣ столѣтія число горожанъ не только сравнялось, но и превысило число сельскихъ жителей (50,8%). Подобныя пропорціи городского населенія давно уже превосходятъ тотъ размѣръ, который необходимъ, чтобы удовлетворить внутреннему потребленію страны; производительность главныхъ промышленныхъ центровъ Западной Европы давно уже разсчитываетъ на покупателей не на одномъ только своемъ національномъ, но также и на всемірномъ рынкѣ; въ свою очередь и продукты земледѣлія они должны прикупать у другихъ народовъ. Разъ перейдены, такимъ обра-

зомъ, границы внутренняго обмѣна, дальнѣйшему расширенію производительности почти нѣтъ предѣловъ, пока обезпеченъ сбытъ продуктовъ на международномъ рынкѣ.

Въ Россіи этотъ признакъ экономическаго развитія—количество городского населенія — даетъ очень невыгодныя показанія, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (второй столбецъ означаетъ процентное отношеніе городского населенія ко всему населенію страны; третій столбецъ — абсолютныя цифры городского населенія).

1630	не болѣе 2,4%	не болѣе 292 тысячъ.
1724	3%	328 »
1782	3,1	802 »
1796	4,1	1.301 »
1812	4,4	1.653 »
1835	5,8	3.025 »
1851	7,8	3.482 »
1878	9,2	6.091 »
1897	13,0	16.289 »

Въ годъ смерти Петра, слѣдовательно, изъ каждыхъ 100 человѣкъ населенія только 3 человѣка жили въ городѣ: остальные 97 составляли сельское населеніе. Къ концу XVIII вѣка, несмотря на увеличеніе городского населенія въ 5 разъ, эта пропорція измѣнилась очень незначительно: на 4 человѣка горожанъ приходилось 96 сельскихъ жителей. Съ тѣхъ поръ пропорція городского населенія увеличилась втрое (и вчетверо, если считать со времени Петра): вмѣсто 4% и 3% теперь живетъ въ городахъ 13% всего населенія *). Но и эта пропорція принадлежитъ къ наименѣе выгоднымъ въ Европѣ: только Швеція можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ Россіей.

Приведенныхъ пропорцій городского населенія, конечно, далеко недостаточно для характеристики развитія русской промышленности. Если цифры городского населенія въ странѣ такъ ничтожны, какъ цифры нашей таблицы, то прежде всего напрашивается предположеніе, что промышленность этой страны не ограничивается городскими стѣнами, что торгово-промышленный классъ не успѣлъ еще переселиться окончательно въ городъ, что раздѣленіе труда между добывающимъ и обрабатывающимъ классомъ не пошло, слѣдовательно, далеко, и что мы должны

*) Абсолютная цифра городского населенія увеличилась въ XIX вѣкѣ въ 8 разъ, а со времени Петра въ 40 разъ слишкомъ. Припомнимъ, что все население за тотъ же промежутокъ возросло въ 10 разъ. Выше, стр. 24.

искать начал русской промышленности внѣ русскаго города. Когда мы вернемся къ исторіи городского сословія, мы увидимъ, чѣмъ былъ первоначально этотъ городъ; но и теперь, разъ мы уже характеризовали экономическую жизнь старой Россіи, какъ періодъ натуральнаго хозяйства, изъ этой самой характеристики мы можемъ вывести, что занятіе промышленностью носило въ древней Руси вполнѣ домашній характеръ, т.-е. сосредоточивалось въ деревнѣ: всякая крестьянская семья сама ткала для себя холстъ изъ собственнаго льна, сама дѣлала свою домашнюю утварь, даже орудія, и покупала только весьма немногое. Въ *этомъ* своемъ видѣ домашняя промышленность существовала всегда и вездѣ, и повсюду она постепенно вытѣснялась по мѣрѣ развитія мѣнового хозяйства: въ Западной Европѣ раньше, у насъ позже. Но мы должны остановиться нѣсколько на *дальнѣйшихъ* ступеняхъ развитія той же домашней промышленности. И въ Западной Европѣ, и у насъ съ самыхъ давнихъ поръ домашняя промышленность стала работать не только для внутренняго потребленія семьи, а и для сбыта: тамъ и здѣсь появились мѣстныя спеціальныя производства, выполняемыя домашнимъ способомъ, по возможности, изъ своего матеріала и съ помощью доморощенныхъ орудій. Но судьба этихъ зародышей промышленности у насъ и въ Западной Европѣ была разная. Въ Европѣ быстрый ростъ промышленной жизни, быстрое развитіе техническихъ приспособленій скоро повели къ расширенію размѣровъ этихъ производствъ, къ увеличенію затратъ на матеріалъ и орудія. Тѣмъ и другимъ скоро овладѣли лица, способныя производить эти затраты, т.-е. лица владѣющія капиталами. Капиталистъ сперва явился въ видѣ «скупщика» продуктовъ домашняго производства; затѣмъ онъ превратился въ оптоваго заказчика, сталъ снабжать мелкаго производителя средствами, необходимыми для производства, потомъ началъ давать ему работу на домъ и, такимъ образомъ, мало-по-малу превратилъ мелкаго независимаго предпринимателя въ наемнаго рабочаго. Оставалось только соединить рабочихъ въ одномъ помѣщеніи и замѣнить ихъ ручной трудъ, требовавшій личнаго искусства, машинной работой, чтобы перейти къ развитымъ формамъ капиталистическаго производства—мануфактурѣ и фабрикѣ.

Такъ, домашняя форма промышленности мало-по-малу превратилась на Западѣ въ чисто капиталистическія формы. У насъ же мануфактура и фабрика не успѣла развиться органически, изъ домашняго производства, подъ вліяніемъ роста внутреннихъ потребностей населенія. Она создана была впервые правительствомъ,

руководившимся при этомъ какъ своими практическими нуждами (напр., въ сукнахъ для арміи), такъ и теоретическими соображеніями о необходимости развитія національной промышленности. И эту теорію и соотвѣтствовавшія ей мѣры правительство Петра заимствовало у господствовавшей тогда на Западѣ политико-экономической школы меркантилистовъ. Старинные русскіе кустари при этомъ были забыты, и новая форма производства перенесена съ Запада готовою. Въ странѣ безъ капиталовъ, безъ рабочихъ, безъ предпринимателей и безъ покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и могла привиться благодаря продолжительному и усиленному покровительству. Рабочіе даны были фабрикантамъ даровые, въ лицѣ приписанныхъ къ заводамъ крѣпостныхъ (такъ называемыхъ «поссессіонныхъ крестьянъ»); покупатели даны были обязательные, путемъ предоставленія монополіи и путемъ устраненія съ рынка однородныхъ иностранныхъ продуктовъ, облагавшихся тяжелыми ввозными пошлинами. Однако же, русская промышленность далеко не сразу воспользовалась предоставленными ей преимуществами. На первыхъ порахъ покровительственный тарифъ не столько поощрилъ промышленность, сколько стѣснилъ торговлю: первая еще не успѣла почувствовать его выгодъ, тогда какъ послѣдняя испытывала очень реальныя неудобства. Когда правительство въ 1727 году обратилось къ московскимъ торговцамъ съ запросомъ о новыхъ туземныхъ фабрикатахъ, эти торговцы единодушно жаловались на плохое качество и высокую цѣну русскихъ произведеній и просили разрѣшить имъ свободную торговлю иностраннымъ товаромъ. Того же добивались и иностранные купцы, торговавшіе въ Петербургѣ. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ заявленій, первый нашъ охранительный тарифъ (1724 года) замѣненъ былъ вскорѣ гораздо болѣе льготнымъ тарифомъ 1731 года, понизившимъ особенно значительно пошлины на тѣ товары, которые «государству не нужны». Но и «нужныя государству» производства большей частью не съумѣли воспользоваться государственнымъ покровительствомъ. Какіе скудные плоды принесли первыя усилія создать путемъ покровительства національную промышленность, видно изъ результатовъ правительственнаго «освидѣтельствованія» фабрикъ въ 1730-хъ годахъ. Многіе фабриканты оказались при этой повѣркѣ «подложными»: они держали фабрики и заводы только для вида, чтобы пользоваться привилегіями, предоставленными мануфактуристамъ. Сенатъ «отрѣшилъ», было, этихъ «недѣйствительныхъ» фабрикантовъ, но кабинетъ рѣшилъ оставить за ними ихъ права и «обнадежить» продол-

женіемъ покровительства, если они захотятъ превратиться въ «дѣйствительныхъ». Это «обнадеживаніе», однако, принесло мало пользы, и указъ 1744 года принялъ относительно нерадивыхъ къ своей службѣ фабрикантовъ рѣшительную мѣру. «За неразмноженіемъ фабрикъ и за худымъ мастерствомъ сдѣланныхъ на тѣхъ фабрикахъ товаровъ», повелѣно было многихъ владѣльцевъ фабрикъ «изъ фабрикантовъ выключить». Закрыты были въ силу этого указа 44 фабрики (преимущественно «нужныхъ государству», а именно полотняныхъ и шелковыхъ, потомъ бумажныхъ, стеклянныхъ и др.). Не мало предпріятій закрылись и сами собой. По крайней мѣрѣ, въ спискѣ 300 важнѣйшихъ фабрикъ, существовавшихъ въ 1780 году, мы находимъ только 22 уцѣлѣвшихъ отъ петровскаго времени; между тѣмъ, общее количество фабрикъ и заводовъ, открытыхъ при Петрѣ, доходило до сотни *). Двѣ трети фабрикъ 1780 года, почти 200 изъ трехсотъ, возникли въ промежутокъ отъ Екатерины I до Екатерины II (включая 1762 годъ). Помимо усиленнаго покровительства отдѣльнымъ предпринимателямъ, это возростаніе объясняется измѣненіемъ тарифа 1731 года. По соображеніямъ болѣе финансовымъ, чѣмъ покровительственнымъ, на привозные товары была наложена въ 1753 году новая 13% пошлина, долженствовавшая замѣнить собою уничтоженныя въ этомъ году внутреннія таможенныя пошлины. Благодаря этой прибавкѣ, значительно сократился ввозъ въ Россію заграничныхъ тканей (бумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ) и галантерейныхъ товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность въ русскихъ издѣліяхъ этого рода. Изъ 211 фабрикъ, удовлетворявшихъ этому спросу въ 1780 году, только 17 возникло при Петрѣ, и 149—отъ Екатерины I до Екатерины II.

Съ воцареніемъ Екатерины II русская промышленность вступила въ новый фазисъ развитія. Екатерина покончила съ системой личныхъ монополій и очень послѣдовательно проводила систему свободной внутренней конкуренціи. Правительство перестало смотрѣть на занятія фабрикой, какъ на своего рода службу, и, закрывая въ 1780 году Мануфактуръ-коллегію, Екатерина открыто заявила объ этой перемѣнѣ правительственной точки зрѣнія. «Установленіе Мануфактуръ-коллегіи», говорилось въ указѣ, «имѣло начало свое въ такое еще время, когда къ распространенію полезныхъ рукодѣлій и фабрикъ недовольнымъ побужденіемъ казался собственный каждаго въ томъ прибытокъ, но старанія правитель-

*) Мы насчитали по Кириллову около 100 частныхъ фабрикъ и около 42 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

ства простирались и на изъятіе всякихъ предубѣжденій». Теперь, напротивъ, «всѣмъ подданнымъ нашимъ въ заведеніяхъ становъ и рукодѣлій столь безпредѣльная дана отъ насъ свобода, что не стѣсняются они уже ни частнымъ испрошеніемъ на то дозволенія, ни надзираніемъ за дѣломъ рукъ ихъ, гдѣ собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе». На этомъ основаніи Екатерина «подтверждаетъ», «чтобы принадлежащія частнымъ людямъ собственно фабрики и мануфактуры не инако разумѣемы были, какъ собственное имѣніе, которымъ каждый можетъ свободно распоряжаться, не требуя никакого дозволенія отъ начальства».

Этотъ характерный указъ отмѣчаетъ тотъ моментъ, когда для развитія русской фабричной промышленности перестало быть нужнымъ правительственное *понужденіе*. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта промышленность тогда же перестала нуждаться въ правительственной *поддержкѣ*. Первый изъ тарифовъ Екатерины (1766), правда, нѣсколько понизилъ ввозныя пошлины; но слѣдующими двумя (1782 и 1793) ввозъ опять былъ затрудненъ; всѣми тремя одинаково поощрялся привозъ иностраннаго сырья, нужнаго для русскихъ фабрикъ, и задерживался привозъ иностранныхъ фабрикатовъ, которые могли конкурировать съ продуктами отечественной промышленности. Огражденная отъ иностраннаго соперничества и предоставленная внутренней конкуренціи, русская промышленность быстро двинулась впередъ. «Собственная польза» отъ заведенія мануфактуръ и фабрикъ, дѣйствительно, настолько стала ясна теперь предпринимателямъ, что не было больше нужды вербовать заводчиковъ, «буде волею не похотятъ, хотя по неволѣ», и грозить имъ строгими наказаніями за «нерадѣніе», какъ это дѣлалось во время Петра I. Но съ другой стороны внутренній рынокъ не настолько еще выросъ, чтобы предприниматели могли обходиться безъ казенныхъ заказовъ и безъ крѣпостнаго труда. Такимъ образомъ, Екатерининская фабрика занимаетъ средину между «посессіонной» Петровской и между вольной фабрикой XIX вѣка. Вольно-наемный трудъ для нея еще слишкомъ дорогъ, и потому лишь постепенно и медленно начинаетъ входить въ употребленіе; но примѣненіе дарового труда уже настолько выгодно, что нѣтъ болѣе надобности увеличивать классъ обязательныхъ рабочихъ при невольныхъ фабрикахъ. Рядомъ съ профессіональными рабочими, спеціально приписанными правительствомъ къ фабрикамъ и заводамъ петровскаго типа, появляется и быстро растетъ новый типъ—*крѣпостныхъ* рабочихъ, добровольно переводимыхъ ихъ *помѣщиками-дворянами* съ земледѣльческой работы на фабричную изъ разсчета «собственной пользы». Такимъ

образомъ, наступленіе новаго періода въ исторіи русской фабричной промышленности знаменуется, прежде всего тѣмъ, что дворяне спѣшать вступить въ конкурренцію съ фабрикантами. Городскіе депутаты въ Екатерининской комиссіи 1767 г. горько жалуются на этихъ счастливыхъ соперниковъ, сразу сбившихъ цѣны и понизившихъ уровень прибыли настолько, что сами часто не могли пережить этого періода остраго соперничества. Правда, «польза» отъ фабрики получается все еще, какъ сказано, при условіи казенныхъ заказовъ, и дворянскія фабрики захватываютъ преимущественно тѣ отрасли производства, гдѣ такіе заказы обезпечены (напр. суконное и полотняное). Одинъ наблюдатель начала XIX вѣка замѣтилъ, по поводу самой крупной изъ такихъ отраслей, именно суконнаго производства, что «размноженіе онаго относилось болѣе къ удовлетворенію умножившейся потребности арміи и флота, нежели къ народному потребленію». Дѣйствительно, *только* въ 1809 году впервые разрѣшено было условно суконнымъ фабрикантамъ работать на постороннихъ покупателей, и только въ слѣдующемъ десятилѣтіи предложеніе суконъ начало превышать размѣръ спроса на нихъ со стороны правительства. Такимъ образомъ, возникновеніе дворянской крѣпостной фабрики не свидѣтельствуетъ еще объ соотвѣтствующемъ увеличеніи внутренняго спроса со стороны населенія.

Есть, однако же, другой признакъ, по которому можно заключить, что и «народное потребленіе» развивалось въ XVIII вѣкѣ паралельно съ ростомъ государственныхъ потребностей. Это именно—замѣтное оживленіе *мелкаго* производства, ремесленнаго, кустарнаго и даже домашняго къ концу XVIII в. Ниже мы увидимъ, какую значительную роль сыграла *деревня* въ этомъ оживленіи торгово-промышленной дѣятельности (стр. 97). Очевидно, удовлетвореніе народныхъ потребностей продолжало совершаться до конца столѣтія въ экономическихъ формахъ, болѣе привычныхъ нашей старинѣ. Крупная фабрика еще не завоевала себѣ достаточнаго внутренняго рынка, который бы далъ ей твердую почву для самостоятельнаго существованія. Значительная часть предметовъ мелкаго крестьянскаго производства даже вовсе еще не успѣла сдѣлаться тогда предметомъ крупной фабричной индустріи. Но и въ собственной своей области фабрика держалась настолько нетвердо, что принуждена была уступить значительную часть своего производства—кустарной избѣ. Переходъ производства изъ фабрики въ эту избу былъ весьма частымъ явленіемъ въ исторіи русской промышленности конца XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка. Это типичное явленіе доказываетъ, очевидно, какъ было

живуче мелкое производство и какъ трудно было ввести сразу въ отсталую экономически страну развитыя капиталистическія формы. Акклиматизируясь, каждая новая отрасль фабричнаго производства начинала у насъ съ того, что принимала отчасти привычный видъ кустарничества: это было всякій разъ регрессомъ, сравнительно съ введенными образцами, но шагомъ впередъ въ общемъ ходѣ экономическаго развитія.

Новый типъ вполнѣ капиталистической фабрики развивается лишь въ XIX столѣтіи, постепенно вытѣсняя петровскій типъ «поссессіонной» фабрики съ принудительнымъ трудомъ приписанныхъ къ ней рабочихъ и екатерининскій типъ—помѣщичьей фабрики съ переведенными на нее крѣпостными крестьянами. По мѣрѣ развитія машиннаго производства и расширенія внутренняго спроса—оба старыхъ типа рабочаго труда оказываются, прежде всего, вовсе не дешевыми. Уже въ 1839 г. государственный совѣтъ прямо признаетъ, что «нынѣ, когда и въ простомъ народѣ распространился духъ фабричной промышленности и число вольныхъ рабочихъ и мастеровъ быстро увеличивается, удобнѣе и едва ли не выгоднѣе для фабриканта имѣть сихъ людей по найму, нежели держать собственныхъ и приписныхъ». Съ этимъ вполнѣ соглашались и сами фабриканты. Когда въ слѣдующемъ 1840 году разрѣшено было закономъ отпускать на волю приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, фабриканты немедленно воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Такимъ образомъ была ликвидирована фабрика петровскаго типа, и наемный трудъ окончательно восторжествовалъ даже въ излюбленныхъ нѣкогда казной производствахъ (суконномъ, частью полотняномъ, писчебумажномъ, стальномъ и литейномъ, шелковомъ; въ другихъ отрасляхъ вольнонаемные рабочіе и раньше постепенно вытѣсняли крѣпостныхъ). Освобожденіе крестьянъ въ 1861 г. офиціально покончило и съ крѣпостной фабрикой екатерининскаго типа.

Тѣмъ не менѣе, собственно капиталистическій типъ фабрики развивался на смѣну поссессіонному и крѣпостному типу лишь при сильнѣйшей правительственной поддержкѣ. Традиціонное покровительство государства не только не ослабѣло, но, напротивъ, достигло къ концу XIX-го вѣка своего апогея. «Либеральный», фритредерскій тарифъ 1819 года, ограничившій число запрещенныхъ товаровъ для ввоза пятью, для вывоза тремя, былъ единственнымъ исключеніемъ. Несомнѣнно, онъ былъ уступкой тогдашнему общественному мнѣнію, недовольному «континентальной системой» и запретительнымъ тарифомъ 1811 года. Играли ли роль въ этомъ недовольствѣ классовые (аграрные) интересы, или «мета-

физическія разсужденія нѣкоторыхъ экономистовъ и новыхъ писателей»; былъ ли тарифъ 1819 года продуктомъ вліянія дворянскаго сословія или отголоскомъ «модныхъ возраженій молодыхъ людей, начитавшихся Монтескье и Адама *Шмидта*»; однимъ словомъ, созданъ ли онъ «идеологіей» или «классовой борьбой»? Нѣкоторый отвѣтъ заключается уже въ его быстрой отмѣнѣ, черезъ три года послѣ опубликованія. Какъ ни подходили фритредерскія теоріи къ психологіи тогдашняго помѣщичьяго быта, но были, очевидно, реальные интересы (раздѣлявшіеся и дворянами-содержателями фабрикъ), препятствовавшіе осуществленію фритредерскихъ идеаловъ тогдашнихъ послѣдователей «Адама Шмидта». Побѣдили именно эти реальные интересы, а не «метафизическія разсужденія» русскихъ фритредеровъ *). Въ 1822 году изданъ былъ запретительный тарифъ графа Канкрина, дѣйствовавшій съ нѣкоторыми измѣненіями до средины XIX-го столѣтія. Этотъ тарифъ впервые создалъ наиболѣе значительную въ Россіи, и наиболѣе нуждавшуюся всегда въ правительственной опекѣ, хлопчатобумажную промышленность. Это былъ первый опытъ русскихъ предпринимателей съ машиннымъ производствомъ въ широкихъ размѣрахъ. Онъ быстро повелъ за собою и тѣ послѣдствія, которыя свойственны европейскому индустріализму, вскормленному тою же хлопчатобумажною промышленностью: перепроизводство и кризисы. Уже въ 30-хъ годахъ фабриканты должны были не разъ считаться съ паденіемъ цѣнъ и затрудненіемъ сбыта. Въ 1839 году ихъ спасло введеніе серебряннаго рубля; въ 1841 они выхлопотали себѣ возвышеніе запретительной пошлины въ полтора раза. Съ помощью такихъ сильныхъ средствъ хлопчатобумажная промышленность продолжала процвѣтать. Мало-по-малу она завоевывала себѣ внутренній рынокъ и вытѣсняла продукты стариннаго льняного производства, предлагая вмѣсто нихъ бумажныя ткани, быстро дешевѣвшія по мѣрѣ того, какъ удешевлялась въ самой Европѣ цѣна матеріала и стоимость производства. Такимъ образомъ, здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ отраслью

*) Въ одномъ, тоже оффиціальномъ, документѣ мы находимъ такую характеристику послѣдствій тарифа 1819 года: «хотя многіе капиталисты понесли убытки, строенія ихъ опустѣли и многія заведенія ослабли, но за то навыкъ и искусство, пріобрѣтенное на нихъ, не только не погибло въ народѣ, но, напротивъ, болѣе распространилось. Смышленные мастеровые, оставивъ упадшія фабрики, водворили промышленность по селеніямъ, устроивъ собственныя мастерскія и увеличивъ оныя своими домашними силами». Какъ видимъ, процессъ, отмѣченный выше относительно XVIII в.—обращеніе фабрики въ кустарную избу—продолжался и въ XIX вѣкѣ.

производства, развитіе которой *до нѣкоторой степени* напоминаетъ явленія европейскаго крупнаго капитализма *). Представители русскаго капитала и тутъ заботились, однако, не столько о расширеніи рынка и улучшеніи производства, сколько объ удержаніи за собой баснословнаго дохода, обезпеченнаго имъ запретительнымъ тарифомъ. Уже въ 30-хъ годахъ правительство собиралось принять противъ этого мѣры и грозило производителямъ допущеніемъ конкурренціи. Наконецъ, тарифъ 1850 года рѣшительно покончилъ съ господствомъ запретительной системы Канкрина и ограничилъ доходы фабрикантовъ половиной прежняго (15% вмѣсто 30%). Правительство снова, хотя и нерѣшительно, начинало склоняться къ свободной торговлѣ: тарифъ 1857 года пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше тарифа 1850 г. Одного ожиданія такого поворота было достаточно, чтобы русскіе предприниматели сократили свои обороты; а послѣдовавшее затѣмъ освобожденіе крестьянъ, поднявшее цѣну на трудъ, и хлопковый кризисъ, вызванный американской войной, привели къ закрытію многихъ фабрикъ и къ сокращенію числа рабочихъ въ другихъ. Всего этого было достаточно, чтобы остановить дальнѣйшее развитіе фритредерскихъ тенденцій. Фабриканты были приглашены участвовать въ пересмотрѣ тарифа; въ результатѣ этого пересмотра изданъ былъ новый, умѣренно-покровительственный, тарифъ 1869 года. Предприниматели добивались, однако, большаго: они хотѣли, чтобы высота пошлины на ввозные товары не зависѣла отъ колебаній русскаго рубля, т. е. не понижалась съ пониженіемъ его курса. Интересъ казны, получавшей пошлины, въ этомъ случаѣ совпадалъ съ интересами промышленниковъ: такимъ образомъ, въ 1876 году, въ ожиданіи войны и связанныхъ съ нею финансовыхъ затрудненій, рѣшено было взимать таможенныя пошлины золотомъ. По курсу кредитнаго рубля въ ближайшіе пять лѣтъ, это повышало размѣры пошлины на цѣлые 50% сравнительно съ тарифомъ 1869 года. Золотая пошлина возвращала такимъ образомъ, русской промышленности то положеніе, котораго лишили ее тарифы 50-хъ годовъ; естественно, что она вызвала новое оживленіе промышленности, увеличеніе количе-

*) Надо прибавить, однако, что именно развитіе фабричной хлопчатобумажной промышленности сопровождалось въ особенно сильной степени созданіемъ параллельнаго фабричному кустарнаго производства. Запретительный тарифъ 1822 года произвелъ въ этомъ отношеніи, какъ видимъ, совершенно то же дѣйствіе, какъ фритредерскій тарифъ 1819 г. (см. предыдущее примѣчаніе): другими словами, и мѣры противъ, и мѣры въ пользу фабричнаго производства одинаково были выгодны для производства кустарнаго.

ства фабрикъ и расширеніе ихъ оборотовъ. Достаточно вспомнить однако, что оживленіе это поддерживалось усиленными выпусками бумажекъ, чтобы увидѣть, какъ оно было непрочно. Неурожай 1880 года снова грозилъ финансовымъ кризисомъ казначейству и экономическимъ кризисомъ—промышленности: и снова исходъ, благопріятный для обоихъ, былъ найденъ въ повышеніи пошлинъ (на 10% въ 1881 году). Послѣ этого не проходило ни одного года безъ повышенія пошлинъ на тѣ или другіе товары; а въ 1885 и въ 1890 пошлины были огульно подняты (на 10—20% и на 20%) на всѣ товары. Этотъ періодъ завершился, наконецъ, въ министерство Вышнеградскаго, строго-запретительнымъ тарифомъ 1891 г., преслѣдовавшимъ, опять-таки, не только цѣли покровительства, но—въ еще большей степени—цѣли казенной выгоды. Въ слѣдующее десятилѣтіе тарифные вопросы получили международное значеніе: велась таможенная война съ Германіей и заключенъ былъ рядъ торговыхъ договоровъ съ другими государствами. Но, несмотря на частичныя уступки и пониженія, въ общемъ продолжалось повышеніе тарифныхъ ставокъ; а въ 1903 году—въ виду будущихъ переговоровъ о новыхъ торговыхъ договорахъ съ иностранными государствами,—состоялся общій пересмотръ тарифа, опять съ повышеніемъ по большей части статей.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ тарифныхъ мѣръ, средняя приплата къ цѣнѣ привозныхъ товаровъ постоянно возростала со времени фритредерской эпохи 60-хъ годовъ и теперь уже превысила ту пропорцію, которая приплачивалась при имп. Николаѣ I. Именно, въ 1851—1856 гг. процентное отношеніе таможеннаго дохода къ цѣнности привоза составляло 28%; въ 1857—1868 оно упало до 19% и въ 1869—1876—до 13%. Между тѣмъ, со времени введенія золотой пошлины въ 1876 г., пропорція приплаты растетъ: въ ближайшіе 4 года (1877—1880) до 16%; въ слѣдующее четырехлѣтіе до 18%; послѣ повышенія пошлинъ въ 1885 г. (1885—1891) до 27%; наконецъ, послѣ ультра-протекціоннаго тарифа 1891 г. (1892—1900)—до 34%, т.-е. таможенная приплата, въ среднемъ, составляетъ теперь больше трети цѣны привозимыхъ изъ-за границы товаровъ.

Естественно, что при такомъ сильномъ покровительствѣ, русская промышленность должна была развиваться быстро, и что это развитіе должно было носить отчасти искусственный характеръ. Послѣднее доказывается значительнымъ приливомъ иностранныхъ капиталовъ и послѣдовавшимъ затѣмъ промышленнымъ кризисомъ послѣднихъ годовъ. За время особаго усиленія покровительства съ

середины 80-хъ годовъ, сумма промышленнаго производства возросла съ 802 милл. въ 1887 году до 1.010 милл. въ 1892 г. и до 1.816 милл. при новомъ тарифѣ, къ 1897 г.: т.-е. за десять лѣтъ она болѣе чѣмъ удвоилась. Несомнѣнно, что такое быстрое увеличеніе производства вызывалось не столько ростомъ внутренняго рынка и спроса на товары, сколько *выгодностью* самаго процесса производства при усиленномъ покровительствѣ. Это видно и изъ тѣхъ мѣръ, которыя правительству пришлось примѣнять, чтобы найти сбытъ для искусственно увеличеннаго количества производимыхъ товаровъ. Въ металлургическомъ производствѣ оно вынуждено было питать искусственно-созданныя или расширенныя предпріятія — казенными заказами; а для этой цѣли усиленно строить желѣзныя дороги. Въ сахарномъ производствѣ оно приведено было къ необходимости обезпечить излишку продукта сбытъ за-границей. Вслѣдъ за сахарной «нормировкой» явились и другія попытки и претензіи въ томъ же направленіи; и русскому финансовому вѣдомству пришлось играть роль «организатора» національнаго производства, покровителя и руководителя открытыхъ и замаскированныхъ синдикатовъ и трестовъ просто для того, чтобы поддержать производство и свой доходъ съ него на искусственно достигнутой высотѣ.

Ростъ количества фабрикъ и наемныхъ рабочихъ въ европейской Россіи (за исключеніемъ обложенныхъ акцизомъ и мелкихъ предпріятій) виденъ будетъ изъ слѣдующей таблицы:

	Фабрикъ.	Годич. сумма производства (милліоновъ).	Рабочихъ.	На одну фабрику сумма произв.	На одну фабрику рабочихъ.
1804. . . .	2.423	—	95.202	—	39
1825. . . .	5.261	—	210.568	—	40
1850. . . .	9.843	166	517.679	16.865	52
1863. . . .	16.695	352	419.517	21.075	25
1879. . . .	27.927	909	689.452	32.513	25
1887. . . .	21.098	990	768.750	46.948	36
1893. . . .	18.749	1.293	960.149	68.974	51
1897. . . .	28.151	2.182	1.384.942	77.514	49

Мы старались подобрать для этой таблицы по возможности однородныя данныя. При всей ненадежности фабрично-заводской статистики можно, однако, считать несомнѣннымъ тотъ главный выводъ изъ нея, что въ XIX вѣкѣ размѣры русскаго капиталистическаго производства быстро растутъ. Остановка въ ростѣ числа рабочихъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, показываемая цифрами 1850—1863 гг., объясняется тѣмъ, что рабочія руки въ

этотъ періодъ сильно вздорожали, что дало толчокъ къ замѣнѣ ихъ, гдѣ только оказалось возможнымъ, машинами. Поэтому-то сразу упало вдвое и среднее количество рабочихъ, приходившихся на одну фабрику передъ эмансипаціей (съ 52 до 25). Очевидно, такая замѣна рабочаго машиной сама по себѣ вовсе не означала остановки въ концентраціи производства. Увеличеніе цифръ количества фабрикъ въ 1863 и 1879 годахъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что тутъ введены въ счетъ сравнительно мелкія предпріятія, существовавшія по большей части уже раньше, но не записывавшіяся. Но обстоятельства въ пореформенное время уже не благопріятствовали появленію новыхъ мелкихъ предпріятій: на это указываетъ паденіе числа фабрикъ въ 1887 и 1893 г. Здѣсь мы встрѣчаемъ рѣшительный шагъ впередъ въ направленіи концентраціи производства въ крупныхъ предпріятіяхъ: такъ какъ едва-ли можно объяснить паденіе этихъ цифръ одними случайностями регистраціи. Средніе размѣры капитала и количество рабочихъ въ предпріятіи непрерывно растутъ во второй половинѣ XIX вѣка *). Прибавимъ, что фактъ дальнѣйшей концентраціи фабричной промышленности въ пореформенное время, засвидѣтельствованный этими цифрами, доказывается и другими несомнѣнными данными. Новѣйшіе изслѣдователи указываютъ, что съ 1879 года по 1895 число крупныхъ фабрикъ (имѣющихъ болѣе 100 рабочихъ) увеличилось съ 4,4% до 6,7% всего числа фабрикъ и заводовъ, что число рабочихъ на нихъ поднялось съ 66,8% до 74% всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, наконецъ, что и сумма производства на тѣхъ же крупныхъ фабрикахъ поднялась съ 54,8% до 70,8% всей суммы производства въ Россіи. Вмѣстѣ съ этой концентраціей производства въ крупныхъ фабрикахъ быстрыми шагами шелъ впередъ и процессъ образованія спеціальнаго класса фабричныхъ рабочихъ, порвавшихъ окончательно съ земледѣліемъ и исключительно занятыхъ промышленнымъ трудомъ. Разработка данныхъ по Московской губерніи показала, что здѣсь изъ фабричныхъ рабочихъ только 14% уходятъ на лѣтнія работы въ свои села; и при томъ, наименьшій процентъ уходящихъ (6—2%) оказался на фабрикахъ съ машиннымъ и наиболѣе крупнымъ про-

*) Если присоединимъ обложенныя акцизомъ и горнозаводческія предпріятія, то общіе итоги будутъ:

	Фабрикъ и завод.	Сумма произв.	Рабочихъ.	На одну фабрику. сумма произв.	рабоч.
1887	30.888	1.334	1.318.848	43.205	42
1893	30.333	1.735	1.582.904	57.198	52
1897	39.029	2.839	2.098.262	72.741	54

изводствомъ. Двѣ трети этихъ фабричныхъ поступаютъ на фабрику малолѣтними, т.-е. занимаются фабричнымъ трудомъ не случайно и временно, а профессіонально, по наслѣдству отъ отцовъ, а иногда и дѣдовъ. Только десятая часть поступаетъ на фабрику вновь, прямо изъ деревни. Такимъ образомъ, фабричный классъ окончательно сложился въ Россіи—фактически, хотя номинально огромное большинство его членовъ продолжаетъ числиться «крестьянами».

Какъ бы то ни было, при всѣхъ этихъ успѣхахъ капитализма, до самаго послѣдняго времени русская фабричная промышленность все еще не вышла изъ подъ правительственной опеки. Значитъ ли это, что она дѣйствительно еще не можетъ, или же только, что она не хочетъ обходиться безъ поддержки со стороны государства? Есть ли такое положеніе только временное,—и тогда, скоро ли оно кончится,—или же постоянное, и тогда стоитъ ли вообще поддерживать индустріализмъ въ Россіи? Эти вопросы ставились и возбуждали нескончаемые споры, по крайней мѣрѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія. Жизнь шла своимъ чередомъ и существенно видоизмѣняла всѣ данныя для ихъ разрѣшенія. Вызванная къ жизни государственными потребностями и правительственными теоріями, русская фабрика уже ко времени Екатерины II стала отвѣчать дѣйствительнымъ потребностямъ русскаго населенія. Подневольнаго фабриканта съ «приписными» рабочими смѣнилъ фабрикантъ-доброволецъ, находившій выгоднымъ не только работать крѣпостнымъ трудомъ, но и приглашать со стороны все въ большемъ количествѣ вольнонаемныхъ рабочихъ. Но тутъ какъ разъ начался исполинскій ростъ европейскаго машиннаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ обострилась борьба за сбытъ продуктовъ этого производства на международномъ рынкѣ. Захваченная врасплохъ, русская промышленность поспѣшно оградила себя высокимъ барьеромъ, за которымъ ей жилось еще лучше, чѣмъ прежде, и по прежнему не нужно было думать о завтрашнемъ днѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, русскій экономическій бытъ успѣлъ опять-таки совершенно преобразиться. Послѣдніе остатки принудительнаго труда (на поссессіонныхъ фабрикахъ) были брошены, какъ непригодный обломокъ стараго, отошедшаго въ вѣчность экономическаго строя. Немногія уцѣлѣвшія до эмансипаціи дворянскія крѣпостныя фабрики также принуждены были закрыться въ ближайшее десятилѣтіе послѣ паденія крѣпостного права. Мѣновое хозяйство послѣ крестьянской реформы могло торжествовать окончательную побѣду надъ натуральнымъ. Съ каждымъ годомъ Россія все болѣе укрѣплялась на новой ступени экономической жизни, на которой индустріализмъ являлся необходимымъ

продуктомъ *внутренняго* развитія. Облегченіе обмѣна и увеличеніе внутренняго потребленія, умноженіе капиталовъ и широкое развитіе кредита должны были постепенно приблизить русскую промышленность къ тому нормальному положенію, въ которомъ находится европейская. Вмѣстѣ съ тѣмъ и права .ея на особое попеченіе со стороны государства должны бы были сильно уменьшиться. Не далѣе какъ въ 1899 г. министръ финансовъ прямо заявилъ, что «какъ и всякое средство, протекціонизмъ долженъ имѣть лишь временное значеніе — впредь до достиженія той конечной цѣли, которой и былъ онъ выдвинутъ. Прямая логика его заключается въ самоупраздненіи. Съ созданіемъ крѣпкой національной промышленности, съ нарожденіемъ дѣятельной внутренней конкуренціи, должна наступить его естественная кончина». Къ сожалѣнію, эта естественная кончина замедляется той политикой финансоваго вѣдомства, о которой отчасти говорилось выше—и которая вызывается, главнымъ образомъ, фискальными интересами казны, затѣмъ вліяніемъ интересовъ крупныхъ предпринимателей и, наконецъ, международной таможенной борьбой.

Какъ бы то ни было, декретировать отмѣну русскаго капитализма или предсказывать ему естественную смерть вмѣстѣ съ «естественной кончиной» протекціонизма—было бы теперь уже нѣсколько поздно. Факты, подбираемые въ доказательство этого утвержденія, могутъ доказать только, что русскій капитализмъ все еще переживаетъ переходное время, и что ему, во всякомъ случаѣ, очень далеко до западно-европейскаго. Изъ этихъ фактовъ мы остановимся здѣсь только на одномъ, самомъ крупномъ: на русской кустарной промышленности.

Дѣло въ томъ, что на полтора милліона, самое большее, фабричныхъ рабочихъ—въ Россіи существуетъ до сихъ поръ никакъ не менѣе четырехъ милліоновъ крестьянъ, занимающихся обрабатывающей промышленностью у себя въ деревнѣ, и въ то же время не бросающихъ земледѣлія. Это—тотъ самый классъ, изъ котораго выросла, какъ мы говорили, европейская фабрика, и который нисколько не участвовалъ (вѣрнѣе сказать, очень мало участвовалъ) въ созданіи русской. Вмѣсто того, чтобы быть поглощеннымъ фабрикой, этотъ классъ не только продолжаетъ существовать, но даже увеличивается въ числѣ, овладѣваетъ новыми отраслями занятій, успѣшно соперничаетъ съ фабрикой, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее побиваетъ. Чѣмъ же объяснить такое кажущееся противорѣчіе факту развитія капитализма?

Изслѣдователи давно указали тѣ причины, которыми объяс-

няется живучесть и способность къ развитію нашей кустарной промышленности. Помимо слабости экономическаго развитія и незначительности капиталовъ, которыми обусловливается существованіе домашней промышленности въ извѣстный періодъ во всѣхъ странахъ, въ нашемъ отечествѣ существуютъ особыя причины, заставляющія значительную часть земледѣльческаго населенія заниматься домашней промышленностью. Причины эти двоякія: климатическія и финансовыя. По свойству нашего климата русское земледѣліе поставлено въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ западное. Чѣмъ далѣе къ востоку на одной и той же географической широтѣ, тѣмъ лѣто позднѣе начинается и ранѣе кончается. Уменьшеніе продолжительности лѣта вознаграждается, правда, его большей знойностью, такъ что одни и тѣ же земледѣльческія растенія вызрѣваютъ на востокѣ скорѣе, чѣмъ на западѣ. Но это ведетъ къ тому неудобству, что приходится на короткомъ промежуткѣ времени напрягать гораздо больше рабочей силы: въ 4 мѣсяца нужно бываетъ сдѣлать тѣ же земледѣльческія работы, которыя на западѣ можно разложить на семь; въ результатѣ то же дѣло, которое тамъ можетъ быть сдѣлано четырьмя рабочими, у насъ требуетъ семерыхъ. Зато въ остальные 8 мѣсяцевъ не приходится дѣлать никакого дѣла, относящагося къ земледѣлію, и рабочій трудъ можетъ быть употребленъ на другое занятіе. Эта возможность вести наряду съ земледѣліемъ другія занятія становится необходимостью въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе мало даетъ дохода и не покрываетъ обязательныхъ расходовъ крестьянскаго хозяйства (т. е. прежде всего податей ср. ниже, оч. III., гл. II). Позднѣе мы увидимъ, что въ такомъ положеніи находится вся центральная полоса Россіи; вотъ почему домашняя промышленность и отхожіе промыслы наряду съ земледѣліемъ стали здѣсь уже съ давнихъ поръ необходимымъ вспомогательнымъ рессурсомъ крестьянина. Уже въ Екатерининской комиссіи 1767 года было положительно констатировано, что очень значительный процентъ сельскаго населенія уходитъ изъ деревни на заработки или ищетъ пополненія своего бюджета въ занятіяхъ промышленностью и мелкой торговлей. Такимъ образомъ, уже тогда былъ въ полномъ ходу тотъ процессъ «разслоенія» деревенскаго населенія, который характеризуетъ современную деревню. Екатерининскій публицистъ Щербатовъ говоритъ, напр., о «великомъ числѣ работниковъ, отставшихъ отъ пашни и отшедшихъ въ города для работъ», какъ объ одной изъ причинъ голода 1788 года. Городской депутатъ Глинковъ подчеркиваетъ, что «въ торговлѣ большое помѣшательство купцамъ причиняется отъ

крестьянъ» *), и считаетъ, что число «торгующихъ и пребывающихъ въ разныхъ отъ домовъ своихъ отлучкахъ» крестьянъ составляетъ «едва-ли не половину» общаго числа крестьянъ годныхъ для земледѣльческой работы (послѣднее число онъ опредѣляетъ въ $3^{1}|_{2}$ мил.). Щербатовъ, правда, насчитываетъ оторванныхъ отъ земледѣлія крестьянъ всего до 700.000 изъ 4-хъ милліоновъ земледѣльческихъ работниковъ; но важное значеніе описываемаго факта вполнѣ признаетъ и онъ. Положимъ, онъ объясняетъ это стремленіе крестьянъ въ городъ и въ отхожіе промыслы—«сластолюбіемъ»: «привязанность къ роскоши (и) производимый оною *недостатокъ* понудилъ множество крестьянъ идти въ городъ, въ мастерства и въ другіе промыслы: они роскошь свою удовлетворяютъ, слаще пьютъ и ѣдятъ, но земли, обрабатывемыя ими, праздны остаются». Несомнѣнно, заработки на сторонѣ—и особенно въ городѣ—значительно повышали благосостояніе отдѣльныхъ лицъ; но «недостатокъ», который «понуждалъ» всю массу искать добавочной работы, происходилъ—тогда такъ же какъ теперь—отнюдь не изъ «привязанности къ роскоши».

Какъ бы то ни было, фактъ несомнѣненъ: усиленное предложеніе внѣземледѣльческаго труда во второй половинѣ XVIII в., сопровождавшееся оживившимся спросомъ на такого рода трудъ. Въ первую половину XIX в., конечно, это явленіе должно было было принять еще болѣе значительные размѣры. Крестьянинъ-ярославецъ передъ крестьянскимъ освобожденіемъ изъ каждаго заработаннаго имъ рубля уже только 37 копѣекъ получалъ собственно съ земледѣлія, остальными 63 копѣйками онъ былъ обязанъ промысламъ; а въ приволжскихъ мѣстностяхъ эта доля дохода, получавшаяся съ промысла, доходила до 88 копѣекъ, и только 12 коп. оставалось на долю земледѣлія. Чтобы заработать эти 63—88 копѣекъ, крестьянинъ, часто шелъ въ городъ—на лѣто, также какъ онъ шелъ при Екатеринѣ,—кирпичникомъ, штукатуромъ, каменщикомъ, плотникомъ и т. д. Онъ могъ оставаться въ отходѣ или заниматься извозомъ и зимой; но зимой открывалась также и другая дѣятельность, которою можно было заниматься, не бросая деревни. Это именно—домашняя промышленность. Эта промышленность могла существовать и соперничать съ фабричной (и даже съ городскими ремесленниками), благодаря своей первобытной простотѣ, при которой отъ произво-

*) О «помѣщательствѣ» купцамъ отъ дворянскихъ фабрикъ, тоже отрывавшихъ крестьянъ отъ пашни, мы говорили выше, стр. 87. Щербатовъ насчитываетъ, что, благодаря заведенію дворянскихъ фабрикъ, число суконныхъ фабрикъ съ 1742 г. учетверилось (съ 16 до 60), а число полотняныхъ болѣе чѣмъ утроилось (съ 20 до 68).

дителя не требовалось никакихъ почти предварительныхъ затратъ капитала на помѣщеніе, орудія и матеріалъ. Это обстоятельство, а также и то, что кустарныя издѣлія такого промышленника были для него не единственнымъ средствомъ существованія, а только вспомогательнымъ заработкомъ, занимавшимъ его досугъ, все равно пропадавшій даромъ,—эти обстоятельства и давали ему возможность продавать свои произведенія по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Вотъ почему не только удержалась, но даже продолжала развиваться въ Россіи такая, повидимому, архаичная форма промышленности, какъ кустарное производство.

Если, однако, ближе всмотрѣться въ дѣло, то окажется, что архаичность вовсе не есть неизмѣнный спутникъ кустарныхъ промысловъ. Прежде всего, далеко не всѣ отрасли кустарнаго производства могутъ считаться остаткомъ отдаленной старины и продуктомъ внутренняго, органическаго развитія домашней промышленности. Многія—и наиболѣе важныя—кустарныя производства, какъ мы видѣли, возникли не раньше конца прошлаго или начала нашего столѣтія, какъ результатъ распаденія фабрикъ. Такимъ образомъ, развитіе русскаго кустарничества можетъ представиться, при болѣе внимательномъ изученіи, не пережиткомъ древнихъ временъ, а просто одной изъ формъ, въ которыхъ выразилось общее оживленіе «народнаго потребленія» и промышленной жизни со второй половины XVIII столѣтія. Если такъ, то было бы совершенно неправильно считать развитіе кустарничества — побѣдой «народнаго производства» надъ фабрикой. Побѣда эта была отчасти мнимая, отчасти только временная. Раздробленіе производства между отдѣльными производителями вовсе не означало возврата къ докапиталистической домашней промышленности. Перенесенная изъ фабрики въ избу, работа продолжала производиться по заказу фабриканта; и даже тогда, когда мастеръ производилъ ее на свой страхъ, онъ находился въ сильнѣйшей зависимости отъ торговца-скупщика его товара. Такимъ образомъ, этого рода кустарное производство и по происхожденію своему, и по характеру было съ самаго начала капиталистическимъ, а не «народнымъ». Несомнѣнно, возвращеніе отъ фабрики къ этой болѣе элементарной экономической формѣ показывало, что въ до-реформенной Россіи почва все еще не была готова для самостоятельнаго развитія высшихъ капиталистическихъ формъ. Но послѣ реформы и тутъ положеніе совершенно измѣнилось. Раньше кустарь побивалъ фабрику, теперь фабрика начинаетъ вытѣснять кустаря. Прежде всего, она возвращаетъ себѣ назадъ тѣхъ рабочихъ, которымъ раньше предпочитала давать работу на домъ. Такъ, напр., въ главнѣйшемъ

капиталистическомъ производствѣ, хлопчато-бумажномъ, мы находимъ за тридцать лѣтъ такія перемѣны:

	(*Работали въ тысячахъ*):	
	въ зданіи фабрики.	на дому.
1866	94,5	66,2
1879	162,7	50,1
1895	242,0	20,5

т.-е. абсолютно число работающихъ на дому уменьшилось больше чѣмъ втрое, а пропорціонально всему числу рабочихъ стало составлять всего 8% вмѣсто прежнихъ 41%.

Есть, однако, отрасли кустарнаго производства, которымъ не грозитъ такая непосредственная опасность отъ крупнаго машиннаго производства. Сюда относятся и многія изъ тѣхъ отраслей, которыя возникли изъ старинной домашней промышленности. Но здѣсь мы наблюдаемъ параллельный процессъ, смыслъ котораго все тотъ же, что и въ отрасляхъ, конкурирующихъ съ фабриками. Примитивная домашняя форма промышленности точно также цѣлымъ рядомъ неуловимыхъ переходовъ приближается къ капиталистической, и, наконецъ, переходитъ въ нее. Кустари не участвовали, конечно, въ созданіи петровской фабрики; но процессъ капитализаціи мелкихъ предпріятій совершается на всякомъ шагу и во всякое время. Точно такъ же, какъ на западѣ, этотъ процессъ происходитъ путемъ постепеннаго порабощенія производителей торговцами—скупщиками и заказчиками, а также путемъ расширенія отдѣльныхъ предпріятій, хозяевамъ которыхъ удается побѣдить своихъ конкурентовъ. Одинъ изслѣдователь еще въ началѣ 80-хъ годовъ разсчитывалъ, что 86,5% кустарныхъ издѣлій Московской губерніи и 96% двухъ уѣздовъ Владимірской находятся въ рукахъ болѣе крупныхъ предпринимателей. Такимъ образомъ, будущему старой домашней промышленности угрожаетъ въ настоящее время если не фабричная конкуренція и развитіе машинной техники, то капитализація мелкихъ предпріятій. Несомнѣнно, существуетъ въ кустарной промышленности стремленіе предупредить этотъ исходъ путемъ добровольной коопераціи; но до сихъ поръ попытки коопераціи встрѣчались не особенно часто и удавались еще рѣже. Во всякомъ случаѣ, и кооперативное, и капиталистическое «обобществленіе» кустарнаго труда одинаково ведетъ и въ этихъ отрасляхъ производства къ ослабленію связи его съ земледѣльческимъ трудомъ,—связи, составляющей сущность кустарной промышленности въ ея примитивномъ, до-капиталистическомъ видѣ.

Наиболѣе полнымъ сводомъ данныхъ по исторіи русской промышленности остается сочиненіе *А. Семенова*: Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 годъ. Спб. 1859 г., три части. Новѣйшее изслѣдованіе по исторіи фабрики принадлежитъ *М. Туганъ-Барановскому*: «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ». Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. Спб. 1898. Изъ многочисленныхъ сводовъ оффиціальнаго статистическаго матеріала для нашего очерка послужили: *Кирилловъ*: Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства, М. 1831 г., 2 тома. *Hermann*. Statistische Schilderung von Russland, Ptsbg. 1790. *Schnitzler*. Essai d'une Statistique générale de l'empire de Russie, Paris. 1829 г. (и его же Empire des Tsars). *Пельчинскій*. О состояніи промышленныхъ силъ Россіи (1822—1832). Спб. 1833. *Reden*. Das Kaiserthum Russland. Berl. 1843. Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. Спб. 1863 г.. т. II-й. Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. т. II-й. Спб. 1883 г. Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1890 г., изд. Центр. Стат. Комитета. См. также отдѣлъ «Финансовые дѣятели въ XIX столѣтіи» въ сочиненіи: «Наши государственные и общественные дѣятели». Спб. 1890 г. Цифра городского населенія Россіи въ 1630 г. взята изъ статьи *С. К. Богоявленскаго*. Нѣкоторыя статистическія данныя по исторіи русскаго города XVII ст. въ Трудахъ Археографической Коммиссіи Моск. Археол. Общества, т. I. О домашней промышленности см. замѣчанія *Haxthausen'a* въ I томѣ его Etudes, Hanovre, 1847 г. *А. Корсакъ*. О формахъ промышленности М. 1861 г. Современное состояніе кустарной промышленности, во многомъ уясняющее ея исторію см. у *В. В.* Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886 г.; *его же*. Артель въ мелкомъ промыслѣ. Спб., 1895 г., и *Н. Езерскаго*. Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ. М. 1894 г. О проникновеніи капитала въ область домашней промышленности, о развитіи мануфактуры и фабрики см. главы V—VII въ цитированной выше книгѣ *Вл. Ильина*. Развитіе капитализма въ Россіи. Ср. также главу VI въ цитированной книгѣ *М. И. Туганъ-Барановскаго*. Цифры фабрикъ и т. д. 1887, 1893 и 1899 любезно сообщены мнѣ А. В. Пѣшехоновымъ на основаніи «Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 годъ». Спб. 1900.

III.

Пути сообщенія.—Сухопутныя дороги, шоссе, желѣзныя дороги, рѣки и каналы.—Общій характеръ развитія русскихъ путей сообщенія.—Развитіе почтовыхъ сношеній.—Внутренняя торговля.—Цѣны за провозъ товаровъ.—Медленность товарнаго обращенія.—Караванный и ярмарочный характеръ торговли.—Изолированность мѣстныхъ рынковъ и разнообразіе мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ, какъ наиболѣе характерный признакъ этой изолированности.—Внѣшняя торговля.—Ея пассивный характеръ.—Роль иностранцевъ во внѣшней торговлѣ Новгорода и Москвы.—Успѣхи и стремленія русскаго купечества со второй половины XVII в.—Медленность въ развитіи судостроенія и торговыхъ компаній.—Увеличеніе размѣровъ вывоза и ввоза съ конца XVII в.—Дѣйствіе охранительныхъ и либеральныхъ тарифовъ.—Процентное отношеніе между главными предметами вывоза и ввоза.—Отношеніе внѣшней торговли къ внутренней.—Исторія денегъ и цѣнъ.—Кредитныя деньги (мѣдныя и бумажныя).—Частный кредитъ.—Высота процента и прибыли.—Правительственныя попытки дешеваго кредита.—Положеніе кредита въ первой половинѣ XIX вѣка и быстрое развитіе его во второй половинѣ.—Двѣ стороны въ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи.

Экономическое развитіе страны тѣсно связано съ улучшеніемъ ея путей сообщенія. Чѣмъ безопаснѣе, легче и быстрѣе становятся сношенія между людьми, тѣмъ большее число людей соединяется между собою общими экономическими интересами. Улучшенные пути сообщенія раздвигаютъ предѣлы рынка и увеличиваютъ количество покупателей; этимъ они даютъ возможность расширить размѣры производства товаровъ, раздробить это производство на спеціальныя отрасли и распредѣлить его между производителями такъ, чтобы каждый продуктъ производился при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. возможно дешевле. И наоборотъ, усиленіе обмѣна и увеличеніе производства создаетъ потребность въ хорошихъ путяхъ сообщенія: чѣмъ больше производится и перемѣщается въ странѣ товаровъ, тѣмъ выгоднѣе становится затратить часть капитала на постройку дорогъ, удешевляющихъ доставку этихъ товаровъ и открывающихъ имъ доступъ къ отдаленному потребителю. Посмотримъ же, имѣя въ виду эту взаимную связь, о какой степени промышленнаго развитія свидѣтельствуютъ пути сообщенія древней Россіи.

Можно сказать съ увѣренностью, что на всемъ протяженіи своей исторіи, до самаго послѣдняго времени, Россія не знала искусственныхъ путей сообщенія. О непроходимости русскихъ сухопутныхъ дорогъ единогласно свидѣтельствуютъ иностранные путешественники XVI и XVII столѣтія. Административная нужда заставила Петра Великаго выстроить «перспективную дорогу» между обѣими столицами; но и эта дорога, укрѣпленная въ топкихъ мѣстахъ фашинникомъ и бревенчатой настилкой, безпрестанно портившаяся и чинившаяся на протяженіи всего XVIII вѣка, едва ли была бы причислена, по теперешней терминологіи, къ «искусственнымъ» дорожнымъ сооруженіямъ. Шведскія дороги Балтійскаго края оставались въ теченіе всего прошлаго столѣтія недосягаемымъ образцомъ, которому правительство тщетно приказывало подражать; и еще Екатеринѣ II пришлось распорядиться, чтобы рядомъ съ искусственымъ полотномъ дороги оставлялись по сторонамъ широкія полосы грунта, на которыя можно было бы сворачивать съ непроходимой казенной дороги, не рискуя свалиться въ канаву. Только при Александрѣ I, въ 1816 г., начинается постройка шоссейныхъ дорогъ, и только къ 1830 году была окончена первая изъ нихъ, между Москвой и Петербургомъ. Какъ недалеко ушло съ тѣхъ поръ построеніе шоссейныхъ дорогъ, видно изъ того, что тридцать лѣтъ спустя, въ шестидесятыхъ годахъ, въ Россіи считалось всего около 8.000 верстъ шоссейнаго пути *); въ слѣдующее же тридцатилѣтіе шоссейныя сооруженія развивались еще медленнѣе, такъ что теперь (1896) общая длина поднялась только до 12 тыс. верстъ. Это—втрое меньше длины большихъ шоссейныхъ дорогъ маленькой Англіи и слишкомъ въ 20 разъ меньше количества французскихъ шоссе,—если брать абсолютныя цифры. Если же взять отношеніе этихъ цифръ къ величинѣ страны, то въ Россіи шоссейныхъ дорогъ окажется въ сотни разъ меньше Западной Европы. Правда, такая задержка въ устройствѣ шоссейныхъ путей совпадаетъ съ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ русской желѣзнодорожной сѣти. Первая русская желѣзная дорога (1838) послѣдовала очень скоро за первымъ русскимъ шоссе (1830); черезъ тридцать лѣтъ (1867) длина желѣзнодорожнаго пути составляла уже болѣе половины длины шоссейныхъ сообщеній (4.700 верстъ), а въ слѣдующее тридцатилѣтіе (1897) она увеличилась еще въ $8^1/_2$ разъ (до 40 тыс. верстъ или 43 тыс. километровъ) и стала

*) Въ томъ числѣ 6.000 верстъ приходилось на большую дорогу отъ Петербурга до Иркутска черезъ Москву и 1.000 верстъ отъ Петербурга до австрійской границы черезъ Варшаву.

больше чѣмъ втрое превосходитъ длину нашихъ шоссе. Какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе финансовое вѣдомство сдѣлало чрезвычайныя усилія и принесло совершенно исключительныя жертвы за счетъ населенія для расширенія русской желѣзнодорожной сѣти. Въ 1902 г. длина пути равнялась уже 53 тыс. верстъ, т.-е. почти вдвое больше, чѣмъ было въ 1892 г. (28,7). Съ этой послѣдней цифрой желѣзныхъ дорогъ Россія превосходитъ Германію (51 тыс. кил.), Англію (35 тыс кил.) и Францію (43 тыс. кил.); но она еще далеко отстаетъ отъ нихъ, если принять въ разсчетъ ея пространство. На тысячу квадр. километровъ приходится у насъ всего 9 километровъ желѣзнодорожнаго пути, между тѣмъ какъ даже въ Турціи эта цифра составляетъ 13, а во Франціи 82, въ Англіи 113, т.-е. въ 9 и 13 разъ больше Россіи. Въ теченіе года русскими желѣзными дорогами пользуются изъ каждой сотни жителей 79 человѣкъ *), тогда какъ во Франціи и въ Германіи всякій житель, среднимъ числомъ, по 6—7 разъ проѣдетъ по желѣзной дорогѣ, а въ Англіи даже по 28 разъ, т.-е. пассажирское движеніе тамъ въ 15—35 разъ сильнѣе, чѣмъ въ Россіи. То же можно сказать и о движеніи грузовъ.

Подобныя же наблюденія можно сдѣлать и относительно водяныхъ путей,—главныхъ средствъ сообщенія древней Россіи. Изъ 100 тыс. верстъ общей длины нашихъ рѣкъ, около трети (34 т.) судоходны и такое же количество удобно для сплава. Это самая большая длина во всей Европѣ, но сравнительно съ пространствомъ Россіи и она превращается въ самую малую: 35 верстъ на 100 кв. миль, тогда какъ въ Германіи эта цифра доходитъ до 119 в., во Франціи до 135 в., въ Великобританіи 145 вер. на 100 кв. миль. Приведенныя цифры станутъ еще знаменательнѣе, если прибавимъ, что очень значительная часть европейскихъ водяныхъ путей создана искусственно. Соединительные и обходные каналы составляютъ 16% общей длины водяныхъ путей въ Германіи, 35% во Франціи и 69% въ Англіи. Въ Россіи эта цифра едва доходитъ до 1%, хотя строеніе искусственныхъ водяныхъ путей началось у насъ гораздо раньше шоссе и желѣзныхъ дорогъ,—еще съ Петра Великаго. Къ началу шоссейныхъ сооруженій наша система каналовъ была уже готова въ общихъ чертахъ, но съ тѣхъ поръ она уже не развивалась дальше. Здѣсь повторилось то же, что мы видѣли съ развитіемъ шоссейныхъ дорогъ:

*) Съ 1894 года по 1900, отчасти благодаря удешевленному тарифу, пассажирское движеніе почти удвоилось: съ 55,6 мил. до 101,6 мил., т.-е. съ 44 до 79 на сотню жителей (число пассажиро-верстъ поднялось тоже почти вдвое: съ 5.758 милл. до 11.006 милл.).

постройка шоссе, повидимому, такъ же затормозила устройство каналовъ, какъ она сама была заторможена возникновеніемъ желѣзнодорожной сѣти. Новый способъ сообщенія не столько пополнялъ, сколько прямо замѣнялъ старый: проведенныя между тѣми же самыми главнѣйшими административными и торговыми центрами, желѣзныя дороги лишили значенія параллельныя съ ними шоссе и отвлекли отъ рѣкъ значительную часть ихъ грузовъ. Такимъ образомъ, получилось скопленіе искусственныхъ сообщеній на главныхъ путяхъ, при полномъ почти отсутствіи ихъ на второстепенныхъ; вмѣсто того, чтобы взаимно пересѣкаться, у насъ значительная часть разнородныхъ искусственныхъ путей тянется рядомъ. Только въ послѣднее время вопросъ о соединительныхъ и подъѣздныхъ путяхъ сталъ, наконецъ, на очередь.

Пародируя извѣстное изреченіе, можно было бы сказать, что всякая страна имѣетъ такія сообщенія, какія они заслуживаетъ имѣть,—если бы только состояніе путей сообщенія опредѣлялось исключительно экономическимъ развитіемъ *данной* страны или ея отдѣльныхъ частей. Въ дѣйствительности, въ удобныхъ и правильныхъ сообщеніяхъ раньше населенія Россіи нуждалось ея правительство, а затѣмъ иностранные торговцы. Задолго до устройства искусственныхъ путей, правительство старалось себѣ обезпечить возможность административныхъ сношеній со всѣми частями управляемой страны путемъ устройства казенныхъ «ямовъ». Первое устройство правильныхъ почтовыхъ сообщеній современно объединенію Руси и относится къ концу XV столѣтія. Два вѣка спустя въ распоряженіи правительства находилось до 200 почтовыхъ станцій, распредѣленныхъ между девятью ямскими дорогами, сообщавшимися со всѣми окраинами государства. Ко вступленію Екатерины II это число возросло до 474, а въ почтовомъ дорожникѣ 1829 года показано уже до 3.240 станцій. Въ допетровское время, однако, ямскія учрежденія служили исключительно потребностямъ государства. Регулярныхъ сношеній не было, и правительство пользовалось ямщиками лишь по мѣрѣ того, какъ въ этомъ являлась надобность. Частныя лица вовсе не могли пользоваться казенными «ямами». На просьбы объ этомъ англійскихъ купцовъ XVI вѣка московское правительство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, отвѣтило отказомъ. Только вѣкъ спустя, при Алексѣѣ Михайловичѣ (1663), иностраннымъ торговцамъ удалось, наконецъ, добиться устройства правильныхъ почтовыхъ сношеній съ заграницей (черезъ Ригу и Вильну) и съ единственнымъ торговымъ портомъ того времени, Архангельскомъ. Но для этого они должны были сами сдѣлаться предпринимателями новаго дѣла и

вести его совершенно независимо отъ Ямского приказа подъ наблюденіемъ тогдашняго министерства иностранныхъ дѣлъ (Посольскаго приказа). Петръ взялъ, наконецъ, русскую почту изъ рукъ иностранцевъ-предпринимателей въ руки государства; но только при Екатеринѣ II различіе между казенной и купеческой почтой уничтожилось окончательно. Какъ быстро развивались почтовыя сношенія въ нынѣшнемъ вѣкѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1825 году одно письмо приходилось почти на 10 жителей; въ 1856 г. уже только одно на двухъ, а въ 1897 г. на каждаго жителя приходилось по 5 писемъ. Конечно, и эта послѣдняя цифра покажется незначительной, если сопоставимъ ее съ размѣрами корреспонденціи на Западѣ. Во Франціи на каждаго жителя приходится по 28 писемъ, въ Германіи по 54, въ Англіи по 70.

При отсутствіи искусственныхъ путей сообщенія до начала нынѣшняго столѣтія и правильныхъ почтовыхъ сношеній до второй половины XVII в., при извѣстномъ уже намъ низкомъ уровнѣ экономическаго развитія Россіи,—чѣмъ была древняя русская торговля? Затрудненія по перевозкѣ товаровъ она умѣла побѣждать, пользуясь лѣтомъ рѣчными путями, а зимою — санной дорогой. Характерно для тогдашняго состоянія Россіи, что оба эти способа транспорта стоили, повидимому, приблизительно, одинаково, или даже сухопутная перевозка обходилась дешевле водяной. Зимняя дорога отъ Москвы до Вологды составляла нѣсколько болѣе четверти протяженія главнаго торговаго пути XVII вѣка *)—отъ Москвы до Архангельска (около 400 верстъ изъ 1.500). Изъ Вологды русскіе товары доставлялись обыкновенно уже водой на архангельскую ярмарку; и изъ Архангельска заграничные товары еще до замерзанія рѣкъ успѣвали добраться до Вологды, откуда они доставлялись въ Москву по новому зимнему пути. Обычная цѣна за провозъ съ пуда отъ Москвы до Архангельска была во второй половинѣ XVII вѣка (1674)—19 коп. Изъ этой суммы менѣе четверти (4 коп.) платилось за зимній провозъ отъ Москвы до Вологды, а остальныя три четверти цѣны (15 коп.) стоила доставка водой отъ Вологды до Архангельска. На версту зимней дороги это составитъ около 1/100 коп., а на версту рѣчного пути около 1/70 коп. Принимая въ разсчетъ, что каждая копѣйка того времени равнялась по своей покупательной силѣ семнадцати теперешних

*) Собственно говоря, описываемый здѣсь торговый путь изъ Архангельска Двиной съ перегрузкой въ Вологдѣ установился уже въ XVI вѣкѣ, какъ это можно видѣть изъ описанія его у Жана Соважа (1586).

нимъ, мы можемъ приравнять эти цѣны, приблизительно, $^1/_6$—$^1/_4$ нашихъ копѣекъ. Между тѣми же нормами ($^1/_{100}$—$^1/_{70}$ тогдашнихъ коп.) колебалась провозная плата за пудъ съ версты по другой большой торговой дорогѣ на Новгородъ *).

Сравнительно съ теперешней стоимостью гужеваго провоза (около $^1/_{10}$ коп.), эти цѣны раза въ два выше, а сравнительно съ провозомъ по желѣзной дорогѣ—онѣ дороже въ 8—20 разъ. Какъ видимъ, провозъ товаровъ не удешевился сколько-нибудь значительно до самой постройки желѣзныхъ дорогъ, и не въ этой дороговизнѣ заключалось главное затрудненіе древне-русской торговли. Гораздо важнѣе была невозможность постояннаго и быстраго обращенія товаровъ, связанная какъ съ состояніемъ путей сообщенія, такъ и съ общимъ уровнемъ экономическаго развитія страны. Провезти товаръ по лѣтней дорогѣ стоило, по крайней мѣрѣ, вчетверо дороже зимняго провоза; такимъ образомъ, вся сухопутная перевозка останавливалась лѣтомъ. Обмѣнъ товаровъ между внутреннимъ и внѣшнимъ рынкомъ совершался одинъ разъ въ годъ, и этотъ однократный оборотъ производился на протяженіи полугода для иностранныхъ купцовъ и цѣлаго года для русскихъ. Періодичность и медленность товарнаго оборота создала въ Россіи тѣ же формы торговли, которыя вообще свойственны примитивному экономическому быту. Передвиженіе товаровъ въ странѣ приняло форму *караваннаго* транспорта, наиболѣе приспособленнаго къ недостаточной безопасности русскихъ дорогъ и къ періодической массовой перевозкѣ товаровъ. Необходимость скоплять товары въ извѣстное время года въ извѣстномъ мѣстѣ создала періодическіе съѣзды купцовъ и покупателей, а это придало торговлѣ *ярмарочный* характеръ. Наконецъ, неустойчивость и непостоянство торговыхъ связей заставили торговцевъ смотрѣть на каждую отдѣльную сдѣлку, какъ на первую и послѣднюю въ своемъ родѣ, и этимъ опредѣлили низкій уровень сословной нравственности, вошедшій въ пословицу и у иностранныхъ, и у своихъ наблюдателей. Всѣ эти явленія, конечно, начинаютъ теперь исчезать съ уничтоженіемъ породившихъ ихъ условій. Караваны и ярмарки теряютъ свой смыслъ съ появленіемъ дешеваго, быстраго и регулярнаго пароваго транспорта; поэтому, несмотря на об-

*) Съ саней, вмѣщавшихъ обыкновенно около 30 пудовъ, это составитъ $^3/_{10}$—$^3/_7$ коп. съ версты. Казенные прогоны по указу 1627 г. равнялись $^3/_{20}$ коп. съ подводы и версты, т.-е. были въ 2 — 3 раза меньше. На наши деньги это составитъ около 5 — 7 коп. торговой платы и около $2^1/_2$ коп. казенной. Послѣдняя цифра совершенно соотвѣтствуетъ среднимъ прогонамъ «Почтоваго Дорожника» 1850 года.

щее оживленіе промышленной жизни, ярмарочные обороты или стоять въ послѣднее время на одной точкѣ, или, съ начала прошлаго десятилѣтія, начинають довольно быстро уменьшаться. Осѣдлая торговля развивается повсюду на счеть ярмарочной; мѣстные рынки теряють свою замкнутость и сливаются мало-по-малу въ одинъ общій рынокъ, подчиняющійся общимъ условіямъ русской и даже всемірной промышленной жизни. Лучшимъ признакомъ такого объединенія рынка является установленіе однообразныхъ цѣнъ на товары, которые до того подчинялись разнообразнымъ условіямъ производства и сбыта на мѣстныхъ, болѣе или менѣе ограниченныхъ рынкахъ. У насъ, въ Россіи, движеніе хлѣбныхъ цѣнъ—вотъ тотъ пульсъ, который всего нагляднѣе можетъ свидѣтельствовать, насколько быстро совершается кровообращеніе въ русскомъ экономическомъ организмѣ. Громоздкій и капризный товаръ,—хлѣбъ только при болѣе или менѣе совершенномъ объединеніи рынка можетъ быстро приспособляться къ колебаніямъ рыночной цѣны. Поэтому, изолированность мѣстныхъ рынковъ скорѣе всего отзовется разнообразіемъ мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ. Въ XVI и XVII вв. разница *въ 4—6 разъ* между мѣстными цѣнами ржи не составляла рѣдкаго явленія; иногда даже въ сосѣднихъ мѣстностяхъ (напр., Москва и Кашира или Суздаль; Новгородъ и Олонецкая губ.) цѣны разнились втрое. Въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка цѣна четверти ржи колебалась между 30 к. (Ливны, Пронскъ и Алатырь) и 2 р. 24 к. (Псковъ); среднею же цѣною для юго-востока была около 50 к., а для сѣверо-запада около 1 р. 50 к. за четверть. Другими словами: при средней разницѣ *въ три раза*, въ отдѣльныхъ случаяхъ хлѣбныя цѣны колебались до $7^1/_2$ разъ. Еще сто лѣтъ спустя (1847—1853), низшая средняя цѣна четверти (въ Оренб. г.) была 1 р., а высшая (въ Петерб. г.) 5 р. 50 к., т.-е. въ $5^1/_2$ разъ больше; но между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ Россіи вообще—разница въ цѣнѣ ржи была уже не болѣе, чѣмъ *вдвое*. Въ степной полосѣ рожь стоила 2 р. за четверть, а въ сѣверной полосѣ около 4 р.; центральная полоса занимала промежуточное положеніе съ цѣнами $2^1/_2$ — $3^1/_2$ р. Наконецъ, въ 1881 — 1887 гг. въ тѣхъ же мѣстностяхъ цѣны ржи были: въ степной полосѣ 64 к. за пудъ, на сѣверѣ—около рубля, въ центральныхъ губерніяхъ—отъ 74 до 90 коп. за пудъ. Другими словами: теперь цѣны разнятся не болѣе, какъ въ *полтора раза*; и даже разница между самой высокой цѣной (Петерб. 1 р. 22 к. за пудъ) и самой низкой (Уфим. 50 к.) составляетъ менѣе $2^1/_2$. Русскій хлѣбный рынокъ очень быстро приспособляется теперь къ колебаніямъ хлѣбныхъ цѣнъ

на всемірномъ рынкѣ, но ему далеко еще до того, чтобы, подобно Америкѣ, регулировать эти цѣны самостоятельно. Вынужденная продажа хлѣба производителями по низкимъ осеннимъ цѣнамъ и вынужденная покупка его по высокимъ весеннимъ — составляетъ первое препятствіе для участія Россіи въ созданіи международныхъ цѣнъ; но главная причина пассивной роли Россіи на международномъ рынкѣ заключается, конечно, въ общихъ условіяхъ русской экономической жизни, вызывающихъ и только-что упомянутую покупку и продажу.

Изолированность мѣстныхъ рынковъ, караванный характеръ перевозки товаровъ и ярмарочный характеръ ихъ продажи и покупки—таковы, слѣдовательно, типическія черты старинной внутренней торговли Россіи. Мы уже знаемъ, что всѣ эти черты свидѣтельствуютъ о слабости обмѣна и незначительности оборотовъ внутренней торговли. Естественно, что, чѣмъ дальше мы углубляемся въ историческое прошлое Россіи, тѣмъ болѣе эта внутренняя торговля отодвигается на второй планъ, и тѣмъ замѣтнѣе преобладаетъ надъ нею торговля внѣшняя. Этотъ видъ торговли не зависитъ отъ размѣровъ потребностей данной страны, а только отъ размѣра потребностей другихъ народовъ, ищущихъ въ этой странѣ своего удовлетворенія. Вокругъ Россіи во все время ея историческаго существованія всегда были на-лицо народности съ болѣе развитыми потребностями, чѣмъ она сама. Очевидно, и торговля съ этими народностями должна была существовать, но только эта торговля носила не активный, а чисто пассивный характеръ. Другими словами, иностранные потребители нуждались въ русскихъ товарахъ, а не русскіе въ иностранныхъ: поэтому, вывозъ русскихъ товаровъ долженъ былъ преобладать надъ ввозомъ заграничныхъ, и самое веденіе торговли должно было находиться въ рукахъ иностранныхъ посредниковъ. Этими чертами и отличается внѣшняя торговля древней Россіи.

Торговые интересы привели иностранныхъ промышленниковъ и авантюристовъ на рѣчные пути внутренней Россіи, положивъ такимъ образомъ начало русской государственности. На успѣхахъ внѣшней торговли основывался и кратковременный блескъ кіевскаго юга, обѣднѣвшаго и потерявшаго политическій вѣсъ вмѣстѣ съ разстройствомъ этой торговли. Какую важную роль играли въ кіевской торговлѣ иностранные купцы,—объ этомъ, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, мы можемъ только догадываться. Зато роль иноземныхъ посредниковъ въ новгородской торговлѣ является уже совершенно ясной. «Готскій» и «нѣмецкій» дворы, основанные въ XII вѣкѣ купечествомъ Готланда и Любека, а въ XIV вѣкѣ сое-

динившіеся въ вѣдомствѣ городского ганзейскаго союза,—на нѣсколько столѣтій монополизировали всю русскую торговлю, шедшую черезъ Новгородъ. Попытка новгородцевъ создать русскую компанію «заморскихъ гостей» не повела къ устройству своего собственнаго коммерческаго флота, и поѣздки отдѣльныхъ купцовъ за море на чужихъ корабляхъ или даже отдача своего товара на коммиссію—остались разрозненными попытками частныхъ предпринимателей. Новгородцамъ пришлось удовольствоваться ролью посредниковъ-монополистовъ между скупщиками товаровъ на сѣверѣ и юго-востокѣ Россіи и ганзейской конторой. Освободиться отъ владычества ганзейцевъ русской внѣшней торговлѣ удалось только тогда, когда на помощь явились иностранные конкуренты Ганзы и своими силами пробили себѣ непосредственный доступъ къ русскимъ товарамъ. Въ XV и началѣ XVI в. это были шведскіе купцы и лифляндскіе города, отвлекшіе движеніе товаровъ на сѣверъ и на югъ отъ обычнаго пути ганзейской торговли. Слѣдомъ за ними явились въ Россію и представители главныхъ промышленныхъ націй новой Европы, товарами которыхъ торговала до сихъ поръ Ганза: англичане и голландцы. Англичане имѣли особыя побужденія явиться самостоятельнымъ конкурентомъ Ганзы: дѣло въ томъ, что Ганза въ своемъ главномъ привозномъ товарѣ, сукнахъ, оказывала предпочтеніе нидерландской промышленности передъ англійской. Въ поискахъ сѣверо-восточнаго пути въ Индію нѣсколько англійскихъ кораблей попали въ Бѣлое море (1553): съ этихъ поръ завязались прямыя сношенія англичанъ съ Россіей черезъ Архангельскъ. Голландцы, появившіеся въ Архангельскѣ послѣ англичанъ, нашли позицію уже занятой, получили меньше льготъ и часто должны были прибѣгать къ посредничеству англичанъ при покупкѣ русскихъ товаровъ. Русское купечество было застигнуто врасплохъ этимъ переворотомъ. Если въ Новгородѣ ему удавалось удержать въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, посредничество въ оптовой торговлѣ русскими товарами, то въ Москвѣ оно рисковало одно время утратить и эту роль. Несравненно болѣе сплоченная, чѣмъ лѣтніе и зимніе постояльцы новгородскаго нѣмецкаго двора,—англійская компанія тотчасъ принялась за постройку своихъ конторъ въ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктахъ и разослала повсюду агентовъ, которые входили въ прямыя сношенія съ мелкими скупщиками и давали имъ за ихъ товары дороже, чѣмъ русскіе оптовые торговцы. Точно такъ же дѣйствовали и голландцы. Конечно, со стороны высшаго русскаго купечества скоро послышались жалобы, что иностранцы «оголодили» русскую землю. Въ серединѣ XVII вѣка правительство усту-

пило, наконецъ, требованіямъ «гостей», въ услугахъ и капиталахъ которыхъ оно нуждалось для цѣлей финансоваго управленія *). Иностранцы потеряли большую часть своихъ льготъ: англичане лишены были права торговать безпошлинно. По замѣчанію шведа Кильбургера (1674), «гости» стали «неограниченно управлять торговлей во всемъ государствѣ». Они хотѣли сдѣлаться исключительными посредниками между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями. До второй половины XVIII в. русское законодательство ограничивало права иностранцевъ—оптовой торговлей. Стремленія до-петровскаго купечества простирались, однако, и дальше. Оно мечтало о томъ, чтобы вовсе выпроводить иностранцевъ изъ внутреннихъ городовъ Россіи, уничтожить ихъ консуловъ и агентовъ, «загородить накрѣпко дыру», продѣланную ими въ нашу землю въ видѣ извѣстной намъ коммерческой почты,—словомъ, добиться того, чтобы «какъ наши русскіе люди о ихъ товарахъ не знаютъ, такъ бы и они о нашихъ товарахъ не знали». Только объ одномъ не мечтало и въ это время русское купечество: объ активномъ вмѣшательствѣ во внѣшнюю торговлю,—о томъ, чтобы противопоставить знанію знаніе и искусству искусство, вмѣсто того, чтобы бороться на почвѣ взаимнаго невѣдѣнія. «Мнѣ кажется,—пишетъ Кильбургеръ,—что Господь Богъ, по неисповѣдимымъ причинамъ, скрываетъ еще это отъ понятія русскихъ и не показываетъ имъ выгодъ, которыя имѣетъ земля ихъ для заведенія (внѣшней) торговли». Съ помощью иностранцевъ Петръ, наконецъ, понялъ то, «что понималъ и разумѣлъ цѣлый свѣтъ» во время Кильбургера; но, несмотря на всѣ усилія, и ему не удалось опередить промышленное развитіе Россіи. Только казна вела при немъ активную торговлю за границей, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ. Торговыя компаніи, къ составленію которыхъ Петръ тщетно старался «приневолить» русское купечество, начали возникать только въ пятидесятыхъ годахъ XVIII вѣка и то не для западной, а для юго-восточной торговли, въ которой иностранцы до сихъ поръ не успѣли сдѣлаться опасными конкурентами. Скоро оказалось, впрочемъ, что эти компаніи только злоупотребляли своимъ привилегированнымъ положеніемъ; лишенныя своихъ монополій Екатериной II, онѣ тотчасъ потеряли всякое значеніе. Только основанная въ концѣ вѣка россійско-американская компанія пользовалась прочнымъ успѣхомъ въ отдаленномъ районѣ своихъ операцій. Не повезло и русскому судостроенію. Несмотря на всѣ субсидіи, преміи и сбавки пошлинъ,

*) См. объ этомъ ниже.

оно развивалось очень туго до самаго послѣдняго времени. Еще въ 1879 году изъ каждаго рубля, полученнаго судохозяевами за привозъ и отвозъ товаровъ въ Россію, на долю русскихъ владѣльцевъ судовъ доставалось только семь копѣекъ: остальныя 93 к. получали иностранцы, и въ томъ числѣ англичане больше полтинника (54). При всѣхъ этихъ условіяхъ, торговымъ консуламъ Россіи за границей, появившимся со времени Петра, долго нечего было дѣлать. Въ договорахъ съ торговыми державами Россія выговаривала, правда, одинаковыя льготы для обѣихъ сторонъ, но съ русской стороны этими льготами некому было пользоваться.

Со времени Петра, однако же, положеніе внѣшней торговли успѣло сильно измѣниться. Блестящая перспектива торговли на четырехъ моряхъ, нарисованная Кильбургеромъ, сдѣлалась дѣйствительностью. Къ Бѣлому и Каспійскому морямъ Петръ присоединилъ Балтійское, Екатерина II—Черное. Вмѣстѣ съ промежуточной между ними сухопутной границей оба послѣднія моря подѣлили почти на три равныя части весь русскій привозъ и отпускъ по европейской границѣ. Чрезвычайно выросли, наконецъ, размѣры торговли. На этомъ возрастаніи мы теперь и должны остановиться.

Въ 1654—77 гг. въ единственномъ русскомъ портѣ, Архангельскѣ, обращалось товаровъ ежегодно не менѣе, чѣмъ на 750 тыс. тогдашнихъ рублей, судя по тому, что казна собирала съ нихъ, среднимъ числомъ, по 75 тыс. руб. въ годъ, а высшая пошлина была 10% *). На Петровскія деньги это составитъ вдвое больше, т.-е. до $1^1/_2$ милліона ежегоднаго оборота. При Петрѣ оборотъ Архангельской ярмарки доходилъ уже до 3 милліоновъ, но, благодаря переводу торговли въ Петербургъ, упалъ послѣ Петра до 300 тысячъ. Зато въ Петербургѣ оборотъ достигъ до 4 милліоновъ. Слѣдующія цифры покажутъ, какую роль игралъ въ этомъ увеличеніи ввозъ и вывозъ (въ тысячахъ рублей).

	1717—1719.		1726.	
	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ.	Ввозъ.
Архангельскъ.	2.344	597	285	36
Петербургъ.	269	218	2.403	1.550
Итого. . .	2.613	815	2.688	1.586
Рига	—	—	1.550	540

Какъ видимъ, русскій отпускъ не возросъ на первыхъ порахъ послѣ основанія Петербурга, а только перемѣнилъ направленіе: на тѣ же 2.600 тыс. рублей вывозилось изъ Россіи това-

*) Купецъ де-Родесъ выписалъ изъ архангельскихъ таможенныхъ книгъ точную цифру привоза на 1653 годъ; эта цифра составляла 1.032.406 тогдашнихъ рублей.

ровъ, но прежде 89% ихъ шло къ Бѣлому морю, а теперь то же количество направилось къ устью Невы. Зато иностранныхъ товаровъ стало привозиться въ Петербургъ на вдвое большую сумму. Наконецъ, кромѣ Архангельска и Петербурга, присоединился третій портъ, Рига, съ 1½ милл. вывоза и ½ милл. ввоза, несмотря на удары, нанесенные его торговлѣ войной. Такимъ путемъ общій итогъ внѣшней торговли въ 1726 г. превышалъ 4 милл. по вывозу и 2 милл. по въ ввозу. Къ серединѣ XVIII вѣка (1749) эти цифры выросли до 6,9 милл. и 5,7 милл. Какъ видимъ, ввозъ продолжалъ догонять вывозъ: первый увеличился въ 2,8 разъ, а второй только въ 1,7 раза. Можно было предвидѣть, что скоро Россія будетъ отпускать меньше, чѣмъ получать изъ-за границы. Но извѣстные намъ таможенные тарифы положили конецъ этому возрастанію ввоза и сохранили торговый балансъ въ пользу Россіи, заставивъ русскихъ потребителей отказаться отъ части иностранныхъ товаровъ и удовольствоваться туземными. За вторую половину XVIII в. нашъ вывозъ и ввозъ возрастали по пятилѣтіямъ (начиная съ 1754—1758 и кончая 1799—1804) слѣдующимъ образомъ (среднія цифры ежегоднаго оборота въ милліонахъ рублей) *).

Вывозъ. . . .	8—11—12—16—19—21—26—36—57—68
Ввозъ	7— 8—10—12—13—17—19—30—39—50

Въ какой степени искусственно поддерживался перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ, показалъ фритредерскій тарифъ 1819 года, немедленно перевернувшій ихъ взаимное отношеніе. Въ 1820 и 1821 гг. вывозъ былъ 62 и 56 милл., а ввозъ поднялся до 69 и 58 милл. Запретительный тарифъ 1822 г. возстановилъ опять перевѣсъ вывоза. За время дѣйствія тарифа 1822 г. ежегодные обороты внѣшней торговли развивались по пятилѣтіямъ (отъ 1824—1828 до 1844—1848) слѣдующимъ образомъ:

Вывозъ	56—65—69—84—101 **)
Ввозъ	50—52—64—76— 84

Совершенно таково же было дѣйствіе на ввозъ и вывозъ либеральныхъ тарифовъ 50-хъ и 60-хъ годовъ и строго-охрани-

*) При оцѣнкѣ этихъ цифръ, особенно трехъ послѣднихъ паръ, необходимо имѣть въ виду, что курсъ рубля во второй половинѣ XVIII вѣка падалъ. Въ 1754 г. рубль равнялся 51 голландскому штиверу, а за десять слѣдующихъ пятилѣтій средній курсъ его былъ: 45, 44, 45, 41, 42, 38, 34, 27, 28 и 28 голл. штив. О причинахъ этого паденія курса см. ниже стр. 116—117. О тарифахъ, покровительственныхъ и либеральныхъ, см. выше, стр. 88—90.

**) Въ 1847 г. былъ чрезвычайный отпускъ хлѣба благодаря неурожаю въ Европѣ.

тельныхъ—70-хъ и 80-хъ. Это дѣйствіе видно будетъ изъ слѣдующаго ряда цифръ (отъ 1851—1855 до 1897—1901, въ металл. рубляхъ серебромъ):

Вывозъ. . .	81—141—140—**192**—**303**—345—346—388—380—432
Ввозъ . . .	74—120—121—**212**—**364**—326—304—224—290—348

Какъ видимъ, тарифы 50-хъ и 60-хъ годовъ привели къ преобладанію ввоза въ десятилѣтіе 1866—1875 гг. (см. цифры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ). Затѣмъ, съ возвращеніемъ къ покровительственной системѣ, началось съ 70-хъ годовъ быстрое усиленіе вывоза и столь же быстрое паденіе ввоза. Къ началу девяностыхъ годовъ то и другое пріостановилось, что, повидимому, показываетъ, что протекціонизмъ достигъ уже тогда крайняго предѣла своего вліянія на обороты внѣшней торговли.

Для дополненія характеристики русской торговли, намъ остается познакомиться съ главными предметами нашего ввоза и вывоза. Изъ общаго характера нашей экономической исторіи можно уже заключить,что предметомъ вывоза изъ Россіи были, главнымъ образомъ, ея сырые продукты. Какіе это были продукты и въ какой послѣдовательности они пріобрѣли первенствующее значеніе въ торговлѣ, легко угадать, припомнивъ, въ какомъ порядкѣ развивалась эксплуатація природныхъ богатствъ Россіи. Пушной товаръ, медъ и воскъ были одной изъ главныхъ статей отпуска со времени арабовъ и норманновъ до времени Ганзы, съ тою только разницей, что дорогіе сорта мѣховъ замѣтно отступили на второй планъ уже въ XV вѣкѣ, и ганзейцы вывозили, главнымъ образомъ, заячьи и бѣличьи шкурки. Воскъ сдѣлался въ то время главной статьей вывоза, а за нимъ выступали уже продукты земледѣлія. Первыми въ ряду этихъ продуктовъ выдвинулись, однако же, не пищевыя, а техническія растенія: не хлѣбъ, а ленъ и пенька, какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ видѣ холста и канатовъ. Развитію хлѣбной торговли, занявшей первое мѣсто въ нашемъ столѣтіи, мѣшали въ прошломъ вѣкѣ безпрестанныя запрещенія правительства и плохіе пути сообщенія. Однако же, казна сама дѣлала уже въ XVI и въ XVII вв. большіе обороты съ русскимъ хлѣбомъ. *Внутри* страны хлѣбная торговля вообще была очень оживленной уже въ XVI вѣкѣ и тогда уже должна была имѣть значительные размѣры. Но въ данномъ случаѣ мы говоримъ о *внѣшней* торговлѣ. Въ этой послѣдней, кромѣ названныхъ выше статей, и другіе сырые продукты русской природы имѣли и удержали важную роль: лѣсные продукты—строевой лѣсъ, смола, деготь; продукты скотоводства—кожи, щетина и сало, а также шерсть, наконецъ, продукты горнодѣлія—желѣзо. Къ серединѣ

XVII столѣтія составъ русскаго вывоза черезъ Архангельскъ былъ слѣдующій *):

Кожи	370.866 р.		
Сало	126.588 »		
Говяжій жиръ	33.000 »		
Щетина	25.650 »		
Итого	556.104 р.	или	53,8%
Рожь, ячмень, пшеница	250.000 »		
Льняное сѣмя	14.400 »		
Итого	264.400 р.	или	25,6%
Мѣха	98.059 »	»	9,5%
Икра	30.000 »	»	2,9%
Русское сукно, холстъ, рогожи	26.143 »	»	2,5%
Воскъ	15.750 »	»	1,5%
Персидскій шелкъ	13.500 »	»	1,3%
Хлопокъ	9.750 »	»	0,8%
Другіе товары (преим. аптекарскіе)	18.700 »	»	1,7%
Всего	1.032.406 р.		

Какъ видимъ, за исключеніемъ ничтожнаго количества готовыхъ издѣлій ($2^1/_2$%), весь остальной вывозъ состоитъ изъ простого сырья; продукты скотоводства идутъ здѣсь первыми и составляютъ больше половины вывоза; съ продуктами охоты, рыболовства, пчеловодства эта пропорція превышаетъ двѣ трети (67,7%); четверть вывоза составляютъ продукты земледѣлія.

Какую важную роль играло сырье, какъ предметъ питанія и технической обработки, въ отпускной торговлѣ двухъ послѣднихъ вѣковъ, видно изъ слѣдующей таблицы: цифры показываютъ здѣсь процентное отношеніе между пищевыми продуктами, матеріалами для промышленной обработки, готовыми издѣліями и всѣми другими предметами отпуска. Для сравненія съ XVII вѣкомъ мы прибавили соотвѣтствующія отношенія предыдущей таблицы.

	Жизн. припасы.	Матер. для обраб.	Издѣлія.	Проч. товары.
1653	30	65	$2^1/_2$	2
1726	$1^1/_2$	43	52	3
1749	$^1/_2$	50	40	$8^1/_2$
1778—1780	8	63	20	9
1802—1804	20	66	10	4
1851—1853	36	58	$2^1/_2$	3
1893	56	38	4	2

Какъ видимъ, жизненные припасы играютъ все болѣе и болѣе значительную роль въ нашемъ отпускѣ, вывозъ русскихъ техни-

*) По таблицѣ, составленной де-Родесомъ на основаніи архангельскихъ таможенныхъ книгъ въ 1653 году.

ческихъ матеріаловъ начинаетъ терять въ значеніи съ середины нашего вѣка; наконецъ, потребность въ русскихъ издѣліяхъ (преимущественно льняныхъ и пеньковыхъ) на заграничномъ рынкѣ быстро уменьшается уже къ концу прошлаго вѣка, и едва замѣтно поднимается въ наше время.

Взамѣнъ нашего сырья ввозная торговля могла бы снабжать Россію продуктами своей обработывающей промышленности. Но мы знаемъ, что до Петра спросъ на эти продукты былъ довольно незначителенъ, а послѣ Петра его задерживали искусственными мѣрами: русскій потребитель былъ отданъ въ распоряженіе фабриканта, какъ до Петра онъ находился въ распоряженіи русскаго оптоваго торговца. Въ интересахъ торговаго баланса и развитія внутренней промышленности, ввозъ иностранныхъ издѣлій насильственно сокращался, а изъ допущенныхъ къ ввозу предметовъ все болѣе и болѣе значительную роль играли матеріалы, нужные для той же промышленности. Прилагаемая таблица ввоза пояснитъ этотъ выводъ цифрами (въ процентныхъ отношеніяхъ):

	Жизн. припасы.	Матер. для обраб.	Издѣлія.	Проч. товары.
1726	21	27	51	1
1749	25	22	44	8
1778—1780	30	19	44	7
1802—1804	40	23	32	5
1851—1853	30	50	16	4
1893	17	62	21	—

Изъ жизненныхъ припасовъ только рыба (преим. сельди) принадлежала къ предметамъ первой необходимости; кромѣ нея, ввозились преимущественно вина и колоніальные товары. Вмѣсто готовыхъ издѣлій, преобладавшихъ среди предметовъ ввоза въ XVIII столѣтіи, въ XIX безусловный перевѣсъ получили матеріалы, необходимые для русскаго производства.

Сравнивая статьи русскаго привоза и отпуска, мы убѣждаемся, что русская промышленность потребляетъ все болѣе и болѣе иностраннаго сырья и вывозитъ все менѣе собственныхъ издѣлій; другими словами, она работаетъ почти исключительно для внутренняго потребленія. Можно спорить о томъ, много или мало переплачиваетъ русскій потребитель для поддержки русскаго фабриканта; слѣдуетъ ли предпочесть національную или интернаціональную систему обмѣна и производства; удовлетворяетъ ли національная промышленность внутреннему спросу, или опережаетъ, или даже сокращаетъ его. Рѣшать эти вопросы мы не можемъ въ предѣлахъ «Очерковъ». Но, какъ бы мы ни рѣшали ихъ, несомнѣненъ самъ по себѣ одинъ основной фактъ. За два послѣдніе вѣка вну-

треннее потребленіе и обмѣнъ возросли въ огромной степени. Ихъ ростъ именно и сдѣлалъ возможнымъ и развитіе промышленности, и расширеніе оборотовъ внѣшней торговли, и, вообще, весь подъемъ русской промышленной жизни. Внѣшняя торговля, по мѣрѣ внутренняго развитія, должна была играть все менѣе и менѣе значительную роль въ общемъ оборотѣ народнаго хозяйства. Когда въ 1753 году уничтожены были Елизаветой внутреннія пошлины, оказалось, что казна собирала ихъ, среднимъ числомъ, по 900 тысячъ рублей въ годъ. Такъ какъ внутреннія сдѣлки купли-продажи облагались 5% пошлиной, то общая цѣна всѣхъ товаровъ, обращавшихся на ярмаркахъ и во всѣхъ городахъ Россіи въ серединѣ XVIII вѣка, составляла около 18 милліоновъ. Въ то же время размѣры внѣшней торговли доходили до 12,6 милліоновъ. Эти 12,6 входили, необходимо, въ составъ 18 милл. внутренней торговли, такъ какъ каждый привозный и вывозный товаръ кончаетъ или начинаетъ тѣмъ, что побываетъ въ народномъ оборотѣ. Стало быть, внѣшняя торговля составляла въ серединѣ XVIII вѣка 7/10 всего обращенія товаровъ въ странѣ. Въ наше время стоимость привоза и отпуска равняется, приблизительно, милліарду изъ четырехъ милліардовъ общаго оборота народнаго хозяйства, т.-е. внѣшняя торговля составляетъ уже не болѣе 1/4 внутренней. Конечно, оба разсчета гадательны: въ обоихъ внутреннее обращеніе оцѣнено, навѣрное, гораздо ниже дѣйствительности. Но именно потому, что ошибка въ обоихъ случаяхъ однородна, эти цифры могутъ все-таки дать приблизительное понятіе о томъ, какъ сильно уменьшилось сравнительное значеніе внѣшней торговли въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. Какъ ни быстро расширялись ея обороты, развитіе внутренняго обмѣна шло, очевидно, еще быстрѣе.

Отъ исторіи внѣшней торговли мы можемъ прямо перейти къ исторіи денегъ и цѣнъ въ Россіи; и въ этой области мы найдемъ все тѣ же знакомыя намъ черты русскаго экономическаго развитія. Въ странѣ безъ рудниковъ,—а въ Россіи добываніе серебра началось только при Петрѣ, добываніе же золота только съ середины XVIII вѣка, — въ такой странѣ единственнымъ драгоцѣннымъ металломъ долженъ быть тотъ, который получается путемъ внѣшней торговли. При недостаткѣ металла наша торговля, и внутренняя и внѣшняя, до самаго конца XVII вѣка сохраняла мѣновой характеръ: оптовые торговцы платили и кредитовали другъ другу товарами. Во внутреннемъ обмѣнѣ очень долго ходили мѣха, и еще во время Петра мы встрѣчаемъ въ русскихъ захолустьяхъ въ полномъ ходу различные денежные суррогаты. Но та же сла-

бость экономическаго развитія помогла и накопленію въ Россіи драгоцѣнныхъ металловъ. Мы видѣли, что русскій вывозъ постоянно превышалъ ввозъ. Такимъ образомъ, въ международномъ обмѣнѣ Россія всегда была въ барышѣ: она больше продавала, чѣмъ покупала, больше получала, чѣмъ платила, и, стало быть, получаемыя за этотъ излишекъ вывоза чистыя деньги постоянно оставались внутри страны.

Возрастаніе въ странѣ количества металла имѣетъ самую тѣсную связь съ исторіей монеты и цѣнъ. Драгоцѣнный металлъ, какъ и всякій другой товаръ, дешевѣетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается его количество. Это удешевленіе денегъ выражается въ постоянномъ вздорожаніи цѣнъ всѣхъ остальныхъ товаровъ. Явленіе это одинаково свойственно всѣмъ странамъ; но въ Россіи вздорожаніе цѣнъ и удешевленіе денегъ совершалось въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій съ такой необычайной быстротой, которой экономическая исторія Запада не можетъ противопоставить ничего подобнаго. Это и понятно, такъ какъ за этотъ короткій промежутокъ трехъ-четырехъ столѣтій Россія совершила процессъ, растянувшійся болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ на Западѣ. Отъ самыхъ примитивныхъ формъ экономической жизни она перешла къ самымъ сложнымъ явленіямъ современнаго денежнаго хозяйства. Четыре вѣка тому назадъ деньги были слишкомъ дорогимъ и рѣдкимъ товаромъ въ Россіи сравнительно съ Западной Европой: вотъ почему съ тѣхъ поръ цѣнность денегъ успѣла упасть и всѣ товары—вздорожать въ 15—18 разъ *). За тотъ же промежутокъ времени въ Англіи деньги успѣли подешевѣть не болѣе, какъ въ пять разъ; и даже если мы возьмемъ вдвое большій промежутокъ,—со времени Вильгельма Завоевателя,—то и тамъ мы найдемъ цѣны только разъ въ двадцать ниже теперешнихъ.

Въ московскомъ государствѣ XVI вѣка можно было купить цѣлую избу за 30 или 50 копѣекъ, корову за три четвертака и лошадь за рубль; сани со всѣмъ приборомъ стоили не больше гривенника, а за копѣйку можно было нанять на цѣлый день работника. Одинъ русскій ученый заключилъ изъ этого, что въ московскомъ государствѣ жилось необыкновенно дешево. На самомъ дѣлѣ это значитъ, что деньги были чрезвычайно дороги, то-есть

*) Собственно говоря на «рубль» начала XVI вѣка можно было купить въ 100—130 разъ больше, чѣмъ на нашъ размѣнный серебряный рубль; но первый рубль (100 денегъ) имѣлъ около 1.660 долей чистаго серебра, а нашъ всего 233 доли, т.-е. въ 7 разъ меньше. Стало быть, покупная сила монеты, именуемой рубль, упала въ 100—130 разъ, но покупная цѣна *серебра*—всего въ 15—18 разъ.

имѣли гораздо болѣе покупной силы, чѣмъ теперь. Чтобы опредѣлить покупную силу денегъ, надо сравнить цѣны одного какого-нибудь товара въ разное время, но преимущественно такого, который самъ не терялъ и не измѣнялъ внутренней цѣны. Строго говоря, такихъ товаровъ нѣтъ, но есть товары, болѣе или менѣе подходящіе. Менѣе всего подходятъ для этой цѣли колоніальные привозные товары, такъ какъ, подобно самимъ деньгамъ, они съ теченіемъ времени быстро дешевѣли,—особенно у насъ въ Россіи. Удобнѣе всего взять для сравненія хлѣбъ,—товаръ, наиболѣе необходимый для существованія и составлявшій долгое время главную пищу населенія. Въ XV-мъ вѣкѣ на 1 рубль можно было купить столько хлѣба, сколько на 130 руб. теперешнихъ. Въ первую половину XVI вѣка цѣна хлѣба была въ 94 раза ниже теперешней, а во вторую половину вѣка—уже только въ 24—25 разъ ниже. Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка на рубль можно было купить въ пять разъ меньше хлѣба, чѣмъ въ концѣ XV вѣка, слѣдовательно, за столѣтіе покупная сила рубля упала впятеро. За тотъ же промежутокъ времени и Европа пережила цѣлый экономическій переворотъ, благодаря разработкѣ рудниковъ Новаго Свѣта. Цѣны на Западѣ стали тоже раза въ четыре выше прежнихъ. Естественно предположить, что и быстрое удешевленіе русскаго рубля въ XVI вѣкѣ было слѣдствіемъ этихъ европейскихъ событій. Отчасти, правда, оно зависѣло и отъ внутреннихъ причинъ: именно отъ того паденія земледѣльческой культуры въ центрѣ, которое мы отмѣтили выше, а также отъ нѣкотораго уменьшенія вѣса русскаго серебрянаго рубля *). Новый толчокъ къ паденію цѣны денегъ и къ возвышенію цѣнъ всѣхъ товаровъ данъ былъ событіями смутнаго времени. Цѣны хлѣба поднялись въ началѣ XVII в. сразу вдвое, и слѣдовательно во столько же разъ уменьшилась покупная сила рубля. Вмѣсто 24 нынѣшнихъ рублей, старинный рубль сталъ равняться всего 12-ти. Ближайшей причиной такого паденія цѣны рубля было, конечно, то, что правительство, нуждавшееся въ деньгахъ, почти вдвое уменьшило вѣсъ рубля **). Но долю вліянія должно было имѣть и произведенное смутой разореніе населенія. По крайней мѣрѣ, когда госу-

---

*) Къ концу XVI в. рубль сталъ вѣсить 1.440 долей чистаго серебра вмѣсто 1.660. По этому вѣсу рубль конца XVI вѣка былъ уже только въ 6 разъ больше нашего. Покупательная сила *серебра*, слѣдовательно, въ это время была всего въ 4 раза больше теперешней (24 : 6, см. предъид. прим.).

**) На 800 долей вмѣсто 1440. Рубль былъ теперь въ $3^4/_5$ раза больше нашего, и слѣд., покупная сила серебра въ 3 съ небольшимъ раза больше теперешней (12 : $3^4/_5$).

дарство оправилось отъ разоренія, покупная цѣна рубля нѣсколько поднялась: еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ она повысилась съ 12-ти до 14-ти рублей теперешнихъ, а къ концу столѣтія дошла до 17-ти. Новое паденіе покупной цѣны рубля произошло при Петрѣ: рубль упалъ съ 17 до 9 теперешнихъ рублей. Пониженіе произошло, опять-таки, сразу и на этотъ разъ, несомнѣнно, вызвано было тѣмъ, что Петръ выпустилъ новую серебряную монету, вдвое легковѣснѣе старой. Съ тѣхъ поръ до середины XVIII вѣка рубль стоялъ на одинаковой высотѣ. Во вторую половину вѣка, послѣ новаго пониженія вѣса (мѣдной) монеты вдвое, цѣнность рубля снова начала падать, а послѣ 1788 года сразу понизилась до 5 руб. нынѣшнихъ. Объясненіе этого послѣдняго факта мы найдемъ въ томъ новомъ элементѣ, которымъ осложнилась наша денежная система въ XVIII вѣкѣ: въ неосторожномъ пользованіи государственнымъ кредитомъ.

Собственно говоря, уже Петръ Великій перешелъ отъ настоящихъ денегъ къ денежнымъ знакамъ, обращеніе которыхъ въ народѣ основывается на кредитѣ, на довѣріи къ государству. До Петра въ Россіи обращались исключительно настоящія деньги, сдѣланныя изъ драгоцѣннаго металла (серебра) и, стало быть, имѣвшія цѣну не только какъ деньги, но и какъ товаръ. Петръ замѣнилъ серебряную копѣйку мѣдной, заставивъ принимать ее по равной цѣнѣ съ серебряной копѣйкой, т.-е. сообщивъ ей принудительный курсъ. Въ концѣ царствованія Петра пущены были въ обращеніе мѣдные пятачки, стоившіе самому правительству одну копѣйку; при преемникахъ Петра этихъ пятачковъ начеканено было на $3^1/_2$ милліона рублей. Разсчетъ правительства въ значительной мѣрѣ оправдался: курсъ мѣдныхъ копѣекъ не упалъ значительно; но зато случилось то, что обыкновенно случается въ подобныхъ случаяхъ. При существованіи дешевыхъ мѣдныхъ денегъ, никому не выгодно было платить серебряными. Все серебро малопо-малу исчезло изъ монетнаго обращенія, утекло въ чужія страны или было передѣлано въ вещи, и въ народномъ оборотѣ осталась почти одна тяжеловѣсная мѣдь. При мелочныхъ расплатахъ это не представляло затрудненій, но въ крупныхъ оборотахъ расплачиваться мѣдной монетой было крайне неудобно. Необходимость облегчить обращеніе мѣдной монеты и послужила ближайшимъ поводомъ къ созданію, по идеѣ Шувалова, первыхъ русскихъ кредитныхъ учрежденій (банки). Мѣдь должна была складываться въ банкахъ, а крупныя уплаты могли производиться простымъ переводомъ мѣди отъ одного предпринимателя къ другому. Съ 1757 года операціи такихъ вексельныхъ переводовъ разрѣшены

были «купцамъ имѣющимъ торговыя дѣла въ С.-Петербургѣ» и прозводились при посредствѣ петербургской соляной конторы и городовыхъ магистратовъ 50-ти важнѣйшихъ городовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сама собой явилась мысль—замѣнить и въ общемъ обращеніи мѣдные знаки бумажными свидѣтельствами «Мѣднаго» банка, которыя бы давали всякому владѣльцу ассигновку на опредѣленную сумму мѣди. Правда, при Елизаветѣ Сенатъ нашелъ эту мысль «предосудительной» и «опасной», такъ какъ бумажки не имѣли и той «внутренней цѣны», которую всетаки имѣла мѣдь. Но мѣдныя деньги, все равно, были уже кредитными знаками: переходъ къ бумажкамъ былъ только другой формой кредита. При Екатеринѣ II переходъ этотъ совершился. Правительство основало новые «ассигнаціонные» банки въ Москвѣ и Петербургѣ (1768); «ассигнаціи» этихъ банковъ должны были замѣнить въ обращеніи мѣдную монету. Милліонъ рублей капитала былъ положенъ въ запасъ банковъ, и на ту же цѣну выпущено кредитныхъ билетовъ. Нововведеніе, такъ хорошо обставленное, понравилось публикѣ; требованія на ассигнаціи были такъ велики, что скоро понадобились новые выпуски, какъ и предвидѣло правительство. Такъ какъ обмѣнъ ассигнацій на металлъ былъ всегда обезпеченъ, то бумажный рубль ходилъ почти въ равной цѣнѣ съ металлическимъ. Но такой способъ создавать деньги изъ ничего, путемъ выпуска новыхъ запасовъ бумажекъ, былъ слишкомъ соблазнителенъ. Когда для веденія турецкихъ войнъ понадобились усиленные расходы, правительство стало выпускать ассигнаціи, уже не соображаясь съ размѣннымъ запасомъ металла въ банкахъ. Къ концу первой турецкой войны (1774) бумажныхъ денегъ уже было выпущено на 20 милліоновъ вмѣсто одного; къ началу второй войны ихъ сумма дошла до 46 милл. Тогда же рѣшено было увеличить ее до 100 милл., а ко дню смерти императрицы число ассигнацій доходило уже до 156½ милл. Въ результатѣ, цѣна ассигнацій начала быстро падать. Въ концѣ царствованія Екатерины за рубль ассигнаціями давали только 68 металл. коп.; передъ войной 1812 г. уже только 50 коп., а послѣ войны (въ связи съ новымъ уменьшеніемъ вѣса мѣдной монеты въ 1½ раза) только 25 коп. и даже 20 (1815) *). Въ виду такого паденія ассигнацій, самъ собой явился независимый отъ нихъ счетъ на «рубли серебромъ». Въ 1839 г. этотъ счетъ сдѣланъ былъ оффиціальнымъ: правительство ввело существовавшій до послѣдняго

*) Количество выпущенныхъ ассигнацій было 581 милл. въ 1811 году и 826 милл. въ 1815.

времени «рубль серебромъ» равный 3 р. 50 к. ассигнаціями. Въ 1843 г. ассигнаціи были замѣнены новыми бумажными «рублями серебромъ», т.-е. кредитными билетами, безпрепятственно обмѣнивавшимися на серебро. Извѣстно, однако, что и съ «серебрянымъ рублемъ» повторилась та же исторія: размѣнъ на серебро прекращенъ былъ со времени крымской войны, и въ результатѣ произошло паденіе курса бумажныхъ рублей серебромъ. Въ настоящее время только что сдѣлана новая попытка вернуться отъ колеблющихся въ своей цѣнности кредитныхъ денегъ къ твердой металлической единицѣ. Такой единицей уже не могло быть на этотъ разъ серебро, обезцѣненное на международномъ рынкѣ; поэтому въ первый разъ въ нашей исторіи въ основу денежнаго счета положено было золото. А такъ какъ счетъ на золото не былъ привычнымъ для населенія, то оказалось удобнымъ, вводя золотую монетную единицу, вновь опредѣлить и ея цѣнность въ привычныхъ единицахъ обезцѣненнаго бумажнаго «рубля серебромъ». Бумажный рубль, стоившій 66²/з старыхъ металлическихъ коп., приравненъ былъ къ новому «золотому» рублю. Такимъ образомъ, не кредитный рубль былъ поднятъ до цѣны стараго золотого, а золотой спустился до рыночной цѣнности кредитнаго. Другими словами, русскій рубль пріобрѣлъ постоянную цѣнность, сдѣлавшись на одну треть дешевле прежняго *). Такова, въ общихъ чертахъ, судьба нашего государственнаго кредита.

Намъ остается теперь познакомиться съ положеніемъ частнаго кредита въ Россіи. Изъ всѣхъ явленій экономической жизни, этотъ видъ кредита развивается у насъ послѣднимъ: это и совершенно естественно, такъ какъ вообще частный кредитъ есть самый деликатный продуктъ высокаго экономическаго развитія. Отдать свой капиталъ въ чужія руки было въ древней Руси слишкомъ рискованно, да и некому, такъ какъ слишкомъ мало было промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій. Естественно, что капиталъ принималъ чаще всего форму клада: владѣлецъ предпочиталъ беречь его въ сундукѣ или даже зарыть его въ землю для лучшей сохранности. Поэтому, когда въ капиталѣ являлась надобность, не легко было найти человѣка, который бы согласился ссу-

*) Въ нашей книгѣ, въ виду колебаній стараго кредитнаго рубля, цифры сравнительныхъ таблицъ часто приведены были въ рубляхъ «металлическихъ». Такъ какъ теперь прежній «металлическій» рубль («серебромъ») замѣненъ новымъ золотымъ рублемъ, сохранившимъ только двѣ трети стоимости стараго металлическаго рубля, то во всѣхъ этихъ случаяхъ для перевода нашихъ цифръ на современные золотые рубли надо увеличить эти цифры въ полтора раза.

дить его: и отдавая свои деньги въ оборотъ, капиталистъ бралъ за рискъ чрезвычайно высокій процентъ. Въ древней Руси за ссуду обыкновенно платилось 20%. Правда, монастыри,—эти банкиры древней Руси,—уже въ началѣ XVI в. ссужали деньги за половинный ростъ—10%. Но мы имѣемъ свѣдѣнія, что старинный двадцати-процентный ростъ былъ очень употребителенъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. При Александрѣ I частный (торговый) кредитъ сплошь и рядомъ обходился въ 10% годовыхъ, тогда какъ въ Европѣ охотно довольствовались въ это время половиннымъ размѣромъ. Если такъ много нужно было заплатить, чтобы получить капиталъ въ ссуду, то употребить его въ промышленное предпріятіе могъ побудить только очень большой барышъ. Прибыль съ предпріятія должна была быть значительно выше процента съ капитала. Крупные фабриканты увѣряли еще въ 40-хъ годахъ извѣстнаго путешественника Гакстгаузена, что при 12% за ссуду, прибыль должна быть не меньше 30—35%, чтобы предпріятіе считалось доходнымъ. Въ 1887 г. русскія бумагопрядильни, по оффиціальнымъ показаніямъ, выручили прибыли отъ 15% до 50%.

Мы знаемъ, что такая высота прибыли была обезпечена русскимъ предпринимателямъ правительствомъ съ помощью таможенныхъ тарифовъ. Правительство первое позаботилось и о томъ, чтобы дать имъ дешевый кредитъ, раньше чѣмъ сама жизни создала условія такого кредита. За отсутствіемъ кредитныхъ учрежденій, выдача ссудъ была поручена на первыхъ порахъ монетному учрежденію: монетная контора съ 1733 года начала выдавать ссуды подъ залогъ золота и серебра съ платежомъ 8%. Въ 1754 году правительство сдѣлало первую попытку организовать спеціальныя кредитныя учрежденія для долгосрочнаго земельнаго и краткосрочнаго коммерческаго кредита. Первой цѣли должны были служить два дворянскіе банка въ Москвѣ и Петербургѣ, а второй цѣли—купеческій банкъ для торгующихъ при Петербургскомъ портѣ. Ссуды выдавались изъ 6% подъ залогъ имѣній, домовъ и фабрикъ. Такимъ образомъ, опредѣлились двѣ главныя задачи, которыя съ тѣхъ поръ неизмѣнно преслѣдовались правительственными кредитными учрежденіями: «поощреніе промышленности и поддержаніе дворянскаго достоянія» (слова гр. Канкрина). Дѣла всѣхъ этихъ банковъ шли, однако же, очень плохо. «Казенные капиталы, выданные банкомъ (дворянскимъ) для оборота, были розданы въ первые годы въ сравнительно немногія руки, въ которыхъ деньги и продолжали оставаться: помѣщики не только не возвращали въ срокъ ссудъ, но большею частью не платили и процентовъ; предписанная за-

кономъ продажа просроченныхъ залоговъ на дѣлѣ не примѣнялась». Въ купеческомъ банкѣ царили не меньшіе безпорядки и злоупотребленія. Указъ 1762 г. констатировалъ, что «слѣдствіе весьма мало соотвѣтствовало намѣренію», что «банковыя деньги остались по большей части въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, въ кои розданы съ самаго начала». Въ виду этого повелѣно было «отсрочекъ болѣе не дѣлать, но всѣ (розданныя въ заемъ деньги) собрать и ожидать дальнѣйшаго указа». Указомъ 1770 г. выдача ссудъ изъ коммерческаго банка была окончательно прекращена; въ 1782 г. онъ былъ закрытъ, а въ 1785 г. закрыты и оба дворянскіе банка, а дѣла ихъ переданы вновь учрежденному (1786) «государственному заемному банку». Прямою цѣлью, какъ этого, такъ и учрежденнаго въ 1797 г. «вспомогательнаго для дворянства банка» оставалась поддержка дворянскаго землевладѣнія, «дабы всякій хозяинъ былъ въ состояніи удержать свои земли, улучшить ихъ и основать навсегда непремѣнный доходъ своему дому». Земельному же и ломбардному кредиту служили съ 1772 г. «сохранныя» и «ссудныя казны» въ столицахъ», и (со времени учрежденія губерній, 1775) «приказы общественнаго призрѣнія» въ провинціи. Не оказавъ дѣйствительной пользы дворянству, эти учрежденія только положили начало дворянской задолженности и ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія. Въ 1824 году «заемный банкъ» получилъ новое «положеніе». которымъ, послѣ длиннаго ряда разсрочекъ и льготъ дворянскимъ недоимщикамъ, имѣлось въ виду «оказать новое пособіе» имъ «къ поддержанію ихъ состоянія» (удлиненные сроки залога, пониженный процентъ и повышенная оцѣнка ревизской души). Подобныя же облегченія введены и для «сохранныхъ казенъ» и «приказовъ общественнаго призрѣнія».

Что касается *коммерческаго* кредита, онъ оставался послѣ 1770 г. внѣ правительственныхъ попеченій вплоть до 1797 г. когда имп. Павелъ учредилъ «Учетныя, или эсконтныя конторы» въ столицѣ (въ 1806 г. открыты еще 4 конторы въ Москвѣ, Архангельскѣ, Таганрогѣ и Өеодосіи). Только въ 1817 г. учрежденъ опять, на болѣе широкихъ основаніяхъ, «государственный коммерческій банкъ»; причемъ въ манифестѣ объ открытіи его прямо констатировано, что дѣятельность «учетныхъ конторъ», «по маловажности ихъ капиталовъ и разнымъ неудобствамъ» въ устройствѣ ихъ, «не приноситъ торговлѣ ощутительной пользы».

Съ 1817 г. мы получаемъ возможность слѣдить за оборотами обоихъ банковъ и можемъ составить понятіе о состояніи русскаго кредита въ первой половинѣ XIX столѣтія. Мы видѣли, что русскіе капиталы упорно прятались отъ промышленнаго употребленія; только

высокій доходъ могъ преодолѣть страхъ передъ рискомъ и принудить владѣльца отдать свои деньги въ оборотъ. Но отдать деньги въ государственное учрежденіе казалось совершенно безопаснымъ; притомъ же, онѣ не только были тамъ цѣлѣе, чѣмъ дома, а еще и давали владѣльцу безъ всякихъ хлопотъ съ его стороны хоть небольшой процентъ. Для заграничныхъ капиталовъ этотъ процентъ, выдаваемый русскимъ банкомъ, оказался даже больше, чѣмъ можно было получить въ то время за границей. Вотъ почему приливъ капиталовъ въ банки, и въ томъ числѣ иностранныхъ, оказался очень значительнымъ: количество частныхъ вкладовъ въ заемномъ и коммерческомъ банкахъ поднялось въ теченіе 1817—1857 гг. съ 23 милліоновъ до 300. Но охотниковъ воспользоваться для промышленныхъ цѣлей скопившимися капиталами было далеко не такъ много. Учетъ векселей пошелъ было бойко въ первые 4 года, но тотчасъ же обнаружились злоупотребленія; правительство принуждено было принять строгія мѣры противъ неблагонадежныхъ векселей, и размѣры операціи до самой середины 40-хъ годовъ колебались около той же цифры (11 милл.), съ которой начались въ 1818 году; съ тѣхъ поръ эта цифра стала возрастать, но къ серединѣ вѣка учетъ векселей составлялъ не болѣе 4—5% всѣхъ оборотовъ заемнаго банка. А между тѣмъ банкъ учитывалъ по 8—6½% вмѣсто 15—12% учета у частныхъ банкировъ. Еще меньшихъ размѣровъ (2½% оборотовъ) достигъ учетъ товаровъ, непрерывно падавшій съ 1817 года. Такимъ образомъ, «операціи, преимущественно направленныя на оживленіе торговыхъ оборотовъ и фабричной дѣятельности», развивались крайне вяло. Важную услугу оказала торговлѣ возможность перевода денегъ черезъ коммерческій банкъ; но размѣры этой операціи тоже не возрастали замѣтно, колеблясь между 20—40 милліонами. Очевидно, и въ этомъ случаѣ банкъ удовлетворялъ только существующему спросу, не создавая новаго. Съ этими деньгами банкъ, конечно, не могъ предпринимать никакихъ оборотовъ; но и вкладовъ, отданныхъ въ процентное обращеніе, ему некуда было дѣвать. За неимѣніемъ другого дѣла, банкъ занимался операціями съ разными процентными бумагами, но это не могло дать помѣщенія его капиталамъ. Между тѣмъ, вкладчикамъ банкъ долженъ былъ платить узаконенные 5 процентовъ. Чтобы обезпечить ихъ банку, правительство съ 1825 г. распорядилось передавать капиталы коммерческаго банка въ заемный, который долженъ былъ раздавать ихъ въ видѣ ссудъ желающимъ за 6% и платить 5½% коммерческому банку. Но и въ заемномъ банкѣ было такъ же трудно обезпечить помѣщеніе капиталамъ вкладчиковъ. Спросъ на ссуды

былъ и здѣсь настолько малъ, что его не хватало даже для помѣщенія денегъ собственныхъ вкладчиковъ заемнаго банка. За 1820—1857 гг. число ссудъ, выданныхъ подъ залогъ имѣній, фабрикъ и домовъ, поднялось въ заемномъ банкѣ съ 10 до 50 мил., а количество вкладовъ увеличилось за тотъ же промежутокъ времени съ 23 мил. до 62-хъ. Такимъ образомъ, деньги коммерческаго банка оказывались безусловно лишними. Чтобы задержать приливъ вкладовъ и увеличить спросъ на ссуды, банки съ 1830 года стали платить вкладчикамъ 4% вмѣсто 5%, и выдавать ссуды за 5% вмѣсто 6%. Но это ничуть не измѣнило положенія дѣла, и правительство, наконецъ, нашло помѣщеніе для коммерческихъ капиталовъ въ своемъ собственномъ казначействѣ. За недостаткомъ частныхъ требованій, свободные капиталы были употреблены на «разныя общественныя предпріятія и казенныя надобности». Министръ Канкринъ систематически пользовался банковыми вкладами, вмѣсто правильныхъ займовъ, и не разъ даже распоряжался—задержать подъ благовидными предлогами выдачу ссудъ частнымъ лицамъ, когда являлась настоятельная надобность въ деньгахъ въ государственномъ казначействѣ. Такимъ образомъ, въ моментъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій въ 1860 году, казна была должна заемному банку 250 милліоновъ, т.-е. въ ея распоряженіи находилось почти 4/5 всѣхъ вкладовъ заемнаго банка (318 мил.) *).

Итакъ, вся организація русскаго кредита находилась, вплоть до конца царствованія имп. Николая I, исключительно въ рукахъ правительства; и вся почти дѣятельность кредитныхъ учрежденій сводилась къ употребленію вкладовъ правительствомъ, въ качествѣ оборотныхъ средствъ, и къ поддержкѣ дворянскаго землевладѣнія. Частная и общественная инициатива въ дѣлѣ кредита, безусловно отсутствовала, за исключеніемъ полуторы дюжины город-

*) Слѣдующая таблица (въ милліонахъ рублей серебромъ) наглядно иллюстрируетъ все сказанное о характерѣ вкладной и ссудной операціи въ заемномъ банкѣ въ первую половину XIX столѣтія.

	Вкладовъ:		Ссудъ;		
	Всего.	Въ томъ числѣ изъ ком. банка.	Всего.	Въ томъ числѣ подъ залоги.	По высоч. повел.
1826	46,7	7,6	45,6	26,4	19,2
1830	78,8	27,8	79,3	35,5	43,8
1835	109,1	46,6	106,1	38,2	67,9
1840	160,8	87,2	156,9	46,9	110,0
1845	207,3	108,0	202,4	50,4	152,0
1850	292,8	170,9	283,3	49,0	234,3
1854	349,4	203,3	347,0	48,0	299,0

скихъ банковъ и *одного* сельскаго. Эта картина, какъ видимъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ низкому состоянію экономическаго развитія, не порвавшаго еще съ натуральнымъ хозяйствомъ, пассивному характеру торговли, искусственному развитію промышленности, отсутствію хорошихъ путей сообщенія,—словомъ, элементарности всего экономическаго строя дореформенной эпохи. Въ концѣ этой эпохи, развитіе частнаго кредита задерживалось уже и систематически, сознательно, благодаря пріемамъ и взглядамъ Канкрина.

Зато съ окончаніемъ николаевскаго режима въ положеніи русскаго кредита наступила рѣзкая перемѣна. Первые признаки этой перемѣны сказались въ 1857 году, когда правительство снова понизило процентъ—по вкладамъ до 3% и по ссудамъ до 4%. На этотъ разъ цѣль пониженія была достигнута: вклады быстро начали отливать и искать себѣ другого помѣщенія. Спеціальный комитетъ, назначенный для обсужденія вопроса, рѣшилъ понизить еще процентъ—до 2%, ликвидировать существовавшіе тогда государственные банки и предоставить организацію кредита частнымъ предпринимателямъ. Съ этихъ поръ мы присутствуемъ при необычайномъ ростѣ кредитныхъ учрежденій. Независимо отъ вновь учрежденнаго Государственнаго банка, съ 60-хъ годовъ начали быстро возникать акціонерныя и общественныя кредитныя предпріятія. Начало семидесятыхъ годовъ было порой наиболѣе оживленнаго развитія финансоваго грюндерства. Десять дѣйствующихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ—всѣ основаны въ 1871—1873 годахъ. Изъ 39-ти коммерческихъ банковъ семь учреждены въ 1864—1870 гг. и 21 въ 1871—1873 гг. Изъ 248 городскихъ общественныхъ банковъ до 1858 г. существовало всего 21; въ 1862 г. ихъ было 40, а къ началу 1873 г. насчитывалось уже 222. Къ тому же времени дѣйствовала уже половина нынѣ существующихъ обществъ взаимнаго кредита (52 изъ 108). Наконецъ, тогда же положено начало сельскимъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ по образцу Шульце-Деличевскихъ; первое изъ нихъ открыто по частной иниціативѣ въ 1865 году, а къ 1877 году были разрѣшены 981 уставъ этихъ товариществъ, т.-е. болѣе половины всего количества уставовъ, разрѣшенныхъ до настоящаго времени.

Однако же, дальнѣйшая исторія русскаго кредита не соотвѣтствовала этому блестящему началу. Конечно, количество вкладовъ и оборотовъ, размѣръ учета и другихъ операцій въ государственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ увеличились въ огромныхъ размѣрахъ. Но, рядомъ съ этимъ, рядъ предпріятій оказались дутыми

и закрылись, не переживъ періода акціонерной горячки. Коммерческій кредитъ сталъ болѣе или менѣе твердо; но земельный кредитъ, за исключеніемъ западныхъ окраинъ Россіи, постоянно носилъ искусственный и тепличный характеръ, продолжая оставаться средствомъ государственной политики относительно сословій, какъ мы это видѣли уже и въ дореформенную эпоху. Съ 1885 года началась дѣятельность вновь учрежденнаго Дворянскаго банка, предлагавшаго искусственно облегченный кредитъ для высшаго сословія. Результаты были тѣ же, какіе мы видѣли раньше. Несмотря на всевозможныя льготы, какъ пониженіе процента платежей, постоянныя пересрочки недоимокъ и причисленіе ихъ къ капитальному долгу, повышеніе нормы ссуды сравнительно съ оцѣнкой имѣній и т. д.,—узелъ дворянской задолженности постоянно затягивался, и кредитъ служилъ, по большей части, не средствомъ улучшить имѣніе и увеличить его цѣнность, а только способомъ какъ-нибудь и на сколько-нибудь времени оттянуть ликвидацію дворянскаго землевладѣнія. Въ какой степени банкъ содѣйствуетъ этой цѣли, видно, напр., изъ слѣдующихъ цифръ. Каждый годъ предназначаются къ продажѣ около 4.000 дворянскихъ имѣній за долги дворянскому банку. Въ этомъ числѣ около 1.000—1.200 имѣній принадлежатъ завѣдомо-несостоятельнымъ должникамъ. Между тѣмъ, фактически продается около 33 имѣній ежегодно: остальные владѣльцы успѣваютъ отсрочить катастрофу при помощи тѣхъ или другихъ мѣръ, далеко не всегда предусмотрѣнныхъ въ уставѣ банка. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ усиленное примѣненіе кредита не только не явилось слѣдствіемъ экономическаго и промышленнаго развитія, но даже и какъ средство вызвать это развитіе—или, по крайней мѣрѣ, предупредить упадокъ,—оказалось совершенно безуспѣшнымъ.

По отношенію къ низшему слою населенія, наоборотъ, кредитъ могъ-бы, несомнѣнно, предупредить упадокъ и содѣйствовать развитію; но здѣсь кредитъ до сихъ поръ не былъ примѣненъ въ надлежащихъ размѣрахъ, такъ какъ частная инціатива частью отсутствовала, частью встрѣчала препятствія, а государственная помощь явилась поздно и примѣнялась недостаточно энергично. Когда основная—при данныхъ условіяхъ—причина крестьянскаго обѣднѣнія, малоземелье, сдѣлалась уже окончательно несомнѣнной и безспорной, учрежденъ былъ (1883) крестьянскій банкъ для содѣйствія крестьянамъ при покупкѣ земли. Но тѣ же причины—идеологическаго характера — которыя вызвали искусственное и внѣуставное расширеніе дѣятельности дворянскаго банка, тяготѣли надъ дѣятельностью крестьянскаго банка и сводили ее къ

возможному минимуму. Не говоря уже о сравнительной высотѣ процента за ссуду, о большей осторожности оцѣнокъ, о болѣе низкихъ нормахъ ссуды, требовавшихъ значительныхъ доплатъ со стороны крестьянъ и тѣмъ устранявшихъ съ рынка какъ разъ тѣхъ, кто наиболѣе нуждался въ помощи банка,—самыя денежныя средства крестьянскаго банка были гораздо ограниченнѣе, чѣмъ средства дворянскаго банка. На покупку земель для крестьянъ, количество которыхъ увеличилось съ 1861 г. съ 50 милліоновъ до 90 милліоновъ, истрачено было за все время существованія крестьянскаго банка (1883 — 1900) 259 милл. рублей, тогда какъ дворяне (число которыхъ уменьшилось за тотъ же промежутокъ времени со 123 тысячъ до 102 тыс.), уже въ первые четыре года дѣйствія дворянскаго банка получили 200 милліоновъ ссуды, а въ 1895—1900 вновь выпущено закладныхъ листовъ на 440 милл. (не считая конверсіонныхъ).

Но высшей своей степени это несоотвѣтствіе между потребностью и средствами ея удовлетворенія достигаетъ въ сферѣ мелкаго кредита, необходимаго для низшихъ слоевъ населенія. Въ этомъ отношеніи, русская деревня, можно сказать, до сихъ поръ продолжаетъ оставаться при тѣхъ условіяхъ кредита, которыя болѣе свойственны среднимъ вѣкамъ и натуральному хозяйству. Цивилизованный кредитъ до нея еще не дошелъ.

Исключительный успѣхъ имѣло, правда, учрежденіе въ провинціи (при казначействахъ и отдѣленіяхъ Гос. Банка съ 1884 г., при учрежденіяхъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, фабрикахъ и заводахъ съ 1889, при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ съ 1900 и 1902) государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Въ 1881, т.-е до перечисленныхъ мѣропріятій, ихъ числилось всего 76, съ 9 милліонами вкладовъ, внесенныхъ 104 тыс. вкладчиковъ, тогда какъ къ началу 1892 г. ихъ было уже 2.326, съ вкладами на сумму 200 милл.. принадлежавшими 999 тысячамъ вкладчиковъ, а еще черезъ десять лѣтъ (къ 1902)—5.629, съ 832 милл. вкладовъ, внесенныхъ 3.936 тысячами вкладчиковъ. Но, какъ показываетъ сравнительно высокій средній размѣръ вклада (ок. 200 р.), этими кассами воспользовалась только болѣе зажиточная часть мѣстнаго населенія *) и притомъ накопленіе сбереженій не только не принесло пользы провинціи, но, напротивъ, усилило ея безденежье и

*) Рабочіе и земледѣльцы составляли отъ $1/4$ до $1/5$ всего числа лицъ, пользовавшихся сберегательными кассами; на каждую тысячу душъ сельскаго населенія за послѣдніе годы ежегодно бралось не больше одной книжки и сберегалось всего около 230 рублей.

ухудшило условія кредита, такъ какъ изъ провинціальныхъ кассъ мѣстныя сбереженія пересылались въ центральное казначейство и здѣсь употреблялись финансовымъ вѣдомствомъ не на мѣстныя, а на обще-государственныя потребности,—какъ когда-то Канкринъ распоряжался съ вкладами заемнаго и коммерческаго банка (см. выше).

Собственно для мелкаго кредита существуютъ, если оставить въ сторонѣ общественные (мірскіе, гминные, сельскіе) банки и кассы, два типа мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій, изъ которыхъ одинъ оказался неспособнымъ къ широкому развитію, а другой слишкомъ еще недавно возникъ, чтобы оказать замѣтное дѣйствіе. Первый типъ есть ссудо-сберегательныя товарищества, создаваемыя на личныя средства участниковъ; второй—кредитныя товарищества, учреждаемые, по закону 1895 г., на занятыя средства—почти исключительно до сихъ поръ ссужавшіяся Государственнымъ Банкомъ. Мы упоминали о быстромъ развитіи перваго типа въ 60-е годы; но съ тѣхъ поръ, изъ общей суммы 1.872 разрѣшенныхъ ссудо-сберегательнывъ товариществъ цѣлыхъ 737 закрылись, а 216 никогда не были открыты, такъ что дѣйствующихъ товариществъ къ 1902 году было всего только 844. Сохранившіяся товарищества, въ общемъ, держатся твердо и вызываютъ довѣріе въ населеніи,—что видно изъ того, что они могутъ расширять свои оборотныя средства, составившіяся изъ незначительнаго размѣра паевъ, посредствомъ займовъ и вкладовъ (только 38% ихъ капиталовъ составляетъ ихъ собственность, 62%—составились изъ займовъ и вкладовъ). Ихъ ссуды употребляются большею частью на производительные расходы по хозяйству: закупку скота, аренду земли, торговлю, пріобрѣтеніе орудій и матеріаловъ ремесленнаго производства; очень рѣдко на свадьбу, именины и т. п. непроизводительные расходы. Незначительный размѣръ ссудъ (въ среднемъ, 88 руб.) показываетъ, что къ нимъ прибѣгаютъ дѣйствительно нуждающіеся. Но дѣятельность ссудо-сберегательныхъ товариществъ—капля въ морѣ народной нужды. Весь ихъ балансъ къ 1902 г. составлялъ 35½ милл. рублей, и все количество членовъ (въ 683-хъ изъ общаго числа 844) составляло 283.000. Къ нимъ присоединились, послѣ закона 1895 г., упомянутыя кредитныя товарищества, но ихъ пока еще меньше: 154, и почти всѣ они (144) заняли свой основной капиталъ у Госуд. Банка. И число членовъ (въ 94-хъ изъ нихъ 20½ тыс.), и балансъ (871½ тыс.) этихъ банковъ пока совершенно незначительны. Во всякомъ случаѣ, если даже прибавить къ обоимъ упомянутымъ типамъ третій—общественныя кассы и капиталы—богатыя только

просроченными ссудами; если даже не исключать удовлетворительно дѣйствующихъ польскихъ гминныхъ кассъ, то и въ такомъ случаѣ получимъ общую сумму всѣхъ существующихъ учрежденій мелкаго кредита въ Россіи менѣе 8.000, или одно учрежденіе на 2.378 дворовъ, а размѣръ ссуды (99 милл. р.) составляетъ всего 5 р. 34 к. на крестьянское хозяйство, тогда какъ дѣйствительная «потребность въ кредитѣ на *однѣ текущія* хозяйственныя нужды, не считая увеличенія земельнаго фонда, улучшеній почвы, построекъ и т. д.—исчисляется въ 40—50 руб.».

Какъ видимъ, въ исторіи кредита мы наталкиваемся опять на то же явленіе, съ которымъ не разъ встрѣчались въ другихъ областяхъ русской экономической жизни. Послѣ крайне медленнаго роста въ теченіе вѣковъ, экономическое развитіе Россіи сразу двигается впередъ со второй половины нашего вѣка съ такой быстротой, которая не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ прошломъ. Полное измѣненіе всѣхъ условій экономическаго быта ведетъ русскую жизнь къ еще болѣе рѣшительному разрыву со всѣмъ ея прошлымъ, чѣмъ мы могли это предположить, слѣдя за перемѣнами въ количествѣ населенія и въ его разселеніи на территоріи Россіи. Но здѣсь, какъ и тамъ, мы постоянно отмѣчали и обратную сторону дѣла. Отставъ отъ своего прошлаго, Россія далеко еще не пристала къ европейскому настоящему. Въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ экономической жизни мы могли наблюдать то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ Россію отъ наиболѣе развитыхъ странъ Европы. И, подводя теперь итогъ всему сказанному, мы опять должны напомнить, что весь этотъ грандіозный ростъ нашего промышленнаго развитія до сихъ поръ покоится на фундаментѣ, отчасти слишкомъ элементарномъ, отчасти слишкомъ искусственномъ. Русская промышленность сдѣлала колоссальные успѣхи, но государство все еще не рѣшается предоставить ее ея собственнымъ силамъ. Русская торговля чрезвычайно расширила свои обороты; но подавляющій процентъ нашего вывоза продолжаетъ состоять изъ сырья, и въ томъ числѣ хлѣбъ составляетъ болѣе половины всей суммы. Русская желѣзнодорожная сѣть быстро достигла значительныхъ размѣровъ, но, во-первыхъ, изъ каждаго рубля, затраченнаго на желѣзныя дороги, частные предприниматели внесли только 8 коп., а остальныя 92 коп. доплатило правительство; а во-вторыхъ, главный доходъ доставляютъ желѣзнымъ дорогамъ хлѣбные грузы и сельскіе рабочіе. Обращеніе капиталовъ въ странѣ значительно усилилось, но большая часть этихъ капиталовъ употребляется для того, чтобы обернуться съ русскимъ урожаемъ: каждую осень деньги отливаютъ изъ банковъ въ про-

винцію, и потребность въ денежныхъ знакахъ усиливается настолько, что правительство къ этому времени дѣлаетъ усиленные выпуски новыхъ бумажныхъ денегъ. Сдѣлавъ свое дѣло, т.-е. купивъ и продавъ хлѣбъ, деньги снова возвращаются въ правительственныя и частныя кассы.

Всѣ эти признаки слабаго промышленнаго развитія такъ же ярки, какъ и тѣ черты, которыми характеризуется быстрый промышленный ростъ Россіи. Естественно, что оба ряда противоположныхъ признаковъ повели къ двумъ противоположнымъ пониманіямъ общаго хода русской экономической жизни. Тѣ, кто обращалъ преимущественное вниманіе на *процессъ* экономическаго роста, не могли не отмѣтить полнаго сходства этого процесса съ тѣмъ, который прошла когда-то и Западная Европа. Напротивъ, тѣ, которые останавливались, главнымъ образомъ, на *результатахъ* этого процесса, не могли не быть поражены совершеннымъ своеобразіемъ этихъ результатовъ, слишкомъ мало похожихъ на тѣ, которыхъ достигла теперь Западная Европа. Съ нашей точки зрѣнія обѣ стороны спорятъ о разныхъ вещахъ, и обѣ могли бы быть правы, если бы не примѣшивали своихъ принципіальныхъ разногласій къ спору о наличности данныхъ фактовъ. Но такъ какъ весь споръ ведется именно изъ-за принципіальныхъ разногласій, то мы и не будемъ входить здѣсь въ разборъ этого спора; онъ еще послужитъ предметовъ нашей бесѣды совсѣмъ въ другомъ отдѣлѣ этихъ «Очерковъ».

Пособіями для этого отдѣла послужили, кромѣ названныхъ раньше, слѣдующіе общіе статистическіе очерки: Военно-статистическій сборникъ, вып. IV, Россія. Спб. 1871 г. Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи. Изд. Д-та Торговли и Мануфактуръ, изд. 2-е, исправл. и дополненное. Спб. 1896—*Д. Моревъ*, Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи. Изд. 4-е, Спб. 1894. Изъ спеціальныхъ изслѣдованій: *Бржозовскій*. Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части (въ Юридическомъ сборникѣ Мейера, Казань, 1885); *Ганъ*, о почтахъ въ Россіи (въ Сборникѣ стат. свѣд. о Рос., изд. стат. отд. Имп. Р. Геогр. О. книжка II, Спб. 1854). — *А. С. Лаппо-Данилевскій*. Поверстная и указная книга Ямскаго приказа, Спб. 1890.—*В. Ключевскій*. Русскій рубль XVI—XVIII въ его отношеніи къ нынѣшнему (въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1884, I и отдѣльно). Поправки въ теоріи проф. Ключевскаго см. въ статьѣ *А. И. Черепнина* (печатается въ Трудахъ рязанской ученой архивной коммиссіи) и въ очень цѣнной работѣ *Н. Рожкова* (Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ М. 1899). Отсюда заимствованы въ 4 и 5 изданіи «Очерковъ» цифры 94 и 25 для рубля XVI вѣка (вмѣсто 83 и 74—60 В. О. Ключевскаго). Эти поправки рисуютъ весь процессъ въ болѣе естественныхъ чертахъ и гораздо лучше гармонируютъ съ контекстомъ «Очерковъ», чѣмъ прежнія цифры.—*А. Егуновъ*. О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. М. 1855.—*Бережковъ*. О торговлѣ Ру-

сіи съ Ганзой до конца XV вѣка. Спб. 1879 г. (въ Зап. Истор. фил. факульт. Спб. унив.).—*А. Никитскій*. Исторія экономическаго быта великаго Новгорода, (Чтенія Общ. Ист. и Др. 1893. I—II).—*Костомаровъ*. Очеркъ торговли Моск. госуд. въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862.—*Jehan Sauvage*. Relation du Voyage en Russie въ приложеніяхъ къ французскому переводу Нестора, сдѣланному Louis Paris, 1834, Paris.—*Кильбургеръ*. Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какимъ образомъ оная производилась черезъ всю Россію въ 1674 году, перев. Языкова. Спб. 1820.—*I. de Rodes*. Bedenken über den russischen Handel im J. 1653 въ Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte, hgb. v. *Ewers* и *Engelhardt*, I. Dorpat, 1818.—*А. С. Лаппо-Данилевскій*. Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Спб. 1899. *Ф. Г. Вирстъ*. Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской имперіи, перев. И. Степанова, Спб. 1807.—*Заблоцкій*. Сравнительное обозрѣніе внѣшней торговли Россіи за послѣднія 25 лѣтъ (1824 — 1848) въ Сб. ст. свѣдѣній о Россіи, кн. I, Спб. 1851. — *Небольсинъ*. Стат. обозрѣніе внѣшней торговли Россіи. Спб. 1850, 2 части. — *В. Гольдманъ*. Русскія бумажныя деньги. Спб. 1867.—*Е. Ламанскій*. Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 годъ и *его же*.—Статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1817 г. до настоящаго времени (обѣ статьи въ Сб. статистич. свѣдѣній о Россіи, кн. II, Спб. 1854).—*А. Гурьевъ*. Очеркъ развитія кредитныхъ учрежденій въ Россіи. Спб. 1904. — *Н. Бржескій*. Государственные долги Россіи. Спб. 1884.—*П. Мигулинъ*. Русскій государственный кредитъ (1769—1899), т. I. Харьковъ. 1899 и т. II, вып. III, изданный также подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: «Наша новѣйшая желѣзнодорожная политика», Харьк. 1903. — *И. Кауфманъ*. Статистика русскихъ банковъ. Спб. 1882 (ч. 1-я). Статьи о «банкахъ» и «желѣзныхъ дорогахъ» въ Энциклопедич. словарѣ Арсеньева и Петрушевскаго. Характеристику общаго направленія современной экономической жизни см. въ книгѣ *А. А. Исаева*, Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб. 1896. Новѣйшія свѣдѣнія о состояніи учрежденій мелкаго кредита см. въ «Двадцать восьмомъ отчетѣ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ». Спб. 1903.

Очеркъ третій. Государственный строй. (Войско, финансы, учрежденія).

I.

Отношеніе между государственнымъ и соціальнымъ строемъ у насъ и на Западѣ. — Разница политической эволюціи въ разныхъ частяхъ Европы — и ея причины.—Разница той же эволюціи въ разныхъ частяхъ Россіи.—Военный характеръ Московскаго государства.—Связь между военными потребностями и возвышеніемъ военныхъ налоговъ въ 1490-хъ, 1550-хъ, 1620-хъ, 1680-хъ и 1700—20-хъ годахъ.—Военные нужды и расходы послѣ Петра.—Пропорціональное значеніе военныхъ расходовъ въ бюджетѣ.—Другія государственныя потребности и соотвѣтствующія имъ статьи расходовъ.—Содержаніе двора.—Финансы и государственное хозяйство.—Незначительность расхода на выполненіе высшихъ государственныхъ задачъ.

Предыдущіе очерки познакомили насъ съ матеріаломъ, изъ котораго созидалось зданіе русской общественности. Теперь отъ матеріала намъ предстоитъ перейти къ самой постройкѣ. Стиль общественныхъ формъ, также какъ и архитектурныхъ, находится въ самой тѣсной зависимости отъ качества матеріала, употребленнаго въ дѣло. Зная первобытность основъ русской экономической жизни, мы уже не будемъ ожидать какой-либо сложности и законченности отъ русской общественной организаціи.

Прямымъ послѣдствіемъ примитивности нашего стариннаго экономическаго строя является тотъ порядокъ, въ которомъ намъ придется вести дальнѣйшее изложеніе. Изучая культуру любого западно-европейскаго государства, мы должны были бы отъ экономическаго строя перейти сперва къ соціальной структурѣ, а затѣмъ уже къ государственной организаціи. Относительно Россіи удобнѣе будетъ принять обратный порядокъ, т.-е. съ развитіемъ государственности познакомиться раньше, чѣмъ съ развитіемъ соціальнаго строя.

Дѣло въ томъ, что въ Россіи государство имѣло огромное вліяніе

на общественную организацію, тогда какъ на Западѣ общественная организація обусловила государственный строй. Этотъ тезисъ кажется на первый взглядъ парадоксомъ; онъ какъ будто рѣзко противорѣчитъ той очень распространенной теоріи, что политическій строй всякаго государства долженъ быть «надстройкой» надъ экономическимъ «фундаментомъ». Мы, однако, нисколько не отрицаемъ зависимости политической надстройки отъ экономическаго фундамента; напротивъ мы предполагаемъ лишній разъ иллюстрировать эту зависимость на примѣрѣ Россіи. Именно элементарное состояніе экономическаго «фундамента» вызвало у насъ въ Россіи гипертрофію государственной «надстройки» и обусловило сильное обратное воздѣйствіе этой надстройки на самый «фундаментъ». Чтобы сдѣлать все это болѣе яснымъ, намъ опять надо углубиться въ отдаленное прошлое и познакомиться съ тѣми условіями, при которыхъ зарождалось русское государство. и сложился русскій государственный строй.

Соціологи обыкновенно различаютъ три ступени развитія общественныхъ формъ, черезъ которыя проходитъ каждая цивилизованная нація. Первая ступень есть племенной бытъ, вторая—феодальный строй и третья—національно-военное государство, изъ котораго развился современный конституціонный порядокъ. Прошла ли также и Россія черезъ всѣ эти три ступени общественной организаціи?

Прежде чѣмъ отвѣтимъ прямо на этотъ вопросъ, надо принять во вниманіе, что и въ самой западной Европѣ (относительно которой это соціологическое обобщеніе было сдѣлано) политическое развитіе вовсе не было совершенно одинаковымъ въ различныхъ частяхъ ея. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся отъ береговъ Атлантическаго океана на востокъ къ Уралу, весь процессъ политическаго развитія оказывается все болѣе и болѣе запаздывающимъ и развивается менѣе интенсивно. На берегахъ Сены и Луары мы наблюдаемъ зарожденіе государственнаго строя изъ элементовъ племенной организаціи уже въ пятомъ и шестомъ столѣтіи по Р. Х.; между тѣмъ на востокъ отъ Рейна тотъ же процессъ совершается позднѣе, въ седьмомъ и восьмомъ столѣтіи, а на восточныхъ границахъ Германіи происходитъ на пространствѣ отъ девятаго до одиннадцатаго вѣка. Еще позднѣе въ десятомъ—двѣнадцатомъ столѣтіи мы встрѣчаемъ процессъ развитія государства въ Чехіи и на берегахъ Днѣпра, а въ двѣнадцатомъ—тринадцатомъ столѣтіи среди литовскихъ племенъ. Фактъ запозданія несомнѣненъ: въ чемъ же его причина?

Причина сравнительно поздняго политическаго развитія за-

ключается, несомнѣнно, въ слабости или отсутствіи внутреннихъ пружинъ, приводящихъ въ движеніе весь процессъ политической эволюціи. Этихъ пружинъ политическаго прогресса мы должны искать въ эволюціи экономическаго и соціальнаго строя,—ближайшимъ же образомъ въ томъ разслоеніи соціальныхъ элементовъ, которое обыкновенно происходитъ внутри племенного строя общества, и въ тѣхъ перемѣнахъ соціальнаго состава, которыя являются слѣдствіемъ этого разслоенія. Обыкновенно, племенная стадія быта приходитъ къ концу, когда вліятельнымъ семьямъ племени удается добиться мѣстной власти, другими словами, когда появляется мѣстная аристократія. Первоначально, единственной привилегіей подобныхъ вліятельныхъ фамилій племени было, что по преимуществу ихъ члены выбирались въ вожди племенъ и клановъ. Но затѣмъ эти семьи захватили постепенно въ свое верховное владѣніе всю территорію племени, присвоили себѣ право распоряжаться не только незаселенными пустырями на границахъ, но и общинными землями своихъ фиктивныхъ сородичей. Такъ они въ концѣ концовъ сдѣлались законными собственниками обширныхъ владѣній, тогда какъ прочіе владѣльцы земельныхъ участковъ были лишены права собственности на нихъ и превратились въ зависимыхъ арендаторовъ или даже полукрѣпостныхъ. Такимъ образомъ, демократическій составъ племенного общества распался, путемъ разслоенія, на аристократическіе и крѣпостные элементы. Это и вызвало преобразованіе племенного быта въ феодальный. Соціальная группировка, основанная на кровномъ родствѣ (дѣйствительномъ или фиктивномъ), замѣнена была новыми соціальными отношеніями, построенными на территоріальной власти и зависимости. Общинная собственность на землю уступила мѣсто режиму частной собственности и крупнаго землевладѣнія. Сельская община послужила фундаментомъ для дворянскаго помѣстья и замка.

Такимъ образомъ, образованіе крупнаго землевладѣнія можно считать той внутренней пружиной, которая вызвала замѣну племенного быта феодальнымъ. Тамъ, гдѣ такой внутренней пружины не было, не могло совершиться и этой замѣны,—до тѣхъ поръ пока роль недостающей «внутренней пружины» не начинали играть внѣшнія обстоятельства. Рано или поздно, эти внѣшнія обстоятельства являлись и начинали дѣйствовать въ томъ же самомъ направленіи, какъ внутреннія. Эти обстоятельства можно свести къ двумъ: войнѣ и торговлѣ; и оба производили одинаковое вліяніе: именно, увеличивали разницу въ богатствѣ и силѣ между отдѣльными членами племени.

Но когда богатство и власть приходятъ извнѣ, вмѣсто того, чтобы накопляться долгимъ процессомъ внутренняго развитія, ихъ дѣйствіе на первоначальную племенную организацію по необходимости оказывается инымъ. Въ такомъ случаѣ демократическій составъ племени сохраняется нетронутымъ; и запоздалые элементы политической власти, принесенные извнѣ, непосредственно ложатся верхнимъ слоемъ надъ сплошной массой племенной демократіи,—безъ всякаго промежуточнаго звена туземной аристократіи между первымъ и вторымъ слоемъ. Въ результатѣ не только замедляется наступленіе періода феодальнаго быта, но и самый этотъ бытъ осуществляется въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ мы видимъ въ классическихъ формахъ средневѣковаго феодализма. Представители пришлой политической власти занимаютъ мѣсто, оставшееся незанятымъ, по отсутствію мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Они присвоиваютъ себѣ общинныя земли и пустыри, они держатъ въ своихъ рукахъ распоряженіе общественными должностями; словомъ, къ нимъ непосредственно переходятъ верховныя права на землю и верховная власть въ государствѣ. При этихъ условіяхъ соціальный процессъ развитія земельной аристократіи оказывается отсроченнымъ. Когда онъ все-таки начинается, онъ является уже вторичнымъ результатомъ предварительнаго политическаго развитія: образованіе аристократіи и ея дальнѣйшія судьбы въ очень значительной степени зависятъ отъ политики государей, вмѣсто того, чтобъ вліять на эту политику и видоизмѣнять ее, какъ мы видимъ въ странахъ классическаго феодализма.

Припомнимъ теперь наше наблюденіе, что чѣмъ дальше мы подвигаемся на востокъ въ Европѣ, тѣмъ медленнѣе происходитъ тотъ процессъ, въ результатѣ котораго общество становится аристократическимъ и феодальнымъ. Если это такъ, то мы уже заранѣе знаемъ, чего намъ ожидать отъ изученія древнѣйшаго соціальнаго развитія и политическихъ учрежденій въ Россіи. Очень продолжительная стадія племенной жизни, неразвитая территоріальная аристократія, политическая власть являющаяся извнѣ и легко присвоивающая себѣ верховныя права на землю, классъ чиновниковъ, группирующійся около этой власти и выводящій свои дальнѣйшія претензіи изъ своего положенія—«служилыхъ» людей—таковы должны быть характерныя черты русскаго феодальнаго быта. Со всѣми этими особенностями, государство, такимъ образомъ возникшее, уже носитъ въ себѣ зародышъ будущей автократіи. Но зародыши эти развиваются лишь позднѣе, именно тогда, когда, въ процессѣ политическаго объедине-

нія, центральная власть беретъ на себя широкія военныя задачи и облекаетъ себя соотвѣтственными полномочіями: другими словами, когда созидается національно-военное государство.

Однако, только-что очерченный процессъ соціально-политическаго развитія совершался различно не только въ разныхъ частяхъ Европы, но и въ разныхъ частяхъ теперешняго русскаго государства. Русская территорія слишкомъ велика и культурное состояніе разныхъ сосѣднихъ странъ, имѣвшихъ вліяніе на русское политическое развитіе, было слишкомъ различно, чтобы мы могли ожидать повсюду встрѣтить одну только линію развитія. Потребовалось нѣсколько столѣтій, прежде чѣмъ разныя части этой обширной территоріи пришли въ сколько-нибудь тѣсное соприкосновеніе другъ съ другомъ, а до этого времени, каждая географически и этнографически отдѣльная часть будущей имперіи переживала свой собственный процессъ внутренняго развитія. Когда, во второй половинѣ девятаго столѣтія, одинъ норвежскій путешественникъ, Отеръ, посѣтилъ «Гандвикъ» т. е. Бѣлое море, онъ нашелъ тамъ однихъ дикихъ «беормовъ», между тѣмъ какъ на южной окраинѣ современной Россіи, на Черномъ морѣ, въ это же самое время доживала еще свои дни утонченная культура греческихъ колоній. Это были два различные міра—эти два противоположные берега восточной Европы: два міра столь же различные какъ Гренландія и Аѳины. Напомню, что въ этотъ самый моментъ, посреди обѣихъ окраинъ, но ближе къ южной, на Днѣпрѣ, зачиналось русское государство. Когда, семь вѣковъ спустя, другой путешественникъ, англійскій морякъ Ченслоръ, высадился на берегу Бѣлаго моря,—этотъ государственный зародышъ уже разросся въ пышное, вѣтвистое дерево. Правда, коренной стволъ сильно перемѣстился въ промежуткѣ: политическій центръ передвинулся на сѣверъ и совпадалъ теперь съ географическимъ центромъ восточной равнины. Протянутыя изъ этого центра вѣтви національно-политическаго единства подошли уже такъ близко къ окраинамъ, что втянули и эти окраины въ общій историческій процессъ. Обитатель бѣломорскихъ береговъ уже не могъ теперь игнорировать существованіе согражданъ на южной окраинѣ. Только-что окрѣпшая политическая организація центра какъ разъ тогда заставила этого бѣломора—не «беорма», а русскаго колониста—принимать участіе въ оборонѣ и завоеваніи юга, и каждый годъ онъ платилъ теперь подать на выкупъ плѣнниковъ, уведенныхъ враждебными кочевниками Черноморья. Такимъ образомъ, впервые въ XVI столѣтіи, Бѣлое и Черное море приведены были въ нѣкоторую, весьма осязательную, связь—Москвой.

Разумѣется, *до* этого момента, т. е. на протяженіи семи вѣковъ, отъ девятаго до шестнадцатаго, прежде чѣмъ Москва создала хоть какую-нибудь связь между окраинами Россіи,—каждая отдѣльная область жила своей отдѣльной исторической жизнью и переживала особаго рода мѣстный процессъ, непохожій на процессы другихъ областей. Чтобы сразу характеризовать различіе между этими мѣстными процессами, мы можемъ и тутъ примѣнить наше общее наблюденіе, которое мы выше сдѣлали надъ разницей соціально-политическаго развитія въ западной и восточной Европѣ. Такую же разницу, какъ въ Европѣ между востокомъ и западомъ,—мы найдемъ и внутри самой восточной Европы, между ея юго-западомъ и сѣверо-востокомъ.

Русскій юго-западъ отличается отъ русскаго сѣверо-востока тѣмъ, что элементы племенной организаціи, мѣстной аристократіи, и феодализма—при всей ихъ слабости и тутъ въ сравненіи съ западной Европой,—все-таки оказываются на юго-западѣ сильнѣе, чѣмъ на сѣверо-востокѣ. Правда, уже наши древнѣйшіе источники застаютъ племенную организацію въ состояніи такого разрушенія подъ вліяніемъ пришлой политической власти, что были даже попытки (новѣйшая принадлежитъ проф. Сергѣевичу) отрицать самое существованіе на Руси племенного быта. Эти попытки, однако, намъ кажутся неудачными; какъ ни скудны остатки племенной общественной организаціи, ихъ все-таки достаточно для исторической реконструкціи. Труднѣе установить наличность того процесса, которымъ вожди племенныхъ союзовъ превращались въ крупныхъ землевладѣльцевъ и феодальныхъ государей; но мнѣ кажется, что и здѣсь мы не совершенно безпомощны. Укажу только на неиспользованное еще для этой цѣли мѣсто въ посланіи митр. Климента (средина XII столѣтія). Митрополитъ обличаетъ здѣсь честолюбцевъ, «славы хотящихъ», которые «прилагаютъ домъ къ дому и села къ селамъ»; точнѣе онъ опредѣляетъ разные виды ихъ стяжаній такъ: они «прилагаютъ» себѣ «изгоевъ и сябровъ..., ляда и старины». Какъ видимъ, обличаемые здѣсь богачи пріобрѣтаютъ земельную собственность двухъ разныхъ типовъ,—и каждому типу соотвѣтствуетъ особый родъ поселенцевъ. «Ляда», т.-е. новыя росчисти они поднимаютъ при помощи пришельцевъ съ воли: вольно-отпущенныхъ и бродячихъ людей безъ постоянныхъ занятій — «изгоевъ» — та самая категорія людей, которая въ средне-вѣковьѣ чешскомъ и польскомъ извѣстна подъ именемъ «гостей» hospites. Но помимо колонизаціи пустыхъ земель, они захваты-ваютъ также и «старины», т.-е. земли уже культивированныя, а кѣмъ, на

это указываетъ терминъ «сябры»: коллективные собственники или владѣльцы: это «дѣдичи» и «старожильцы» чешскаго и польскаго права, heredes и originarii. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что здѣсь описывается тотъ самый процессъ присвоенія старинныхъ племенныхъ земель главами вліятельныхъ семей, владѣльцевъ центральнаго «огнища», т.-е. традиціоннаго родового очага: «огнищанами»,—тотъ самый процессъ, который уже констатированъ изслѣдователями западно-славянскаго права. Итакъ, мы имѣемъ тутъ слѣдъ разрушенія племенной организаціи и возникновенія мѣстной знати изъ племенныхъ главарей. Но уже самая неясность, одиночность этого слѣда показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не господствующимъ. Припомнимъ только, что по общему правилу земля крестьянина, умершаго безъ наслѣдниковъ, принадлежитъ не его «сябрамъ» и не его «огнищанину»,—а князю: т.-е. носитель политической власти уже занялъ положеніе, переставшее принадлежать племенному союзу и не сдѣлавшееся достояніемъ племенного главаря.

Однако, тотъ же юго-западный князь древнѣйшей эпохи еще принужденъ былъ дѣлить штрафъ за убійство свободнаго человѣка съ—правда сильно сократившимися въ объемѣ—остатками стараго родового союза. Онъ еще пользовался для своихъ цѣлей, для цѣлей управленія и благоустройства, обломками старыхъ мелкихъ земскихъ единицъ племени; древняя племенная территорія болѣе или менѣе опредѣляла размѣръ и очертанія его княжества; остатки племенной аристократіи, можетъ быть, занимали мѣсто въ его совѣтѣ и получали вліятельныя мѣста на его службѣ; существуютъ также слѣды племенного ополченія, «тысячи», отдѣльнаго отъ княжеской дружины, а городское вѣче, такъ сильно стѣснявшее князя, является наслѣдникомъ вѣча племенного. Племенной бытъ не былъ въ состояніи, даже въ этомъ наилучше обставленномъ уголкѣ Россіи, самостоятельно развиться въ государственный; внѣшнія причины, война и транзитная торговля, понадобились и здѣсь для окончательнаго выдѣленія города отъ селъ и для появленія централизованной политической власти. Тѣмъ не менѣе, племенной бытъ еще оставался существовать рядомъ съ элементами новой соціальной и политической жизни: онъ еще стѣснялъ эти элементы своимъ присутствіемъ, не давалъ имъ развернуться.

Совсѣмъ другое видимъ на русскомъ сѣверо-востокѣ. Это, какъ мы знаемъ, страна русской колонизаціи. Въ рукахъ колонизатора—князя эта область съиграла ту же роль для Россіи, которую «марки», пограничные пустыри, играли въ Пруссіи и

Австріи, Чехіи и Польшѣ. Всюду, гдѣ подобныя области новой колонизаціи существовали, онѣ обыкновенно попадали въ руки представителей верховной власти, которые соединяли здѣсь власть государя страны съ властью хозяина собственника и пользовались своей матеріальной силой въ «маркахъ», чтобы упрочить свою власть надъ всей страной. О племенныхъ союзахъ въ колонизованной области мы не знаемъ ничего и должны предположить, что послѣдніе остатки этихъ союзовъ разложились въ процессѣ колонизаціи. Кромѣ указанныхъ европейскихъ параллелей, мы имѣемъ для даннаго случая яркую иллюстрацію въ устройствѣ позднѣе колонизованныхъ поселеній Индіи. «Марки» заселялись по преимуществу бродячимъ элементомъ *индивидуальныхъ* поселенцевъ, «изгоевъ». Даже превращаясь въ «старожильцевъ» на данномъ княземъ «льготномъ» участкѣ, этотъ элементъ не слагался въ автономные союзы и не мѣшалъ князю считать себя не только государемъ, но и собственникомъ колонизуемыхъ земель. По крайней мѣрѣ, уже въ древнѣйшихъ намъ извѣстныхъ источникахъ, верховныя права государя на населенную землю стоятъ совершенно незыблемо,—гораздо раньше, чѣмъ византійское или мусульманское право могло дать принципіальную юридическую мотивировку верховнымъ правамъ государя на землю. Въ XIV—XV ст. сѣверо-восточные князья дарятъ, продаютъ, мѣняютъ эти населенныя старожильцами земли, безъ всякаго вниманія къ интересамъ и желаніямъ населенія, безъ всякаго различія между землями, колонизованными ихъ предками, и землями, аппропріированными путемъ вольнаго захвата или какихъ-либо сдѣлокъ съ туземными жителями страны. Элементы мѣстной земельной аристократіи и здѣсь не безусловно отсутствуютъ; но ихъ полное безсиліе видно изъ ихъ дальнѣйшей судьбы (см. ниже и III часть Оч.).

Мы уже замѣтили выше, что настоящее свое значеніе всѣ только-что указанныя, соціальныя и политическія различія между русскимъ юго-западомъ и сѣверо-востокомъ могли получить только съ того времени, когда начался третій періодъ политической эволюціи, т.-е. когда феодальный строй началъ превращаться въ національно-военное государство. Въ Россіи этотъ процессъ сразу начался съ обоихъ концовъ, съ юго-запада и сѣверо-востока; и тутъ-то сказалось охарактеризованное нами различіе въ положеніи политической власти между обоими центрами, которые взяли на себя задачу національно-политическаго объединенія Россіи.

На юго-западѣ центръ тяжести къ этому времени передвинулся,—послѣ разоренія, произведеннаго татарами,—сѣвернѣе, въ литовскія земли; вмѣстѣ съ тѣмъ началось вліяніе сосѣдней

Польши, успѣвшей сдѣлаться феодальной въ западно-европейскомъ смыслѣ. Феодальные элементы съ тѣхъ поръ начали быстро усиливаться и въ западно-русскомъ обществѣ. Сложился компактный классъ мѣстной аристократіи, который специальной «привилегіей» 1447 г. окончательно освободился отъ княжескаго суда и княжескихъ налоговъ. Такимъ образомъ, на литовско-русскомъ западѣ политическая эволюція вошла въ западно-европейскую колею. Правительству пришлось обращаться къ крупнымъ землевладѣльцамъ всякій разъ за спеціальнымъ разрѣшеніемъ, какъ только государству нужны были деньги или солдаты съ ихъ владѣній. Для полученія согласія пришлось приглашать этихъ магнатовъ на общій съѣздъ или «сеймъ». Этотъ сеймъ скоро превратился въ настоящій парламентъ: магнатовъ приглашали каждаго отдѣльно, но кромѣ нихъ выбирались еще представители и отъ средняго провинціальнаго дворянства. Постепенно права этого «великаго сейма» расширялись, такъ что, кромѣ согласія на назначеніе налоговъ, сеймъ получилъ также участіе и въ изданіи законовъ и даже въ веденіи иностранной политики. Права же королей соотвѣтственнымъ образомъ сокращались.

Послѣдствіемъ всего этого было то, что центральная власть оказалась слишкомъ слаба, чтобы организовать достаточно сильную защиту страны, когда такая защита стала особенно необходима. Это было время непрерывной борьбы на всѣхъ границахъ, исключая польской. Турки и татары нападали съ юга; тевтонскихъ рыцарей приходилось отражать съ сѣвера, а съ востока московскіе князья грозили завоевать территорію бывшихъ южно-русскихъ княжествъ, свою «отчину». Литовскимъ князьямъ пришлось дѣлать феодаламъ и дворянству уступку за уступкой, чтобы только получить отъ нихъ деньги, рекрутъ и наемныхъ солдатъ. Все это получалось съ трудомъ, давалось дворянствомъ неохотно, поздно и въ недостаточномъ количествѣ. Феодальный типъ государства оказывался непригоднымъ не только для задачи національнаго объединенія, но даже и для собственной самозащиты. Вездѣ на западѣ задача объединенія разрѣшалась на развалинахъ феодальнаго строя, а литовско-русскому государству пришлось наоборотъ развить феодальный строй для удовлетворенія нуждъ возникавшаго государства. Естественно, что побѣдителемъ въ борьбѣ за объединеніе должно было оказаться такое государство, въ которомъ феодальные элементы не ставили препятствій для развитія новой военной организаціи.

И задачи, и потребности времени ставились и сознавались въ Москвѣ совершенно такъ же, какъ въ Варшавѣ или въ Вильнѣ.

Съ половины XIV вѣка Москвѣ пришлось усиленно обороняться отъ безпокойныхъ наслѣдниковъ разлагавшейся Золотой Орды: отъ крымскаго, ногайскаго, казанскаго хановъ. Съ другой стороны стихійная борьба за власть между русскими князьями привела побѣдителя, московскаго князя, къ постановкѣ болѣе широкой и сознательной задачи: объединенія «всей Руси» (см. генезисъ этой мысли въ Оч. т. III). Для выполненія этой двойной роли, оборонительной и объединительной, Москвѣ предстояло превратиться въ военное государство; а для превращенія въ военно-національное государство ей, также какъ Литовской Руси, нужны были солдаты и деньги. Но она добилась того и другого совсѣмъ другими средствами, чѣмъ литовско-русское княжество.

Московскому князю не пришлось вступать въ борьбу со сколько-нибудь сильными феодальными элементами (о борьбѣ съ аристократіей см. Оч. т. III). Поэтому онъ предпочелъ брать уроки политическаго искусства не у Польши и западной Европы, а у Византіи и у западныхъ славянъ, можетъ быть даже у Турціи. На границахъ Азіи и Европы, на Босфорѣ, вѣковая проблема постоянной арміи было давно уже рѣшена—почти такъ же какъ и въ средне-вѣковой Европѣ: т.-е. за отсутствіемъ денегъ, государство раздавало военному сословію населенныя земли. Одинаковъ былъ и окончательный результатъ этой операціи: временные и условные владѣльцы сдѣлались мало-по-малу полными и независимыми собственниками своихъ участковъ. Но на востокѣ это сформированіе земельной аристократіи не имѣло корней въ предыдущемъ соціальномъ развитіи; поэтому оно не успѣло опередить развитія государственной власти и дало ей время достигнуть тѣхъ цѣлей, для которыхъ учреждалось это территоріальное войско. Такъ Турція успѣла завершить свое завоеваніе Балканскаго полуострова и отбиться отъ европейцевъ на протяженіи XV—XVII столѣтій; Россія успѣла за тотъ же промежутокъ создать военно-національное государство. Иногда даже условные владѣльцы военныхъ участковъ просуществовали и еще дольше, и только иностранными завоевателями, отчасти по недоразумѣнію, превращены были въ земельную аристократію,—какъ это сдѣлали англичане въ Индіи и французы въ Алжирѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, присвоеніе государственныхъ земель частными владѣльцами не привело къ феодальной организаціи общества, потому что государственная власть была уже настолько сильна, что заставить ее подѣлиться верховными правами съ крупными землевладѣльцами было невозможно. Самое большее, чего они кое-гдѣ добились,—это введеніе феодальнаго элемента въ свои

отношенія къ *низшимъ* слоямъ населенія: т.-е. закрѣпощеніе крестьянъ и дворовыхъ слугъ.

Мы не будемъ слѣдить, какъ система земельныхъ пожалованій за военную службу развивалась на византійско-турецко-славянскомъ востокѣ. Скажемъ только, что система эта давно уже сложилась, когда московское государство впервые очутилось передъ необходимостью создать постоянную армію; и что окончательное введеніе этой системы турками совершенно совпадаетъ по времени съ принятіемъ той же системы московскимъ государствомъ (конецъ XV и средина XVI вѣка). Основанія системы были вездѣ одни и тѣ же: назывался ли военный участокъ «проніей» (у византійцевъ и южныхъ славянъ) или «тимаромъ» (у турокъ), владѣльцы этого участка получали его не въ полную собственность, а на такой срокъ, пока были способны отправлять военную службу. Съ крестьянъ, поселенныхъ на ихъ участкахъ, они могли требовать только строго опредѣленныхъ закономъ податей и личнаго труда, — подъ угрозой наказанія и даже отнятія участковъ, если будутъ притѣснять крестьянъ или разорять помѣстье. Наслѣдники владѣльцевъ получали участки лишь тогда, когда были способны къ службѣ, и то по спеціальной всякій разъ просьбѣ передъ правительствомъ. Эта-то система—созданія спеціальнаго военно-«служилаго» класса, вполнѣ зависимаго отъ правительства—была заимствована московскимъ правительствомъ съ востока какъ разъ въ то время, когда литовскіе государи тщетно старались добыть денегъ и солдатъ отъ великаго сейма. Такимъ образомъ, та же самая государственная потребность, которая вызвала полное развитіе феодальныхъ элементовъ въ Литовской Руси, Московскому правительству дала въ руки средство, необходимое для созданія централизованнаго государства въ восточномъ стилѣ: военную силу.

Теперь мы можемъ яснѣе представить себѣ смыслъ того контраста между западомъ и востокомъ Европы, съ указанія на который мы начали эту главу. Суть этого контраста — въ томъ, что на востокѣ Европы государственная организація сложилась раньше, чѣмъ могъ создать ее процессъ внутренняго экономическаго развитія, тогда какъ въ западной Европѣ государственный строй явился результатомъ внутренняго процесса. Европейское общество и государство строилось, такъ сказать, снизу вверхъ: централизованная государственная власть тамъ, дѣйствительно, явилась, какъ высшая надстройка надъ предварительно сложившимся среднимъ слоемъ феодальныхъ землевладѣльцевъ, который въ свою очередь выросъ на плотно сложившемся низшемъ слоѣ

осѣдлаго крестьянскаго населенія. У насъ же, особенно въ сѣверовосточной Руси, общество строилось сверху внизъ: центральная политическая власть закрѣпила подъ собой военно-служилый классъ, занявшій мѣсто отсутствовавшей—или слишкомъ слабой—мѣстной земельной аристократіи; а этотъ служилый классъ закрѣпилъ подъ собой крестьянство, давно уже лишенное, въ процессѣ колонизаціи, своихъ племенныхъ связей, продолжавшее еще бродить по русской землѣ и садившееся на землю, большею частью, на положеніи временныхъ поселенцевъ, на условіяхъ частнаго найма. Ниже мы вернемся къ процессу этого государственнаго—дворянскаго и крестьянскаго закрѣпленія. Теперь же отмѣтимъ только, что именно эта неподготовленность и непрочность низшихъ этажей общественной постройки вызвала усиленную дѣятельность верхней государственной «надстройки», съ цѣлью скрѣпить хотя внѣшнимъ образомъ тѣ общественныя связи, безъ которыхъ она сама не могла бы держаться.

Не объясняемое процессомъ внутренняго развитія, появленіе этой верхней государственной надстройки—военно-національнаго государства—объясняется причинами внѣшними. Эти причины суть—частью стихійная потребность самозащиты и самосохраненія, частью сознательная политика территоріальныхъ захватовъ, руководимыхъ идеей національнаго объединенія. Стихійное и сознательное такъ тѣсно связано и такъ переплетается въ дѣятельности московскихъ «собирателей» Руси, что едва ли даже возможно провести точную границу между тѣмъ и другимъ элементомъ. Къ планомѣрнымъ и сознательнымъ элементамъ московской политики мы еще будемъ имѣть случай вернуться (III ч. Оч.); теперь же наша главная цѣль—выяснить тѣ необходимыя и стихійныя условія русской исторической жизни, которыя, приведя—въ извѣстномъ смыслѣ искуственно и насильственно—къ созданію военно-національнаго государства на элементарной экономической основѣ, продолжали затѣмъ вліять и на дальнѣйшій ростъ вновь возникшаго государства, опять-таки внѣ всякаго соотвѣтствія съ внутреннимъ ростомъ экономической и соціальной жизни русскаго населенія. Мы увидимъ впослѣдствіи, что этимъ перевѣсомъ внѣшняго роста надъ внутреннимъ объясняются всѣ существенныя черты соціальной исторіи Россіи. Этимъ объясняется также и то, почему первымъ предметомъ мы должны заняться раньше втораго: русской политической эволюціей раньше эволюціи соціальной.

Основную пружину развитія военно-національнаго государства мы уже указали: это необходимость самообороны, незамѣтно и

невольно переходящая въ политику объединенія и территоріальнаго расширенія. Подъ вліяніемъ того и другого Москва съ конца XV столѣтія становится настоящимъ военнымъ станомъ, главнымъ штабомъ арміи, которая опирается на сѣверную — единственно тогда колонизованную—половину Россіи, съ тѣмъ чтобы шагъ за шагомъ вести завоеваніе и военную колонизацію южной половины. Въ этомъ долгомъ процессѣ борьбы и колонизаціи, старыя хозяйственныя заботы «прародителей» московскихъ государей, естественно, отходятъ на задній планъ передъ новыми, болѣе сложными и трудными очередными заботами: какъ достать денегъ и войска. Война и финансы: эти два предмета съ конца XV вѣка — надолго поглощаютъ всецѣло вниманіе центральной власти; и всѣ другія существенныя реформы, особенно реформы въ государственномъ управленіи, въ концѣ концовъ всегда вызываются этими двумя главными нуждами. Соотвѣтственно этому мы и расположимъ наше ознакомленіе съ эволюціей государственнаго строя Россіи. Нашимъ первымъ дѣломъ будетъ узнать, какъ именно росла эта коренная потребность въ деньгахъ и солдатахъ. Мы прослѣдимъ, какъ постепенно измѣнялись требованія военной техники и какъ, соотвѣтственно этому, росли тѣ денежныя жертвы, которыя населеніе принуждено было приносить для удовлетворенія военныхъ нуждъ государства. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы затѣмъ узнаемъ, какъ эти нужды удовлетворялись: т.-е. какъ собирались съ населенія тѣ денежныя средства, которыя государство употребляло на покрытіе своихъ нуждъ. Наконецъ, мы познакомимся и съ тѣмъ, какія перемѣны въ управленіи государствомъ правительство принуждено было вводить, чтобы удовлетворять все ту же двойную нужду—въ солдатахъ и деньгахъ—самымъ удобнымъ и легкимъ способомъ.

Предваряя результаты этого изложенія, мы теперь же скажемъ, что съ конца XV вѣка до смерти Петра Великаго Россія пять разъ переживаетъ коренную ломку во всемъ строѣ государственнаго управленія: и всякій разъ въ основѣ этой ломки лежитъ необходимость финансоваго переустройства; а необходимость финансоваго переустройства всякій разъ вызывается вздорожаніемъ военныхъ расходовъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ необходимыхъ улучшеній въ техникѣ военнаго дѣла. Эти пять моментовъ государственной реформы—заразъ военной, финансовой и административной — могутъ быть пріурочены къ слѣдующимъ годамъ: 1490, 1550, 1620, 1680 и 1700—20.

Мы уже знаемъ общій смыслъ реформъ, произведенныхъ около 1490 г. Это былъ моментъ перестройки той разновидности фео-

дальнаго строя, которая существовала въ средневѣковой Россіи, въ военно-національное государство. Главный и коренной фактъ этой перестройки есть появленіе постоянной арміи, въ формѣ зависимаго отъ правительства служилаго класса. Къ нѣкоторымъ подробностямъ этой капитальной перемѣны мы еще вернемся, когда будемъ говорить объ исторіи дворянскаго сословія (ниже, Оч. IV). Теперь же достаточно замѣтить, что на первыхъ порахъ эта военная реформа не потребовала введенія какого либо военнаго налога на содержаніе новаго войска, такъ какъ Иванъ III платилъ своей дворянской конницѣ почти исключительно землями. Единственный прямой налогъ, который тогда взимался съ населенія, уцѣлѣлъ еще отъ отдаленнаго прошлаго; это была «дань» (см. ниже); да иногда содержаніе казенныхъ «ямщиковъ», вновь установленныхъ при Иванѣ III для правильныхъ правительственныхъ сношеній на расширенной и объединенной территоріи — оплачивалось всѣми жителями въ формѣ «ямскихъ денегъ».

Однако же, вскорѣ одной этой дворянской конницы оказалось далеко недостаточно для веденія расширенныхъ военныхъ операцій противъ болѣе культурныхъ сосѣдей. При столкновеніяхъ на западной границѣ москвичи давно уже встрѣчались съ отрядами пѣхоты, вооруженной послѣдней европейской новинкой,— огнестрѣльнымъ оружіемъ. И вотъ на службѣ московскаго князя является небольшой отрядъ «пищальниковъ», переименованныхъ съ середины XVI в. въ «стрѣльцы». Этотъ отрядъ обходится уже значительно дороже дворянской конницы. Дворяне и дѣти боярскіе служили съ своихъ земель; небольшія денежныя приплаты они получали только въ случаѣ дѣйствительной службы, т. е. въ нѣсколько лѣтъ разъ. Напротивъ, наемной пѣхотѣ, спеціалистамъ ружейной стрѣльбы, приходится платить постоянное, ежегодное жалованье. Такимъ образомъ, послѣ этой второй военной реформы, прежней военной службы натурой оказывается уже недостаточно; правительству становятся нужными деньги.

Вотъ почему правительство Ивана IV создаетъ около 1550 г. цѣлый рядъ спеціальныхъ военныхъ податей. На содержаніе «пищальниковъ» начинаютъ взиматься «пищальныя деньги»; на изготовленіе пороха для ружей—«емчужныя» (селитряныя). Вмѣстѣ съ тѣмъ назначается особый налогъ на «городовое» и на «засѣчное дѣло», т. е. на постройку укрѣпленій и засѣкъ (наваленнаго лѣса) на южной границѣ. Наконецъ, издержки на выкупъ изъ плѣна русскихъ, ежегодно становившихся жертвой татарскихъ набѣговъ, начинаютъ разлагаться на жителей и становятся постояннымъ налогомъ подъ названіемъ «полоняничныхъ денегъ».

Таковы подати Ивана IV, прямо или косвенно связанныя съ войной. По разсчету одного новѣйшаго изслѣдователя, онѣ значительно отягчили податное бремя населенія. Въ началѣ XVI вѣка крестьянинъ платилъ (деньгами, не считая натуральныхъ повинностей) около 80 копѣекъ съ каждой «четверти» пашни на наши деньги; послѣ податныхъ реформъ Ивана IV онъ начинаетъ платить уже 1.30 коп. Къ концу XVI вѣка эта цифра еще возрастаетъ въ $3^1/_2$ раза: въ девяностыхъ годахъ крестьянинъ платитъ уже около 4 руб. 70 коп. съ четверти пашни. Мы скоро увидимъ, какими административно-финансовыми перемѣнами сопровождался этотъ ростъ военныхъ нуждъ государства и податного бремени населенія.

Въ XVII вѣкѣ содержаніе войска становится еще дороже, чѣмъ въ XVI в. Уже съ конца XVI вѣка правительство начинаетъ выписывать изъ-за границы отряды тѣлохранителей. При Михаилѣ Θеодоровичѣ предпринимается третья крупная реформа военнаго строя. Иностранные офицеры и солдаты нанимаются уже цѣлыми полками; начинается обученіе и русской пѣхоты, и конницы иноземному строю. Это вызываетъ опять и новую финансовую реформу. Старые военные налоги становятся и сами по себѣ недостаточными, а съ обезцѣненіемъ денегъ въ смутное время ихъ доходность падаетъ еще вдвое (см. слѣд. гл.). Поэтому тотчасъ по окончаніи смуты правительство, не уничтожая старыхъ налоговъ, создаетъ рядомъ съ ними новые, несравненно болѣе тяжелые. Старую ямскую подать населеніе платило въ размѣрѣ 10 руб. съ податной единицы («сохи», см. слѣд. гл.). Теперь рядомъ съ этой «малой» ямской вводится другая, такъ называемая «большая» ямская подать, доходившая до 800 руб. съ той же единицы, т. е. въ 80 разъ большая. Рядомъ съ старыми «пищальными деньгами» возникаютъ новыя,—«стрѣлецкія», составлявшія въ разные годы отъ 90 до 240 руб. съ сохи, а во второй половинѣ XVII вѣка поднявшіяся до 700—800 руб. Наконецъ, при каждой экстренной военной нуждѣ казна начинаетъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ военнымъ налогамъ, не прекращающимся до самаго Петра.

Съ помощью всѣхъ этихъ средствъ,—къ которымъ надо еще прибавить принудительные займы у подданныхъ и порчу монеты въ особенно критическихъ обстоятельствахъ, — правительству удается сводить кое-какъ концы съ концами. Но во второй половинѣ XVII вѣка условія военной борьбы снова измѣняются. По мѣрѣ военныхъ успѣховъ, границы Россіи далеко раздвигаются на западъ, югъ и востокъ отъ прежняго военно-административ-

наго центра, Москвы. Старая столица уже не можетъ болѣе оставаться главной военной квартирой, какою она была, пока война велась въ сосѣднихъ губерніяхъ. Помѣщиковъ и вотчинниковъ серединной Россіи приходится теперь посылать ежегодно далеко отъ ихъ родины, отъ «замосковныхъ» городовъ центральнаго междурѣчья, — куда-нибудь въ Кіевъ или въ Курскую губернію. И для нихъ, и для правительства это оказывается одинаково неудобнымъ Въ то же время и техническіе успѣхи военнаго дѣла въ Европѣ далеко оставляютъ позади эту архаическую конницу дворянъ и дѣтей боярскихъ. Правительство, поэтому, приступаетъ къ четвертой коренной военной реформѣ: оно рѣшается перенести свои военные штабы изъ Москвы на новыя окраины,—въ Новгородъ, въ Сѣвскъ, въ Бѣлгородъ (см. ниже, гл. III), и на этихъ окраинахъ, на мѣстѣ, сформировываетъ новые военные полки изъ жителей городовъ и уѣздовъ, приписанныхъ къ каждому изъ такихъ мѣстныхъ штабовъ. Полки эти, призванные замѣнить старую дворянскую конницу, обучаются уже по новымъ правиламъ «драгунской и рейтарской» службы. Послѣ выучки новобранцы распускаются по домамъ, но при первой надобности собираются подъ знамена въ заранѣе указанные каждому города, ближайшіе къ его мѣсту жительства. Въ городахъ, служащихъ мѣстомъ сбора, на этотъ случай поселяются на постоянное житье офицеры изъ иностранцевъ. На такихъ же основаніяхъ переформировывается и пѣхота: «стрѣльцовъ» постепенно вытѣсняютъ къ концу вѣка обученные иноземному строю «солдатскіе полки».

Съ замѣной старинной конницы дѣтей боярскихъ и стрѣлецкой пѣхоты новой конницей драгуновъ и рейтаровъ и солдатской пѣхотой, расходъ на содержаніе войска увеличился втрое. Въ началѣ XVII вѣка правительство врядъ ли тратило ежегодно, среднимъ числомъ, болѣе 250 тысячъ на армію ($3^1/_2$ милліона на наши деньги). Къ концу вѣка (1680) этотъ расходъ можно смѣло считать въ 750 тысячъ рублей ($12^3/_4$ милліона на наши деньги). Въ то время это была цѣлая половина бюджета. Къ какимъ перемѣнамъ въ области финансовой администраціи повело такое увеличеніе расхода, мы увидимъ впослѣдствіи.

Пятая—и на этотъ разъ особенно крутая и длительная—военная реформа производится при Петрѣ Великомъ. Раздѣлавшись окончательно со стрѣльцами, Петръ съ самаго начала XVIII в. призвалъ подъ ружье мѣстные полки, сообщилъ имъ внѣшній видъ и строй регулярной европейской арміи и продержалъ ихъ въ походахъ до самаго конца своего царствованія. Постоянно передвигаемые и комплектуемые новыми наборами, петровскіе

полки скоро потеряли характеръ мѣстныхъ ополченій, какими были полки XVII вѣка, набиравшіеся, обучавшіеся и управлявшіеся мѣстными штабами. Русская армія окончательно выдѣлилась въ особую, ничѣмъ не связанную съ землей общественную группу, содержаніе которой потребовало новыхъ тяжелыхъ жертвъ со стороны мирныхъ обывателей. Пока длилась война, Петръ покрывалъ добавочные расходы на войско новыми чрезвычайными налогами, значительная часть которыхъ такъ часто повторялась, что превратилась скоро въ правильные ежегодные сборы. По окончаніи войны, рѣшено было не распускать арміи по домамъ, а расквартировать ее по всей Россіи, разложивъ расходы по ея содержанію на жителей въ формѣ новаго налога. Расквартировка, правда, не удалась ни Петру, ни его ближайшимъ преемникамъ; но новый налогъ (подушный) былъ введенъ и замѣнилъ всѣ старые прямые налоги, размѣры которыхъ онъ превосходилъ въ $2^1/_2$ раза.

Другою, совсѣмъ новою статьей военнаго расхода сдѣлалось при Петрѣ содержаніе флота, обходившееся къ концу его царствованія около 12 милліоновъ на наши деньги. Если присоединить къ этому слишкомъ 40 милліоновъ издержекъ на армію, то весь военный бюджетъ Петра опредѣлится въ 53 милліона нынѣшнихъ рублей. Сравнительно съ 13 милліонами бюджета 1680 г.— это было вчетверо больше. Если въ бюджетѣ 1680 г. военный расходъ составлялъ половину общей суммы, то при Петрѣ на армію и флотъ тратилось уже отъ $^4/_5$ до $^2/_3$ всего бюджета. Какое огромное вліяніе имѣли военные расходы Петра на реформу всѣхъ русскихъ учрежденій, мы узнаемъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ.

Послѣ Петра Великаго государственная и финансовая организація Россіи была уже настолько развита, что экстренныя военныя нужды не могли заставать правительство до такой степени врасплохъ, какъ это постоянно случалось до тѣхъ поръ. Поэтому и вліяніе военныхъ потребностей на весь ходъ правительственной дѣятельности не проявляется болѣе такъ рѣзко, какъ это было въ московскій періодъ нашей исторіи. Каждый новый значительный расходъ уже не ведетъ, какъ прежде, къ преобразованію всего государственнаго строя. Но, хотя и болѣе замаскированныя въ своемъ вліяніи, военныя нужды не перестаютъ тяготѣть надъ русскимъ бюджетомъ и составлять первѣйшую государственную потребность. Съ одной стороны, русское правительство XVIII в. не перестаетъ преслѣдовать задачи, непосредственно вытекавшія изъ политики XV—XVI столѣтія. Съ другой стороны, оно не

сразу осваивается съ новымъ положеніемъ Россіи, какъ европейской державы: партійный разсчетъ, а иногда и увлеченіе идеей побуждаютъ его, особенно на первыхъ порахъ, гораздо чаще возвышать свой голосъ въ Европѣ, чѣмъ это требуется прямыми русскими интересами. Наконецъ, въ послѣднее время, вслѣдъ за другими державами, Россія начинаетъ преслѣдовать задачи міровой политики и чрезвычайно усложняетъ свое международное положеніе пріобрѣтеніями въ средней Азіи и на дальнемъ востокѣ. Всѣ эти обстоятельства вовлекаютъ Россію XVIII и XIX в. въ цѣлый рядъ войнъ, постоянно поддерживающихъ и усиливающихъ напряженіе ея военныхъ силъ и расходовъ. При Екатеринѣ II, съ раздѣлами Польши и присоединеніемъ Черноморья, старыя цѣли русской политики были, наконецъ, достигнуты. Но завоевательный характеръ русской политики и послѣ того не измѣнился, несмотря на болѣе или менѣе сильную примѣсь идеологіи. Участіе Россіи въ войнахъ Наполеоновскаго времени было далеко не безкорыстно, и присоединеніе Финляндіи, Польши и Бессарабіи вовсе не было навязано намъ насильно. По отношенію къ турецкимъ владѣніямъ объединительныя стремленія Россіи не были, однако, удовлетворены и пріобрѣтеніями Александра I; со времени императора Николая I открылся знаменитый «восточный вопросъ», до сихъ поръ остающійся вѣчной угрозой европейскому миру. Еще опаснѣе оказалось быстрое наступательное движеніе Россіи въ Азіи. Такимъ образомъ, потребность въ увеличеніи военныхъ силъ не ослаблялась ни на минуту и послѣ Петра Великаго. Количество войска, доходившее ко времени его смерти до 200 тысячъ, ко времени второй турецкой войны (1787 — 1791) достигло 400 тыс.; оно еще разъ удвоилось (до 800 тысячъ) въ періодъ войнъ Александра I съ Наполеономъ (1806 — 1812) и снова удвоилось (до 1.600,000) во время крымской кампаніи (1854—1855). Съ тѣхъ поръ оно еще увеличилось больше чѣмъ вдвое и составляетъ теперь (въ военное время) $3^1/_2$ милліона человѣкъ, въ 17 разъ больше, чѣмъ во время Петра Великаго.

Естественно, что содержаніе арміи и флота продолжаетъ при этихъ условіяхъ быть главной статьей, требующей наибольшихъ денежныхъ жертвъ со стороны населенія. Изъ прилагаемой таблицы (стр. 152) можно видѣть, какъ сильно возрастали военныя издержки государства. Правда, несмотря на огромное увеличеніе абсолютныхъ цифръ военнаго расхода, пропорціональное значеніе его въ государственномъ бюджетѣ постепенно уменьшается, какъ показываетъ наглядно наша діаграмма на стр. 151. Во вторую половину прошлаго вѣка содержаніе арміи и флота составляло 45—50%

1680. 1701 1725. 1764. 1794. 1801. 1825. 1850. 1870. 1892. 1902.

100% 90" 80" 70" 60" 50" 40" 30" 20" 10" 0"

ПРОЧІЕ

РАСХОДЫ (ДУХОВЕНСТВО, ИНОСТРАННЫЯ ДѢЛА, ПЕНСІИ, СООРУЖЕНІЯ).

ФИНАНСЫ И ГОСУДАРСТВ. ХОЗЯЙСТВО.

АДМИНИСТРАЦІЯ И СУДЪ

ДВОРЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГЪ

АРМІЯ И ФЛОТЪ

1680.: 4,5; 1,3; 15%; 50%

1701: 2; 2; 4,%; 78,%

1725.: 9,7%; 2,2; 3,7%; 65%

1764.: 25,6%; 12; 9%; 45%

1794.: 20%; 12; 9%; 4½%; 46%

1801.: 2; 9; 10%; 10½%; 50%

1825.: 24%; 7; 5%; 13,7%; 43%

1850.: 12,4%; 7; 3,9%; 15%; 42%

1870.: 22,5%; 13; 2%; 17%; 34%

1892.: 13,7%; 3,9%; 11,2%; 1,2%; 26,5%; 31,2%

1902.: 34,2%; 4,2%; 8,7%; 17,8%; 23,8%

Таблица главныхъ статей государственнаго расхода по бюджетамъ 1680—1901 г.

(**Въ милліонахъ металлическихъ рублей; кредитные, ассигнаціонные и золотые рубли переведены на серебряные (1/10 имперіала) по курсу соотв. года:** *1794*—1 р. асс. = 71 к., *1801*—70 к., *1825*—27 к., *1850*—1 р. кред.—98,8 к., *1870*—77 к., *1892* и *1901*—66 к. **Покупная или рыночная стоимость прежняго рубля сравнительно съ нынѣшнимъ не принята во вниманіе. Знаки вопроса поставлены тамъ, гдѣ мы не могли выдѣлить соотвѣтствующей части расхода изъ общихъ итоговъ).**

	Общій итогъ.	Армія и флотъ.	Госуд. долгъ.	Дворъ.	Финансы и гос. хоз.	Администрація и судъ.	Народное образ.
1680 г. . .	1,5	ок. 0,75 (50%)	—	0,22 (15%)	0,067 (4,5%)	0,02 (1,3%)	—
1701 » . .	2,5	1,96 (78%)	—	0,11 (4%)	?	0,05 (2%)	0,004 (0,14%)
1725 » . .	9,1	5,97 (65%)	—	0,33 (3,7%)	0,89 (9,7%)	0,20 (2,2%)	0,027 (0,3%)
1764 » . .	19,4	8,72 (45%)	—	1,67 (9%)	4,96 (25,6%)	2,31 (12%)	0,029 (0,15%)
1794 » . .	49,1	22,65 (46%)	2,03 (4,5%)	4,27 (9%)	9,80 (20%)	5,63 (12%)	0,629 (1,28%)
1801 » . .	64,2	32,35 (50%)	6,74 (10,5%)	5,53 (10%)	?	6,11 (9%)	0,739 (1,15%)
1825 » . .	111,6	48,44 (43%)	15,32 (13,7%)	5,48 (5%)	ок. 27 (24%)	(1838) ок. 10 (7%)	0,522 (0,45%)
1850 » . .	284,5	119,50 (42%)	42,16 (15%)	ок. 10,75 (3,9%)	ок. 35,4 (12,4%)		2,765 (1%)
1870 » . .	376,5	129,44 (34%)	63,28 (17%)	6,88 (2%)	84,59 (22,5%)	49,22 (13%)	8,150 (2,2%)
1892 » . .	597,4	186,70 (31,2%)	158,239 (26,5%)	7,04 (1,2%)	81,96 (13,7%)	67,156 (11,2%)	23,156 (3,9%)
1901 » . .	1.036,8	269,418 (25,9%)	184,367 (17,8%)	8,62 (0,8%)	354,68 (34,2%)	90,128 (8,7%)	43,389 (4,2%)

всего расхода, въ первой половинѣ нынѣшняго 43—42%, а въ послѣднее пятидесятилѣтіе эта пропорція спускается съ одной трети до одной четверти всѣхъ государственныхъ тратъ (33—25,9%). Но и такое пропорціональное уменьшеніе есть болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Дѣло въ томъ, что, начиная съ Петра и кончая нашимъ временемъ, не было почти ни одной войны, расходъ на которую могъ бы быть покрытъ изъ однихъ текущихъ государственныхъ доходовъ; и всегда приходилось изыскивать для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ какія-нибудь чрезвычайныя средства. Европейскія правительства съ давнихъ поръ прибѣгали въ такихъ случаяхъ къ займамъ: уже во время Петра Англія вошла въ такіе долги, что одни проценты по этимъ долгамъ равнялись всему расходу на войско и флотъ; долгъ Франціи превышалъ уже тогда въ 18 разъ ея годовые доходы, а долгъ Австріи въ срединѣ XVIII в. былъ въ 3½ раза больше годового дохода. Россія, при всемъ желаніи, не могла занимать, такъ какъ никто ей не вѣрилъ въ долгъ; даже послѣ Петра, при Елизаветѣ, попытка сдѣлать заемъ у иностранцевъ кончилась совершенной неудачей. Оставалось прибѣгнуть къ принудительному внутреннему кредиту въ извѣстной уже намъ формѣ—въ формѣ порчи денегъ или замѣны ихъ кредитными знаками. Петръ для шведской войны перечеканилъ монету, убавивъ на половину ея вѣсъ; Екатерина для турецкихъ войнъ выпустила ассигнаціи; Александръ для наполеоновскихъ войнъ продолжалъ увеличивать ихъ количество; то же было сдѣлано для крымской войны съ кредитными бумажками, введенными Канкринымъ. Но такое средство было небезопасно: мы знаемъ, что оно всякій разъ вело къ обезцѣненію денегъ, къ паденію ихъ курса *). Поэтому-то, какъ только русское правительство стало пользоваться иностраннымъ кредитомъ, при Екатеринѣ II, оно тотчасъ же перешло къ системѣ займовъ. Займами покрыты издержки на войны императоровъ Николая I и Александра II; посредствомъ займовъ правительство не разъ старалось выкупить и кредитныя бумажки, съ помощью которыхъ были покрыты издержки предъидущихъ войнъ; такимъ образомъ внутренній безпроцентный долгъ правительства передъ страной превращался во внѣшній процентный долгъ съ постепеннымъ погашеніемъ. Правда, въ моментъ полученія денегъ, занятыхъ для этой цѣли, всегда оказывалась на лицо какая-нибудь очередная, еще болѣе настоятельная государственная нужда. Такимъ образомъ, деньги, полученныя для выкупа бума-

*) См. выше предыд. гл.

жекъ и для погашенія старыхъ долговъ, употреблялись на новыя потребности; или выкупленныя уже бумажки не уничтожались, какъ было предположено, а снова пускались въ оборотъ. Однимъ словомъ, прямая цѣль государственныхъ займовъ, большею частью, оказывалась недостигнутой. Какъ бы то ни было, прямо или косвенно, русскій государственный долгъ, размѣры котораго составляютъ въ настоящее время (1902) 4¹/₄ миллiарда старыхъ металлическихъ рублей (6.392 милл. въ теперешней золотой валютѣ) и въ нѣсколько разъ превышаютъ ежегодный доходъ государства, этотъ долгъ былъ сдѣланъ почти исключительно на покрытіе военныхъ расходовъ или на уплату занятыхъ на эти расходы денегъ. Исключеніе составляютъ только займы на выкупъ крестьянскихъ повинностей при освобожденіи отъ крѣпостнаго права и займы на постройку желѣзныхъ дорогъ. Но послѣдніе еще въ 1886 составляли лишь 28% всего госуд. долга (достигавшаго тогда почти 3 миллiардовъ прежнихъ металлич. рублей (¹/₁₀ имперiала). Только въ послѣднее десятилѣтіе займы на желѣзнодорожныя надобности стали такъ увеличиваться, что къ 1902 г. достигли почти половины (47%) теперешняго госуд. долга. Такимъ образомъ, и издержки по уплатѣ процентовъ на государственный долгъ должны быть, въ сущности, на ³/₄ относимы къ расходамъ на военныя нужды государства. Эти издержки съ 1794 года быстро растутъ и пропорціонально, и абсолютно (см. таблицу). Причисляя ихъ къ издержкамъ на армію и флотъ, мы найдемъ, что военный расходъ государства со времени Петра до самыхъ послѣднихъ годовъ составлялъ не менѣе половины, а часто доходилъ и до ³/₅ всего государственнаго расхода (см. косую и пунктирную штриховку на діаграммѣ).

Итакъ, потребность въ военной силѣ,—самая основная, но и самая элементарная государственная потребность, — была съ самаго начала и осталась до нашего времени главнѣйшей потребностью государства. Послѣ обороны государства сохраненіе внутренняго порядка является наиболѣе насущной задачей государственной власти. Намъ еще предстоитъ узнать впослѣдствіи, какъ выросла система русскихъ правительственныхъ учрежденій, призванныхъ удовлетворять этой потребности правильнаго управленія; но и теперь, при разсмотрѣніи главныхъ статей государственныхъ расходовъ Россіи, мы не можемъ не замѣтить, что эта государственная задача долго оставалась для русскаго правительства на второмъ планѣ. Прежде всего, въ ряду расходовъ на содержаніе управленія слѣдуетъ выдѣлить содержаніе самого двора (см. бѣлые отрѣзки діаграммы). Дворцовое управленіе, какъ уви-

димъ, въ древнѣйшее время сливалось съ государственнымъ; остатокъ этой старины, когда «дворецъ» государевъ совпадалъ съ государственнымъ правительствомъ, мы видимъ въ значительномъ процентѣ расхода на дворъ (15%) въ до-петровскомъ бюджетѣ. Несомнѣнно, что если бы мы имѣли цифры бюджета московскаго государства до 1680 г., по нимъ пропорція расхода на содержаніе двора оказалась бы еще значительнѣе. При Петрѣ, крайне бережливомъ на личные расходы, дворцовыя потребности сильно сокращаются, составляя только до 4% общаго расхода. Эта цифра снова поднимается до 9% при роскошномъ дворѣ императрицъ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, при слабомъ возрастаніи абсолютныхъ цифръ, пропорціональное значеніе бюджетнаго дворцоваго расхода быстро уменьшается, падая съ 5% до 0,8%.

Помимо содержанія двора, правительственная власть изъ всѣхъ другихъ отраслей управленія наиболѣе интересовалась той, которая связана была съ добываніемъ денегъ и взиманіемъ податей— финансовымъ управленіемъ (см. вертикальную штриховку діаграммы). Расходы по взиманію податей и по собственному хозяйству казны составляли, послѣ военныхъ расходовъ, наиболѣе значительную часть бюджета. Уже послѣ мѣропріятій Петра, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ, эти расходы доходили до 1/10 части бюджета, а со времени Екатерины II до нашего времени они колебались между 1/4 и 1/8. Если присоединить ихъ къ расходамъ на военныя нужды и на уплату процентовъ по государственному долгу, то общая сумма этихъ расходовъ составитъ отъ 7/10 до 9/10 бюджета двухъ послѣднихъ столѣтій. Разумѣется, эти расходы восполняются соотвѣтствующими приходами и въ значительной степени составляютъ лишь оборотныя суммы. Но это не мѣшаетъ имъ характеризовать ту степень интереса, которую государственная власть обнаруживала по отношенію къ самому процессу добыванія денегъ. Если бы мы исключили оборотную часть расходовъ финансоваго вѣдомства, то пропорціи дѣйствительнаго расхода на войско и государственный долгъ оказались бы еще значительнѣе полученныхъ нами *).

*) Эти замѣчанія относятся и къ исключительно-огромному проценту (34,2) расходовъ по финансамъ и госуд. хозяйству въ бюджетѣ 1901 г. Сюда вошли расходы по желѣзнодорожному хозяйству казны и по винной монополіи. Если исключить ихъ, то цифры таблицы на стр. 152 измѣнятся такъ: общій итогъ: 760.229; финансы и гос. хоз.: 78.094, и пропорціи разныхъ статей расхода будутъ: армія и флотъ—35,4%; гос. долгъ—24,2%; дворъ—1,1%; фин. и гос. хоз. 10,2%, администрація и судъ (включая здѣсь пути сообщ. и нар. здравіе)—11,9%; нар. образов.—5,7%.

Разсмотрѣвъ перечисленныя выше рубрики расхода, мы въ сущности познакомились съ главными задачами, которыя ставило себѣ старое русское правительство. Войско и финансы—вотъ что составляло предметъ главнаго правительственнаго вниманія. На эти предметы расходовалась большая часть государственныхъ средствъ; на все остальное оставалось, слѣдовательно, около $^{3}/_{10}$ или $^{1}/_{10}$ бюджета. И изъ этого числа надо было еще покрыть обязательные расходы на общественныя постройки, на пенсіи, на иностранныя дѣла, на содержаніе духовенства. На управленіе въ собственномъ смыслѣ, на судъ, на народное образованіе (см. черные и надъ ними бѣлые отрѣзки діаграммы)—оставалась, послѣ всего этого, сравнительно очень незначительная доля. Мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться на этихъ сторонахъ государственной жизни, такъ какъ намъ придется вернуться къ нимъ впослѣдствіи. Здѣсь мы упомянули о нихъ, только чтобъ очертить общіе предѣлы дѣятельности русской государственной власти и охарактеризовать то пропорціональное значеніе, какое имѣли въ ея глазахъ разныя стороны этой дѣятельности,—насколько, конечно, это значеніе могло отразиться въ цифрахъ бюджета. Познакомившись съ общимъ размѣромъ и съ значеніемъ главныхъ видовъ государственныхъ потребностей, мы выполнили половину задачи этого очерка. Въ чемъ нуждалось государство—это мы теперь знаемъ; намъ остается узнать, какими способами оно удовлетворяло своимъ нуждамъ.

Этотъ очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи работъ автора: Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб. 1892, и Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб. 1892. Данныя о тяжести налоговъ въ XVI вѣкѣ—по цитированной выше книгѣ Рожкова. Данныя о бюджетахъ позднѣйшаго времени заимствованы изъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества», томы 5, 6, 28, 45. (Финансовые документы времени Екатерины II, изданные *А. Куломзинымъ*, съ его предисловіями); Исторія царствованія имп. Александра I, *Богдановича*; сочиненія *Reden'a*: Russlands Kraft-Elemente und Einflussmittel, Frank. a M. 1854, *Бліоха*, Финансы Россіи XIX столѣтія. Спб. 1882 и *М. Кошкарова*, Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія, 2 тома, Спб. 1903. Общій очеркъ исторіи русскаго бюджета читатель найдетъ въ книгѣ *А. В. Лебедева*: Финансовое право. Спб. 1893, т. I, вып. III. Исторію русскаго государственнаго долга см. въ упомянутой выше книгѣ Н. *Бржескаго*.

II.

Характеръ древнѣйшей финансовой системы.—Исторія прямого обложенія.—Русскій раскладочный механизмъ.—Его происхожденіе.—Древнѣйшая «соха» и ея преобразованія въ срединѣ XVI столѣтія.—Перемѣны въ сошномъ обложеніи въ XVII в. и ихъ причины.—Введеніе подворнаго обложенія.—Переходъ къ подушному обложенію и его судьба.—Современное состояніе прямого обложенія.—Виды промысловаго налога въ древней Россіи.—Попытки процентнаго обложенія въ XVII и XVIII вѣкахъ.—Первые шаги къ подоходному обложенію.—Роль косвенныхъ налоговъ въ исторіи бюджета.—Регаліи, государственныя имущества и пошлины.—Тяжесть обложенія и ея вліяніе на поиски населеніемъ побочныхъ источниковъ дохода.

Какъ мы уже замѣтили въ началѣ этого очерка, не только ростъ войска и налоговъ, но и развитіе русскихъ учрежденій и организація русскихъ сословій,—все это было отвѣтомъ на быстро возраставшія военныя и финансовыя потребности русскаго правительства. Въ этомъ смыслѣ, выбранная нами точка зрѣнія останется для насъ руководящей до самаго конца этого тома «Очерковъ». Но здѣсь мы займемся прежде всего разборомъ лишь той части услугъ, которую государство получало отъ населенія въ формѣ денежныхъ платежей. Надо сказать, что въ общей суммѣ услугъ, требовавшихся государствомъ, денежные взносы составляли только одно изъ слагаемыхъ, и, вѣроятно, вовсе не самое значительное. Бѣдная экономически страна долгое время только и могла служить государству натурой, а не деньгами. Съ своихъ дворцовыхъ имѣній, съ оброчныхъ земель и черныхъ волостей князь-государь получалъ свои доходы хлѣбомъ, медомъ, рыбой и всякой живностью. Его чиновники содержались натуральными приношеніями жителей и вплоть до середины XVI в. получали свои «кормы» непосредственно отъ населенія, среди котораго находились или которымъ призваны были управлять. Военныхъ слугъ князя также должно было содержать населеніе отведенныхъ имъ въ пользованіе участковъ; и содержаніе, по крайней мѣрѣ, по мысли правительства, должно было

идти имъ натурой. «Въ самомъ дѣлѣ», говоритъ одинъ документъ средины XVI вѣка, «какъ можно хотѣть денегъ отъ земледѣльцевъ? Они не создаютъ денегъ, а добываютъ хлѣбъ; поэтому и слѣдуетъ у нихъ брать долю изъ хлѣба, а съ лѣсовъ—звѣрей и медъ, а съ рѣкъ—бобровъ и рыбу; если же лѣсъ будетъ сожженъ подъ пашню, то медовый и звѣриный оброкъ надо ужъ отмѣнить, такъ какъ съ пашни они будутъ платить хлѣбомъ А если кому изъ землевладѣльцевъ понадобятся деньги, онъ можетъ свои излишки продать горожанамъ, нуждающимся въ хлѣбѣ. Тогда у него будетъ денегъ, сколько ему нужно, и ни одинъ крестьянинъ не будетъ слезенъ и мученъ за недоимки». Мы видимъ, что уплата податей натурой была уже только идеаломъ филантроповъ въ срединѣ XVI вѣка: помѣщикъ требовалъ денегъ. Но денегъ было мало въ народномъ оборотѣ, и уже тогда русскій мужикъ сталъ «слезенъ и мученъ за недоимки» своему барину.

Эти господскіе поборы и недоимки, однако, далеко не были единственными. Государству деньги понадобились еще раньше и въ еще большемъ количествѣ, чѣмъ его слугамъ. Уже татарамъ надо было платить дань деньгами, а потомъ и своимъ солдатамъ пришлось давать денежныя приплаты, хотя до самаго Петра правительство продолжало уплачивать имъ часть жалованья хлѣбомъ и солью. Старинныхъ доходовъ, пошлинъ съ суда, съ провоза и продажи товаровъ, не могло хватить на покрытіе новыхъ нуждъ, и мы видѣли, что правительство нашло исходъ въ назначеніи цѣлаго ряда военныхъ налоговъ. Вездѣ въ Европѣ прямые налоги возникли тогда, когда явилась нужда въ постоянной военной силѣ. Но въ Россіи постоянная прямая подать появилась раньше, чѣмъ создался классъ постоянныхъ плательщиковъ. Каждый новый военный налогъ, поэтому, долженъ былъ самъ для себя создавать своихъ плательщиковъ или привлекать къ ихъ числу все новые и новые элементы. Такимъ образомъ, постоянная прямая подать сдѣлалась у насъ организующей силой, сплотившей неустановившіеся, «жидкіе элементы» русской общественности. Въ этомъ смыслѣ, исторія прямого обложенія въ Россіи заслуживаетъ особеннаго вниманія при изученіи русскаго общественнаго строя.

Всѣмъ извѣстно, какъ раскладываются обыкновенно подати между крестьянами русской деревни. Въ деревнѣ рѣдко кто, кромѣ должностныхъ лицъ, знаетъ, какія именно подати онъ платитъ. Всѣ денежные платежи крестьянъ, безъ различія, идутъ ли они въ казну, или въ земство, или на содержаніе сель-

скихъ властей, будутъ ли это *подати* въ собственномъ смыслѣ, или, напр., выкупные платежи, т.-е. уплата ссуды, данной крестьянамъ казной при ихъ освобожденіи,—всѣ эти платежи всей деревни складываются въ одну общую сумму. Затѣмъ, міръ дѣлитъ крестьянскую землю на доли и раздаетъ эти доли отдѣльнымъ домохозяевамъ. На такое же количество долей дѣлится и общая сумма платежей, такъ что на каждый участокъ земли приходится одинаковая доля подати, а затѣмъ каждый домохозяинъ платитъ столько долей подати, сколько онъ получилъ участковъ земли («тяголъ» или «душъ»).

Представимъ себѣ при этомъ, что пахать землю выгодно, т.-е. что доходъ отъ обработки участка превыситъ лежащіе на участкѣ платежи. Конечно, каждый крестьянинъ при этомъ условіи будетъ хлопотать о томъ, чтобы получить отъ міра какъ можно больше участковъ на свою долю. Въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, будетъ происходить между членами общины борьба за мірскую землю. Но представимъ себѣ, наоборотъ, что подобной борьбы вовсе не происходитъ, что крестьяне-общинники не только равнодушны къ полученію своихъ долей, но даже тяготятся ими и стремятся свести ихъ къ наименьшей величинѣ. Чѣмъ мы должны будемъ объяснить такое явленіе? Весьма вѣроятнымъ будетъ предположить, что въ этомъ случаѣ обработка земли не считается выгодной, т.-е. или что платить за нее приходится больше, чѣмъ съ нея получать, или что есть возможность обрабатывать земельные участки, менѣе отягченные налогомъ. Обѣ эти причины существовали и оказывали свое дѣйствіе въ финансовой исторіи Россіи.

Повидимому, всего естественнѣе въ такомъ случаѣ вовсе бросить невыгодное занятіе, уйти совсѣмъ изъ міра и покинуть обложенную платежами землю. Такъ и поступало крестьянство древней Россіи, пользовавшееся всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы «разбрестись врознь» или тайкомъ перебраться на другой, нетяглый участокъ. Но со всякимъ покинувшимъ землю хозяиномъ у казны становилось однимъ плательщикомъ меньше, и, естественно, нуждаясь съ давнихъ поръ въ деньгахъ и людяхъ, государство должно было постараться предупредить тѣ убытки, которые могли произойти для него отъ ухода земледѣльца съ тяглаго участка. Въ этомъ-то отношеніи только-что описанная организація распредѣленія податей и оказывала вѣковыя услуги московскому правительству. При существованіи такой организаціи правительство считалось уже не съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ, а съ цѣлымъ податнымъ союзомъ ихъ; весь

союзъ ручался за каждаго отдѣльнаго члена и обязывался принять на себя его обязанности въ случаѣ его ухода. Такимъ образомъ податная связь принимала принудительный характеръ. Разъ войдя въ тяглую организацію, каждый членъ связывалъ себя навсегда съ общиной и могъ уйти изъ нея не иначе, какъ получивъ разрѣшеніе міра, требовавшаго, обыкновенно, въ прежнія времена, чтобы уходящій представилъ вмѣсто себя замѣстителя. Легко замѣтить, что подобная податная организація представляетъ собою совершенный контрастъ съ финансовымъ устройствомъ болѣе развитыхъ странъ. Если правительство отказывается само опредѣлить долю участія каждаго въ государственныхъ тягостяхъ, очевидно, оно признаетъ этимъ свое безсиліе въ самой важной для него области управленія; если оно прибѣгаетъ къ круговой порукѣ, какъ къ средству закрѣпить за собой плательщиковъ, очевидно, оно не надѣется удержать этихъ плательщиковъ на мѣстѣ собственными силами или вліяніемъ ихъ личнаго интереса: очевидно, оно требуетъ отъ нихъ больше, чѣмъ они въ силахъ дать. Итакъ, смыслъ тяглой организаціи русскаго населенія сводится къ тѣмъ же характернымъ чертамъ, какія мы отмѣтили вообще относительно русской общественной организаціи: она есть соединенный результатъ экономической неразвитости Россіи и непропорціональнаго развитія ея государственныхъ потребностей, созданныхъ внѣшней нуждой или внѣшней политикой.

Уже изъ этого наблюденія мы можемъ заключить, что описанная тяглая организація есть одинъ изъ самыхъ характерныхъ продуктовъ русской исторической жизни. Когда же и какъ создалась эта тяглая организація, всѣмъ намъ извѣстная изъ современной жизни Россіи? Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, такъ какъ мы уже застаемъ тяглую организацію готовой, едва только становится вообще возможнымъ слѣдить за ней по сохранившимся документамъ. Однако же, есть возможность предположить, что организація эта, если не возникла, то приняла свою, извѣстную намъ, форму именно тогда, когда неразвитой экономически странѣ пришлось принести первую непосильную для нея матеріальную жертву.

Это была наложенная татарами «дань». Существовала «дань» князьямъ и въ до-татарское время; но насколько она отличалась отъ той правильной и постоянной подати, которую заставили платить себѣ татары, это видно изъ того, что для взиманія татарской «дани» потребовалось вновь привести въ извѣстность количество плательщиковъ. Два раза въ XIII в. татары производили

общія переписи и поставили платежное населеніе подъ надзоръ собственныхъ чиновниковъ. Когда же въ XIV вѣкѣ сборъ татарской дани перешелъ въ руки князей,—князья унаслѣдовали и введенную татарами финансовую администрацію. Теперь уже самому русскому правительству приходилось собирать подати для татаръ въ опредѣленномъ и значительномъ количествѣ и отвѣчать передъ ордой за правильное поступленіе сбора. При тогдашней элементарности всего государственнаго и общественнаго строя единственнымъ средствомъ обезпечить податную исправность плательщиковъ было—возложить на нихъ самихъ отвѣтственность за уплату чужеземной дани. Въ это-то время, вѣроятно, плательщики и были связаны правительствомъ въ податныя или тяглыя группы. Отъ времени до времени владѣнія каждаго князя объѣзжалъ въ XIV—XV вѣкахъ княжескій писецъ; въ каждой отдѣльной мѣстности онъ составлялъ «книгу», по которой платилась дань и которая поэтому называлась въ древности «данской» (потомъ «писцовой») книгой. Переписанное населеніе организовалось въ податныя «сотни», каждою изъ которыхъ завѣдывалъ мѣстный начальникъ, «сотникъ». Записанные въ книги плательщики составляли сословіе «письменныхъ» или «тяглыхъ» людей, которыхъ строго запрещалось принимать въ другіе союзы, кромѣ той сотни, къ которой они «тянули въ дань». Вмѣстѣ съ «писцомъ» разъѣзжалъ по волостямъ и другой княжескій чиновникъ, «данщикъ», который занимался сборомъ дани, а кстати и другихъ доходовъ князя.

Итакъ, вотъ когда создалась, по всей вѣроятности,—или окончательно оформилась русская тяглая организація. Въ видѣ тяглыхъ сотенъ, она явилась какъ послѣдствіе первой настоятельной нужды княжескихъ правительствъ,—необходимости уплачивать татарскую дань. Но, разъ создавшись, эта организація послужила могущественнымъ финансовымъ орудіемъ для собственныхъ цѣлей государства, которыя стали быстро расширяться со времени освобожденія Руси отъ татарской зависимости.

При этомъ быстромъ развитіи государственныхъ задачъ, какъ мы уже видѣли выше, возникали и отмѣнялись одинъ за другимъ цѣлый рядъ новыхъ налоговъ, преимущественно военныхъ. Размѣры налоговъ постоянно росли; способъ назначенія ихъ много разъ мѣнялся. Но при всѣхъ этихъ перемѣнахъ одна черта оставалась незыблемой съ XIV и по нашъ вѣкъ: правительственные налоги постоянно раскладывались между собой самими плательщиками, членами тяглой общины. Зная эту неизмѣнность, это постоянство, съ какимъ сохранялась основная податная ячейка, мы уже можемъ не смущаться перемѣнами въ названіи нало-

човъ,—въ томъ, съ чего или съ кого хотѣло взять налогъ правительство. Какъ бы эти налоги ни назывались, какой бы предметъ обложенія ни имѣла въ виду казна,—мы уже будемъ знать, что разъ взиманіе налога попадетъ въ руки тяглой общины и ея представителей, все равно, всякій налогъ сольется въ общую сумму и превратится въ налогъ съ тягла, съ земельной доли, доставшейся (отъ общества или по наслѣдству, покупкѣ и т. п.) каждому домохозяину.

На этомъ однообразномъ фонѣ общинной раскладки совершалось, однако, нѣкоторое движеніе въ податной исторіи,—движеніе, которое имѣетъ свой смыслъ и свой интересъ. Нужда въ деньгахъ заставила правительство возложить отвѣтственность за уплату податей на тяглыя группы: та же нужда вызвала затѣмъ цѣлый рядъ попытокъ—увеличить казенный доходъ. Правительство дѣйствовало при этомъ двоякимъ путемъ. Оно или мѣняло *порядокъ обложенія* податями плательщиковъ, или прямо *увеличивало размѣры и количество* самыхъ податей. Старый татарскій порядокъ обложенія состоялъ въ томъ, что податью облагалось земледѣльческое орудіе, «соха», приравнивавшаяся двумъ-тремъ коннымъ работникамъ. Каждая соха платила по 5 коп., или, по крайней мѣрѣ, 5 руб. на наши деньги. Усилившееся московское княжество употребляло, кажется, какъ единицу обложенія, «соху» въ нѣсколько разъ больше размѣромъ, въ 32 рабочихъ; понятно, что здѣсь слово «соха» уже утратило свой буквальный смыслъ. Впрочемъ, въ каждой самостоятельной области Россіи существовали свои податныя единицы, и только со времени объединенія Руси при Иванѣ III, т.-е. съ конца XV столѣтія, московскіе порядки, финансовые, какъ и всякіе другіе, начали распространяться на вновь присоединенныя области. Во всякомъ случаѣ, картина податного обложенія Россіи оставалась очень пестрой вплоть до 1550-хъ годовъ, когда Иванъ IV назначилъ рядъ новыхъ военныхъ налоговъ и, такимъ образомъ, началъ новый періодъ въ развитіи прямой подати (стр. 146—147). Въ 1550 году, прежде чѣмъ вводить эти новые налоги, правительство Ивана IV установило въ Россіи новую податную единицу, съ цѣлью обезпечить бо́льшую правильность и равномѣрность обложенія. Названіе сохранено было старое («соха»), но оно получило теперь новый смыслъ. Податная «соха» приравнена была опредѣленному количеству распаханной земли, — обыкновенно, по 400 десятинъ (или 800 «четвертей» посѣва *) въ каждомъ изъ трехъ полей.

*) На десятинѣ сѣялись двѣ «четверти» ржи; надо прибавить, что четверть (т.-е. мѣра емкости) тогда (XVI в.) была вдвое меньше теперешней.

При этомъ, подъ вліяніемъ византійскихъ порядковъ, обращено было впервые внимание и на качество земли; съ десятины хорошей («доброй») земли платилось столько же налоговъ, сколько съ $1^1/_4$ десятины «средней» земли или $1^1/_2$ десятины «худой». Другими словами: въ сохѣ земли второго разряда считалось уже не 400, а 500 десятинъ, а третьяго разряда—600 десят. въ каждомъ полѣ. Кромѣ того, впервые были сдѣланы льготы цѣлымъ разрядамъ плательщиковъ. Служилые люди, уже платившіе государству личной службой, уплачивали съ нормальной сохи въ 400 дес. такую же цифру налога, какую монастыри и крестьяне, не подчиненные владѣльцамъ (т. назыв. «черные»), платили съ сохи въ уменьшенномъ размѣрѣ—въ 300 десятинъ. Для приведенія въ извѣстность количества новыхъ платежныхъ единицъ, во всемъ государствѣ предпринята была перепись и измѣреніе податныхъ земель по единообразнымъ пріемамъ. Перепись эта продолжалась въ теченіе всего царствованія Ивана IV. Такимъ образомъ при Иванѣ IV обложеніе по «сохамъ» получило ту окончательную форму, въ которой оно существовало болѣе ста лѣтъ, вплоть до окончательнаго своего уничтоженія, т.-е. до 1680 года.

До 1680 года дожили, однако, одни только обломки описанной сошной системы обложенія. Въ теченіе XVI и XVII вѣка правительство существенно измѣнило эту систему въ интересахъ привилегированнаго сословія, а по отношенію къ цѣлому ряду податей даже совершенно отмѣнило ее. Еще въ 1550-хъ годахъ, какъ мы только-что видѣли, служилое сословіе облегчено было въ платежѣ податей съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Къ концу XVI вѣка правительство пошло дальше: оно стало совсѣмъ освобождать отъ податей («обѣлять») барскую запашку, т.-е. ту часть пашни, которую служилый человѣкъ пахалъ непосредственно на себя,—въ томъ случаѣ, если онъ несъ дѣйствительную службу. Но и это облегченіе было еще незначительно сравнительно съ тѣмъ, какое сдѣлано было служилымъ людямъ при финансовыхъ реформахъ начала XVII вѣка. До этого времени, крестьянинъ служилаго человѣка, какъ и крестьянинъ, жившій на своей или государственной землѣ («черный»), платили одинаково съ каждой четверти распаханной (или, какъ тогда говорили, «живущей») пашни. Но въ началѣ XVII в. на земляхъ служилыхъ людей эта «живущая четверть» пашни была превращена въ гораздо болѣе льготную платежную единицу. Названіе осталось прежнее; но подъ «живущей четвертью» стали разумѣть не настоящую четверть распаханной земли, а по нѣскольку цѣлыхъ крестьянскихъ

дворовъ, изъ которыхъ каждый, конечно, пахалъ не одну четверть, а больше. Въ 1630—1631 годахъ служилые люди выхлопотали себѣ у правительства разрѣшеніе считать въ живущей четверти отъ 10 до 16 крестьянскихъ дворовъ *). Если предположимъ даже, что каждый дворъ пахалъ не болѣе 4 четвертей (2 десятинъ въ одномъ полѣ), то и тогда въ одной «живущей четверти» будетъ 40—64 *дѣйствительныхъ* четвертей распаханной пашни. Стало быть, съ 40—64 четвертей служилый человѣкъ платилъ столько же налога, сколько черный крестьянинъ съ одной четверти. Припомнимъ теперь (стр. 147), что въ началѣ XVII в. введены были новыя тяжелыя подати, въ десятки разъ превышавшія подати XVI в., и мы поймемъ, какой смыслъ имѣло введеніе именно въ это время «живущей четверти». Служилый человѣкъ былъ въ десятки разъ облегченъ сравнительно съ черносошнымъ крестьяниномъ какъ разъ тогда, когда послѣдній сталъ платить въ десятки разъ больше. Такимъ образомъ, вся тяжесть новаго обложенія XVII вѣка,—всѣ эти «большія» ямскія и стрѣлецкія деньги (см. стр. 147),—пали на однѣ черныя сохи. Тягло и военная служба окончательно раздѣлились, распредѣлившись между различными общественными группами и отчасти даже между различными географическими областями, такъ какъ военно-служилый классъ «испомѣщенъ» былъ въ центральныхъ мѣстностяхъ, а «черные» тяглецы сохранились на бѣдной окраинѣ: на дальнемъ сѣверовостокѣ. Русскій центръ и югъ несъ теперь военную повинность на государство, кормилъ служилыхъ людей, поставлялъ рекрутъ; а русскій черносошный сѣверъ уплачивалъ необходимыя военныя издержки.

На дѣлѣ, однако же, это распредѣленіе далеко не было такъ равномѣрно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Помѣщикъ, который несъ военную службу, былъ облегченъ въ уплатѣ податей; но крестьянинъ, который платилъ подати и кормилъ помѣщика, вовсе не былъ освобожденъ отъ воинской повинности. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше воинская повинность перелагалась всею своею тяжестью на низшіе классы. Русская дворянская конница, какъ мы знаемъ, уже отживала свой вѣкъ въ то время, когда дворянство добилось податныхъ привилегій. Центръ тяжести въ войскѣ переходилъ отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ рейтарамъ и драгунамъ въ конницѣ, къ солдатамъ—въ пѣхотѣ. Къ новой регулярной выучкѣ иноземн-

*) Именно 10 крестьянскихъ дворовъ въ центральныхъ уѣздахъ и 16 на разоренныхъ смутой окраинахъ.

ному строю привлекались, главнымъ образомъ, служилые люди низшихъ разрядовъ и рекруты изъ податныхъ сословій. При этихъ условіяхъ податныя льготы старому служилому сословію теряли свой смыслъ. Правительство, очевидно, приняло это во вниманіе; постепенно увеличивая размѣры податей, въ теченіе XVII вѣка, оно подняло платежи служилыхъ земель въ большее число разъ, чѣмъ платежи черносошныхъ крестьянъ. Такъ, стрѣлецкая подать съ служилыхъ земель увеличена была въ 36 разъ, тогда какъ на черносошныхъ земляхъ, поднявши ту же подать въ 8—9 разъ, правительство должно было убѣдиться, что населеніе не въ состояніи платить увеличеннаго оклада. Поневолѣ приходилось подумать о большей равномѣрности обложенія.

Чтобы уравнять податныя тягости, лучше всего было ввести новую однообразную *форму* обложенія. Такая форма («дворъ» вмѣсто «сохи» и «четверти») найдена была уже въ первой половинѣ XVII вѣка, но только не всегда и не вездѣ примѣнялась.

Дѣло въ томъ, что уже съ самаго начала XVII вѣка ростъ податей вызвалъ массовые побѣги и развилъ цѣлую систему укрывательства отъ сошнаго тягла. Множество тягловыхъ участковъ пустовало, и общинѣ приходилось расплачиваться за опустѣвшіе жеребьи ея сочленовъ. Правительству не было дѣла до убыли запашки; оно требовало податей за все количество пашни, записанное въ писцовыя книги; а чтобы не принимать во вниманіе перемѣнъ, происшедшихъ въ размѣрахъ распаханной площади, оно не составляло новыхъ писцовыхъ книгъ и до самаго конца вѣка взимало подати по книгамъ, составленнымъ въ первую половину царствованія Михаила Өеодоровича. Пустыя земли продолжали, такимъ образомъ, считаться населенными. Но вновь распаханныхъ участковъ правительство также не упускало изъ виду, такъ какъ мѣстный воевода долженъ былъ всѣ такіе участки записывать и облагать податью. Плательщикамъ было, такимъ образомъ, крайне невыгодно вносить подати по писцовымъ книгамъ, и они неоднократно просили правительство взимать налоги только съ наличныхъ, дѣйствительно населенныхъ *дворовъ*. Были причины, по которымъ и для правительства взиманіе податей съ сохи и живущей четверти было не всегда выгодно. Если разбѣжавшіеся съ тяглой земли плательщики заставляли общину платить за себя «навальное сошное письмо», за то они сами совершенно ускользали отъ податей и жили «въ избыли»; къ нимъ примыкали и всѣ тѣ разряды населенія, которые, оставаясь на мѣстѣ, находили способъ уклониться отъ разработки тяглаго участка. Съ точки зрѣнія правительства—

это была чистая потеря для казны. Если нельзя было притянуть эти разряды населенія къ платежу податей со старой «сохи» или «четверти», то надо было привлечь ихъ какимъ-нибудь другимъ способомъ. Петли старой податной сѣти оказались слишкомъ широкими: плательщики въ нихъ слишкомъ свободно проскальзывали. Если такъ,—нужно было сдѣлать ихъ помельче, взять такую единицу обложенія, которая бы вплотную обхватила платежное населеніе, которая бы поставила, такъ сказать, лицомъ къ лицу каждаго плательщика съ правительствомъ. И въ этомъ отношеніи *дворъ* являлся болѣе подходящей податной единицей. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній правительство и переходитъ мало-по-малу къ подворному обложенію. Въ началѣ правленія царя Алексѣя (1646—1648 гг.) и вторично въ началѣ правленія Ѳеодора (1678—1680 гг.) правительство составляетъ по всему государству описанія новаго типа—дворовые списки, или такъ называемыя «переписныя книги». Надежды плательщиковъ, однако, не сбываются. По дворовымъ спискамъ правительство начинаетъ сбирать сперва (еще при Михаилѣ) только тѣ *новыя* подати, къ которымъ постепенно заставляютъ его прибѣгать военныя нужды XVII вѣка. Старыя подати оно не сразу рѣшается перевести съ сохи на дворъ, такъ какъ при этомъ, очевидно, пришлось бы сложить всѣ тѣ излишніе платежи, которые населенію приходилось нести за опустѣлую пашню. Такимъ образомъ, правительство соединяетъ выгоды старой системы съ выгодами новой, а на долю плательщиковъ остаются отъ той и другой однѣ невыгоды.

Положеніе дѣлъ мѣняется въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія. Новыя военныя нужды требуютъ въ это время новыхъ жертвъ со стороны населенія; подати оказывается необходимымъ опять увеличить. Но черносошное населеніе уже и безъ того платитъ сверхъ силъ, такъ что всякая новая прибавка ведетъ только къ увеличенію недоимокъ. Напротивъ, населеніе служилыхъ земель, не смотря на увеличеніе его платежей въ теченіе XVII вѣка, все еще продолжаетъ пользоваться льготами, которые не оправдываются больше никакой нуждой государства въ услугахъ стараго служилаго сословія. При этихъ условіяхъ общая податная реформа становится необходимой и лучшимъ средствомъ для нея является окончательное переложеніе всѣхъ податей съ сохи и живущей четверти на дворъ.

Въ 1679—1681 гг. эта реформа была осуществлена. Остатки налоговъ XVI вѣка (пищальныя, данныя, засѣчныя и т. д.), за исключеніемъ полоняничной подати, были окончательно отмѣнены,

Налоги XVII вѣка, въ одной общей суммѣ, переведены на дворъ, и сошное обложеніе упразднено. Въ городахъ взимался теперь подворный налогъ въ размѣрѣ отъ 80 коп. до 2 р.; этотъ же налогъ, сохранившій названіе стрѣлецкой подати, платился и крестьянами сѣверныхъ черныхъ волостей. Владѣльческія земли остальныхъ уѣздовъ платили деньгами только ямскую подать, слитую съ полоняничной: служилыя по 5 коп. съ двора, а духовныя—по 10 к. Но, вмѣсто стрѣлецкой подати, они платили хлѣбомъ: служилыя земли по $^{3}/_{16}$ четверти съ двора, дворцовыя по $^{5}/_{16}$ и духовныя по $^{7}/_{16}$ четверти. Такъ какъ четверть хлѣба стоила въ это время отъ четвертака до трехъ четвертаковъ, то переведенный на деньги платежъ служилаго двора составлялъ отъ 5 до 14 к. дворцоваго отъ 8 до 23 к. и духовнаго отъ 11 до 33 к. Съ прибавкой ямскихъ и полоняничныхъ это составляло для служилаго двора 10—19 коп., для духовнаго—21—43 коп. Разница съ прямыми платежами черныхъ сохъ, какъ видимъ, сохранилась и послѣ реформы 1681 года и даже была довольно значительна; но, все же, сравнительно съ только-что покинутой системой, это былъ шагъ къ болѣе равномѣрному обложенію.

Несравненно дальше по тому же пути пошла финансовая реформа Петра Великаго. И она, какъ мы видѣли, вызвана была новымъ ростомъ военныхъ расходовъ. Вызванная одинаковой причиной, эта реформа осуществлена была способомъ сходнымъ съ предыдущей реформой 1681 года. Правительство снова перемѣнило форму обложенія, увеличило его размѣры и разложило новую подать на возможно большее количество плательщиковъ. Обложеніе дворовъ успѣло оказаться столь же неудобнымъ, какъ и обложеніе сохъ: населеніе теперь бѣжало изъ тяглаго двора, какъ прежде оно бѣжало съ тяглаго участка пашни. Найдены были и новые обходы: такъ, напр., населеніе скучивалось въ тяглыхъ дворахъ, чтобы платить съ возможно большаго количества лицъ то же количество подати; изъ нѣсколькихъ дворовъ населеніе даже нарочно переводилось въ одинъ дворъ ко времени правительственной переписи. Итакъ, значительная часть населенія опять оказывалась въ «избылыхъ». Правительство дѣлаетъ новую попытку уловить плательщика,—какъ скрывающагося въ тягломъ дворѣ, такъ и бѣжавшаго изъ этого двора. Налогъ съ двора переносится прямо на каждую отдѣльную душу мужескаго пола. Всѣ теперь должны быть равны передъ новымъ «подушнымъ» окладомъ: платитъ его и холопъ, никогда не платившій государству, и мелкій служилый человѣкъ—однодворецъ, услуги котораго стали теперь ненадобны правительству. Но за то никто не платитъ больше, чѣмъ другой:

со всѣхъ разрядовъ податного населенія взимаются тѣ же 80 коп. съ души. Петръ, правда, облагаетъ черносошныхъ крестьянъ и посадскихъ людей еще дополнительными 40 копѣйками; но это уже не остатокъ старой тяжести прямого обложенія этихъ классовъ, это просто послѣдствіе того принципа, проводимаго Петромъ, что населеніе, не принадлежащее никакому владѣльцу, принадлежитъ государству, и государство можетъ взимать съ него такой же «оброкъ», какой владѣльческіе крестьяне платятъ своему хозяину. Добавочная подать и получаетъ названіе «оброчной».

Установивъ подушную систему обложенія, правительство, повидимому, подошло довольно близко къ той цѣли, которая составляетъ задачу всякаго финансоваго управленія: оно стало лицомъ къ лицу съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ. Но это было только повидимому: въ дѣйствительности, состояніе русскихъ учрежденій не давало еще никакой возможности установить прямыя отношенія между правительствомъ и подданными. Чтобы удержать постоянную связь между правительственными сборщиками подати и каждой записанной въ ревизію душой, надо было устроить постоянное наблюденіе за колебаніями числа душъ, выбываніемъ старыхъ и прибываніемъ новыхъ. Шведскіе порядки, которые послужили образцомъ для совѣтниковъ Петра, и устраивали такое наблюденіе. Мало того, шведское устройство добивалось большаго; каждый годъ провѣрялся тамъ не только наличный составъ плательщиковъ, но и всѣ перемѣны въ ихъ хозяйственной жизни: пожаръ, скотскій падежъ, неурожай—все это вызывало немедленное облегченіе податныхъ тягостей. При такомъ порядкѣ, естественно, можно было допустить, чтобы каждый плательщикъ отвѣчалъ самъ за себя. Напротивъ, при скудныхъ средствахъ русскаго управленія такое точное и постоянное наблюденіе за плательщиками было совершенно невозможно; оно было возможно только для самихъ плательщиковъ. Правительство не только не могло слѣдить за перемѣной въ хозяйственной силѣ каждой крестьянской семьи, но оно не могло даже услѣдить за измѣненіями въ ея количественномъ составѣ. Пока совершалась перепись, новыя души нарождались, старыя успѣвали умереть и, такимъ образомъ, правительство никогда не могло узнать дѣйствительной цифры плательщиковъ: цифра эта была фиктивной уже въ моментъ ея полученія и, понятно, становилась еще фиктивнѣе, по мѣрѣ отдаленія времени переписи. Между тѣмъ эти переписи возобновлялись въ прошломъ вѣкѣ только въ двадцать лѣтъ разъ. Такимъ образомъ, поневолѣ, по недостатку средствъ контроля, взиманіе податей на мѣстѣ про-

должалось по старому. Крестьянская община дѣлила землю на души; но эти души не имѣли ничего общаго съ живыми душами человѣческими: это просто были (какъ и прежде при посошномъ и подворномъ *) обложеніи) единицы земли, обложенныя единицей налога и разбиравшіяся наличнымъ населеніемъ деревни, смотря но хозяйственнымъ силамъ каждаго.

Введеніе подушной было высшей точкой развитія нашей прямой подати. Въ 1680 г., въ годъ окончательнаго введенія подворной подати, количество прямыхъ податей доходило до 8,4 милліона на наши деньги; въ 1724 г. оно увеличилось до 42,6, т. е. въ 5 разъ. Въ 1680 г. прямые налоги составляли не болѣе 1/3 всего дохода, въ 1724 г. они значительно превышали 1/2. Со времени Петра и до самаго послѣдняго времени эта петровская организація прямыхъ налоговъ не сдѣлала никакихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Конечно, по мѣрѣ возрастанія населенія, количество подушной и оброчной подати увеличивалось, возвышался ее окладъ; изъ одинаковаго для всей имперіи, окладъ оброчной подати сдѣлался различнымъ—пропорціонально различіямъ въ доходности земледѣлія—въ разныхъ частяхъ Россіи. Но, при всѣхъ этихъ перемѣнахъ, самая единица обложенія, ревизская душа, осталась прежней вплоть до отмѣны подушной подати въ 1887 году. И, несмотря на ростъ абсолютныхъ цифръ, пропорціональное значеніе подушной подати въ бюджетѣ не переставало падать въ теченіе всего этого времени. Съ половины всего госуд. дохода подушная упала до трети къ началу XIX вѣка, и ниже четверти къ серединѣ его; теперь, включая даже выкупные платежи помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ, общая цифра прямыхъ податей составляетъ уже меньше 1/13 части всего бюджета. Если не считать очень скромной по размѣрамъ поземельной подати, введенной въ 1875 году **), то надо будетъ признать, что подушная подать не замѣнена никакой новой. Мало того, даже выкупные платежи,—въ собственномъ смыслѣ, не столько подать, сколько погашеніе долга—государству пришлось понизить (1881), разсрочить (1889, 1896, 1899) и придется, вѣроятно, совсѣмъ

*) Подворный налогъ XVII вѣка тоже сливался обыкновенно въ одну общую сумму со всего количества дворовъ данной группы плательщиковъ, и затѣмъ распредѣлялся между дворами пропорціонально платежной силѣ каждаго.

**) Въ половинѣ губерній она составляла всего 1/4 — 5 коп. съ десятины и въ другой половинѣ—5—15 коп. Между тѣмъ, всѣ платежи съ десятины составляли въ первой половинѣ 18 коп.—1 руб. 50 коп., а во второй 1 руб. 50 коп.—2 руб. 50 коп.

сложить. Огромный ростъ недоимокъ по прямымъ податямъ, особенно за послѣднее десятилѣтіе, показываетъ, что платежныя силы крестьянства истощены и никакая система прямыхъ налоговъ, основанная, на обложеніи однихъ только прежнихъ т. наз. «податныхъ классовъ», не можетъ болѣе существовать въ Россіи. Логическимъ выводомъ отсюда было бы, что эту систему надо перестроить на основахъ податной справедливости: т. е. всеобщности и равномѣрности *). Но для этого необходимо, прежде всего, чтобы правительство добилось той цѣли, которую оно тщетно преслѣдовало въ концѣ XVII в. и въ первой четверти XVIII вѣка: именно, чтобы оно вступило въ болѣе непосредственную связь съ каждымъ плательщикомъ, вычислило точнѣе его доходъ и поставило размѣръ подати въ зависимость отъ размѣра этого дохода и его колебаній.

По отношенію къ нѣкоторымъ видамъ подати правительство, впрочемъ, вступило въ непосредственную связь съ плательщиками уже въ далекомъ прошломъ. Плательщиковъ земледѣльческаго класса можно было облагать цѣлыми обществами въ «свалъ» такъ какъ и земледѣльческій доходъ, приблизительно, равномѣренъ и и мало измѣнчивъ. Другое дѣло съ классомъ капиталистовъ и предпринимателей: ихъ доходъ нельзя ввести въ общія рамки, нельзя считать одинаковымъ для всѣхъ или постояннымъ и неизмѣннымъ для каждаго. Здѣсь, стало быть, правительству выгоднѣе имѣть дѣло съ каждымъ предпринимателемъ и постараться обложить каждаго отдѣльно, пропорціонально его доходамъ. Древнѣйшей формой такого отдѣльнаго обложенія каждаго предпринимателя былъ лавочный оброкъ, который правительство брало за торговое помѣщеніе, считавшееся собственностью казны и отдававшееся въ наемъ чаще всего правительственными чиновниками.

Съ древнѣйшихъ временъ правительство считало также своей собственностью всѣ мѣстности, пригодныя для промышленной эксплуатаціи, напримѣръ, рыбныя ловли, бортные лѣса и т. д. Эти казенныя угодья также сдавались на оброкъ (отсюда выраженіе «оброчныя статьи»), который, стало быть, былъ въ этомъ случаѣ на половину—доходомъ съ государственныхъ имуществъ, но на половину и налогомъ съ промысла. Что касается обложенія капи-

*) Какъ мало соблюдается равномѣрность въ сферѣ прямого земельнаго обложенія, видно изъ того, что крестьянинъ платитъ (1899) съ надѣльной земли окладныхъ сборовъ (казенныхъ, земскихъ, мірскихъ, страховыхъ) полтора рубля съ десятины, тогда какъ частновладѣльческая десятина обложена всего 20-ю копѣйками (каз. и земск.).

1680
1701
1724
1769
1794
1825
1850
1870
1892
1901
100%
90%
80%
70%
60%
50%
40%
30%
20%
10%
КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ.
ПРЯМЫЕ НАЛОГИ
РСТВ. ИМУЩ.
44,4%
40,4%
32,7%
42,2%
47,3%
46,5%
51,6%
45,9%
48,4%
47,2%
33,7%
19,8%
35,3%
47%
39,8%
29%
23,7%
22,6%
12,8%
7,5%
26,8%
2,2%
2,5%
2,4%
2,7%
10,3%
14,9%
27,5%
6,8%
3,8%
6,9%
4,9%
3,9%
7,1%
5%
4%

Государственные доходы Россіи (1680—1901[1]).

Годы:	Прямые:		Косвенные.	Регаліи.	Госуд. имущ.	Пошлины.	Другія суммы.	ВСЕГО.
	Подворные и подушные.	Промысловые.						
1680	0,494(33,7%)	0,073(5%)	0,650(44,4%)	0,040(2,7%)	0,073(5%)	0,033(2,3%)	0,100(6,8%)	1,464
1701	0,584(11,3%)	0,065(7,2%)	1,196(40,4%)	0,791(26,8%)	0,065(2,2%)	6,118(4%)	0,135(4,6%)	2,955
1724	4,731(53,5%)	0,255(3%)	2,791(32,7%)	0,233(2,7%)	0,219(2%)	0,150(1,88%)	1.47(2,7%)	8,526
1764	9,121(47%)	0,152(0,8%)	8,182(42,2%)	0,158(0,8%)	0,152(0,8%)	0,015(0,08%)	1,624(8%)	19,408
1794	15,859(30,6%)	0,486(1,1%)	19,014(47,3%)	1,627(4%)	0,604(1,5%)	?	2,528(6,3%)	
1825	32,604(29%)	5,363(4,7%)	22,596(46,5%)	4,457(39%)	2,712(24%)	6,108(5,4%)	9,204(8,1%)	113,044
1850	46,770(23,7%)	3,789(1,9%)	103,325(51,6%)	14,039(7,1%)	5,409(2,7%)	13,628(6,8%)	13,006(6.5%)	199,958
1870	74,858(22,6%)	8,384(2,5%)	152,419(45,9%)	15,347(9,9%)	34,332(10,3%)	12,550(3,8%)	33.770(10%)	331,956
1892	80,433(12,5%)	31,846(4,9%)	311,266(48,4%)	24,917(3,9%)	95,871(14,9%)	44,351(6,9%)	54,440(8,4%)	643,125
1901	89,783(7,5%)	57,457(4,8%)	566,812(47,2%)	40,005(3,3%)	329,670(27,5%)	63,081(5,2%)	52,963(4,4%)	1.199,638

таловъ пропорціонально доходу, и такія попытки дѣлались уже въ XVII вѣкѣ, но такъ какъ для этого надо было точно знать капиталъ и доходы каждаго, то попытки эти постоянно наталкивались на сопротивленіе, и въ концѣ концовъ, большая часть этихъ процентныхъ сборовъ, такъ-называемыхъ «пятыхъ», «десятыхъ», «пятнадцатыхъ», «двадцатыхъ» и т. п. денегъ (т. е. 20%, 10%, $6^2/_3$%, 5%) сбиралась не по спеціальной оцѣнкѣ капитала и дохода, а обыкновенными пріемами тяглой раскладки. Другими словами, подоходное обложеніе не удерживало своего подоходнаго характера и превращалось, подобно разсмотрѣннымъ выше земельнымъ, подворнымъ и подушнымъ податямъ, въ обложеніе раскладочное (репартиціонное).

Не ранѣе Екатерины II удалось, наконецъ, обложить торговопромышленный классъ особымъ налогомъ, падавшимъ лично на каждаго плательщика и сколько-нибудь похожимъ на подоходное обложеніе. Вмѣсто подушной подати, сливавшей купечество, къ большой для него обидѣ, съ другими податными сословіями, Екатерина установила гильдейскую подать въ размѣрѣ 1% съ объявленнаго по совѣсти капитала. Увеличенная въ 1812 году до $4^3/_4$%, эта подать просуществовала до 1824 года; но она не обезпечивала ни всеобщности, ни равномѣрности обложенія торговли и промысловъ, такъ какъ мѣщане и посадскіе были изъ нея изъяты, а среди гильдейскаго купечества объявляемыя суммы капитала могли вовсе не соотвѣтствовать дѣйствительнымъ. Когда же, съ увеличеніемъ тяжести гильдейскаго сбора, значительная часть купечества стала переписываться въ мѣщане или отыскивать другія лазейки, чтобы избѣжать платежа подати, правительство преобразовало процентный сборъ въ неизмѣнный окладъ, уплачивавшійся при полученіи свидѣтельства на право торговли. Идея о процентномъ сборѣ, однако, не заглохла вовсе и снова возродилась при обсужденіи общей податной реформы шестидесятыхъ годовъ. Предположено было постоянный патентный сборъ соединить съ подоходнымъ обложеніемъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, принимая за основаніе при оцѣнкѣ дохода—для *торговыхъ* предпріятій плату за помѣщеніе, а для *фабричныхъ и заводскихъ*—количество рабочихъ. Однако же, положеніе 1863 года осуществило только первую часть предположеній, т. е., въ сущности, удержало, съ нѣкоторыми измѣненіями, старую систему. Только въ 1885 году сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ къ обложенію доходности торговопромышленныхъ предпріятій. Правда, первоначальный проектъ Бунге, предполагавшій обложить всѣ предпріятія въ размѣрѣ 3% ихъ чистой прибыли, и на этотъ разъ вызвалъ возраженія со сто-

роны купечества и государственнаго совѣта. Сущность возраженій сводилась къ тому, что трудно вычислить чистый доходъ и несправедливо — обложить только одинъ классъ и одинъ видъ дохода—подоходнымъ налогомъ. Но относительно наиболѣе крупныхъ предпріятій, публикующихъ отчеты, трехпроцентный налогъ съ чистой прибыли былъ тогда же принятъ, а съ 1893 года превращенъ въ пятипроцентный *). Въ то же самое время другія гильдейскія предпріятія были обложены по губерніямъ круглыми суммами, которыя уже развертывались на мѣстѣ между отдѣльными плательщиками, а потому получили названіе «раскладочнаго» налога **). Тотъ же раскладочный сборъ былъ распространенъ въ 1889 году и на негильдейскія предпріятія. По разсчету предполагаемой прибыли гильдейскія предпріятія платили въ 1891 году почти 2%, негильдейскія $1^3/_4\%$ съ своего чистаго дохода. Наконецъ, и предпріятія, обложенныя акцизомъ, привлечены съ 1893 г. къ платежу раскладочнаго налога. Такимъ образомъ, подоходное обложеніе, хотя еще далеко не въ совершенной формѣ, охватило постепенно всю область торговопромышленной дѣятельности; что ему не суждено ограничиться одной этой областью, показываетъ утвержденный въ 1893 году квартирный налогъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднія десять лѣтъ политика финансоваго вѣдомства приняла совсѣмъ другое направленіе (см. ниже) и промысловое обложеніе—хотя оно и увеличилось почти вдвое за 1892—1901 (съ 35 до 69 милл. зол. руб.) — въ общемъ бюджетѣ все еще идетъ совершенно ничтожное значеніе. Единственный дальнѣйшій шагъ въ направленіи подоходнаго обложенія, законъ 8-го іюня 1898 г. (см. выше, примѣчанія), все еще является полумѣрой, объясняемой однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей тѣмъ, что финансовое вѣдомство «не безъ основанія опасалось не найти въ торговой средѣ необходимой для проведенія подоходнаго обложенія поддержки».

Прямые налоги требовали для своего взиманія сложнаго механизма тяглой организаціи. Механизмъ этотъ, какъ мы видѣли, сыгралъ огромную роль въ русской общественной жизни, но его устройство и поддержаніе требовало отъ правительства большихъ хлопотъ и постояннаго надзора. Гораздо охотнѣе русское прави-

*) По закону 8 іюня 1898 съ этихъ предпріятій (приносящихъ прибыль не менѣе 3%) стали взимать прогрессивный налогъ, по двумъ категоріямъ (съ приносящихъ *до* 10% и *свыше* 10% на основной капиталъ) и кромѣ того введенъ сборъ по 15 коп. со 100 руб. основныхъ капиталовъ.

**) Закономъ 8 іюня 1898 г. прибавленъ еще особый процентный сборъ съ прибыли.

тельство (какъ, впрочемъ, и всѣ другія) прибѣгало къ другого рода налогамъ, которые плательщикъ уплачивалъ не прямо, а косвенно, не въ видѣ подати, а въ видѣ прибавки къ цѣнѣ покупаемаго имъ товара. Противъ этихъ, такъ называемыхъ, *косвенныхъ* налоговъ (налоговъ на предметы потребленія) всегда говорилось, что взиманіе ихъ ведетъ къ несправедливости, такъ какъ они падаютъ преимущественно на низшіе классы. Въ самомъ дѣлѣ, богатый не можетъ съѣсть соли, выпить вина, выкурить табака и т. д. во столько разъ больше бѣднаго, во сколько разъ онъ богаче: онъ потребляетъ то же количество необходимыхъ продуктовъ, какъ и бѣдный, и слѣдовательно, платитъ одинаковую съ послѣднимъ долю косвеннаго налога, а сравнительно съ своимъ достаткомъ гораздо менѣе. Однако, ни одно правительство до сихъ поръ не рѣшилось отказаться отъ косвенныхъ налоговъ изъ-за этихъ соображеній; напротивъ, вездѣ косвенные налоги составляютъ главную часть государственныхъ доходовъ. Дѣло въ томъ, что при всемъ вредѣ для народа, выгоды этихъ налоговъ для казны слишкомъ ощутительны и трудно замѣнимы. Косвенные налоги, во-первыхъ, даютъ огромныя суммы; во-вторыхъ, суммы эти вносятся большинствомъ плательщиковъ незамѣтно для самихъ себя и, во всякомъ случаѣ, не вызываютъ такого недовольства, какое могла бы вызвать одинаковая съ ними по размѣрамъ прямая подать. Именно, эта незамѣтность переплатъ на необходимыхъ товарахъ, покупаемыхъ по мелочамъ, приводитъ къ тому, что въ суммѣ потребитель платитъ въ казну не только больше того, что онъ захотѣлъ бы заплатить прямо и сразу, но часто даже больше, чѣмъ позволяютъ ему его средства.

Есть, однако же, и тутъ извѣстный предѣлъ, за который переходить безнаказанно государство не можетъ. Послѣ того какъ достигнута извѣстная высота косвеннаго обложенія, доходность косвенныхъ налоговъ начинаетъ уменьшаться. Это еще разъ доказываетъ, что главной своей тяжестью эти налоги падаютъ на бѣдные классы населенія. Дѣло въ томъ, что высокія цѣны на необходимые предметы потребленія при всякомъ пониженіи благосостоянія бѣдныхъ классовъ тотчасъ приводятъ къ сокращенію потребленія. Тогда, чтобы поддержать на прежней высотѣ доходъ съ косвенныхъ налоговъ, для казны остаются два пути. Одинъ, простой, но рискованный — состоитъ въ дальнѣйшемъ *повышеніи* налоговъ: но въ концѣ концовъ онъ приводитъ къ еще большему обѣднѣнію населенія и сокращенію потребленія. Другой путь заключается въ повышеніи благосостоянія и вмѣстѣ съ тѣмъ покупательной силы бѣдныхъ плательщи-

ковъ налога. Ближайшій и наиболѣе доступный правительству способъ повысить народное благосостояніе есть какъ разъ—*понизить* размѣры косвенныхъ налоговъ, въ расчетѣ, что зато потребленіе удешевленныхъ так. обр. товаровъ увеличится. Этимъ послѣднимъ путемъ пошли передовыя страны Европы въ послѣднее время. Такъ, во Франціи и въ Англіи *) за послѣдніе полвѣка поступленіе косвенныхъ налоговъ очень увеличилось; но это достигнуто было не путемъ повышенія размѣровъ налога, а путемъ пониженія ихъ и соотвѣтствующаго увеличенія благосостоянія населенія, т. е. усиленія его покупательной силы. Въ Англіи, напримѣръ, въ 1837 г. рабочій платилъ въ годъ за мыло, сахаръ, чай, табакъ и перецъ 21 р. 70 к., что составляло заработокъ трехъ съ половиной недѣль; а пятьдесятъ лѣтъ спустя (1897), благодаря пониженію налоговъ и цѣнъ, за тѣ же самые предметы онъ платилъ уже только 6 р. 25 коп., или заработокъ двухъ-трехъ дней. У насъ въ Россіи, напротивъ, огромный ростъ косвенныхъ налоговъ достигался не путемъ увеличенія покупательной силы населенія, а частью путемъ постепеннаго распространенія того или другого предмета обложеннаго налогомъ, (напр., керосина, спичекъ, чая) среди новыхъ слоевъ населенія; частью же путемъ постояннаго поднятія размѣровъ косвеннаго налога и путемъ увеличенія числа предметовъ, обложенныхъ косвенными налогами. Главнѣйшими составными частями косвеннаго дохода у насъ съ давняго времени были таможенные сборы и питейный доходъ. При Петрѣ Великомъ къ нимъ присоединилась соль, освобожденная отъ налога только въ 1880 г.; при Николаѣ I прибавились еще налоги на табакъ, на свеклосахарное производство; при Александрѣ III—на освѣтительныя масла и спички. Доходъ со всѣхъ этихъ налоговъ постоянно составлялъ почти половину всего приходнаго бюджета, за исключеніемъ первой половины XVIII вѣка, т. е. полувѣка послѣ введенія подушной (см. таблицу и діаграмму). Въ частности о ростѣ таможенныхъ сборовъ была уже рѣчь выше, и мы видѣли, до какой степени уве-

*)

Франція (милл. фр.)		1850	—1899	увеличеніе.
	прямые	490	508	+ 4%.
	косвенные	729	2.053	+ 181%.
Англія (милл. фр.)		1850	—1899	увеличеніе.
	прямые	335	803	+ 140%.
	косвенные	1.029	1.422	+ 39%.
Россія (милл. р.)		1850	—1901	увеличеніе.
	прямые	50	147	+ 194%.
	косвенные	103	567	+ 450%.

личеніе этого дохода объясняется постоянными повышеніями таможенныхъ ставокъ. Какъ это отразилось на цѣнахъ товаровъ, мы можемъ видѣть на примѣрѣ чая, товара, который приноситъ таможенному вѣдомству самый большой доходъ.

Пошлина въ кред. копѣйкахъ съ фунта черн. чая.

	1862	1887	1897
Россія.	40	52 ½	79
Англія	40	14	17

Естественно, что фунтъ чая стоитъ теперь въ Петербургѣ 1 р. 50 коп., тогда какъ въ Англіи цѣна того же чая фунтъ—50 к. а въ Соединенныхъ Штатахъ 25 коп. Понятно, что эта разница цѣнъ отражается и на потребленіи чая: въ Россіи на каждаго жителя приходится въ годъ только 0,8 фунта чая, тогда какъ въ Англіи 6,7 фунта, въ Соед. Штатахъ 1,4 ф. То же можно сказать о сахарѣ: въ 1890 г. внутренняя цѣна сахара была 3 р. 21 к., а экспортная цѣна—2 р. 95 к.; теперь же (1901 г.) внутренняя цѣна понизилась только до 2 р. 66 коп. т. е. до 83% прежней цѣны, тогда какъ вывозная цѣна за границу упала до 1 р. 29 к. т. е. составляетъ только 44% прежней. Поэтому, и потребленіе сахару въ Россіи за 1890—1901 гг. поднялось только съ 8 до 12 фунтовъ на душу, тогда какъ въ Англіи его потребляютъ до 79 фунтовъ, въ Соед. Штатахъ 69, въ Германіи и Франціи 27 (англ.) фунтовъ. Желѣзо, которое стоитъ въ Англіи около 90 к.—1 р., въ Россіи продается по 1 р. 30 к. — 3 р., и по разсчету одного изслѣдователя, каждый крестьянскій дворъ переплачиваетъ на цѣнѣ желѣза въ годъ ок. 1 р. 10 к.

Если мы перейдемъ къ другому главному отдѣлу косвенныхъ налоговъ, питейному доходу,—то встрѣтимъ здѣсь тѣ же явленія. Правительство всегда особенно заботилось, чтобы размѣры питейнаго сбора не падали, а по возможности возрастали. Въ до-петровское время оно достигало этой цѣли очень простымъ, но за то и очень рѣшительнымъ средствомъ. Оно просто отдавало питейные сборы, вмѣстѣ съ другими косвенными сборами, на личную отвѣтственность богатыхъ купцовъ и промышленниковъ,—точно также какъ взиманіе прямыхъ податей оно возложило на коллективную отвѣтственность сельскихъ и посадскихъ общинъ. Невольные сборщики отвѣчали собственнымъ имуществомъ, если сборъ текущаго года оказывался ниже прежнихъ годовъ. Къ этой оригинальной «службѣ» высшаго слоя городского сословія мы еще вернемся, такъ какъ она положила начало русскому городскому самоуправленію. Послѣ Петра фискальные пріемы стали нѣсколько тоньше; тогда правительство пробовало увеличить до-

ходность питейныхъ и другихъ косвенныхъ сборовъ, отдавая ихъ на откупъ или, наоборотъ, принимая на себя продажу и даже самое изготовленіе предметовъ потребленія. Въ послѣднемъ случаѣ, косвенный налогъ получалъ уже характеръ государственной монополіи или регаліи (въ нашей таблицѣ, въ случаѣ колебаній сборовъ между акцизомъ, откупомъ и регаліей мы относили такіе сборы постоянно къ категоріи косвенныхъ налоговъ). Фискальные мотивы такихъ превращеній мы наглядно можемъ представить на примѣрѣ послѣдняго изъ нихъ: на только что введенной питейной монополіи. Мотивы эти, какъ всегда было и въ прежнее время, сходятся къ необходимости удержать на прежнемъ уровнѣ и даже поднять доходъ, которому грозило сокращеніе народнаго потребленія. Въ 70 гг. водка потреблялась около одного ведра на душу; затѣмъ, съ повышеніемъ акциза до 8 к. за градусъ (1881), потребленіе упало (1883—1885) до 0,82, 0,75, и 0,67 ведра. Акцизъ доведенъ былъ затѣмъ до 10 к., но потребленіе въ свою очередь еще упало до 0,49 ведра. Тогда испробована была—казенная продажа питей, прежде всего,—въ видѣ опыта, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ паденіе потребленія было особенно сильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, казенный доходъ съ вина былъ опять повышенъ сравнительно съ прежнимъ акцизомъ. Естественно, что, несмотря на всѣ усилія, народное потребленіе почти вовсе не удалось поднять, и оно продолжаетъ стоять на цифрѣ около полуведра на душу.

Не останавливаясь на другихъ, менѣе значительныхъ, статьяхъ косвеннаго обложенія, замѣтимъ только, что и тамъ господствуетъ та же тенденція—постояннаго повышенія фискальнаго дохода, въ ущербъ потребленію постепенно бѣднѣющаго населенія. Чтобы показать, какъ быстро растетъ тяжесть косвеннаго обложенія, сопоставимъ цифры за послѣднее десятилѣтіе:

	На душу приходилось копѣекъ: 1892	1901	
Питейнаго дохода	228,4	234,3	
Акциза со спирта и вина . . .	205,4	218,3	
» съ табака	22,9	31,0	
» съ сахара	23,4	53,1	
» съ освѣтительныхъ маслъ	10,9	21,4	
» съ зажигат. спичекъ . .	4,4	5,9	
Всего . . .	495,4	564,3	увелич. на 13,7%

Изъ остальныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ сколько-нибудь значительную роль въ бюджетѣ играли временами государственныя регаліи и государственныя имущества.

Изъ государственныхъ регалій (т. е. исключительныхъ правъ государства) раньше другихъ сдѣлалась предметомъ дохода чеканка монеты. Перечеканивая иностранную монету въ свою (мы знаемъ, что собственныхъ драгоцѣнныхъ металловъ до-петровская Русь не имѣла), правительство пускало эту монету по нѣсколько высшей цѣнѣ и имѣло отсюда постоянную небольшую прибыль. При Петрѣ, впрочемъ, эта прибыль была одно время чрезвычайно велика (см. таблицу и діаграмму за 1701 г), такъ какъ онъ злоупотребилъ своимъ правомъ чеканить монету и пустилъ въ оборотъ вдвое худшую монету по старой цѣнѣ (ср. выше стр. 119). Въ послѣдніе годы (1896—99) монетный доходъ былъ нѣсколько болѣе значителенъ, благодаря чеканкѣ серебряныхъ денегъ; обыкновенно же онъ совершенно ничтоженъ. Со времени Петра присоединился къ монетной регаліи еще доходъ отъ почтовой регаліи; вскорѣ послѣ Петра—доходъ съ горной регаліи (т. е. доходъ съ разработки казенныхъ рудниковъ и пошлина съ частныхъ). Наконецъ, съ Николая I—доходъ съ телеграфной регаліи. Съ развитіемъ сообщеній, почтовый и телеграфный доходы быстро растутъ; напротивъ, горный доходъ съ Крымской войны падаетъ или (въ послѣдніе годы) развивается весьма незначительно. О новѣйшемъ причисленіи къ регаліямъ питейнаго дохода мы уже говорили; прибавимъ, что чистый доходъ отъ этой операціи пока очень незначителенъ и не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ грандіозными затратами на введеніе монополіи. Притомъ же, необходимо замѣтить, что сосредоточеніе питейныхъ доходовъ въ казенномъ вѣдомствѣ содѣйствуетъ тому процессу перекачиванія мѣстныхъ денежныхъ средствъ въ центральный государственный резервуаръ, о которомъ мы говорили по поводу сберегательныхъ кассъ (выше стр. 129).

Что касается доходовъ казны съ государственныхъ имуществъ и съ казеннаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ, они сводились въ старое время къ полученію «оброка» съ казенныхъ «оброчныхъ статей», сдававшихся въ эксплоатацію частнымъ лицамъ. Это составляло замѣтную статью дохода въ до-петровскомъ государственномъ хозяйствѣ, но съ тѣхъ поръ пропорціональное значеніе этихъ доходовъ въ бюджетѣ упало (см. діаграмму) и вновь начало рости только во второй половинѣ XIX вѣка. Первую роль въ этомъ новомъ увеличеніи хозяйственнаго дохода казны играла эксплоатація лѣсныхъ богатствъ страны. Лѣсной доходъ только на протяженіи послѣднихъ десяти лѣтъ болѣе чѣмъ утроился. Затѣмъ, въ теченіе того же десятилѣтія въ огромныхъ размѣрахъ расширилось желѣзнодорожное хозяйство казны. Но финан-

совые результаты этого хозяйства до сихъ поръ оказывались почти постоянно отрицательными, т.-е. казна терпѣла отъ своего участія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ почти постоянный и очень значительный убытокъ.

Послѣ этого бѣглаго перечисленія государственныхъ доходовъ, намъ остается отвѣтить на одинъ, весьма важный вопросъ. Какъ тяжело ложился и ложится доходъ русскаго государства на населеніе? Только отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы будемъ въ состояніи выяснить себѣ, развивались-ли государственныя потребности и средства ихъ удовлетворенія въ уровень съ развитіемъ народнаго благосостоянія, или же государственныя нужды опережали это развитіе и форсировали естественный ростъ страны.

Если считать бюджетъ 1680 г. равнымъ, приблизительно, 25 милліонамъ металлическихъ рублей серебромъ (37 1/2 милл. теперешнихъ золотыхъ рублей=1/15 имперіала), то на 16 милл. тогдашняго населенія Россіи это составитъ около 1 р. 56 коп. (2 р. 34 к. зол.) на душу. Если возьмемъ конецъ царствованія Петра (1725) за исходный пунктъ для сравненія, то получимъ (считая 13 милл. населенія и 75 милл. мет. р. сер. дохода) около 5 р. 77 коп. на душу населенія (8 р. 65 коп. зол.). Сравнивая эти цифры съ государственными доходами нашего времени, мы найдемъ, что сравнительно съ 1680 годомъ русскіе государственные доходы возросли теперь въ 48 разъ, а сравнительно съ 1725 г.—въ 16 разъ. Между тѣмъ, населеніе возросло только въ 8—10 разъ; т.-е. податная тяжесть должна ложиться теперь на каждаго плательщика суммой въ шесть разъ большей, чѣмъ до Петра и въ 1,6 разъ большей, чѣмъ при Петрѣ. Теперь (1901) дѣйствительно приходится на душу населенія около 9 р. (13,50 зол.).

Сама по себѣ эта цифра невелика въ сравненіи съ тѣмъ, что платятъ жители большей части передовыхъ странъ Европы. Но дѣло не въ томъ, велика или мала абсолютная цифра государственныхъ платежей, падающая на каждаго жителя, а достаточны ли его средства, чтобы платить эту цифру?

Въ Россіи, какъ мы знаемъ, платежныя силы страны были напряжены за все время ея государственнаго роста. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, за древнѣйшій періодъ, уже та принудительная организація плательщиковъ, къ которой правительство принуждено было прибѣгнуть. Но, конечно, она свидѣтельствуетъ также и объ административномъ безсиліи правительства—вступить въ личныя сношенія съ плательщиками. Со второй половины XVI вѣка, когда создалась первая правильная система пря-

мыхъ налоговъ, объ отягощеніи населенія свидѣтельствуютъ его побѣги, а со второй половины XVII вѣка, когда налоги особенно возросли, о непосильности этого бремени уже вполнѣ опредѣленно свидѣтельствуетъ огромное накопленіе недоимокъ, принудившее наконецъ правительство подумать о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи налога (ср. выше, стр. 165—166). Но затѣмъ послѣдовало царствованіе Петра, сразу увеличившее податныя тягости населенія въ 3,7 раза и приведшее страну къ тяжелому кризису (ср. выше, стр. 167—168). Что съ тѣхъ поръ податная тяжесть, лежащая на населеніи, не стала легче, свидѣтельствуютъ уже приведенныя выше цифры. Рядъ признаковъ указываетъ, напротивъ, на то, что податное бремя—особенно за послѣднее время, послѣ крестьянскаго освобожденія, стало еще невыносимѣе. За десятилѣтіе 1883—1892 населеніе увеличилось только на 16%, тогда какъ государственные доходы поднялись на 29%; а за послѣднее десятилѣтіе это отношеніе оказывается еще невыгоднѣе: населеніе росло еще слабѣе (увеличилось всего на 13%), тогда какъ государственные доходы росли еще сильнѣе (увеличились на 49%). Въ то же самое время, хозяйственное положеніе крестьянъ, главныхъ плательщиковъ, значительно ухудшилось. Какъ ни малы были земельные надѣлы, полученные крестьянами при освобожденіи (см. ниже),—они стали еще меньше, когда населеніе размножилось. Вмѣсто 2,3 десятины, приходившихся въ среднемъ на каждаго въ 1860 г., сорокъ лѣтъ спустя (1900) осталось только 1,3 десятины. Съ другой стороны, вздорожали за тотъ же промежутокъ времени всѣ продукты, нужные крестьянину, и подешевѣлъ тотъ единственный продуктъ, которымъ онъ могъ платить за всѣ остальные: хлѣбъ. Въ Россіи это совершилось притомъ въ гораздо болѣе невыгодныхъ пропорціяхъ для крестьянина, чѣмъ на западѣ: хлѣбъ крестьянскій сталъ *особенно* дешевъ по причинѣ невыгоднаго положенія крестьянина при продажѣ хлѣба; а другіе товары стали *особенно* дороги вслѣдствіе извѣстной намъ покровительственной системы. Сравнивая цѣны даже за два сосѣднихъ десятилѣтія—1890—1894 и 1895—99 мы найдемъ слѣдующія измѣненія (+ вздорожаніе, — удешевленіе):

	Въ Россіи.	За границей.
На рожь	— 25	— 15
На хлопчатобумажную пряжу	+ 1	— 12
На чай	+ 1	— 9
На сахарный песокъ	+ 4	— 19
На керосинъ	+ 12	+ 10
На табакъ	+ 16	— 3

Надо принять въ расчетъ, что крестьянинъ покупаетъ въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ покупалъ прежде—и потому больше зависитъ въ своихъ расходахъ отъ цѣны на всѣ перечисленные товары. У него нѣтъ больше своего холста на рубаху, онъ меньше пьетъ молока и совсѣмъ мало употребляетъ квасъ; онъ привыкъ къ керосиновой «коптилкѣ» и т. д. Натурой онъ покрываетъ теперь только часть своего бюджета—нѣсколько меньше половины; на остальное ему нужны деньги. При малыхъ размѣрахъ земельнаго надѣла, при низкомъ уровнѣ земледѣльческой техники, при высокихъ цѣнахъ, которыя приходится платить за выкупъ земли и за аренду недостающаго количества ея, крестьянинъ не можетъ добыть даже всѣхъ нужныхъ въ собственномъ хозяйствѣ денегъ—доходомъ съ земли. Съ земли онъ получаетъ лишь немного больше половины (58,6%) того, что ему нужно. Кое-что даетъ скотоводство (17,9%), но затѣмъ приходится искать дополнительныхъ заработковъ на сторонѣ. Этимъ объясняется необходимость заниматься домашней промышленностью и идти въ отхожіе промыслы. Но даже и этотъ добавочный доходъ не помогаетъ крестьянину покрыть всѣ свои необходимые расходы. Изслѣдованіе крестьянскаго бюджета показало, что, по большей части, бюджетъ этотъ сводится съ дефицитомъ, несмотря на то, что крестьянскія потребности урѣзаны до самаго крайняго предѣла. Естественно, что крестьянинъ оказывается плохимъ плательщикомъ, и исправность взноса податей быстро уменьшается, по мѣрѣ того, какъ онъ становится бѣднѣе. Слѣдующія цифры очень краснорѣчивы въ данномъ случаѣ. Въ 1871—1880 гг. на каждой десятинѣ крестьянской надѣльной земли лежало казенной недоимки 37 коп. Въ слѣдующее десятилѣтіе цифра эта поднялась до 48 коп. на десятину, а за 1891—1900 она уже составляетъ 1 р. 7 коп.—т.-е. недоимочность за тридцать лѣтъ увеличилась втрое.

Естественно, что подобное положеніе не могло не возбудить опасеній въ правительственныхъ сферахъ. Въ виду невозможности собрать прямые налоги съ населенія, только и осталось—понизить въ концѣ концовъ ихъ размѣры. Но одновременно съ этимъ финансовое вѣдомство усвоило себѣ взглядъ, что зато косвенные налоги населеніе платитъ «добровольно» и «въ соотвѣтствіи съ его платежными силами». Мало того, лицомъ къ лицу съ возростающимъ обѣднѣніемъ главнаго класса плательщиковъ, финансовое вѣдомство задалось цѣлью «не только удовлетворить *текущимъ* нуждамъ страны изъ ежегоднаго дохода, но и собрать нѣкоторый *запасъ* свободныхъ средствъ»—и оно

скопило около милліарда за 8 лѣтъ (1893—1900), съ цѣлью покровительства русской крупной промышленности *).

Такимъ образомъ, до самаго послѣдняго времени финансовая политика Россіи не измѣнила своей основной цѣли, хотя по временамъ и измѣняла свою фразеологію. Исключительная забота о «государственной прибыли» уже при Петрѣ перестала быть единственной и непосредствѣнной цѣлью финансоваго вѣдомства; уже тогда оно заговорило о «пользѣ *общаго блага* и пожиткѣ подданныхъ»—въ своихъ жалованныхъ грамотахъ на заведеніе первыхъ *фабрикъ* въ Россіи. Въ докладѣ 1893 года выражена подобная же мысль, но нѣсколько иными словами. «Финансовая политика не только не должна упускать изъ вниманія нежелательныхъ послѣдствій излишней сдержанности въ удовлетвореніи назрѣвающихъ потребностей, но, напротивъ, должна поставить своею задачею разумное содѣйствіе экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны». Такимъ образомъ, «развитіе производительныхъ силъ» за всѣ эти два столѣтія оставалось цѣлью финансоваго вѣдомства; но цѣлью этой цѣли была по прежнему «государственная прибыль»—удовлетвореніе фискальныхъ потребностей государства. Мы видѣли, что даже такія явленія экономической жизни, какъ развитіе домашняго производства и отхожихъ промысловъ, явились у насъ невольнымъ стихійнымъ послѣдствіемъ не только процесса внутренней экономической эволюціи, но также и нужды населенія въ деньгахъ, чтобы заплатить государственныя подати. Гораздо сознательнѣе, но въ сущности подъ вліяніемъ той же самой нужды въ деньгахъ, дѣйствовало государство, принимая мѣры на пользу развитія русской крупной промышленности. Можно было бы перечислить цѣлый рядъ государственныхъ дѣятелей, писателей и представителей власти, которые доказывали необходимость мѣръ въ пользу фабрикъ тѣмъ, что этимъ способомъ «умножается число людей, имѣющихъ заработокъ помимо земледѣлія», и, слѣдовательно, увеличиваются платежныя силы русскаго населенія. О фискальныхъ цѣляхъ таможенной политики мы уже говорили.

Опасную сторону такого смѣшенія вопросовъ народнаго благосостоянія съ вопросами фискальнаго хозяйства казны и «на-

*) Въ докладѣ 1893 года, этотъ взглядъ формулированъ такъ: «не должно останавливаться даже передъ нѣкоторымъ временнымъ напряженіемъ платежныхъ силъ страны, которое, впрочемъ, съ избыткомъ вознаграждается умноженіемъ, вслѣдствіе того, способовъ къ дальнѣйшему наростанію и развитію этихъ силъ».

ціональнаго» преуспѣянія торгово-промышленнаго класса указалъ еще современникъ той эпохи, когда эта фискально-экономическая политика впервые явилась. По словамъ современника Петра, Посошкова, «худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ»; «понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны («свободной наличности») много, но то самое царственное богатство, ежели бы *весь* народъ богатъ былъ». «Крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное».

Мы видѣли, въ какомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ этими золотыми словами Посошкова находились традиціи русской финансовой политики, созданныя быстрымъ ростомъ государственныхъ неотложныхъ нуждъ. По мѣрѣ того, какъ суровыя условія исторической жизни смягчались, можно было бы ожидать перемѣнъ и въ этихъ традиціяхъ. Но мы знаемъ, какъ скромны и нерѣшительны были до сихъ поръ опыты противоположной финансовой политики,—той, которая ставитъ своей задачей всеобщность и равномѣрность обложенія, а своей цѣлью—народное, а не «національное», экономическое и промышленное развитіе. Мы видѣли далѣе, что и тѣ немногіе шаги, которые были все-таки сдѣланы въ указанномъ направленіи, вызывались не столько «пользой общаго блага», сколько той же фискальной необходимостью,—послѣ того какъ всѣ другіе пути и средства оказывались испробованными и исчерпанными. Надо прибавить, впрочемъ, что мы какъ разъ переживаемъ теперь полосу такой именно необходимости, и можетъ быть, наконецъ, дождемся, что послѣ десятилѣтія, болѣе чѣмъ когда-либо вѣрнаго русскимъ фискальнымъ традиціямъ,—десятилѣтія доведшаго эти традиціи до крайняго выраженія и приведшаго къ «нищетѣ крестьянской—оскудѣнію царственному»,—будетъ испробована поневолѣ политика, рекомендованная когда-то Посошковымъ.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, см. для этого отдѣла: Военно-статистическій сборникъ, вып. IV. Россія. Спб. 1871. *Рудченко*, Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи. Спб. 1893. (Изд. Деп. торговли и мануфактуръ). Объ общинной раскладкѣ податей, см. статьи *Трирогова*, собранныя въ его книгѣ: Община и подать. Спб. 1882. *П. Х. Шванебахъ*, Наше податное дѣло. Спб. 1903. *А. В. Пѣшехонова*: Централизація экономической власти—въ сборникѣ его статей: «На очередныя темы». Спб. 1904. Матеріалы Высочайше учрежденной 16-го ноября 1901 г. коммиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губерній. Разработано департаментомъ окладныхъ сборовъ, 3 части. Спб. 1903.

III.

Связь развитія русскихъ государственныхъ учрежденій съ военными и финансовыми нуждами.—Дворцовые и государственные элементы въ управленіи великихъ княжествъ древней Руси. — Механическое наростаніе учрежденій съ конца XV в. по средину XVI в.—Финансовый характеръ административной реформы Ивана IV. — Новые наросты; территоріальный характеръ центральнаго управленія.—Сліяніе финансовыхъ вѣдомствъ и расчлененіе военныхъ въ теченіе XVII в.—Завершеніе обоихъ процессовъ во время Петра.— Развитіе областного устройства и разрушеніе центральнаго, какъ ихъ результатъ.—Первая систематическая реформа государственныхъ учрежденій: ея неудача.—Общій итогъ развитія государственныхъ учрежденій до Екатерины II. — Вторая систематическая реформа областныхъ учрежденій (при Екатеринѣ) и центральныхъ (при Александрѣ I).

Первые два отдѣла этого очерка показали намъ, до какой степени вопросы самосохраненія поглощали все вниманіе русскаго государства, и какъ мало заботы оно могло удѣлить всѣмъ остальнымъ государственнымъ задачамъ. Естественно ожидать, что и русская государственная организація развивалась подъ непосредственнымъ давленіемъ тѣхъ же насущныхъ потребностей, о которыхъ шла рѣчь до сихъ поръ, — подъ вліяніемъ быстро возраставшей нужды въ войскѣ и въ деньгахъ. Мы отмѣтили до сихъ поръ въ жизни московскаго государства слѣдующіе пять моментовъ усиленной военной нужды, сопровождавшихся всякій разъ важными финансовыми реформами:

1) *1490-е годы:* организуется постоянное дворянское войско, при помощи широкой раздачи военныхъ помѣстій. Въ финансовомъ вѣдомствѣ этой военной реформѣ соотвѣтствуетъ введеніе ямской подати, финансовая перепись земель, присоединенныхъ къ Москвѣ, и введеніе въ нихъ однообразной московской финансовой единицы—московской сохи.

2) *1550-е годы:* окончательно формируется пѣхота, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ («стрѣльцы»), и устраивается правильная оборона юга съ помощью «засѣкъ». Въ финансовомъ

отношеніи эти нововведенія вызываютъ рядъ прямыхъ военныхъ налоговъ: «пищальныхъ», «засѣчныхъ», «емчужныхъ», «на городовое дѣло» и «полоняничныхъ» денегъ. Въ связи съ созданіемъ этой первой системы налоговъ стоитъ реформа способовъ обложенія (нормировка размѣровъ «сохи», различеніе качества земли и разрядовъ плательщиковъ) и первая генеральная перепись.

3) *1620-е годы:* приводится въ извѣстность составъ дворянской конницы и опредѣляются точнѣе ея военно-служебныя обязанности; пѣхотные полки набираются вновь, регулярная пѣхота выписывается изъ-за границы, вводится иноземный строй. Въ области финансовъ видимъ: введеніе «большихъ ямскихъ» и «стрѣлецкой» подати; составленіе новыхъ писцовыхъ книгъ и нормировку размѣровъ «живущей четверти» въ дворянскихъ помѣстьяхъ.

4) *1660—1680-е годы:* въ связи съ перенесеніемъ операціоннаго базиса изъ столичнаго центра на окраины — организуются мѣстные полки и пограничные штабы. «Драгуны, рейтары и солдаты» вытѣсняютъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ. Соотвѣтственно этому распространенію иноземнаго строя наблюдаемъ: развитіе подворнаго обложенія; отмѣну старыхъ податей и введеніе поразряднаго городского налога.

5) *1700—1720-е годы:* среди непрерывныхъ походовъ создается регулярная армія и флотъ. Этому соотвѣтствуютъ въ области финансовъ: экстренные подати и сборы, первая ревизія и введеніе подушной подати.

Намъ предстоитъ теперь увидѣть, что *каждая* изъ этихъ двусторонныхъ военно-финансовыхъ перемѣнъ сопровождалась еще *третьимъ* рядомъ явленій, именно—всякій разъ новою реорганизаціей государственныхъ *учрежденій*; главной цѣлью этой реорганизаціи было удовлетвореніе все той же нужды въ деньгахъ и въ войскѣ.

Русскія учрежденія развились очень поздно и изъ очень простой и первобытной ячейки. До самаго конца XV вѣка государственное управленіе Россіи почти совершенно сливалось съ дворцовымъ хозяйствомъ. Древнѣйшими учрежденіями русскаго князя были его кладовая (казна), погребъ, кухня, конюшня, псарня и птичій дворъ. Начальники этихъ дворцовыхъ службъ: казначеи и дворецкіе, чашники, стольники, конюшіе, псари и сокольники были чиновниками князя. Въ его селахъ, волостяхъ и городахъ сидѣли назначенные имъ «прикащики»; извѣстные намъ финансовые чиновники, «данщики» и «писцы», объѣзжали по временамъ княжескія земли. Все управленіе сводилось, такимъ

образомъ, къ государеву дворцу. Нѣкоторые изслѣдователи заключили изъ этого, что древнѣйшее устройство русскаго княжества носило совершенно частный, не государственный характеръ: князь былъ просто хозяинъ своей вотчины. Вѣрнѣе было бы заключить, что онъ былъ и хозяиномъ, и государемъ заразъ: государственные элементы не отсутствовали, и не поглощались частными, а просто не различались отъ нихъ. Поэтому, дворцовое управленіе древняго княжества такъ же неудобно было бы называть частнымъ, какъ и государственнымъ: въ немъ одинаково смѣшивались какъ тотъ, такъ и другой элементы. Князь судилъ, собиралъ подати, велъ войну и сношенія съ сосѣдями, конечно, не какъ частный хозяинъ; его слуги, съ помощью которыхъ онъ все это дѣлалъ, были не только прикащиками въ большомъ хозяйствѣ, но настоящими государственными чиновниками; и въ составѣ княжескихъ учрежденій очень рано стали выдѣляться учрежденія съ чисто государственнымъ характеромъ. Важнѣйшія государственныя функціи, — именно финансы, войско и дипломатическія сношенія, съ давнихъ поръ находились въ завѣдованіи особыхъ «дворцовыхъ», «разрядныхъ» и «посольскихъ» *дьяковъ*, которымъ эти дѣла были спеціально «приказаны». Постепенно эти «приказы» (т.-е. порученія данному *лицу*) отвердились въ постоянныя *учрежденія*: дворецъ, разрядъ и посольскій приказъ (къ срединѣ XVI вѣка).

Описанное государственное устройство было, приблизительно, одинаково во всѣхъ великихъ княженіяхъ древней Руси. Когда одно изъ этихъ княженій, Московское, поглотило остальныя, естественно, что государственный строй объединенной Руси пришлось передѣлать по новому. На первыхъ порахъ, однако же, передѣлка эта была чисто внѣшняя, совершенно механическая. Присоединяя какую-нибудь значительную область, Новгородъ, Тверь или Рязань—правительство Ивана III и Василія III просто переводило въ Москву центральныя учрежденія этихъ областей: ихъ «дворцы» и «разряды». Такимъ образомъ, рядомъ съ старымъ Московскимъ «дворцомъ» (для отличія получившимъ названіе «Большого») явились въ Москвѣ новые, но все же отдѣльные «дворцы»: «Тверской» и «Рязанскій». Такимъ же образомъ Новгородскій «разрядъ» долженъ былъ стать рядомъ съ Московскимъ разрядомъ. Въ присоединенную область посылался «намѣстникъ»: власть, дѣйствовавшая очень самостоятельно и почти независимо отъ Москвы. Такое механическое наростаніе учрежденій продолжалось со времени первыхъ крупныхъ пріобрѣтеній Москвы вплоть до Ивана IV: т.-е. съ конца XV в. до се-

редины XVI в.: какъ разъ тотъ періодъ, въ теченіе котораго дѣйствовала первая военно-финансовая система, введенная Иваномъ III (выше, стр. 146). Ко времени Ивана IV вся создавшаяся такимъ образомъ система русскихъ учрежденій должна была представлять очень пестрое зрѣлище. Она походила на жилое помѣщеніе, которое давно уже стало тѣснымъ для хозяина, но которое хозяинъ не хотѣлъ ломать, ограничиваясь всевозможными пристройками къ старому корпусу.

Одновременно со второй русской военно-финансовой реформой, правительство Ивана IV рѣшило, наконецъ, снести этотъ старый корпусъ со всѣми пристройками и на мѣстѣ ихъ построило новое зданіе, болѣе помѣстительное и болѣе систематически расположенное. Прежде всего Иванъ IV впервые отдѣлилъ управленіе государственное отъ дворцоваго. Вѣдать дворцовыя земли продолжалъ по старому «Большой дворецъ». Всѣ же другія мѣстности государства поступили въ завѣдованіе вновь созданнаго учрежденія, такъ называемаго «Большого Прихода». Такъ какъ вѣдомство Большого Прихода распространялось, за исключеніемъ дворцовыхъ земель, на всю старую территорію государства, то одному учрежденію справляться съ такимъ огромнымъ вѣдомствомъ было трудно. Для большей правильности управленія, вѣдомство это было раздѣлено на четыре «четверти» и каждая отдана въ завѣдованіе одному изъ самыхъ главныхъ «дьяковъ», по нашему, статсъ-секретарей государства. Къ каждой четверти были приписаны извѣстные города, такъ что территорія раздѣлилась на тѣ же четверти, получившія названія отъ главныхъ городовъ— Владиміра, Устюга, Галича, Новгорода: Владимірская, Устюжская, Галичская и Новгородская четверть. Въ какой степени вся эта реорганизація была вызвана именно потребностями *финансоваго* управленія, очень усложнившагося, какъ мы знаемъ, со времени второй русской финансовой реформы, — это видно изъ того, что новыя учрежденія предназначались, главнымъ образомъ, для взиманія податей, и все устройство «четвертей» получило по преимуществу финансовый характеръ. Однако же, не надо представлять себѣ, что четверти были какими-нибудь областями, вродѣ губерній или генералъ-губернаторствъ. Города, входившіе въ составъ извѣстной четверти, были набраны изъ всѣхъ концовъ Россіи и самымъ пестрымъ образомъ перемѣшивались съ городами, попавшими въ вѣдомство другихъ четвертей. Каждый городъ сносился прямо съ Москвой, такъ что на мѣстѣ, въ области, никакого общаго управленія городами данной «четверти» не существовало. Мы видимъ, значитъ, что это первое областное дѣ-

леніе Россіи было совершенно искусственнымъ: правительство перетасовало города Россіи, какъ пришлось,—почти безъ всякаго соображенія съ ихъ взаимной географической близостью или съ ихъ прежней исторической связью. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ развитія нашихъ учрежденій мы наталкиваемся на огромную разницу съ западомъ. Тамъ каждая область была плотнымъ замкнутымъ цѣлымъ, связаннымъ особыми правами, которыми эти области долго не хотѣли поступиться государству. Наша исторія не выработала никакихъ прочныхъ мѣстныхъ связей, никакой мѣстной организаціи; немедленно по присоединеніи къ Москвѣ, присоединенныя области распадались на атомы, изъ которыхъ правительство могло лѣпить какія угодно тѣла. Но на первый разъ оно ограничилось тѣмъ, что каждый такой атомъ разъединило отъ сосѣднихъ и привязало административными нитями прямо къ центру.

Процессъ роста русскихъ учрежденій продолжался очень быстро и послѣ реформъ Ивана IV, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ, столь же быстрымъ ростомъ русской территоріи. Уже при самомъ раздѣленіи русской территоріи на четверти, не были введены въ составъ четвертей города только-что покоренныхъ царствъ — Казанскаго и Астраханскаго: по старому принципу, для завѣдыванія ими, былъ образованъ новый «Казанскій дворецъ», бывшій заразъ и «разрядомъ», такъ какъ въ немъ вѣдались и финансы, и военная служба на вновь пріобрѣтенной окраинѣ. Когда были начаты завоеванія въ Сибири,—во все первое полустолѣтіе этихъ завоеваній и Сибирь присоединялась къ вѣдомству Казанскаго дворца, пока, наконецъ, въ 1637 году не былъ образованъ особый Сибирскій приказъ.

Затѣмъ и на югѣ, за Окой, русская территорія продолжала непрерывно расти. Мы знаемъ, что около середины XVI вѣка, т. е. какъ разъ въ то время, когда введены были новые административные порядки, начался процессъ колонизаціи южной половины Россіи (выше, стр. 57). Такимъ образомъ, немедленно послѣ устройства «четвертей»—на югѣ появились новые города, уже не попавшіе въ «четверти». Эти города, построенные, большею частью, для военныхъ цѣлей, естественно, находились въ вѣдомствѣ тогдашняго военнаго министерства — «Разрядного Приказа». Такимъ образомъ, государственное устройство очень скоро стало опять пестрымъ. Большой дворецъ, Устюжская, Галичская, Новгородская и Владимірская четвери, Казанскій дворецъ, Сибирскій дворецъ, Разрядный приказъ, — каждое изъ этихъ учрежденій вѣдало особый кругъ и при этомъ вѣдало вполнѣ и

во всѣхъ отношеніяхъ: и собирало подати, и судило, и управляло, а гдѣ были военные люди, тамъ завѣдывало и военною службою. Такимъ образомъ, дѣла были распредѣлены между высшими учрежденіями Московскаго государства (Приказами) не по ихъ содержанію, а по принадлежности ихъ къ извѣстному городу: не систематически, а территоріально. Территоріальный характеръ центральныхъ учрежденій до нѣкоторой степени замѣнялъ правильное дѣленіе Россіи на области и, такимъ образомъ, маскировалъ отсутствіе областныхъ учрежденій.

Такое грубое распредѣленіе дѣлъ само по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что и задачи, которыя преслѣдовало правительственное управленіе, были крайне грубы и несложны. Мы могли въ этомъ убѣдиться, когда знакомились съ расходами Московскаго государства; къ тому же приводитъ теперь насъ и исторія московскихъ учрежденій. Управленіе въ собственномъ смыслѣ, то есть, заботы объ общественномъ благоустройствѣ, стояли на второмъ планѣ. Еще въ большемъ забросѣ находился судъ. Судилъ въ Московскомъ государствѣ всякій, кто управлялъ, такъ что судъ считался однимъ изъ второстепенныхъ придатковъ управленія. Это смѣшеніе какъ нельзя лучше выразилось въ томъ, что самое слово «судья» значило тогда то же, что правитель или администраторъ,

Третья русская военно-финансовая реформа (1620-хъ годовъ) не внесла новыхъ началъ въ описанный административный строй. Будучи сама лишь дальнѣйшимъ развитіемъ военно-финансовой системы Ивана IV, она и въ систему учрежденій ввела только большій порядокъ дѣлопроизводства и отчетности, не касаясь территоріальнаго принципа, на которомъ они были построены. Въ крѣпкихъ рукахъ патр. Филарета «четверти» и другія приказныя учрежденія завели образцовый порядокъ: это была самая блестящая пора ихъ существованія. Но дальнѣйшей эволюціи русскихъ учрежденій весь этотъ образцовый порядокъ скорѣе мѣшалъ, чѣмъ содѣйствовалъ, —такъ какъ дальнѣйшая эволюція могла совершиться только путемъ разрушенія самаго основного принципа приказной системы: путемъ замѣны ихъ территоріальнаго характера—началомъ *систематическаго* распредѣленія дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ — и путемъ выдѣленія мѣстнаго управленія изъ вѣдомства центральныхъ учрежденій въ вѣдомство областныхъ, которыя еще предстояло устроить совсѣмъ съизнова.

Обѣ задачи—систематизаціи и децентрализаціи—были настолько существенны и такъ настоятельно ставились самыми требованіями жизни, что прежде, чѣмъ правительство поставило ихъ сознатель-

но и систематически, онѣ оказались уже отчасти выполненными, путемъ мелкихъ, частичныхъ перемѣнъ. Конечно, и здѣсь главной пружиной перемѣнъ опять оказалась нужда въ деньгахъ и въ войскѣ.

Деньги московское правительство XVII вѣка добывало преимущественно на сѣверѣ, отъ черносошныхъ, а войско содержало преимущественно на югѣ, на военной границѣ (см. выше, стр. 164). Сообразно съ этими цѣлями распредѣлился къ XVII вѣку и характеръ московскаго управленія между сѣверомъ и югомъ. На сѣверѣ (и въ центрѣ) задачей московскаго правительства становится — сосредоточить въ однѣхъ рукахъ какъ можно болѣе денегъ; поэтому и цѣлью управленія сѣверомъ дѣлается—слить денежные сборы «четвертей» въ одну общую кассу—другими словами, систематизировать центральное финансовое управленіе. Къ концу XVII вѣка цѣль эта достигается: «четверти» уничтожаются, а сборы ихъ (и прежде всего главнѣйшіе изъ этихъ сборовъ, таможенные и кабацкіе) сосредоточиваются въ центральномъ приказѣ «Большой Казны», настоящемъ министерствѣ финансовъ того времени. Всѣ эти мѣры стоятъ въ связи съ тѣмъ, что мы назвали *четвертой* военно-финансовой реформой.

По отношенію къ югу цѣль правительства другая: правильное устройство военной обороны. Выше (стр. 148) мы уже имѣли случай замѣтить, что, по мѣрѣ удаленія границъ государства отъ Москвы, приходилось и штабы оборонительныхъ корпусовъ отодвигать къ новымъ границамъ. Во время войнъ Алексѣя Михайловича намѣтились три главныхъ центра военной обороны границы: Новгородъ (со стороны шведовъ), Сѣвскъ (со стороны литовско-польскаго государства) и Бѣлгородъ (со стороны Крыма). Въ этихъ центрахъ правительство организуетъ постоянные военные корпуса, такъ называемые «полки» или «разряды». Чтобы не было затрудненій въ наборѣ рекрутъ для этихъ корпусовъ, къ каждому изъ этихъ городовъ приписывается значительные количество сосѣднихъ городовъ, а чтобы было на что содержать корпуса, всѣ доходы этихъ городовъ (а вмѣстѣ и все управленіе ими) отдаются въ распоряженіе военнаго начальства каждаго «разряда». Такимъ образомъ, формируются три обширныхъ военныхъ округа; также получающихъ имя «полковъ» или «разрядовъ»: новгородскій, сѣвскій и бѣлгородскій. Итакъ, въ то самое время, какъ на сѣверѣ и въ центрѣ разрушаются старые финансовые округа («четверти») и сливаются въ одномъ центральномъ финансовомъ вѣдомствѣ, военное вѣдомство Разряднаго приказа, напротивъ, расчленяется: на южной и западной

окраинахъ вновь появляются округа военные, гораздо теснѣе сплоченные и болѣе непрерывные географически, чѣмъ уничтоженные финансовые округа сѣвера. Въ этихъ новыхъ военныхъ округахъ мы уже видимъ зародыши будущаго территоріальнаго дѣленія Россіи: зародышъ настоящихъ областныхъ учрежденій.

Въ такомъ состояніи засталъ русскія учрежденія Петръ. Та нужда въ деньгахъ и войскѣ, которая вызывала административныя перестройки въ XVII вѣкѣ, — увеличилась во время Петра въ огромныхъ размѣрахъ. Естественно, что и перестройки, подобныя тѣмъ, которыя мы сейчасъ отмѣтили въ XVII в. (т. е. сліяніе финансовыхъ округовъ и выдѣленіе военныхъ), въ петровское время стали совершаться ускореннымъ темпомъ, по мѣрѣ того, какъ совершалась при немъ и *пятая* военно-финансовая реформа. Финансовые округа и приказы, уцѣлѣвшіе къ его времени отъ XVII вѣка, въ нѣсколько лѣтъ окончательно разрушились, такъ какъ Петръ мало-по-малу передалъ всѣ ихъ доходы въ руки новыхъ, имъ самимъ созданныхъ центральныхъ учрежденій: этимъ путемъ онъ хотѣлъ направить старые государственные доходы непосредственно на удовлетвореніе новыхъ своихъ военныхъ нуждъ.

Напротивъ, военные округа, сформировавшіеся во второй половинѣ XVII в., не только не разрушились, а окончательно окрѣпли и распространились на всю Россію. Петру было еще нужнѣе, чѣмъ Алексѣю и Ѳедору, сосредоточить сборы со всей Россіи прямо въ рукахъ своихъ генераловъ и адмираловъ, поближе къ мѣсту ихъ дѣйствій. Завоевываетъ онъ Прибалтійскій край, и весь *сѣверо-западъ* Россіи отдается въ полное распоряженіе главнокомандующаго Меньшикова. Ожидаетъ онъ нападенія Карла XII изъ-за Днѣпра, и немедленно формируются военныя квартиры въ *Смоленскѣ* и *Кіевѣ*; къ Кіеву приписываются и старые разряды: сѣвскій и половина бѣлгородскаго. Другая половина бѣлгородскаго съ Воронежемъ приписывается къ *Азову*, для построенія флота. Бунтъ поволжскихъ инородцевъ заставляетъ сформировать военную квартиру въ *Казани* и перенести туда, на мѣсто, управленіе стараго «Казанскаго дворца». Только *центръ* и *сѣверъ* остаются внѣ прямого завѣдыванія генераловъ; но для большаго единообразія Петръ и ихъ рѣшаетъ превратить въ военно-финансовые округа, съ обязательствомъ помогать южной Россіи. Такимъ образомъ, создается, впервые въ Россіи, правильное дѣленіе всего государства на области или, какъ называетъ ихъ Петръ, *«губерніи»* (С.-Петербургская или Ингерманландская, Смоленская, Кіевская, Азовская, Казанская, Московская, Архангелогородская и Сибирская).

Въ результатѣ устройства губерній (1708—1712 гг.), обнаружилась, однако, большая неожиданность. Раздѣливши управленіе и доходы съ различныхъ областей Россіи между своими генералами, Петръ этимъ самымъ въ корнѣ разрушилъ прежнее центральное управленіе—«приказы». Мы видѣли, что главной задачей большинства приказовъ было финансовое или военное управленіе территоріальными округами. Теперь, когда военно-финансовое управленіе перешло къ губернаторамъ, приказы сами собою перестали существовать. Россія была теперь съ областями, но безъ центральнаго управленія. Жалкіе обломки приказовъ слились съ управленіемъ Московской губерніи. Старинная дума боярская *) уже не собиралась съ начала столѣтія; вмѣсто нея существовали съѣзды ближайшихъ помощниковъ Петра, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ, собиравшіеся, за его отлучками, все рѣже и рѣже. Уже для военно-финансовыхъ порученій пришлось создать въ центрѣ болѣе постоянное учрежденіе, которое Петръ украсилъ громкимъ именемъ «сената». За полнымъ отсутствіемъ другихъ центральныхъ органовъ, сенатъ не могъ остаться простымъ исполнителемъ порученій государя и скоро сдѣлался высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но въ этомъ своемъ качествѣ, сенатъ одинъ не могъ управиться со всѣми дѣлами, не могъ замѣнить цѣлой системы центральныхъ учрежденій. Поэтому, на дѣлѣ пробѣлъ въ государственномъ строѣ оставался незаполненнымъ; новые губернаторы хозяйничали въ своихъ губерніяхъ совершенно безконтрольно, и управленіе Россіей потеряло всякое единство. Пока Петръ лихорадочно занимался борьбой съ Карломъ XII-мъ и Турціей и безпрерывно переѣзжалъ изъ конца въ конецъ своего обширнаго государства, появляясь въ Москвѣ лишь на нѣсколько недѣль каждый годъ (обыкновенно къ новому году), онъ не могъ, конечно, замѣчать неудобствъ новаго государственнаго устройства. Но когда самое трудное время прошло, когда Петръ окончательно рѣшилъ поселиться на одномъ (и притомъ, новомъ) мѣстѣ, то очень скоро онъ долженъ былъ почувствовать необходимость новыхъ, правильно организованныхъ, центральныхъ учрежденій. Откуда было ихъ взять? Во всей Европѣ одна страна славилась тогда своими правительственными учрежденіями,

*) Мы не останавливаемся въ этой главѣ на важнѣйшихъ центральныхъ учрежденіяхъ Московскаго государства, думѣ и земскихъ соборахъ, такъ какъ здѣсь мы слѣдимъ за эволюціей государственныхъ учрежденій въ зависимости отъ военно-финансовыхъ нуждъ и такъ какъ упомянутыя учрежденія, кромѣ административной роли, имѣли также и политическое значеніе, опредѣлить которое намъ предстоитъ въ III части «Очерковъ».

устроенными въ духѣ неограниченной монархической власти: это—Швеція. Въ другихъ странахъ государственный строй носилъ болѣе или менѣе ясные слѣды средневѣкового феодализма. Естественно, что Швеція и сдѣлалась образцомъ для подражанія: по шведскому образцу рѣшено было устроить въ центрѣ государства «коллегіи», а въ области ввести «провинціи» съ правильнымъ устройствомъ финансовой, административной и судебной власти, съ значительнымъ судебнымъ персоналомъ.

Казалось, впервые русская область придетъ въ нѣкоторый порядокъ, русская власть станетъ лицомъ къ лицу съ подданнымъ и перестанетъ нуждаться въ посредникахъ, судъ будетъ выдѣленъ изъ управленія и порученъ будетъ самостоятельнымъ отдѣльнымъ учрежденіямъ. Но всѣ эти благія намѣренія наткнулись на одно непреодолимое препятствіе. По шведскимъ порядкамъ управленіе одной Лифляндіей обошлось бы государству дороже, чѣмъ стоило прежде управленіе всей Россіей. Примитивное управленіе Московскаго государства, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло то незамѣнимое для казны достоинство, что обходилось чрезвычайно дешево. Напротивъ, образцовыя шведскія учрежденія оказались для бѣдной страны, отягощенной сверхъ силъ высокими налогами, черезчуръ дороги. Поэтому, уже при самомъ введеніи ихъ, пришлось сдѣлать въ нихъ такія значительныя упрощенія, что они потеряли въ сущности всю свою цѣну. Въ своемъ испорченномъ видѣ они не стоили и того, что приходилось на нихъ расходовать. Поэтому, немедленно послѣ смерти Петра, правительство сочло за лучшее почти вовсе отмѣнить ихъ и вернуть областныя учрежденія почти къ до-петровской простотѣ. Воевода и воеводская канцелярія для провинціи, губернаторъ и губернская канцелярія для губерніи — вотъ все, или почти все, что осталось отъ всѣхъ этихъ рентмейстеровъ, камерировъ, ландрихтеровъ и другихъ чиновниковъ шведской системы. Такимъ образомъ, первая попытка правильной бюрократической организаціи областного управленія кончилась неудачей.

Зато уцѣлѣла другая сторона заимствованныхъ учрежденій—шведскія коллегіи. Собственно,—такъ, какъ онѣ были введены,—и въ нихъ ничего не оставалось шведскаго. Но въ нихъ дорога была самая простая и основная идея — систематическаго распредѣленія дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Послѣ хаотической системы приказного управленія какія бы то ни было, только бы систематически соподчиненныя, центральныя учрежденія казались истиннымъ совершенствомъ. Сохранился и сенатъ, хотя

по шведскому порядку при коллегіяхъ въ немъ не было никакой надобности; и на практикѣ въ теченіе всего XVIII в. сенатъ никакъ не могъ точно установить своего положенія между высшей государственной властью и коллегіями. По отношенію къ высшей государственной власти, сенатъ могъ имѣть только значеніе *исполнительнаго* органа; но высшая власть не могла обойтись безъ всякихъ учрежденій при проявленіи своихъ высшихъ учредительныхъ и законодательныхъ правъ. Такія учрежденія, съ *учредительнымъ* и *законодательнымъ* характеромъ, постоянно возникали возлѣ верховной власти (верховный совѣтъ, кабинетъ и т. д.), и постояннно становились фактически выше сената: а формально—ихъ отношеніе часто оставалось неопредѣленнымъ. По отношенію къ коллегіямъ, съ другой стороны, сенатъ имѣлъ характеръ наблюдательнаго органа; но важнѣйшія изъ коллегій прямо были поставлены наравнѣ съ нимъ и не подчинялись ему (военная, адмиралтейская, иностранная); а по отношенію къ другимъ сенатъ не имѣлъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ правильно осуществить свой контроль.

Мы прослѣдили, такимъ образомъ, связь между главнѣйшими нуждами государства и постепеннымъ развитіемъ государственнаго строя до Екатерины II. Механическому объединенію областей и ихъ военныхъ отрядовъ при Иванѣ III и Василіи III (I-я реформа) соотвѣтствуетъ механическое наростаніе военныхъ и финансовыхъ учрежденій въ центрѣ, при полномъ отсутствіи связи между центромъ и областями. Затѣмъ, съ финансовыми и военными реформами Ивана Грознаго (II реформа) связана первая попытка систематизаціи государственнаго управленія; цѣль этой систематизаціи исключительно финансовая. Связь области съ центромъ устанавливается, но устанавливается не путемъ устройства административныхъ инстанцій, а путемъ непосредственнаго управленія областью изъ центра. III-я военно-финансовая реформа Михаила и Филарета—не сопровождается перемѣной принциповъ, а лишь ведетъ къ упорядоченію административнаго строя на старыхъ приказныхъ началахъ. Но, затѣмъ, новыя начала проникаютъ въ нихъ сами собой. Происходитъ военная колонизація юга и совершается въ теченіе XVII вѣка дифференціація финансоваго и военнаго управленій. Первое требуетъ объединенія доходовъ, второе—разъединенія власти. Объединеніе финансоваго управленія ведетъ къ постепенному разрушенію старыхъ центральныхъ учрежденій (IV-я реформа); разъединеніе военной власти полагаетъ начало новому областному дѣленію. Войны Петра (V-го реформа) доводятъ оба процесса до крайнихъ резуль-

татовъ: *всѣ* центральныя учрежденія разрушаются, и финансовое управленіе дробится между начальниками округовъ, сформированныхъ для военныхъ цѣлей. Наконецъ, на пустомъ мѣстѣ производится первая попытка систематической реформы центральнаго управленія; но, въ виду невозможности создать соотвѣтственную сѣть областныхъ учрежденій, эта попытка оказывается мало дѣйствительной.

Чего же достигалъ этотъ тяжелый механизмъ, такъ медленно совершенствовавшійся и развивавшійся такъ стихійно? Изъ отдѣла о финансовомъ управленіи мы уже знаемъ, что русскія государственныя учрежденія даже въ этой самой важной для нихъ отрасли управленія достигали немногаго. Они были не въ силахъ установить непосредственныя отношенія между государствомъ и каждымъ отдѣльнымъ подданнымъ; и, взамѣнъ такого прямого отношенія, они принуждены были довольствоваться круговой отвѣтственностью передъ государствомъ цѣлой общественной группы. Круговая отвѣтственность, какъ мы еще подробнѣе увидимъ впослѣдствіи, становится типичной формой связи между гражданиномъ и государственною властью. Отдѣльное лицо неуловимо для правительства, пока властямъ не удастся отдать это лицо «за крѣпкія поруки». Съ «поруки» и начинается всякое серьезное обращеніе власти къ подданному. Система поручительства употребляется всякій разъ, когда нужно связать отдѣльное лицо какимъ бы то ни было обязательствомъ относительно государства. И даже когда правительство хочетъ заставить весь народъ принять на себя передъ государствомъ какое-нибудь экстренное обязательство, оно не находитъ лучшаго средства, какъ связать его всенародной порукой въ лицѣ его представителей на «земскомъ соборѣ». Вотъ почему выборные люди земли русской не увлекаются своимъ званіемъ и смотрятъ на него вовсе не какъ на свое право, а какъ на тяжелую обязанность.

Если въ предѣлахъ ближайшихъ своихъ задачъ московское правительство принуждено было прибѣгать къ такимъ сильнымъ средствамъ, чтобы восполнить недостатокъ правильной системы учрежденій и какъ-нибудь помочь собственному безсилію, то понятно, что въ отношеніяхъ подданныхъ между собой его регулирующее вліяніе сказывалось еще слабѣе. Какъ отразилось это на развитіи соціальнаго строя, мы еще увидимъ; теперь же необходимо коснуться дѣятельности до петровскаго государства въ области правосудія. Конечно, судъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ функціямъ государственной власти; но стоитъ напомнить нѣсколько элементарныхъ фактовъ, чтобы показать, что для московскаго

государства эта функція постоянно оставалась на второмъ планѣ. Мы уже не будемъ повторять, что до самой имп. Екатерины II судебная власть не имѣла въ Россіи своихъ особыхъ органовъ и соединена была съ властью административной. Но если припомнить, что русское уголовное право кодифицировано было лишь настолько, насколько эта кодификація нужна была для правильнаго взиманія судебныхъ пошлинъ, что гражданское право кодифицировано было еще несовершеннѣе; что первая попытка кодифицировать русское государственное право была сдѣлана, болѣе или менѣе плохо, только въ Уложеніи царя Алексѣя, по иностраннымъ источникамъ; если прибавить къ этому, что и на основаніи такихъ неполныхъ и неточныхъ нормъ не легко было добиться правосудія, что правительство должно было, напр., послѣ троекратной повѣстки, устраивать правильную осаду жилища, чтобы привести къ суду сколько-нибудь вліятельнаго обвиняемаго, что на судѣ этотъ обвиняемый имѣлъ множество темныхъ способовъ уклониться отъ отвѣтственности, что даже въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, какъ убійство, стороны часто предпочитали кончать дѣло миромъ, а власти смотрѣли на такую развязку сквозь пальцы;—если собрать всѣ эти и подобные признаки, то легко будетъ представить себѣ, въ какой атмосферѣ безправія и безнаказанности жилъ русскій обыватель XVII и части XVIII столѣтія. Это было время, когда на бумагѣ создавались драконовскіе законы противъ «лихихъ людей», а въ жизни — дворяне формировали шайки крѣпостныхъ и дворовыхъ,—и съ ними не только грабили и «разбивали» обозы на большой дорогѣ, но совершали открытые наѣзды на цѣлыя деревни. Моралисты того времени (Посошковъ) считали нужнымъ давать особые совѣты на тотъ случай, когда баринъ позоветъ своего мужика на разбой; и совѣты эти сводились отнюдь не къ ссылкѣ на Божію заповѣдь или царское уложеніе,—а къ простой уклончивости,—чтобы «не быть въ отвѣтѣ» за опасное, но обычное ремесло.

Нельзя сказать, чтобы всѣ отмѣченныя черты сразу уничтожились со времени Екатерины II; но несомнѣнно, что съ ея царствованія въ русскомъ государственномъ и общественномъ правосознаніи начинаютъ обнаруживаться признаки поворота на новую дорогу. Прежде всего, русскія учрежденія при Екатеринѣ II подверглись новой систематической перестройкѣ.

Никогда еще условія реформы не благопріятствовали до такой степени ея успѣху, какъ въ царствованіе этой императрицы. Развитіе экономической жизни, увеличеніе народонаселенія давали, наконецъ, обществу возможность выдержать болѣе сложныя, и

слѣдовательно, болѣе дорогія учрежденія. Сознательное отношеніе къ дѣлу, содѣйствіе людей теоретически и практически подготовленныхъ къ разработкѣ реформы ставило и законодателя въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ когда-либо прежде *). Отсутствіе ближайшихъ практическихъ побужденій позволяло приступить къ реформѣ обдуманно. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ административная реформа Екатерины представляетъ выгодный контрастъ съ административными учрежденіями Петра и знаменуетъ собою моментъ, съ котораго для Россіи началась *возможность* болѣе или менѣе сознательной политической жизни.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что отъ возможности до дѣйствительности было въ то время еще очень далеко. Идея о реформѣ центральныхъ учрежденій въ духѣ «просвѣщеннаго» вѣка была, въ концѣ концовъ, оставлена Екатериной (Очерки, III, стр. 333). Но областная реформа была ею проведена и оказалась одной изъ наиболѣе прочныхъ русскихъ реформъ. При лучшихъ условіяхъ правительство Екатерины II пыталось осуществить тѣ же самыя задачи, отъ осуществленія которыхъ должно было отказаться правительство Петра и его преемниковъ. Задачи эти сводились, во-первыхъ, къ тому, чтобы приблизить управленіе къ управляемымъ; во вторыхъ, чтобы отдѣлить судъ отъ управленія. Привычка управлять областью изъ центра, изъ приказа, была одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ стараго московскаго управленія. Съ Петра впервые явилось въ Россіи дѣленіе на области; но при скудости и малочисленности губернскихъ учрежденій завѣдованіе главнѣйшими отраслями областного управленія продолжало сосредоточиваться въ коллегіяхъ; многія стороны губернскаго механизма приводились въ движеніе прямо коллежскими чиновниками. При Екатеринѣ II, наконецъ, управленіе губерніей всецѣло стало принадлежать губерніи. Рядомъ съ правительственнымъ чиновникомъ стали въ новыхъ губернскихъ и городскихъ учрежденіяхъ выборные представители отъ мѣстныхъ сословныхъ обществъ—дворянскаго, городского и крестьянскаго. Такимъ образомъ, принципіально положено было начало развитію мѣстнаго самоуправленія на правовомъ началѣ, ничего не имѣвшемъ общаго съ московскимъ порядкомъ обязательной круговой отвѣтственности мѣстныхъ общественныхъ группъ. Не буду останавливаться на другой важной сторонѣ екатерининской реформы: на выдѣленіи, хотя еще неполномъ, суда отъ управленія и на устройствѣ, впер-

*) Объ идейной и политической сторонѣ Екатерининской реформы учрежденій см. III часть «Очерковъ», вып. 2.

вые въ Россіи, правильныхъ судебныхъ инстанцій, съ правильнымъ порядкомъ переноса дѣлъ изъ низшаго присутствія въ высшее.

Со введеніемъ новыхъ областныхъ учрежденій Екатерины II повторилось, однако, то же самое явленіе, какое мы видѣли при введеніи областныхъ учрежденій Петра I. Какъ тогда, такъ и теперь, при Екатеринѣ II, сосредоточеніе правительственной власти въ губерніи повело къ разрушенію этой власти въ центральныхъ коллегіяхъ. Коллегіи, прежде непосредственно управлявшія губерніей черезъ своихъ чиновниковъ, теперь сдѣлались ненужными: финансы, управленіе и судъ перешли отъ коллежскихъ чиновниковъ къ губернскимъ палатамъ, правленіямъ и судебнымъ присутствіямъ. За исключеніемъ трехъ главныхъ, коллегіи вскорѣ и были уничтожены. Вслѣдствіе этого, опять появился пробѣлъ въ системѣ государственнаго устройства, и опять совершенно независимо отъ идейныхъ соображеній долженъ былъ возникнуть вопросъ о реформѣ центральныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, губернская реформа Екатерины II по необходимости повела за собою центральную реформу Александра I.

Въ основу этой послѣдней реформы была положена Сперанскимъ оставленная Екатериной идея раздѣленія властей: законодательной, исполнительной и судебной. Средоточіемъ судебной власти долженъ былъ быть *сенатъ*, уже составлявшій по судебному устройству Екатерины II правильную высшую судебную инстанцію. Исполнительная власть распредѣлялась между *министерствами*, которыми замѣнены были прежнія коллегіи: при замѣнѣ этой руководящимъ соображеніемъ было то, что главное достоинство исполнительныхъ органовъ власти состоитъ въ быстротѣ ихъ дѣйствія и въ отвѣтственности дѣйствующихъ лицъ. То и другое лучше достигается при единоличномъ управленіи министра, чѣмъ при совмѣстномъ управленіи нѣсколькихъ членовъ коллегіальнаго присутствія. Надо прибавить къ этому, что въ дѣйствительности «коллегіальность», т. е. равенство членовъ въ коллегіи, и прежде всегда была мертвой буквой; на дѣлѣ управляли болѣе или менѣе независимо отъ сочленовъ президенты коллегій. Наконецъ, что касается законодательной власти, по первоначальному проекту Сперанскаго предполагалось отдать эту власть государственной *думѣ*, составленной изъ выборныхъ отъ всей Россіи по способу, заимствованному Сперанскимъ изъ французской конституціи VIII-го года (1799). Но потомъ рѣшено было сдѣлать законодательнымъ органомъ *государственный совѣтъ*. Все же, и при такомъ ограниченномъ осуществленіи проекта, впервые по-

явился въ Россіи постоянный органъ законодательной власти, и колебаніямъ въ устройствѣ высшихъ учрежденій, какія мы видѣли въ XVIII в., казалось, положенъ былъ конецъ.

«Совѣтъ учрежденъ», писалъ Сперанскій въ своемъ отчетѣ Государю, «чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ».

Дѣйствительно, учрежденіемъ государственнаго совѣта императоръ Александръ I оформилъ то различіе между «закономъ» и «указомъ», которое еще императрица Екатерина II стремилась провести въ русское государственное право. «Подъ словомъ *законы*» говорилось въ ея Наказѣ, «разумѣются всѣ тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться; «имя *указы* заключаетъ въ себѣ все то, что для какихъ-нибудь дѣлается приключеній (tout ce qui se fait pour tel ou tel cas) и что только есть случайное или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться».« Но на практикѣ», замѣчаетъ проф. Романовичъ-Славатинскій, «различіе между закономъ и правительственнымъ постановленіемъ всегда обусловливается строемъ государства—отношеніемъ между властями законодательной и правительственной. Если между этими властями проведено строгое различіе, тогда законъ существенно разнится отъ правительственнаго постановленія. Таковы порядки континентальныхъ государствъ. Если же законодательная властъ не строго отдѣляется отъ правительственной,—законъ смѣшивается съ правительственнымъ постановленіемъ».

Реформа Сперанскаго была первымъ шагомъ къ устраненію этого смѣшенія. «Только съ учрежденіемъ государственнаго совѣта 1810 г. установленъ особый, точно опредѣленный порядокъ законодательства, и тѣмъ самымъ явилась возможность отличать законы отъ Высочайшихъ указовъ», говоритъ проф. Коркуновъ. Съ этого времени закономъ въ Россіи считается преимущественно постановленіе, проведенное черезъ совѣтъ. Однако же, это не единственный путь изданія закона. Если проектъ закона имѣетъ за себя лишь меньшинство въ государственномъ совѣтѣ, то и въ такомъ случаѣ онъ также можетъ сдѣлаться закономъ, — только не въ формѣ «Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта», а въ формѣ «Именного указа» *). Наконецъ, уже при

*) «Имп. Александръ I», замѣчаетъ проф. Романовичъ-Славатинскій, «изъ 242 разномыслій государственнаго совѣта 83 раза утвердилъ мнѣніе мень-

имп. Александрѣ I для цѣлаго ряда случаевъ установился порядокъ принятія законодательныхъ мѣръ и вовсе безъ участія государственнаго совѣта. «Въ послѣднихъ годахъ», замѣчаетъ въ 1826 г. статсъ-секретарь Балугьянскій, «*комитетъ министровъ* завладѣлъ всею законодательною властью», «министры подносили узаконенія прямо на утвержденіе государя о предметахъ, коихъ предварительное разсмотрѣніе принадлежало по существу своему въ государственный совѣтъ». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ законъ принималъ уже третью форму—«Высочайшаго повелѣнія». Форма эта освобождаетъ законопроектъ отъ тѣхъ формальностей, которыя долженъ пройти законъ въ собственномъ смыслѣ. «Высочайшее повелѣніе» можетъ быть дано не только письменно, но и устно; обязательность его не связана съ опубликованіемъ въ установленной для закона формѣ. Всѣмъ извѣстный примѣръ такого способа изданія закона содержитъ распоряженіе имп. Александра I, данное Военной коллегіи (14 дек. 1807): «объявляемыя генераломъ отъ артиллеріи графомъ Аракчеевымъ Высочайшія повелѣнія—считать именными Нашими указами». Многіе важнѣйшіе государственные акты послѣднихъ двухъ царствованій сдѣлались законами, вовсе не будучи проведены предварительно черезъ государственный совѣтъ.

Обращеніе къ побочнымъ органамъ законодательной власти объясняется, конечно, прежде всего высшими государственными соображеніями; но отчасти нужда въ такихъ побочныхъ каналахъ для законодательства вызывается уже самымъ устройствомъ государственнаго совѣта. «Государственный совѣтъ», замѣчаетъ авторъ извѣстной книги «Современная Россія», «образовался въ эпоху, когда требованія отъ законодательныхъ работъ были весьма незначительныя; тогда за цѣлое царствованіе не издавалось столько законовъ, сколько теперь въ одинъ годъ... Между тѣмъ въ организаціи государственнаго совѣта почти никакихъ существенныхъ перемѣнъ со времени его основанія не произошло... Въ настоящее время разсмотрѣніе нѣсколькихъ неотложныхъ проектовъ законовъ и бюджета погло-

---

шинства; въ 4 случаяхъ онъ соглашался съ мнѣніемъ одного лишь члена. Такова была практика, несмотря на формулу Сперанскаго—«внявъ мнѣнію совѣта»,—предполагавшую большинство обязательнымъ для государя. Имп. Николай на меморіяхъ государственнаго совѣта обыкновенно писалъ: «быть по мнѣнію стольких-то членовъ»; или же противъ заключенія большинства или меньшинства писалъ: «и Я». Съ заключеніемъ меньшинства онъ соглашался въ такихъ случаяхъ, когда его раздѣлялъ предсѣдатель. Чаще постановлялъ свои собственныя резолюціи».

щаетъ большую часть сессіи и не оставляетъ времени на разсмотрѣніе другихъ важныхъ предположеній». Естественно, что при этомъ условіи, по замѣчанію того же автора, «комитетъ министровъ обратился въ учрежденіе, похожее на государственные совѣты въ другихъ странахъ: здѣсь по преимуществу разсматриваются второстепенные (а въ послѣднее время и первостепенной важности) законодательные вопросы».

Но и комитетомъ министровъ не ограничивается право изданія правительственныхъ постановленій, имѣющихъ законодательный характеръ. «Въ послѣднее время», говоритъ проф. Романовичъ-Славатинскій, «предѣлы административныхъ распоряженій, исходящихъ отъ министровъ, очень расширены: многія отдѣльныя законоположенія развиваются и пополняются министерскими циркулярами; новый университетскій уставъ 1884 г., напр., представляетъ собою только общія рамки университетской организаціи, содержаніе которыхъ пополняется циркулярами министра народнаго просвѣщенія; такія же права предоставлены и другимъ министрамъ, въ особенности финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе такого широкаго современнаго значенія циркулярной функціи министровъ, особенно важное и острое значеніе получаетъ вопросъ о законности министерскихъ циркуляровъ и предписаній».

Въ эпоху реформъ императора Александра II была сдѣлана попытка устранить такое смѣшеніе дѣятельности законодательной и исполнительной власти. Въ концѣ 1858 года, по докладу барона Корфа, Высочайше повелѣно было «войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса, что именно въ нашемъ законодательствѣ должно составлять законъ (loi) и что—административное распоряженіе (ordonnance administrative)», а также «сдѣлать различіе и между самими административными распоряженіями, изъ коихъ одни утверждаются Высочайшею властью, а другія могутъ проистекать изъ власти министровъ и главноуправляющихъ или мѣстныхъ властей». Исполняя это повелѣніе, бар. Корфъ внесъ (1862) въ совѣтъ министровъ записку, въ которой утверждалъ, что различіе законовъ и распоряженій лишь тогда установится прочно, «когда самое изданіе законовъ будетъ совершаться особеннымъ, важному значенію ихъ свойственнымъ порядкомъ, черезъ законодательное учрежденіе». Онъ напоминалъ, что мысль эта не чужда и нашему законодательству, «но дѣйствіе этихъ основныхъ законовъ значительно ослаблено — частью утвердившимися у насъ въ дѣловой практикѣ обычаями, частью же и силой другихъ, несогласныхъ съ ними постановленій». Именно, «многія дѣла, въ собственномъ смыслѣ законодательныя, восходятъ къ

Высочайшей власти через другія установленія и часто получають разрѣшеніе въ формѣ, которая въ основныхъ законахъ предписана для дополненій и изъясненій закона, устанавливающихъ токмо образъ его исполненія». «Мѣры законодательныя,— говорилъ онъ,—нерѣдко содержатся въ изустныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, объявляемыхъ сенату министрами и другими уполномоченными къ тому лицами. Наконецъ, въ разныхъ положеніяхъ, наказахъ, инструкціяхъ и т. п., которые, по содержанію, принадлежатъ вообще къ категоріи административныхъ постановленій и получаютъ утвержденіе черезъ комитетъ министровъ или по непосредственнымъ всеподданнѣйшимъ докладамъ министровъ, — встрѣчаются статьи, ограничивающія, измѣняющія, а иногда и вовсе отмѣняющія дѣйствія закона». Корфъ дѣлалъ и практическія предложенія для устраненія указаннаго смѣшенія, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны министровъ юстиціи, гр. Панина и кн. Урусова. Предложенія его остались безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, полное проведеніе различія, намѣченнаго Наказомъ, и созданіе «законодательнаго учрежденія», которое бы, по выраженію Корфа, издавало законы «особеннымъ важному значенію ихъ свойственнымъ порядкомъ», — принадлежитъ еще будущему.

Не мало сдѣлано было со времени Екатерины и не мало остается еще сдѣлать и для развитія гражданскаго правосознанія въ русскомъ обществѣ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, Россія дождалась, наконецъ, 60 лѣтъ тому назадъ, первой кодификаціи русскихъ законовъ, но какой кодификаціи? Связанный необозримымъ и самымъ пестрымъ наличнымъ матеріаломъ, знаменитый творецъ Свода Законовъ составилъ свой кодексъ изъ массы обрывковъ всевозможнаго историческаго происхожденія, туземнаго и иноземнаго, древняго и современнаго; ревностный сторонникъ раздѣленія властей безнадежно смѣшалъ при этомъ настоящіе законы съ административными распоряженіями и постановленіями по отдѣльнымъ случаямъ. Сперанскій, конечно, нисколько не виноватъ въ такомъ характерѣ Свода; по желанію императора Николая, онъ долженъ былъ ограничиться на первый разъ однимъ сопоставленіемъ существующихъ законовъ, безъ всякихъ измѣненій. Въ этомъ смыслѣ «Сводъ» являлся только предисловіемъ къ настоящему «уложенію»; но этого уложенія не суждено было дождаться XIX-му вѣку. Каковъ бы онъ ни былъ, Сводъ Законовъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ; но этотъ шагъ впередъ сдѣланъ былъ только самой незначительной частью русскаго общества. До самаго послѣдняго времени о существо-

ванiи Свода знала едва десятая часть населенiя Россiи. Все русское крестьянство поневолѣ пользовалось двусмысленной привилегiей—судиться и управляться по собственному праву: что это за право, извѣстно немногимъ, но большинство было до послѣдняго времени убѣждено, что это право не то—и не должно быть тѣмъ, какимъ пользуются высшiе классы. Только на почвѣ такого убѣжденiя возможны были тѣ законодательные эксперименты надъ личностью и собственностью крестьянъ, которые не прекратились еще и въ наше время. Законъ 12-го iюля 1889 г. (о земскихъ начальникахъ) и его примѣненiе на практикѣ лучше всего характеризуютъ отношенiе закона къ крестьянской массѣ. Передъ этимъ юридическимъ положенiемъ крестьянства блѣднѣютъ тѣ слабые и медленные успѣхи въ развитiи законности, которые успѣла сдѣлать привилегированная часть русскаго общества.

Мы не будемъ останавливаться на послѣднемъ перiодѣ преобразованiя русскихъ учрежденiй, начало которому положено «эпохой великихъ реформъ» императора Александра II и который до сихъ поръ нельзя еще считать законченнымъ. Съ историческимъ прошлымъ нашихъ учрежденiй этотъ перiодъ связанъ только, какъ его полное отрицанiе—во имя требованiй государственнаго искусства и во имя успѣховъ, сдѣланныхъ общественнымъ развитiемъ. Вопреки выраженiю извѣстнаго адреса, поднесеннаго Александру II раскольниками, «старина наша» *не* «слышится въ новизнахъ», царя-реформатора; и это служитъ лучшимъ доказательствомъ соотвѣтствiя новыхъ формъ новому духу — и вмѣстѣ ручательствомъ за ихъ развитiе въ будущемъ.

Кромѣ сочиненiй, указанныхъ въ предыдущихъ отдѣлахъ, см. курсы русскаго государственнаго права *Градовскаго* (Начала русскаго государственнаго права) и *Романовича-Славатинскаго* (Система русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитiи). Характеристику учрежденiй удѣльнаго времени см. у *В. О. Ключевскаго*, Боярская дума древней Руси, гл. V. О характерѣ древнѣйшихъ московскихъ учрежденiй см. *А. Лохвицкаго*, Губернiя. Спб. 1865, и *Градовскаго*, Исторiя мѣстнаго управленiя въ Россiи. Спб. 1868. Значенiе земскихъ соборовъ, какъ способа всенароднаго поручительства, указано *В. О. Ключевскимъ*, въ статьяхъ «Составъ представительства на земскихъ соборахъ», «Русская Мысль» 1890, № 1; 1891, № 1; 1892, № 1. Общую характеристику губернской реформы Екатерины II и указанiе на связь ея съ центральными реформами Александра I см. въ поучительной статьѣ *Ѳ. М. Дмитрiева*, Сперанскiй и его государственная дѣятельность. «Русскiй Архивъ», 1868. Ср. также *М. А. Корфа*, Жизнь графа Сперанскаго. Спб. 1861, 2 тома. *В. Г. Щеглова*. Государственный совѣтъ въ Россiи, въ особенности въ царствованiе императора Александра I. Ч. I, Ярославль, 1892, и *его же*, Государственный совѣтъ въ царствованiе императора Александра I. Вып. I, Ярославль, 1895. (Значительно переработанная и дополненная вторая часть

предыдущей книги). Записка Балугьянскаго напечатана въ Бумагахъ комитета 6-го декабря 1826, изд. въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», т. 90-й. Любопытную характеристику современной дѣятельности высшихъ государственныхъ учрежденій читатель найдетъ въ «Современной Россіи (*Скальковскаго*), т. I, 3-е изд. Спб. 1891. См. еще статьи «Государственный совѣтъ», «законъ», «Именной указъ» и «Высочайшее повелѣніе» въ Энциклоп. словарѣ *Арсеньева* и *Петрушевскаго*. Споръ объ отношеніи между закономъ и распоряженіемъ раздѣляетъ современныхъ русскихъ юристовъ, нѣкоторые изъ которыхъ стараются затушевать и въ теоріи разницу, изглаживающуюся на практикѣ. См. книгу *Н. М. Коркунова*, «Указъ и законъ», Спб., 1894 г. Изъ этой книги взяты нами свѣдѣнія о запискѣ Корфа. Свѣдѣнія о кодификаціи Свода даны самимъ Сперанскимъ въ брошюрѣ «Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ», 1833; отзывъ о характерѣ этой кодификаціи см. въ Исторіи кодификаціи гражданскаго права *С. В. Пахмана*, т. 2, Спб. 1876. О «Юридическомъ положеніи крестьянъ» и о крестьянскихъ административныхъ учрежденіяхъ см. книгу *Н. Дружинина* подъ указаннымъ заглавіемъ, Спб., 1897 г.

Очеркъ четвертый. Сословный строй.

I.

Роль дворянства въ исторіи Запада. — Вопросъ о русскомъ феодализмѣ.— Недостатокъ экономической самостоятельности русскаго дворянства и его зависимость отъ службы.—Переходъ отъ вольной службы къ невольной. — Закрѣпощеніе служилаго сословія.—Судьбы русской высшей аристократіи.—Политика Грознаго и мѣстническая система.—Подготовка дворянскихъ привилегій въ XVII в. и ихъ развитіе въ XVIII в Новыя богатства высшей аристократіи.—Ихъ непрочность и развитіе дворянской задолженности.—Постепенная потеря привилегій.—Попытки ихъ воз становленія и вѣроятная судьба этихъ попытокъ.

Перейдя въ послѣднемъ очеркѣ къ изученію русской общественной организаціи, мы успѣли уже отмѣтить въ ней два составные элемента. Мы видѣли, что русское общество замыкалось сильной государственной властью сверху и опиралось на принудительную организацію общественныхъ группъ снизу. Самодержавная власть и населеніе, отданное самому себѣ на поруки, таковы двѣ историческія основы русской общественности, болѣе или менѣе несовершенно связанные системой посредствующихъ правительственныхъ органовъ. Такимъ образомъ, съ самаго возникновенія нашей общественной организаціи она была поставлена въ непосредственную связь и въ прямую зависимость отъ государственной власти. Это наблюденіе само по себѣ показываетъ, что у насъ между государствомъ и населеніемъ не успѣло сложиться никакого плотнаго непроницаемаго слоя, который бы отдѣлялъ одно отъ другого такъ, какъ это дѣлали общественныя и территоріальныя группы Западной Европы. Теперь намъ предстоитъ развить то же наблюденіе въ приложеніи къ самому матеріалу, изъ котораго слагались наши общественныя группы.

Въ Западной Европѣ между государствомъ и подданнымъ стоялъ феодалъ. Этотъ феодалъ такъ успѣшно отдѣлялъ верхъ и низъ европейскаго общества, что никакія прямыя сношенія

между ними не были возможны. Всѣ права государя надъ подданными: право судить и наказывать, право брать подати и т. д., феодалъ присвоилъ себѣ; государству стоило большого труда и многолѣтнихъ усилій вернуть эти государственныя права, захваченныя феодаломъ. Въ этой борьбѣ за власть феодалы защищали свое положеніе противъ правительства не въ одиночку, а плотной массой, заставившей государство пойти на уступки и дать боровшимся противъ него сословіямъ важныя политическія права.

По причинамъ, намъ уже отчасти извѣстнымъ, сословная жизнь Россіи сложилась совершенно иначе. Мы говорили уже о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя замедлили внутреннюю эволюцію племени, ослабили феодальные элементы и, въ концѣ концовъ, создали усиленный ростъ государственности (стр. 144). Центральнымъ фактомъ при всемъ этомъ объясненіи мы признали фактъ отсутствія сильной туземной аристократіи. Вся исторія русскаго дворянства является подтвержденіемъ этого нашего наблюденія.

Какъ мы знаемъ, въ Европѣ крупное землевладѣніе, возникшее на развалинахъ племеннаго быта (прежде чѣмъ оно было обновлено и усилено королевскими пожалованіями) было той силой, которая дала основу могуществу феодальной аристократіи. Опираясь на свои земельныя богатства, это сословіе могло чувствовать себя сильнымъ и независимымъ. И у насъ на Руси, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ владѣніе землей давало богатство, оно давало также силу и независимость высшему сословію: такъ было на русскомъ и польскомъ юго-западѣ. Но на сѣверо-востокѣ обстоятельства сложились иначе. При крайней первобытности экономическаго развитія, при рѣдкости и бродячемъ состояніи рабочаго населенія, при полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства и невозможности сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, владѣніе землей, естественно, не давало значительнаго дохода землевладѣльцу. Поэтому высшее сословіе и не особенно дорожило землей въ древней Руси. Помимо хозяйственной эксплуатаціи своей «боярщины», своего наслѣдственнаго участка, русскій землевладѣлецъ искалъ болѣе выгоднаго занятія на сторонѣ, — и онъ находилъ это занятіе въ службѣ при князѣ. Такимъ образомъ, создался своего рода отхожій промыселъ, которымъ занималось цѣлое сословіе «вольныхъ слугъ», не признававшихъ при этомъ никакихъ политическихъ дѣленій удѣльной Руси и свободно странствовавшихъ изъ удѣла въ удѣлъ, отъ князя къ князю.

Въ самомъ дѣлѣ, покидая свою «вотчину», русскій землевладѣлецъ ничего не терялъ, а выигрывалъ очень многое. Въ своей вотчинѣ онъ никогда не былъ тѣмъ полнымъ государемъ,

судьей и правителемъ, какимъ былъ западный баронъ въ своей бароніи; чиновники мѣстнаго князя, его судьи, сборщики податей всегда безпрепятственно проникали въ предѣлы владѣній русскаго вотчинника. Тѣ ограниченныя выгоды, которыя онъ получалъ отъ владѣнія своей вотчиной, онъ все равно сохранялъ и въ томъ случаѣ, если даже уходилъ на службу не къ своему, а къ чужому князю, въ чужой удѣлъ. Въ средневѣковой Россіи не было того феодальнаго принципа, по которому землевладѣлецъ есть въ то же время и вассалъ того «сюзерена», въ области котораго находится его земля. Землевладѣлецъ, правда, платилъ ему подати, но вовсе не былъ обязанъ военной службой именно ему. Въ литовской Руси, гдѣ условія были болѣе похожи на западный феодализмъ, земля отбиралась у собственника, если онъ уходилъ служить чужому сюзерену. Но и тамъ иногда собственникъ могъ свободно идти на чужую службу, если только формально оговаривалъ это свое право въ своемъ договорѣ съ сюзереномъ. Въ сѣверо-восточной Руси право свободной службы разумѣлось само собой, безъ всякаго договора. «Боярщина» была не феодальнымъ участкомъ, а полной земельной собственностью, не стѣсненной феодальнымъ подчиненіемъ мѣстному государю. Такъ, напр., еще въ серединѣ XVI столѣтія въ четырехъ станахъ бывшаго княжества Тверскаго (уже присоединеннаго къ Москвѣ) было 574 частныхъ собственника. Но изъ нихъ только 230 находились на службѣ московскаго князя; 60 служили тверскому архіерею, 46— тремъ представителямъ боковой линіи тверскихъ князей, а 150 *не служили никому*. Такимъ образомъ, подчиненіе и служба устанавливались добровольно; и обыкновенно, въ договорахъ между собою, князья условливались не отнимать земель у такихъ вольныхъ «слугъ», переходившихъ отъ одного изъ нихъ къ другому.

Такимъ образомъ, владѣніе землей въ средневѣковой Руси не давало владѣльцу политическихъ правъ, но зато и не стѣсняло его въ выборѣ занятія. Если онъ всетаки выбиралъ военную службу, то не потому, что былъ къ ней обязанъ, а потому что это было выгоднѣе, чѣмъ оставаться дома. Поступивши на службу къ князю,—своему или чужому, землевладѣлецъ могъ разсчитывать получить въ свое пользованіе хотя бы часть тѣхъ государственныхъ правъ, которыхъ онъ былъ лишенъ, какъ простой хозяинъ вотчины. Свой князь могъ передать ему часть своихъ верховныхъ правъ въ его собственной «боярщинѣ», т. е. установить для него болѣе или менѣе широкій «иммунитетъ»; чужой князь, кромѣ непосредственныхъ выгодъ службы, давалъ особенно важ-

нымъ и сильнымъ «слугамъ» часть своихъ доходовъ, связанныхъ съ управленіемъ, судомъ въ какомъ-нибудь городкѣ или волости во временное *«кормленіе»*. Итакъ, тѣ права, которыми западный землевладѣлецъ пользовался, какъ самостоятельный хозяинъ и какъ обязательный вассалъ своего обязательнаго сюзерена, нашъ землевладѣлецъ могъ получить только какъ чиновникъ, на службѣ добровольно выбраннаго имъ князя. Естественно, что при такихъ условіяхъ землевладѣльческое сословіе могло имѣть значеніе не какъ сословіе самостоятельное, а какъ «служилое». Поэтому-то, когда начало складываться и быстро рости Московское государство, не оказалось на лицо землевладѣльческаго класса, который могъ бы противустать государству, какъ самостоятельная сила,— съ которымъ надобно было бы считаться. Этотъ классъ послужилъ только неорганической массой, сырымъ матеріаломъ, который государство употребило для возведенія своей собственной постройки.

Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ усиленія центральнаго «государства», положеніе владѣльцевъ старыхъ «боярщинъ» измѣнилось къ худшему. Прежній вольный хозяинъ, свободно покидавшій свою вотчину, теперь не могъ уже, какъ прежде, выбирать между князьями; князь и государь всей Руси былъ теперь одинъ, и отношенія къ нему бывшаго «вольнаго» слуги быстро становятся подневольными. Военная служба становится обязательной и обязательство это связывается съ владѣніемъ земельнымъ участкомъ. Мы видѣли, что система эта вводится совершенно независимо отъ старыхъ вольныхъ «боярщинъ». Земельные участки прямо начинаютъ раздаваться вновь, подъ прямымъ условіемъ военной службы. Мы знаемъ также, что система эта, основанная на идеѣ верховныхъ правъ государя на всѣ земли, примѣнялась вездѣ на византійско-турецкомъ и славянскомъ востокѣ, откуда, вѣроятно, и была заимствована Москвой въ концѣ XV вѣка. Конечно, и прежде существовали въ средневѣковой Руси участки, которые давались князьями во временное владѣніе за службу; но служба эта была *дворовая*, не *военная*. Теперь, когда государю объединенной Руси впервые понадобилось постоянное войско въ значительномъ количествѣ, примѣнена была въ широкихъ размѣрахъ и система раздачи *военныхъ* участковъ («помѣстій»). Примѣненіе ея должно было измѣнить къ худшему и то положеніе «вольныхъ слугъ», о которомъ говорилось выше.

Чтобы сразу создать новую постоянную армію «помѣщиковъ», нужны были два условія: во-первыхъ, достаточное количество свободныхъ земель для раздачи въ военные участки; во-вторыхъ,

достаточное количество «слугъ», готовыхъ сдѣлаться «помѣщиками». Въ центральныхъ мѣстностяхъ Россіи земли или находились въ частной собственности или служили уже потребностямъ княжескаго *дворцоваго* хозяйства, поставляя ему хлѣбъ, рыбу, медъ и т. д., а также обезпечивая содержаніе дворцовыхъ чиновниковъ и управителей. Но тотъ же самый процессъ объединенія Руси, который создалъ нужду въ постоянной арміи, далъ и новыя средства завести эту армію. Иванъ III воспользовался только-что пріобрѣтенными новгородскими землями для сформированія новаго военнаго класса. Въ 1484 г. онъ насильственно лишилъ собственности болѣе 8.000 крупныхъ и мелкихъ прежнихъ землевладѣльцевъ, и переселилъ на ихъ участки новыхъ временныхъ владѣльцевъ, обязанныхъ регулярной военной службой. Чтобы набрать сразу такое большое количество новыхъ военныхъ слугъ, онъ просто взялъ ихъ изъ «дворовъ» зависимыхъ отъ него владѣтельныхъ князей и крупныхъ собственниковъ, лишивъ ихъ, такимъ образомъ, ихъ военныхъ свитъ. Такимъ образомъ, этотъ низшій служилый слой «дворянъ» послужилъ главнымъ матеріаломъ для созданія новаго, зависимаго служилаго класса «помѣщиковъ». Старые «вольные слуги», свободные владѣльцы «боярщинъ», наслѣдственныхъ земельныхъ участковъ—этимъ самымъ были оттѣснены на второй планъ. До половины XVI вѣка, представители этого стараго служилаго класса, «дѣти боярскіе», еще удерживали свое соціальное первенство передъ новымъ классомъ «дворянъ». Но за эти полвѣка оба слоя мало-по-малу фактически перемѣшались; правительство тѣмъ временемъ уравняло и ихъ служебныя обязанности, такъ что около 1550 года оказалось возможнымъ сдѣлать новый «выборъ» лучшихъ слугъ изъ обоихъ слоевъ и помѣстить отборную «тысячу» кругомъ Москвы, давъ имъ «помѣстья» на разстояніи не дальше ста верстъ отъ столицы и обязавъ ихъ спеціальной Московской службой. Лѣтъ пятнадцать спустя, повидимому предпринята была третья мѣра, столь же рѣшительная, какъ двѣ первыя. Владѣнія старыхъ «вотчинниковъ» въ недавно присоединенныхъ областяхъ, особенно болѣе крупныя изъ нихъ, были еще разъ экспропріированы. Правительство Ивана IV употребило ихъ опять на раздачу въ военные участки новымъ, болѣе надежнымъ людямъ изъ Москвы, которые стояли въ особенно тѣсной связи съ «дворомъ» государевымъ, рѣзко отдѣленнымъ въ тѣ годы отъ всей остальной «земщины». Послѣ этихъ реформъ, соціальное положеніе новыхъ «дворянъ» и старыхъ «дѣтей боярскихъ» окончательно перемѣняется: дворяне составляютъ высшій слой — и

впослѣдствіи дают свое имя всему служилому классу: тогда какъ дѣти боярскія опускаются внизъ и служатъ свою службу исключительно въ провинціи: до государева двора и даже до службы въ столичныхъ полкахъ ихъ съ этихъ поръ не допускаютъ.

Такимъ образомъ сложился, въ промежутокъ времени отъ Ивана III до Ивана IV (1484—1584) классъ московскихъ служилыхъ людей. Ихъ служебныя обязанности со времени Ивана IV точно соразмѣряются съ величиной земельнаго участка и правительство строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы земля «изъ службы не выходила». Какъ только умираетъ или перестаетъ быть годнымъ къ службѣ старый «помѣщикъ», правительство тотчасъ отбираетъ у него помѣстье и передаетъ или взрослому сыну, или, если такого нѣтъ, кому-нибудь другому, способному къ службѣ; вдова и дочери получаютъ только небольшой клочекъ помѣстья, «въ прожитокъ», т. е. въ пенсію, вдова до смерти, а дочери до 15 лѣтъ. Только позднѣе, въ XVII в., правительство становится сговорчивѣе и соглашается «справлять», помѣстье за вторымъ мужемъ вдовы или за женихомъ дочери; только тогда же оно соглашается ждать, пока выростутъ малолѣтнія дѣти стараго помѣщика, и въ ожиданіи этого не «отписывать» его помѣстья на «государя». Всего характернѣе, что, опредѣливши самымъ точнымъ и строгимъ образомъ обязанности служилаго человѣка, получившаго «помѣстье», правительство очень быстро распространяетъ эти обязанности и на старое свободное владѣніе, на «вотчину»; оно заставляетъ служилаго человѣка точно такъ же служить съ вотчины, какъ онъ служитъ съ помѣстья; и самое помѣстье дается служилому человѣку только тогда, когда у него нѣтъ вотчины или когда она слишкомъ мала. Такимъ образомъ, самое основное различіе вотчины отъ помѣстья, какъ *свободной* собственности отъ *условной*, къ XVII вѣку совершенно уничтожается: старый вольный слуга окончательно становится невольнымъ; его отношенія къ правительству становятся вполнѣ принудительными. Помѣщикъ и вотчинникъ прикрѣпляются къ государственной службѣ точно такъ же, какъ крестьянинъ прикрѣпляется къ податному тяглу. Прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу обезпечиваетъ, какъ мы видѣли, потребность государства въ деньгахъ; прикрѣпленіе служилаго человѣка къ службѣ обезпечиваетъ потребность въ войскѣ. Какъ крестьянину, так и помѣщику, въ серединѣ XVII вѣка, правительство окончательно запрещаетъ свободный выходъ изъ своего сословія въ другое. Чтобы крестьянинъ не ушелъ изъ тяглой общины, правительство связываетъ членовъ общины круговой порукой; такая же порука требуется и отъ помѣщиковъ,

записанныхъ въ службу по одному и тому же уѣзду, съ той только разницею, что здѣсь не всѣ помѣщики уѣзда ручаются другъ за друга, а, напр., за Иванова ручается Петровъ и Васильевъ,—за Васильева — Ивановъ и Алексѣевъ, за Алексѣева—Петровъ и Ивановъ и т. п. Какъ крестьянская община, такъ и дворянское общество имѣетъ своихъ выборныхъ представителей, но не для того, чтобы осуществлять какія-нибудь права, а чтобы помогать правительству правильно распредѣлять лежащія на нихъ обязанности, Крестьянскій выборный староста разлагаетъ подати между членами тяглой общины; дворянскій выборный «окладчикъ» опредѣляетъ количество и качество военной службы, какую долженъ нести каждый изъ уѣздныхъ дворянъ.

Итакъ,—повторяемъ это еще разъ—въ удѣльной Руси не было зародышей для образованія дворянства, какъ привилегированнаго класса, и поэтому Московская Русь безъ малѣйшаго труда превратила вольнаго удѣльнаго землевладѣльца въ крѣпостного служилаго человѣка. Но въ удѣльной Руси былъ другой элементъ, болѣе пригодный для развитія аристократіи: это сами удѣльныя князья, очутившіеся подъ властью великаго князя московскаго. Что сталось съ этимъ элементомъ послѣ объединенія Руси?

Перейдя на службу Москвы, нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей долго сохраняли свои государственныя права надъ старыми своими удѣлами; въ Москву они привезли свѣжія удѣльныя воспоминанія, и на нѣкоторое время московскій дворъ получилъ такой аристократическій отпечатокъ, какого онъ никогда не имѣлъ ни прежде, ни послѣ. Но не надолго удалось Гедиминовичамъ и Рюриковичамъ оттѣснить старыхъ нетитулованныхъ «слугъ» московскихъ государей. Монархическая власть, въ лицѣ Іоанна Грознаго, начала систематическую борьбу противъ опаснаго для нея соціальнаго элемента; борьба эта велась съ неумолимой послѣдовательностью и закончилась быстро—совершеннымъ пораженіемъ и даже истребленіемъ титулованнаго боярства. Первымъ шагомъ въ этой борьбѣ было окончательное прикрѣпленіе князей къ московской службѣ и уничтоженіе послѣднихъ остатковъ свободнаго отъѣзда. «Ты затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердынѣ», жалуется Курбскій Грозному на него самого; «кто поѣдетъ изъ твоей земли въ чужую, того ты называешь измѣнникомъ, а если поймаютъ его на границѣ, то ты казнишь его разными смертями». Чтобы предупредить княжескіе отъѣзды, власть и здѣсь прибѣгла къ системѣ поручительства. Главные бояре связаны были огромными неустойками, которыя должны были уплатить въ случаѣ

побѣга одного изъ членовъ высшей боярской аристократіи. Напримѣръ, за побѣгъ князя Серебрянаго имъ пришлось бы уплатить около 1½ милл. руб. на наши деньги; за князя Мстиславскаго — около 1.200.000; побѣгъ одного изъ двухъ братьевъ Воротынскихъ стоилъ бы поручителямъ немногимъ меньше милліона, и болѣе полумилліона имъ пришлось бы внести за князя Бѣльскаго, за бояръ Шереметева и Яковлева. Заперевъ, такимъ образомъ, бояръ въ московскую ловушку, съ ними можно было уже не церемониться. Источникъ ихъ силы заключался въ томъ, что они сохраняли владѣтельныя права въ своихъ удѣлахъ и вотчинахъ. Слѣдовательно, второй шагъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы отобрать у нихъ эти старыя вотчины. До двадцати такихъ вотчинъ, отобранныхъ у князей, Грозный перечисляетъ въ своемъ завѣщаніи. Взамѣнъ наслѣдственныхъ владѣній — «княжатамъ» жаловались земли гдѣ-нибудь на противоположномъ краю Россіи, въ мѣстностяхъ, съ которыми они не были уже связаны никакими историческими воспоминаніями. Но и этой конфискаціей или мѣной владѣній не ограничилась политика Грознаго. Третій и послѣдній шагъ этой политики заключался въ томъ, что царь прямо началъ «губить» знатнѣйшія фамиліи губить не по личной прихоти и враждѣ, а изъ той же политики, и не отдѣльныхъ лицъ той или другой фамиліи, а по возможности всѣхъ представителей каждаго рода, — «всеродно», по выраженію Курбскаго. Такъ погибли Прозоровскіе и Ушатые, «понеже имѣли вотчины великія», и Воротынскій съ Одоевскимъ, потому что «тѣ княжата были еще на своихъ удѣлахъ, и веліи вотчины подъ собою имѣли». Немногихъ уцѣлѣвшихъ потомковъ старинныхъ фамилій—преемники Грознаго соглашались терпѣть, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе представители этихъ фамилій не женились и не имѣли потомства. При этихъ условіяхъ въ какіе-нибудь полвѣка безъ остатка вымерло большинство княжескихъ боярскихъ родовъ, которые сообщали блескъ московскому двору первой половины XVI столѣтія. На мѣсто Щенятевыхъ, Патрикѣевыхъ, Шуйскихъ, Мстиславскихъ являются въ Боярской Думѣ XVII столѣтія новые, не «родословные», люди, всецѣло созданные царской службой. Съ удивительной быстротой исчезаютъ и старыя удѣльныя имущества этой аристократіи. До насъ дошелъ списокъ служилыхъ владѣній, составленный при самомъ воцареніи новой династіи, въ 1613 г. Здѣсь еще много старыхъ знаменитыхъ именъ, но очень мало прежнихъ крупныхъ имѣній. Только кн. Мстиславскій владѣетъ 49 тысячами десятинъ,—но разбросанными въ различныхъ уѣздахъ,—да князю Трубецкому принадлежатъ 23½ ты-

сячи десятинъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не больше 3 тысячъ приходится на долю старыхъ вотчинъ «въ Трубческѣ и на Рязани». Далѣе слѣдують 5 крупныхъ имѣній отъ 14 до 7½ тыс. десятинъ; но рядомъ съ князьями Воротынскимъ и Черкасскимъ мы встрѣчаемъ въ этой группѣ владѣльцевъ—новыхъ людей, Шереметева, Романова и Морозова. Коренныхъ Гедиминовичей и Рюриковичей, Голицыныхъ и Куракиныхъ, Одоевскихъ и Масальскихъ, Прозоровскихъ и Сицкихъ—находимъ лишь въ слѣдующей группѣ имѣній (10) отъ 7 до 5 тыс. десятинъ. Здѣсь иногда встрѣчаемъ еще и слѣды старыхъ прадѣдовскихъ владѣній (напримѣръ, въ Масальскѣ). Но и эти послѣдніе остатки княжескихъ вотчинъ не переживаютъ даже средины XVII вѣка. Отъ 1647 года сохранился другой списокъ высшихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, правда, не полный. Во главѣ здѣсь стоятъ Н. И. Романовъ, владѣющій семью тысячами дворовъ, и Б. И. Морозовъ—владѣющій шестью тысячами. Дальше идутъ кн. Я. К. Черкасскій съ пятью и Ѳ. И. Шереметевъ—съ 2.800 дворами. Изъ остальныхъ перечисленныхъ въ спискѣ лицъ—восемь человѣкъ (въ томъ числѣ только три князя) владѣютъ отъ 2½ до одной тысячи, и десять человѣкъ—отъ 1.000 до 500 дворовъ. Проходитъ еще полвѣка, и новыя земельныя богатства оказываются такими же недолговѣчными, какъ старыя. Сохранился списокъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ не меньше 100 дворовъ и строившихъ Петру I въ складчину его первые корабли (1698). Судя по этому списку, только одинъ наслѣдникъ кн. Черкасскаго, М. Я. Черкасскій увеличилъ свое отцовское имѣніе до десяти тысячъ дворовъ. Романовы и Морозовы исчезаютъ изъ списка, ихъ мѣсто замѣняютъ новые случайные люди, Нарышкины (накопившіе 12 тыс. дворовъ на троихъ) и Лопухины. Отъ двухъ до одной тысячи дворовъ имѣютъ къ концу XVII вѣка только 15 человѣкъ, отъ 1.000 до 500 дворовъ—56 человѣкъ, отъ 500 до 100—460. Еще болѣе поучительное зрѣлище представится намъ, если отъ этихъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ перейдемъ къ мелкопомѣстному дворянству русской провинціи: мы встрѣтимъ тутъ цѣлыя гнѣзда однофамильцевъ, носящихъ славныя нѣкогда имена, но ко времени Петра раздробившихъ свои вотчины на мелкіе куски между размножившимися наслѣдниками. Перебирая одну за другой эти крошечныя деревни, по нѣскольку десятковъ дворовъ, и находя чуть не въ каждой изъ нихъ по нѣскольку совладѣльцевъ-однофамильцевъ, мы начинаемъ понимать, что законъ Петра о единонаслѣдіи (1714) направленъ былъ противъ очень реальныхъ и очень далеко пошедшихъ послѣдствій русскаго обычая—дѣ-

лить недвижимость поровну между наслѣдниками. Законъ оказался безсиленъ совладать съ вѣковымъ обычаемъ; послѣ Петра, какъ и при немъ, какъ и до него—дробленіе земли совершалось неудержимо, разрушая крупныя владѣнія случайныхъ людей, какъ оно разрушило нѣкогда княжескія вотчины Гедиминовичей и Рюриковичей. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшее изслѣдованіе по этому вопросу показало, что паденіе княжескихъ вотчинъ было столько же, если не больше, результатомъ свободы завѣщанія, отчужденія и даренія, сколько и результатомъ нивеллирующей политики Грознаго. Русская аристократія является въ этомъ отношеніи полной противоположностью англійской, добровольно и сознательно отказавшейся отъ свободы завѣщанія и на обычаѣ майората основавшей свою соціальную силу.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ своихъ преимуществъ высшая аристократія сохранила только одно: свое служебное положеніе при московскомъ дворѣ. Иногда говорятъ, однако же, что, по крайней мѣрѣ, служебныя права аристократіи уважались московскимъ правительствомъ, вникавшимъ въ ея взаимные счеты и принимавшимъ ихъ въ соображеніе при служебныхъ назначеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что фактически это далеко не всегда такъ бывало,—посмотримъ, что значили сами по себѣ эти взаимные счеты. Тутъ мы встрѣчаемся съ новымъ различіемъ между русской служилой аристократіей и независимой аристократіей Западной Европы. Европейская аристократія въ основу своего понятія о дворянской сословной части полагала идею дворянскаго равенства, *перства*. Въ Москвѣ служилая «честь» измѣрялась государевымъ жалованьемъ, различнымъ для всякаго, и вмѣсто понятія перства, поддерживавшаго корпоративный духъ и создавшаго цѣльность западной аристократіи,—выработалась своеобразная система *мѣстничества*. Всѣмъ извѣстно, что мѣстничество основывалось на родовыхъ счетахъ, возникавшихъ при назначеніяхъ на службу; члены одного рода не хотѣли служить подъ начальствомъ членовъ другого рода, если при прежнихъ назначеніяхъ они не бывали ниже послѣднихъ. При такомъ общемъ представленіи о мѣстничествѣ легко понять дѣло такъ, что цѣлые роды спорили съ цѣлыми родами, считая себя выше ихъ;—что стало быть, все родовое московское боярство располагалось по своему значенію при дворѣ въ извѣстнаго рода лѣстницу, ступенями которой были цѣлые роды, отъ высшаго къ низшему. При такомъ понятіи, мѣстничество, конечно, противополагается идеѣ перства, какъ система единицъ, изъ которыхъ ни одна не была равна другой, — такой системѣ, въ которой всѣ единицы

равны. Но *каждая отдѣльная* единица мѣстнической системы, отдѣльный родъ, все же представляла бы собою при этомъ аристократическій элементъ, знакомый и Западу. На дѣлѣ различіе съ Западомъ идетъ дальше. Рюриковичи и Гедиминовичи съѣхались въ Москву такъ быстро и въ такомъ количествѣ, что не было никакой возможности сообразить, какой родъ долженъ стать выше и какой ниже, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительности ихъ права на вниманіе московскаго князя были не настолько различны, разница въ удѣльномъ вѣсѣ не такъ велика, чтобы каждый родъ могъ получить особое, по праву ему принадлежащее положеніе. За отсутствіемъ этихъ внутреннихъ признаковъ сравнительнаго достоинства *цѣлаго* рода, каждому члену рода приходилось зорко слѣдить за *внѣшними* признаками своего *личнаго* положенія среди сослуживцевъ и цѣпко хвататься за отношеніе, разъ установившееся между нимъ и сослуживцами изъ другого рода. Если А и Б были назначены на мѣста равныя по достоинству, то разъ навсегда устанавливалось, что и сами они равны другъ другу; но это вовсе не означало, что равны и ихъ роды. Сынъ А считалъ себя уже ниже Б, а отецъ А выше Б; все дѣло, стало быть, сводилось къ тому, чтобы установить личное отношеніе каждаго члена одного рода къ каждому члену другого и этимъ опредѣлить *личное* право каждаго на то или другое мѣсто. Какъ видимъ, родовые счеты были при всемъ этомъ не цѣлью, а только средствомъ; чтобы опредѣлить взаимное отношеніе двухъ спорящихъ лицъ, надо было высчитать ихъ отношеніе къ лицамъ, когда-нибудь прежде назначеннымъ на службу вмѣстѣ: надо было, какъ тогда выражались, узнать, «кто каковъ въ своемъ родѣ». Итакъ, оригинальную систему русскаго мѣстничества не надо представлять себѣ, какъ лѣстницу родовъ въ нисходящемъ порядкѣ по ихъ «родословности», а скорѣе какъ параллельный рядъ поколѣнныхъ росписей, съ помощью которыхъ высчитывалось служебное положеніе каждаго члена каждой росписи относительно всякаго другого (предполагая нѣкоторыхъ представителей каждой изъ этихъ росписей равными другъ другу). При такомъ пониманіи и послѣдній элементъ мѣстнической системы, который можно бы было считать аристократическимъ,—единство рода,—разрушается: родъ разлагается на свои отдѣльные атомы. Итакъ, и здѣсь, въ высшихъ слояхъ, служба, одна только служба опредѣляла положеніе нашей старинной аристократіи. Такимъ образомъ, московскіе государи не только спокойно могли признавать мѣстническіе права своихъ «служилыхъ людей» и бояръ; мѣстническіе счеты становились

даже въ ихъ рукахъ новымъ средствомъ самодержавной политики. Какъ мы только что видѣли, эти счеты не объединяли, а напротивъ, раздѣляли аристократію, поступившую на московскую службу: взаимная борьба за «государево жалованье» дробила высшій классъ на отдѣльные \атомы и лишала его послѣдней возможности объединиться. Недаромъ иностранные наблюдатели (Флетчеръ и Горсей) говорятъ намъ, что царь систематически сѣялъ вражду между знатью и что между отдѣльными членами высшаго класса существовало взаимное недовѣріе. Мы не имѣемъ на этотъ разъ собственнаго признанія царя, но послѣ всего сказаннаго не трудно предположить, что Грозный царь сознательно пользовался знаменитымъ политическимъ правиломъ макіавелизма: «разъедини и властвуй».

Мы разсмотрѣли теперь два періода въ исторіи русскаго дворянства и нашли, что въ оба періода значеніе дворянства основывалось на службѣ сперва вольной, потомъ невольной. Ни въ тотъ, ни въ другой періодъ дворянство не было привилегированнымъ сословіемъ. Во 2-й періодъ близко къ этому положенію было титулованное боярство. Но оно не было проникнуто сословнымъ духомъ, не составляло цѣлаго, заботилось только о личныхъ выгодахъ службы. Притомъ же оно скоро растеряло свои наслѣдственныя земли, а вслѣдъ за тѣмъ лишилось и своего стараго «родословнаго» ядра, вымершаго безъ остатка или захудавшаго и уцѣлѣвшаго лишь въ младшихъ линіяхъ. Одновременно съ распаденіемъ боярства въ томъ же 2-мъ періодѣ создалась, однако, на болѣе широкомъ фундаментѣ компактная масса рядового провинціальнаго дворянства. Этому нижнему слою суждено было въ третьемъ періодѣ сдѣлаться настоящимъ привилегированнымъ сословіемъ. Какъ ни странно, такое привилегированное положеніе подготовлено было для провинціальнаго дворянства XVIII вѣка самыми условіями его прикрѣпощенія въ XVII вѣкѣ. Мы только что видѣли, какъ правительство распространяло *служебныя обязанности* дворянства съ помѣстій на вотчины. Эта мѣра оказалась въ результатѣ обоюдоострой, такъ какъ дворяне, въ то же время и съ помощью того же правительства, распространили свои *владѣльческія права* въ обратномъ направленіи—съ вотчинъ на помѣстья. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ правительство обезпечило себѣ дворянскую службу одинаково съ помѣстій и вотчинъ, оно могло уже спокойно смотрѣть на то, какъ помѣстья постепенно высвобождались изъ подъ прежнихъ ограничительныхъ тисковъ, какъ они начинали удерживаться за родомъ въ женской и въ боковой линіяхъ, пе-

реходить по наслѣдству и т. д. Такимъ образомъ, XVII вѣкъ подготовилъ совершившееся въ XVIII вѣкѣ сліяніе разныхъ родовъ дворянскаго землевладѣнія въ одну категорію недвижимыхъ имуществъ, владѣемыхъ на правѣ полной собственности.

Другая сторона дѣла, точно также подготовившая привилегированное положеніе дворянства въ XVIII вѣкѣ, была еще важнѣе. Дворянское землевладѣніе выиграло не только въ юридическомъ отношеніи: оно выиграло также и по отношенію къ экономическому положенію дворянской собственности. Мы говорили, что земля сама по себѣ мало цѣнилась въ древней Руси; главную цѣнность составлялъ прилагавшійся къ землѣ рабочій трудъ. Возложивши на служилое сословіе обязательную службу, правительство должно было дать ему за это нѣкоторую экономическую обезпеченность. Для этой цѣли оно, какъ мы видѣли, чрезвычайно облегчило податныя тягости дворянскихъ земель; для того же, когда потребность въ рабочихъ рукахъ стала особенно сильно чувствоваться дворянствомъ, правительство закрѣпило за нимъ эти рабочія руки (ср. слѣд. главу).

Итакъ, двѣ главныя основы, сообщившія сословную силу дворянству XVIII вѣка, сложились въ XVII в.: основа юридическая, полнота дворянской собственности на землю, и основа экономическая—даровой трудъ крѣпостного крестьянства. Фундаментъ дворянскихъ привилегій былъ, такимъ образомъ, заложенъ; недоставало сословной организаціи, которая дала бы дворянству сознаніе единства сословныхъ интересовъ.

XVIII вѣкъ далъ дворянству и эти недостававшіе ему элементы сословности. Обязательная служба, проходившаяся богатѣйшими дворянами въ петербургской гвардіи, роль этой гвардіи въ политическихъ событіяхъ времени, въ рядѣ дворцовыхъ переворотовъ, воспитали въ дворянствѣ сословный духъ и сознаніе своей силы; а затѣмъ и результаты этого сознанія не замедлили сказаться. Дворянство сохранило за собою пріобрѣтенныя права, но освободилось отъ обязанностей. Служба перестала быть обязательной: «благородное россійское шляхетство» перестало быть служилымъ сословіемъ. Помимо этого освобожденія отъ обязательной военной службы, дворянство присоединило при Екатеринѣ II къ своимъ прежнимъ правамъ—сословную организацію и получило первенствующую роль въ областномъ управленіи. Впервые въ сословной жизни Россіи явилось нѣчто похожее на Западъ: привилегированное сословіе *).

*) Подробнѣе о политической роли дворянства въ государственной политикѣ московскаго и петербургскаго періода см. III-ю часть «Очерковъ».

Вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ цѣлаго сословія выиграла чрезвычайно передовая часть его: цѣлая масса крупныхъ богатствъ составилась вновь путемъ пожалованія населенныхъ имѣній. При императрицѣ Екатеринѣ II роздано было около 800.000 душъ обоего пола, т.-е. ежегодно переходило во владѣніе дворянъ, среднимъ числомъ, по 23.400 душъ; при императорѣ Павлѣ эта ежегодная цифра поднялась до 120.000 душъ обоего пола, а всего было роздано около 530.000 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, вторая половина прошлаго столѣтія была золотымъ вѣкомъ въ исторіи русскаго дворянства. Но весь этотъ блескъ оказался въ высшей степени непроченъ, и придворное дворянство XVIII вѣка оказалось такъ же недолговѣчно, какъ бюрократическое дворянство XVII в. и титулованное дворянство XVI вѣка. Крупныя состоянія на Руси наживались чрезвычайно быстро и случайно, но также быстро и проживались, благодаря расточительности владѣльцевъ. Большіе капиталы поддерживаются и растутъ только тамъ, гдѣ существуетъ быстрое денежное обращеніе и значительное экономическое развитіе, т.-е. какъ разъ при томъ условіи, котораго у насъ не существовало. Безумная роскошь петербургскихъ богачей и полные сундуки золота и драгоцѣнностей, удивлявшіе иностранцевъ, въ ихъ кладовыхъ, лучше, чѣмъ что-либо другое, доказывали бѣдность Россіи; капиталъ некуда было приложить при тогдашнемъ ея состояніи. Земледѣльческое хозяйство, главная основа дворянской силы, велось безъ всякаго приложенія капитала, съ помощью дарового труда. При оцѣнкѣ дворянскихъ имуществъ земли обыкновенно вовсе не считали, какъ особой цѣнности; стоимость имѣнія опредѣлялась количествомъ душъ. Въ теченіе вѣка цѣна крѣпостной души значительно поднялась: въ началѣ XVIII столѣтія нужно было заплатить за душу 90 рублей на наши деньги, въ срединѣ— до 270 рублей, а въ концѣ до 500 рублей. Повидимому, такое вздорожаніе рабочаго труда должно было бы свидѣтельствовать о значительномъ подъемѣ промышленной жизни; но въ этомъ подъемѣ собственная дѣятельность помѣщика не играла никакой роли: онъ только воспользовался этимъ результатомъ для увеличенія личнаго комфорта *).

Небрежное отношеніе къ хозяйству было традиціей служилаго

*) Притомъ вздорожаніе имѣній парализовалось ихъ раздѣломъ между наслѣдниками. Только въ исключительныхъ случаяхъ цѣлость крупныхъ имѣній сохранялась въ рядѣ поколѣній (какъ, напримѣръ, въ родѣ Шереметевыхъ, Строгоновыхъ, Юсуповыхъ).

класса,—сохранившейся и послѣ того, какъ дворянство было освобождено отъ военной службы. Правда, дворянство воспользовалось свободой, чтобы поселиться въ провинціи, которая зажила съ этого времени новой жизнью (ср. Очерки, III часть). Но это не значитъ, что помѣщикъ увлекся прелестями сельской жизни. Картина, которую рисуетъ намъ Щербатовъ, (1778) ничего не имѣетъ общаго съ деревенской идилліей. «Помѣщики изъ дѣтства отдалены отъ своихъ деревень, худо понимаютъ всѣ тонкости земледѣлія, кладутъ свои деревни на оброкъ, получаютъ великіе доходы, пребываютъ въ службѣ, живутъ или по опредѣленіямъ въ мѣста, или по выборамъ, въ городахъ, не имѣя ни времени, ни удобности войти во всѣ потребности домостройства; а иные, ради удовольствія своего, и безъ привязанности къ должности то же дѣлаютъ. Наконецъ, бѣдные дворяне, которые до сего наиболѣе прилежали къ земледѣлію, бывъ должностями отвлечены и получая болѣе жалованья, нежели бы могли доходовъ съ деревень получить, малыя свои селенія оставляютъ, и не токмо сами, но и съ людьми своими, которые во время ихъ пребыванія въ деревняхъ пахали, и самыя лошади, служащія къ упользованію и обработыванію ихъ полей, живутъ съ ними въ городахъ». Какъ видимъ, помѣщикъ не пересталъ быть служилымъ человѣкомъ и послѣ оффиціальнаго освобожденія отъ военной службы. Онъ только приноровился къ новымъ условіямъ службы: перешелъ, такъ сказать, изъ министерства военнаго въ министерство внутреннихъ дѣлъ—на службу по вновь открывшимся губернскимъ должностямъ. Во всякомъ случаѣ, помѣщикъ по прежнему продолжалъ быть увѣреннымъ, что правительство *должно* дать ему службу и должно позаботиться объ его матеріальномъ обезпеченіи.

Даровой доходъ въ такой степени избаловалъ русское дворянство, что когда, во второй половинѣ XVIII вѣка, явились кредитныя учрежденія, выдававшія ссуды подъ залогъ имѣнія, помѣщикъ бросился занимать. При правильномъ ходѣ экономической жизни займы подъ залогъ недвижимаго имущества служатъ обыкновенно или для того, чтобы ввести необходимыя улучшенія, или для того, чтобы расширить хозяйство новыми покупками; наше дворянство занимало для собственнаго удовольствія, для потребностей личнаго комфорта. Мы уже знаемъ, что съ самаго начала долгосрочнаго земельнаго кредита въ Россіи и до послѣднихъ дней дѣятельности Дворянскаго банка—дворянскіе займы постоянно имѣли тенденцію изъ долгосрочныхъ постепенно превращаться въ вѣчные, и занятыя деньги, разъ выйдя

изъ кассы банковъ, болѣе уже туда не возвращались (см. выше, стр. 127).

Этимъ займамъ и суждено было, въ концѣ концовъ, погубить дворянское землевладѣніе. Ко времени крестьянскаго освобожденія изъ 11 милліоновъ крѣпостныхъ душъ м. п. 7 милліоновъ находилось въ залогѣ, то-есть, $65^1/_2$% всего количества. Получивши отъ правительства при освобожденіи крестьянъ выкупныя деньги за уступленную крестьянамъ землю, помѣщикъ имѣлъ возможность расплатиться со старыми долгами и начать хозяйство при новыхъ условіяхъ, съ вольнонаемнымъ трудомъ; впервые дворянство очутилось въ положеніи обыкновеннаго предпринимателя на одинаковыхъ условіяхъ конкурренціи со всѣми остальными сословіями. Несмотря на усиленное покровительство государства, на удешевленный кредитъ, на всемозможныя льготы и отсрочки по уплатѣ долговъ,—дворянство этой конкурренціи не выдержало. Задолженность дворянскаго землевладѣнія возрастала послѣ крестьянскаго освобожденія съ ужасающей быстротой. Въ 1870 году, когда существовало только 2 земельныхъ банка, число заложенныхъ имѣній немногимъ превышало тысячу; въ 1875 г., послѣ открытія 11 новыхъ земельныхъ банковъ, было заложено уже до 11 тысячъ имѣній, а въ 1892, послѣ открытія дворянскаго банка (1886)—уже около 87 тыс. имѣній, представляющихъ въ совокупности болѣе $^2/_5$ (41%) всей площади частновладѣльческихъ (не однѣхъ дворянскихъ) земель. Продажа дворянскихъ имѣній за долгъ и по частнымъ сдѣлкамъ также шла чрезвычайно быстро. Передъ крестьянскимъ освобожденіемъ дворяне владѣли 105 милліонами десятинъ. За надѣленіемъ вышедшихъ на волю крестьянъ у помѣщиковъ осталось около 78 милліоновъ десятинъ; къ 1900 году изъ этого количества уцѣлѣло въ рукахъ дворянъ (по свѣдѣніямъ Дворянскаго банка) уже только 54 милліона десятинъ. Другими словами, за 30 лѣтъ дворянство потеряло 24 милл. дес., или почти треть своихъ земель (31%). Притомъ, оффиціальныя данныя показываютъ, что въ наше время эта мобилизація дворянской земельной собственности продолжаетъ идти crescendo. Въ 1875—77 гг. процентъ ежегодной убыли дворянскихъ земель составлялъ 1%, и въ десятилѣтіе 1878—87 гг. 0,65%; въ слѣдующее десятилѣтіе этотъ процентъ поднялся до 1,27%, а въ 1898—1900 гг. убывало ежегодно уже до 2,25% всей площади дворянскихъ имѣній. Въ то же время (1875—1900) крестьянское *частное* землевладѣніе увеличилось болѣе чѣмъ въ $3^1/_2$ раза, поднявшись за четверть вѣка съ 5,3 милл. дес. до 19,9 милл. дес. И это несмотря на система-

тическую дворянскую политику правительства, рѣчь о которой была выше (стр. 122—3) и къ которой мы еще вернемся въ другомъ отдѣлѣ «Очерковъ».

Итакъ, вся исторія русскаго дворянства распадается на четыре періода. Въ первомъ періодѣ, продолжавшемся до конца XV вѣка, дворяне были вольными слугами; во второмъ, въ теченіе XVI—XVII вв., они сдѣлались невольными слугами и были прикрѣплены къ своему занятію; въ XVIII в. они были раскрѣплены, но сохранили за собою даровой трудъ и сдѣлались привилегированнымъ сословіемъ. Наконецъ, въ послѣдній періодъ, наступившій послѣ отнятія дарового крестьянскаго труда, русское дворянство походило на человѣка, не привыкшаго къ труд и къ правильной хозяйственной дѣятельности; оно нуждалось въ покровительствѣ и опекѣ, которыя и были даны ему въ видѣ дешеваго кредита; но при отсутствіи хозяйственныхъ привычекъ, дешевый кредитъ привелъ и приводитъ только къ скорѣйшей ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія. Потерявши свою главную опору—въ землевладѣніи—дворянство въ то же самое время постепенно лишалось и другихъ своихъ прежнихъ привилегій—не какими-нибудь законодательными распоряженіями, а просто естественнымъ ходомъ вещей. Въ губерніи и уѣздѣ дѣятельность дворянскихъ собраній была отодвинута на второй планъ дѣятельностью земства; свобода отъ военной службы потеряла смыслъ при введеніи всеобщей воинской повинности; свобода отъ податей—теряетъ смыслъ при переходѣ государства отъ сословныхъ податей къ подоходнымъ и уже теперь не распространяется съ лица на дворянскую землю; право судиться сословнымъ судомъ «равныхъ» также потеряло значеніе со времени судебной реформы. Правда, въ послѣднее время существуетъ стремленіе удержать, что можно, изъ дворянскихъ привилегій: закрыть доступъ въ дворянство, такъ широко раскрытый чиновничеству со времени Петра, прекратить закономъ дробленіе дворянскихъ имѣній, отъ котораго разрушались постоянно самыя крупныя богатства нашего дворянства; спасти дворянскія имѣнія отъ продажи и разоренія путемъ чрезвычайныхъ льготъ, дать дворянству преобладающую силу въ земствѣ, сдѣлать дворянина вотчиннымъ судьей и непосредственнымъ начальникомъ надъ крестьянской волостью и т. д.

На едва-ли не поздно поспѣли всѣ эти мѣры для поддержанія сословнаго положенія дворянства. Та же причина, которая способствовала разрушенію самаго фундамента дворянскихъ привилегій, необходимо помѣшаетъ и успѣху паллiативныхъ мѣръ

въ пользу этого сословія. Въ нашей исторической жизни не было условій для образованія крѣпко-сплоченныхъ сословій. Немудрено, что и въ нашемъ дворянствѣ не создалось чувства сословнаго единства. При отсутствіи этого корпоративнаго духа никогда и нигдѣ привилегіи дворянскаго сословія не возникали такъ быстро, не существовали такъ недолго и не разрушались такъ полно, какъ у насъ. Несмотря на усилія правительства внушить сословію «благородный шляхетскій духъ», дворянство было и осталось, по остроумному выраженію Кошелева, «тѣстомъ, изъ котораго государство пекло себѣ чиновника»,—а духъ вѣка и ходъ русскаго просвѣщенія создали русскую интеллигенцію, положившую начало русскому безсословному общественному мнѣнію.

Блестящую характеристику сословной исторіи русскаго дворянства см. у *Leroy-Beaulieu*, L'empire des Tsars, т. I. О феодальныхъ элементахъ въ средневѣковой русской военной службѣ и землевладѣніи, см. мою статью «Феодализмъ въ Россіи», въ Словарѣ Брокауза т. 70, и указанныя тамъ изслѣдованія *Н. П. Павлова-Сильванскаго*. О прикрѣпленіи дворянства къ службѣ см. *Градовскаго*. Исторію мѣстнаго управленія. О конфискаціяхъ Ивана III см. *Сергѣевича*, Русскія юридическія древности, т. II, вып. 2. Спб., 1896. Перемѣны во взаимномъ положеніи «дворянъ» и «дѣтей боярскихъ» отмѣтилъ еще Бѣляевъ, см. его статью во Временникѣ Общества Исторіи и Древн. III т. М. 1849. О перемѣнахъ въ составѣ боярства см. *В. О. Ключевскаго*, Боярская дума, гл. IX—X. О политикѣ Грознаго относительно боярства см. у *С. М. Середонина*, Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историч. источникъ. Спб. 1891. Предположеніе о значеніи опричнины высказано *С. Ѳ. Платоновымъ*, см. его «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ», Спб. 1899. О значеніи свободы завѣщанія и отчужденія для разрушенія княжескихъ вотчинъ см. любопытные выводы въ книгѣ *С. В. Рождественскаго*, Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, Спб. 1897. Списокъ крупныхъ землевладѣльцевъ 1613 г. напечатанъ *А. П. Барсуковымъ* въ Чтеніяхъ Общ. И. и Др. М. 1895, I, «Докладная выписка 1613 г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ». Списокъ 1646—47 гг. сохранился въ рукописи московскаго архива Мин. Иностр. Дѣлъ (Боярская книга № 12), копія съ которой любезно сдѣлана была по моей просьбѣ С. К. Богоявленскимъ, которому и приношу здѣсь мою искреннюю благодарность. Списки землевладѣльцевъ, владѣвшихъ свыше 100 дворовъ и вошедшихъ въ составъ «кумпанствъ» 1697—99 гг. изданы въ Приложеніи III къ Исторіи русскаго флота, періодъ Азовскій, ч. I, *С. Елагина*, Спб. 1864. О раздробленіи имѣній провинціальнаго дворянства см. мою статью: Владѣльцы населенныхъ имѣній въ нѣсколькихъ уѣздахъ Рязанской губ. по первой ревизіи (1722) въ Приложеніи къ Трудамъ Рязанской ученой архивной коммиссіи. 1896. О земельныхъ богатствахъ русской аристократіи см. *Е. П. Карновича*. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, 2 изд. 1885. Лучшимъ анализомъ мѣстнической теоріи остается статья *Д. Валуева* въ Симбирскомъ сборникѣ 1844 г. Какъ примѣнялась эта теорія на практикѣ и какъ относилось къ мѣстничеству правительство, видно изъ

книги *А. И. Маркевича* «Исторія мѣстничества въ Моск. госуд.». Одесса, 1888 г. Очеркъ развитія дворянскихъ привилегій см. *Романовича-Славатинскаго*, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права. Спб. 1870. Развитіе «задолженности частнаго землевладѣнія въ Россіи» изложено г. *Е. И. Жигачевымъ* въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, «Русская Мысль», 1892, № 11. Данныя по мобилизаціи дворянской земельной собственности взяты изъ «Матеріаловъ высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. коммиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губерній» и т. д. Спб. 1903.

II.

Роль западнаго города въ жизни Европы.—Происхожденіе и характеръ русскихъ городскихъ поселеній.—Москва.—Численность и населенность городовъ.—Процессъ обособленія городского сословія. — Обособленіе городского тягла и доступность его для другихъ сословій. — Прикрѣпленіе къ городскому тяглу торгово-промышленнаго класса и юридическое выдѣленіе городского сословія.—Особый характеръ тягла «гостей»: «вѣрная служба». — Происхожденіе городского самоуправленія изъ «вѣрной службы». — Раскрѣпленіе городского сословія и новое смѣшеніе его съ другими.—Третье сословіе будущаго.

Переходимъ теперь къ исторіи городского сословія въ Россіи: можетъ быть, въ немъ мы найдемъ тѣ задатки сословной самостоятельности, которыхъ не находили въ исторіи дворянскаго сословія?

Въ остальной Европѣ развитіе города было послѣдствіемъ внутренняго развитія экономической и промышленной жизни европейскаго общества. Городъ выдѣлился изъ общаго фона средневѣкового феодализма тогда, когда торгово-промышленное сословіе почувствовало въ себѣ достаточно силы, чтобы противостать своимъ феодальнымъ господамъ. Для борьбы съ своими противниками, городъ организовался въ корпорацію, которая съ теченіемъ времени все расширялась и впускала въ свою среду все болѣе низкіе слои городского населенія. Внутри себя, въ отношеніяхъ между своими членами, городской союзъ выработалъ начало свободы: всякій примыкавшій къ корпораціи членъ получалъ свободу, и сотни средневѣковыхъ городскихъ хартій ввели у себя то общее правило, что самый «городской воздухъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ».

Развившись, такимъ образомъ, позднѣе средневѣкового дворянства, въ XI — XIII вѣкахъ, городское сословіе, однако, приняло вмѣстѣ съ нимъ участіе въ выработкѣ европейскаго государственнаго строя. Благодаря именно городскому, буржуазному элементу, средневѣковая феодальная монархія усвоила себѣ политическія идеи, выработанныя практикой городской общественной

жизни. Итакъ, раннему развитію городского самоуправленія Европа въ значительной степени обязана формами своей государственной жизни. Въ дальнѣйшемъ ходѣ европейской исторіи городская буржуазія сосредоточила въ себѣ и высшія формы экономическаго развитія,—развитіе капитала, и высшія формы культурной жизни — науку, искусство, общественность.

Обращаясь къ Россіи, и въ этомъ случаѣ встрѣтимъ полную противоположность европейской исторіи города и городского сословія. Русскій городъ, какъ мы уже могли замѣтить по медленному развитію русской торгово-промышленной жизни, не былъ естественнымъ продуктомъ внутренняго экономическаго развитія страны. За единичными исключеніями, русскій городъ возникалъ не изъ скопленія въ одномъ мѣстѣ населенія, занятаго промыслами и торговлей. Промыслы и торговля, какъ мы видѣли раньше, въ Россіи могли обходиться и безъ развитія городской жизни, потому что долго сливались съ сельскими занятіями. Раньше, чѣмъ городъ сталъ нуженъ населенію, онъ понадобился правительству. Зачѣмъ онъ понадобился, показываетъ самое названіе «городъ». Это было мѣсто «огороженное», укрѣпленное, военный оборонительный пунктъ. Очень долго, до самаго XVIII в., за словомъ «городъ» сохранялось то значеніе, которое мы придаемъ слову «кремль», т.-е. подъ «городомъ», въ собственномъ смыслѣ, разумѣлся укрѣпленный, обведенный обыкновенно деревянной стѣной, центръ города. Въ этомъ центрѣ помѣщалось начальство: стояла воеводская изба, тюрьма для «колодниковъ»; тутъ же помѣщались склады оборонительныхъ средствъ — пороха, свинца и другого казеннаго имущества. Въ «городѣ» жили приказные люди для управленія и ратные люди для обороны въ случаѣ «осады»; самые дворы обывателей, помѣщавшіеся въ городѣ, назывались «осадными», и пріобрѣтались въ городѣ на случай осады, въ остальное же время часто стояли пустыми. Настоящее, по нашему понятію, городское (т.-е. торгово-промышленное) населеніе жило внѣ «города», на «посадѣ», почему и называлось «посадскими» людьми. Посадъ выстраивался около города и чаще всего возникалъ послѣ него, а еще позже появлялось вокругъ посада третье кольцо: «слободы», куда стекались промышленные люди и ремесленники. Итакъ, русскій городъ былъ, прежде всего, правительственнымъ и военнымъ центромъ. Въ цѣлой половинѣ Россіи, на югъ отъ Оки, всѣ, безъ исключенія, города появляются на нашихъ глазахъ именно какъ такіе оборонительные пункты (стр. 57 и сл.). Понятно, что и въ населеніи ихъ преобладаетъ служилый, военный элементъ. Чѣмъ ближе къ окраинѣ и чѣмъ, стало быть, моложе

городъ, тѣмъ военнаго элемента въ немъ больше и тѣмъ меньше «посадскихъ». Напримѣръ, въ серединѣ XVII в. въ Серпуховѣ число посадскихъ составляетъ 74% всего населенія; въ Бѣлевѣ найдемъ уже 65%, а въ Курскѣ 43%; если же отъ Курска спустимся еще южнѣе, на только-что построенную «Бѣлгородскую черту» (стр. 58), тутъ ужъ изъ всѣхъ 24-хъ городовъ, большей частью только что появившихся, посадскихъ людей найдемъ только въ пяти, и то въ самомъ ничтожномъ количествѣ: 2%—$6^{1}/_{2}$% всего населенія. И сама Москва, единственный сколько-нибудь значительный городъ древней Россіи, не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Не смотря на обширное пространство, на которое растянулась наша старая столица, казавшаяся еще въ XVI столѣтіи англичанамъ не меньше тогдашняго Лондона, не смотря на то, что по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, впрочемъ, едва ли достовѣрнымъ, количество населенія въ ней въ XVII вѣкѣ достигало полумилліона (500, 600 тысячъ), все же Москва была огромной царской усадьбой, значительная часть населенія которой такъ или иначе состояла въ связи съ дворцомъ, въ качествѣ свиты, гвардіи или дворни. Изъ 16 тысячъ слишкомъ дворовъ, насчитывавшихся въ Москвѣ по переписи 1701 года, на долю посадскихъ и ремесленниковъ не приходится и 7 тысячъ (44%), и тѣ состоятъ изъ населенія государевыхъ слободъ, работающихъ на дворецъ. Остальныя 9 тысячъ принадлежатъ духовенству ($1^{1}/_{2}$ тыс.) и правящему сословію. Относительно размѣровъ торговыхъ оборотовъ Москвы еще въ концѣ XVI в. одинъ иностранецъ замѣтилъ, что во всѣхъ лавкахъ любого изъ московскихъ рядовъ не найдется столько товаровъ, сколько въ одномъ венеціанскомъ магазинѣ. Достаточно взглянуть на рисунки московскихъ улицъ XVII в. съ деревянными избами, отдѣленными другъ отъ друга длинными заборами, безъ мостовыхъ, или еще хуже—съ тряскими мостовыми изъ бровенъ, съ базарной толкотнею и вонью на главныхъ площадяхъ, достаточно этихъ иллюстрацій къ Олеарію или Мейербергу, чтобы придти къ заключенію, что Москва, вопреки присутствію двора, оставалась огромныхъ размѣровъ деревней.

Съ теченіемъ времени, экономическая жизнь русскаго города, конечно, должна была развиться; но это развитіе не могло поспѣть за потребностями государственнаго управленія. Къ петровскому времени во всей Россіи насчитывалось немногимъ болѣе 250 городовъ, а когда Екатерина II стала вводить свои областныя учрежденія, понадобилось для управленія новыми ея уѣздами возвести въ рангъ города еще такое же количество. Какъ трудно было набрать необходимое количество селеній, заслуживавшихъ имя

и положеніе уѣзднаго города, видно изъ того, что цѣлую сотню такихъ селеній, передѣланныхъ въ города, пришлось снова вычеркнуть изъ списка. Случаи такого разжалованія городовъ въ деревни и превращенія искусственно созданнаго «мѣщанства» въ крестьяне—встрѣчаются и впослѣдствіе, до 50-хъ и 60-хъ гг. настоящаго столѣтія.

Итакъ, государственная потребность въ городахъ, какъ средоточіяхъ управленія и военной обороны, съ древности и до нашего времени опережала естественное развитіе городской жизни. Городское населеніе приходилось создавать насильно. Естественно, такимъ образомъ, что и количество торгово-промышленнаго населенія въ поселеніяхъ, оффиціально называвшихся городами, было очень незначительно. Въ срединѣ нынѣшняго вѣка изъ тысячи русскихъ городовъ 878 имѣли меньше 10.000 жителей, и только 32 больше 20.000 жителей — и изъ нихъ только въ двухъ было больше 150.000 жителей. (Теперь больше 150.000 имѣютъ 9 городовъ, а больше 20.000 — 65 городовъ). Малой населенности городовъ соотвѣтствуютъ и скромные размѣры ихъ бюджетовъ. Въ серединѣ нашего столѣтія (1844), за исключеніемъ столицъ, Одессы и Нижняго-Новгорода, ни одинъ даже *губернскій* городъ, не располагалъ доходомъ больше 40 тысячъ, а у половины ихъ эта цифра не доходила даже и до 20 тыс. Прибавимъ, что отъ половины до двухъ третей этого дохода города тратили на содержаніе администраціи, т. е. на правительственныя цѣли, а собственно городскія нужды и городское благоустройство оставлялись почти въ полномъ пренебреженіи.

При такихъ условіяхъ городское сословіе въ Россіи, очевидно, не могло представлять самостоятельнаго элемента сословной жизни. Не только оно не развилось самостоятельно или даже въ противорѣчіе центральной власти, но, напротивъ, даже самымъ выдѣленіемъ въ особую общественную группу и своимъ корпоративнымъ устройствомъ оно было цѣликомъ обязано правительству.

Безъ правительственныхъ хлопотъ, дѣйствительно, городская жизнь долго оставалась бы слитой съ сельской. Городское населеніе древней Руси XVI в. прямо дѣлилось на людей «торговыхъ» и людей «пашенныхъ». Пашенные люди города были совершенными крестьянами, но и вообще каждый обыватель города имѣлъ свою пашню и свой покосъ на городской землѣ. Первымъ побужденіемъ для правительства выдѣлить населеніе посада въ особую группу было побужденіе финансовое. Въ фи-

нансовой организаціи московскаго государства посадскіе міры составляли такую же тяглую группу, какъ міры сельскіе. Точно также, какъ члены сельской общины, и члены городской общины были связаны другъ съ другомъ круговой порукой и сами разверстывали между собою всѣ подати съ помощью выборныхъ властей. Тутъ еще не было ничего, что отдѣляло бы городъ отъ деревни больше, чѣмъ каждая деревенская община отдѣлялась отъ своей сосѣдней. Переходъ изъ одной въ другую тяглую группу былъ одинаково затрудненъ фактически, вслѣдствіе нежеланія общины выпускать своихъ плательщиковъ; но юридически такой переходъ былъ одинаково возможенъ какъ изъ села въ село, такъ и изъ села въ городъ. Первое, что положило различіе между городомъ и деревней, это—перемѣна характера самаго тягла. Торгово-промышленное населеніе города могло, конечно, платить больше, чѣмъ чисто пашенные крестьяне. По этому правительство, бравшее крестьянскіе подати первоначально съ земельнаго участка («сохи»), въ городѣ съ давнихъ поръ стало брать подати съ «двора». «Соха» была сохранена и для городского обложенія, какъ высшая единица, но она состояла не изъ извѣстнаго количества «четвертей пашни», какъ въ деревнѣ, а изъ извѣстнаго количества дворовъ: чаще всего 80, 100, 120 дворовъ въ «сохѣ« (сравни 800, 1.000, 1.200 четвертей въ сохѣ сельской). Такимъ образомъ, городской дворъ приравнивался земельному участку въ 10 четвертей или 5 десятинъ, т.-е. 15 десятинъ въ трехъ поляхъ. Это, въ сущности, было очень легкое обложеніе, не тяжеле деревенскаго. Но отдѣльные жители города, конечно, должны были получать больше съ своихъ промысловъ и торговли, чѣмъ получалъ крестьянинъ съ участка, и правительство очень рано старается этотъ излишекъ городского дохода тоже уловить въ податную сѣть. Лавки, какъ мы уже знаемъ (стр. 170), облагались особо и часто отдавались въ наемъ прямо правительственными чиновниками; это былъ, стало быть, налогъ на торговыя помѣщенія, Позднѣе, въ XVII вѣкѣ, правительство пыталось даже обложить городъ налогомъ съ дохода: именно къ городу относились всѣ процентные сборы, о которыхъ мы говорили прежде: пятая, десятая, пятнадцатая деньга (стр. 173). Правда, правильное устройство подоходнаго налога не удалось, но все-таки городъ въ XVII вѣкѣ платилъ уже по особому окладу, болѣе тяжелому, чѣмъ деревня. Итакъ, разница въ характерѣ тягла и въ свойствѣ податей прежде всего отдѣлила формально городъ отъ деревни. Но это вовсе не значило, чтобъ и городское населеніе отдѣлилось вмѣстѣ съ тѣмъ

отъ другихъ сословій. Правительство могло выдѣлить тяглую городскую землю; но городского человѣка прикрѣпить къ тяглой городской землѣ—до самаго XVII вѣка правительству не удалось. Городское населеніе находилось въ такомъ же подвижномъ, бродячемъ состояніи, какъ и вся остальная Росссія. Городской житель могъ уйти съ тяглаго участка, могъ перейти въ другой городъ или въ другое сословіе. Въ городскихъ переписяхъ XVI вѣка мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ: иногда въ самый короткій промежутокъ времени всѣ владѣльцы тягловыхъ городскихъ участковъ, уходятъ, и составъ ихъ замѣняется совершенно новымъ. Множество оставленныхъ старыми владѣльцами участковъ въ городѣ, какъ и въ деревнѣ, пустуетъ, и городская община охотно уступаетъ ихъ всякому желающему, хотя бы онъ былъ и изъ другого сословія: служилымъ людямъ, монастырямъ и т. д. Такимъ образомъ, городское тягло оказывается вовсе не сословнымъ тягломъ, и составъ городского тягловаго общества представляется довольно пестрымъ. Члены другихъ сословій допускаются нести городское тягло; но рядомъ съ этимъ люди самыхъ разнообразныхъ сословій и профессій ухитряются тутъ же въ городѣ жить и даже заниматься городскими промыслами, помимо всякаго тягла, не платя ничего государству. Особенно удобнымъ мѣстомъ для такого обхода городского тягла представляются подгородныя «слободы», имѣвшія уже совершенно земледѣльческій характеръ. Сюда охотно переселялся и торговый человѣкъ изъ города, и крестьянинъ изъ села, и даже служилый человѣкъ селилъ здѣсь своего приказчика—все для одной и той же цѣли—чтобы заниматься торговлею, не платя городскихъ податей. Такимъ образомъ, выдѣленіе городской тяглой земли нисколько не мѣшало городскому сословію перемѣшиваться съ другими и сохранять полную сословную безформенность. Истинно-городскіе, торгово-промышленные элементы оставались часто внѣ тягловаго союза; наоборотъ, въ тягловый союзъ входили рядомъ съ горожанами и служилые, и духовные владѣльцы. Отъ такого смѣшенія теряла прежде всего казна. Скоро наступили обстоятельства, которыя заставили ее принять противъ этого смѣшенія рѣшительныя мѣры. Мы видѣли прежде, какъ увеличились государственныя потребности въ XVII вѣкѣ и какія усилія должно было дѣлать правительство, чтобы увеличить въ уровень съ новыми нуждами и свои средства. Каждый членъ государства нуженъ былъ теперь на своемъ собственномъ мѣстѣ и не долженъ былъ занимать чужого. Закрѣпощая служилое сословіе на военную службу, правительство

не могло требовать уже, чтобы то же сословіе несло городскія подати со своихъ «дворовъ». Оно, поэтому, сняло со служилыхъ «дворовъ» въ городѣ всѣ подати, «обѣлило» ихъ, по выраженію того времени. Но съ тѣмъ большею строгостью оно должно было слѣдить теперь за тѣмъ, чтобы служилые люди не отбивали у «посадскихъ» промышленность и торговлю,—источникъ платежной силы послѣднихъ, и чтобы самое торгово-промышленное населеніе не ускользало отъ тягла. Связать для этого тягломъ надо было не землю, а прямо людей.

Съ этого и начинается второй періодъ исторіи городского сословія въ Россіи. Не городская земля, а все городское сословіе становится тяглымъ, и для этого, точно такъ же какъ и другія сословія, прикрѣпощается къ своему занятію. Всю первую половину XVII вѣка издаются все болѣе и болѣе строгія распоряженія такого содержанія. Наконецъ, въ серединѣ вѣка эти мѣры сводятся въ одно цѣлое Уложеніемъ царя Алексѣя. Всѣ посадскіе люди прикрѣпляются къ тому мѣсту и занятію, гдѣ застали ихъ эти правительственныя мѣропріятія. Не только переходъ между городомъ и селомъ, но даже переходы посадскаго населенія изъ города въ городъ строго запрещаются.

Закрѣпленная, такимъ образомъ, на мѣстѣ, посадская община тщательно очищается отъ постороннихъ элементовъ и получаетъ обратно свои собственные. Продавать на сторону, въ другія сословія, городскіе дворы и лавки строжайше запрещается. Всѣ такія имущества, принадлежащія лицамъ другихъ сословій, предписывается возвратить посадскимъ. Самихъ посадскихъ, ушедшихъ въ слободы или въ крестьяне, велѣно вернуть въ городское тягло; къ этому же тяглу приписать и всѣ слободы, занимающіяся торговлей и промысломъ безпошлинно. За три года послѣ изданія Уложенія, въ силу ихъ распоряженій было возвращено въ посадское тягло не менѣе 10.000 дворовъ и 21.000 торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людей: для того времени очень большое количество. Такимъ образомъ, въ срединѣ XVII вѣка городское сословіе въ Россіи впервые выдѣлилось юридически изъ другихъ сословій. Но выдѣленіе это, какъ видимъ, совершилось насильственно, правительственными мѣрами, и сопровождалось закрѣпощеніемъ всего сословія на правительственную службу.

Служба торгово-промышленнаго сословія государству состояла въ отбываніи городского тягла; но по отношенію къ высшей части сословія она приняла иной и очень своеобразный характеръ. Какъ ни слабо развиты были въ Россіи торговля и про-

мышленность, все же и у насъ было небольшое количество богатыхъ купцовъ, капиталистовъ. Можетъ быть, эта небольшая группа сплотилась тѣснѣе и была сильна своими капиталами? Дѣйствительно, такъ; но сплотило ее, опять-таки, само правительство и для своихъ правительственныхъ цѣлей. Оно воспользовалось богатствами этой группы, чтобы наложить на нее особаго рода казенную службу (ср. выше, стр. 110). Какъ только провинціальный купецъ богатѣлъ, правительство сейчасъ же переводило его въ Москву и запрягало въ эту свою службу. Такимъ образомъ, въ провинціи не могло создаться богатаго и независимаго купечества. Въ Москвѣ же служба, которую навязывали «гостямъ» (такъ назывался этотъ высшій слой купечества), была очень тяжела и отвѣтственна. Правительство «ввѣряло» имъ сборъ важнѣйшихъ доходовъ государства, именно сборъ таможенныхъ и кабацкихъ пошлинъ; самая служба по сбору пошлинъ называлась «вѣрною» службою. Косвенный сборъ, конечно, никогда не могъ сбираться въ одинаковомъ количествѣ изъ года въ годъ; но правительству важно было имѣть опредѣленную цифру дохода. Для этого оно отмѣчало сборъ каждаго года, сравнивало цифры между собою и требовало, чтобы сборъ слѣдующихъ лѣтъ не былъ ниже высшаго изъ предыдущихъ сборовъ и, во всякомъ случаѣ, не ниже средняго. Въ противномъ случаѣ, о всякомъ недоборѣ производился строгій розыскъ и правительство грозило взыскать недоборъ на «вѣрныхъ сборщикахъ». Они отвѣчали за сборъ своимъ имуществомъ. Для этого-то и понадобилось отдать сборы людямъ богатымъ. За свою службу «гости» получали нѣкоторыя преимущества, одинаковыя съ служилымъ сословіемъ.

«Вѣрная» служба XVII вѣка лучше всего характеризуетъ зависимое положеніе городского сословія во второй періодъ его сословной жизни. *Третій* періодъ, напротивъ, (XVIII в.) характеризуется введеніемъ городского самоуправленія и дарованіемъ городскому сословію извѣстной самостоятельности. Но эти новыя черты не только не противорѣчатъ прежнимъ, а составляютъ ихъ же дальнѣйшее развитіе въ интересахъ государства. Городское самоуправленіе въ Россіи вытекло изъ той же вѣрной службы. Дѣло въ томъ, что поручивъ «гостямъ» взиманіе важнѣйшихъ сборовъ во всѣхъ городахъ государства, правительство этимъ самымъ уже передало имъ значительную долю управленія городами. Но управлялъ городомъ воевода, и «вѣрные головы и цѣловальники» приходили съ нимъ въ постоянныя столкновенія. Къ концу XVII в. правительство убѣдилось, что въ воеводѣ

нѣтъ надобности для управленія городомъ, разъ въ городѣ есть уже таможенные и кабацкіе головы. А между тѣмъ содержать воеводу все-таки лишній расходъ: не разъ обнаруживалось, что воевода бралъ свое содержаніе и получалъ взятки прямо изъ денегъ, собранныхъ для казны. Поэтому, изъ простого финансоваго разсчета правительство рѣшило вовсе отмѣнить должность воеводы въ тѣхъ городахъ, гдѣ жило одно посадское населеніе, т.-е. на всемъ сѣверѣ; а въ тѣхъ городахъ, гдѣ жило, кромѣ посадскаго и служилое сословіе,—ограничить значеніе воеводы завѣдованіемъ служилыми людьми. Вѣрные головы и цѣловальники должны были выбираться самимъ городомъ и находиться подъ завѣдованіемъ московскихъ гостей, куда они и должны были доставлять свои сборы. Случайно вышло, что въ то время, когда проводились эти мѣры, Петръ Великій вернулся изъ своего перваго путешествія по Европѣ. Онъ далъ старымъ должностямъ и учрежденіямъ новыя голландскія имена: головы стали называться «бурмистрами», а московское присутствіе гостей «Бурмистерской палатой», потомъ «Ратушей». Сущность осталась та же. *Служба* высшаго разряда городского сословія по собиранію сборовъ сохранилась во всей неприкосновенности. Въ послѣдніе года своего царствованія Петръ сдѣлалъ, было, попытку отдѣлить казенные сборы отъ городского самоуправленія и поручить эти сборы особымъ правительственнымъ чиновникамъ; но попытка не удалась — чиновниковъ не хватило, а назначенные оказались не особенно искусными, и сборы вернулись въ болѣе привычныя руки городского самоуправленія, гдѣ и остались до самой Екатерины II. При Екатеринѣ начатки городского самоуправленія, положенные Петромъ, получаютъ дальнѣйшее развитіе; мы знаемъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, вторая половина XVIII столѣтія представляетъ періодъ особаго промышленнаго оживленія (стр. 86). Но плоды этого оживленія въ значительной степени достались деревнѣ и дворянству,—и такимъ образомъ пропали для города; а то, что сдѣлано было собственно для городского сословія, плохо было соображено съ его дѣйствительными потребностями и нуждами, также какъ и съ его соціальнымъ положеніемъ среди другихъ сословій государства.

Подобно третьему періоду въ исторіи дворянскаго сословія,—этотъ періодъ городской исторіи долженъ былъ, по идеѣ императрицы, представлять *раскрѣпощеніе* сословія. Правительство хотѣло дать сословію тѣ элементы самостоятельности, которыхъ не выработала русская исторія, и городское сословіе облечено было для этого въ формы средневѣковой европейской свободы, подѣлено на гильдіи и цехи. Однако же, городское корпоратив-

ное устройство въ Россіи въ гораздо большей степени, чѣмъ дворянское, оказалось мертвой формой. Горожане одинаково съ крестьянами платили подушный окладъ и несли воинскую повинность; уже поэтому они не могли чувствовать себя привилегированнымъ сословіемъ. По отношенію къ правящему классу они сознавали себя совершенно безправными. «Всякій купецъ лучше нѣсколько убытку претерпѣть можетъ, чѣмъ въ судъ вступить съ дворяниномъ»,—говорится въ одномъ городскомъ наказѣ 1767 г. Оградить себя отъ дворянскихъ захватовъ и насилій, выхлопотать хотя нѣкоторыя изъ дворянскихъ привилегій — вотъ единственный идеалъ, который рисуется въ воображеніи городскихъ челобитчиковъ Екатерининскаго времени. Вотъ почему при вновь открытой свободѣ перехода изъ сословія въ сословіе, разбогатѣвшій купецъ торопился всѣми средствами перейти въ дворянство. По словамъ Щербатова, «не малую можно было бы написать тетрадь именъ тѣхъ богатѣйшихъ въ Россіи купцовъ, которые чины офицерскіе получили, отъ заводовъ своихъ отстали и капиталы, которые бы принуждены были употреблять въ торги,— отъ оныхъ отвратили».

Не соблазняло горожанъ и вновь данное имъ Екатериной выборное устройство. Всесословный характеръ Екатерининской «жалованной грамоты», объединявшей всѣхъ собственниковъ города въ одно цѣлое «общество», до такой степени чуждъ былъ духу времени, что еще въ XIX в. дворяне не хотятъ признавать за собой унизительнаго права—избирать и быть избираемыми вмѣстѣ съ мѣщанами. И они правы; на ихъ точку зрѣнія становится и самъ законодатель, объясняющій имъ въ томъ же самомъ государственномъ актѣ, что они «отъ мѣщанскихъ тягостей, податей и службъ—свободны». Дѣйствительно, дѣятельность по городскому самоуправленію продолжаетъ быть *службой*, — и службой очень тяжелой,—во всякомъ случаѣ очень непріятной. Екатерининская «грамота» оставляетъ совершенно неопредѣленнымъ отношеніе новыхъ городскихъ выборныхъ учрежденій, «общей» и «шестигласной думы», къ правительственнымъ властямъ и учрежденіямъ: къ губернатору, къ губернскому правленію, къ «приказу общественнаго призрѣнія». И практика пользуется умолчаніями закона, чтобы свести къ нулю самостоятельность выборныхъ учрежденій. Вся ихъ дѣятельность въ концѣ концовъ, сводится къ взиманію налоговъ, которыхъ они не могутъ, однако, назначать сами, и къ расходованію полученныхъ суммъ на предметы, которыхъ они также не могутъ сами опредѣлять. Участіе въ *такомъ* самоуправленіи, конечно, не могло никого интересовать. Понятно, почему на

выборы являлись изъ ста избирателей два-три — и никакъ не больше десяти; почему «общая» дума, т. е. собраніе всѣхъ гласныхъ, мало-по-малу перестала собираться и совершенно исчезла, а «шестигласная дума», т. е. управа предыдущей, превратилась въ правительственную канцелярію. Общественный контроль надъ дѣятельностью «шестигласной думы» былъ устраненъ; контроля правительственнаго—не существовало фактически; такимъ образомъ, дальнѣйшимъ послѣдствіемъ оказалось, что «темные» члены шестигласной думы очутились въ рукахъ своего секретаря, отчетности никакой не было, бюджеты списывались одинъ съ другого для вида и ничего не имѣли общаго съ дѣйствительнымъ расходованіемъ суммъ. И это положеніе дѣла продолжалось до тѣхъ поръ, пока «Городовое положеніе 1870» не открыло большаго простора общественной инициативѣ.

Такимъ образомъ, надежда Екатерины II на то, что ея городскія учрежденія поведутъ къ созданію третьяго сословія, не осуществилась. Наше третье сословіе, подъ вліяніемъ быстраго промышленнаго и умственнаго движенія нашего времени складывается, дѣйствительно, понемногу, но не на основѣ стараго городского сословія, не въ его предѣлахъ. Со времени крестьянскаго освобожденія, когда купецъ получилъ право пріобрѣтать въ деревнѣ земельную собственность, а дворянинъ очень часто терялъ эту собственность и навсегда переселялся въ городъ,— прежнія границы городского и землевладѣльческаго сословія совершенно смѣшались. Съ каждымъ днемъ и бытовой типъ стараго московскаго купца становится воспоминаніемъ прошлаго, и не очень далеко то время, когда мы или наши дѣти будемъ изучать этотъ типъ по комедіямъ Островскаго, какъ мы теперь изучаемъ по Фонвизину типъ г-жи Простаковой. Третье сословіе нашего времени формируется изъ самыхъ различныхъ элементовъ русскаго прошлаго, и въ немъ намѣчаются тѣ силы, которыя создали культурную жизнь современной Европы: сила капитала и сила знанія.

Пособія: *Н. Чечулинъ*, Города Россіи въ XVI вѣкѣ, Спб. 1889 г. *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія. *И. Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ Россіи и *его-же* Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1896. Печатаніе городскихъ наказовъ депутатамъ Екатерининской коммиссіи началось въ 93 томѣ Сборника Р. Ист. Общ. Спб. 1894. *Д. Багалѣй*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. госуд. *И. Е. Забѣлинъ*, Древности Москвы и ихъ изслѣдованія, въ «Вѣст. Европы», 1867 г.

III.

Количественный и качественный составъ земледѣльческаго населенія Россіи и Европы. — Происхожденіе русской общины. — Сходство и различіе въ современномъ положеніи разныхъ элементовъ русскаго крестьянства.—Періоды въ исторіи помѣщичьихъ крестьянъ. — Прикрѣпленіе къ тяглу и къ служилому сословію. — Правительственныя и владѣльческія мѣры прикрѣпленія. — Фактическое прекращеніе свободнаго перехода крестьянъ и законодательное прекращеніе свободной конкурренціи хозяевъ за рабочія руки. — Внѣ-законное развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными и юридическія противорѣчія въ ихъ положеніи. — Замѣна государственнаго характера прикрѣпленія—частнымъ.—Стороны крѣпостного права, регламентированныя и оставшіяся безъ регламентаціи въ законодательствѣ. — Непрочность крѣпостного права и сравнительная возможность разныхъ способовъ освобожденія—Сравнительная сила разныхъ мотивовъ освобожденія.—Роль дворянскихъ интересовъ при освобожденіи.—Исторія удѣльныхъ крестьянъ.—Особенности исторіи государственныхъ крестьянъ.—Частная собственность и введеніе общины у черносошныхъ и однодворцевъ.—Аграрная политика XVIII и XIX вѣка.— Вопросъ о будущемъ общины.

Переходя къ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи, мы опять должны прежде всего отмѣтить разницу въ той роли, которую это сословіе играло въ соціальной жизни Россіи и Европы. Разница эта обнаруживается уже при простомъ сопоставленіи цифръ. Земледѣльческій классъ Европейской Россіи составляетъ больше 80% всего населенія. Между тѣмъ, во Франціи и Германіи земледѣліемъ кормится вдвое меньшая часть населенія (46—36%); въ Англіи земледѣліе служитъ источникомъ существованія всего $^1/_8$ части жителей (12%). Все остальное населеніе живетъ на Западѣ промышленностью, торговлей или личными услугами—государству и частнымъ лицамъ. Не менѣе значительно и качественное различіе въ составѣ земледѣльческаго класса Россіи и Европы.

Изъ всего количества лицъ, живущихъ на доходы отъ земледѣлія, въ Россіи всего полмилліона владѣетъ землей на правѣ частной собственности (въ томъ числѣ больше половины —

крестьяне). Этому полмиллiону частныхъ собственниковъ принадлежитъ четвертая часть всей земельной площади Россiи (въ томъ числѣ дворянамъ отдѣльно—$^1/_5$ всей площади). Остальная многомиллiонная масса состоитъ изъ землевладѣльцевъ-общинниковъ,—коллективныхъ собственниковъ, пользующихся своей долей общинной земли и обрабатывающихъ свой участокъ своими руками. Во владѣнiи крестьянскихъ общинъ находится треть всей площади (остальныя $^2/_5$—преимущественно покрытыя лѣсами—принадлежатъ казнѣ).

Исторiя западнаго землевладѣнiя началась съ разрушенiя только что отмѣченныхъ особенностей, отличающихъ русское землевладѣнiе. Коллективная собственность въ самый древнiй перiодъ западной исторiи разложилась и уступила мѣсто частной; и тотчасъ же эта частная собственность начала ускользать изъ рукъ того сословiя, которое обрабатывало землю. Въ результатѣ вѣковой соцiальной борьбы въ трехъ главныхъ странахъ Западной Европы сложились три различные типа земельной собственности, одинаково далекiе отъ типа, преобладающаго въ Россiи. Въ Великобританiи земля окончательно ушла изъ рукъ земледѣльческаго сословiя: $^7/_{10}$ площади находится тамъ во владѣнiи всего 10 тысячъ крупныхъ собственниковъ; преобладающимъ типомъ земледѣльца сдѣлался, такимъ образомъ, типъ зажиточнаго фермера,—арендатора чужой земли,—или его наемнаго рабочаго. Въ Германiи, напротивъ, тѣ же $^7/_{10}$ площади сохранились въ рукахъ крестьянства; но въ процессѣ борьбы за землю сложился преобладающiй типъ крестьянства крупнаго, болѣе похожаго на нашихъ мелкихъ помѣщиковъ. Наконецъ, во Францiи крестьянство было слишкомъ слабо, чтобы вести активную соцiальную борьбу; за то земля не ускользнула отъ него и не перешла въ руки однихъ только болѣе стойкихъ его представителей. Французскiй крестьянинъ вышелъ изъ исторiи такимъ, какимъ сдѣлалъ его долговременный государственный и феодальный гнетъ: онъ вышелъ самостоятельнымъ работникомъ на мелкомъ участкѣ, который сталъ, рано или поздно, его полной собственностью.

Что же значитъ это сдѣланное нами сопоставленiе? Составляетъ-ли особенная форма русскаго землевладѣнiя—наше неотъемлемое нацiональное свойство, какъ думали одни, или она доказываетъ только, что мы еще стоимъ на той ступени развитiя, съ которой давно уже сдвинулась Европа,—какъ думали другiе? Историческiй анализъ одинаково разрушаетъ оба предположенiя, показывая, что русская община не есть—ни такое неизмѣнное въ исторiи явленiе, какъ это предполагается сторонниками перваго

мнѣнія, — ни такое элементарное, примитивное и архаическое, какъ это нужно предположить для доказательства второго. Не только нѣтъ возможности вывести современную общину изъ какихъ-нибудь первобытныхъ общественныхъ формъ, но даже есть полная возможность показать ея позднее сравнительно происхожденіе и раскрыть создавшія ее причины. По существу своему, русская община есть принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія лежащихъ на ней платежей и повинностей и обезпечивающая себѣ эту исправность уравненіемъ повинностей съ платежными средствами каждаго члена. Какъ появилась такая принудительная организація, объ этомъ мы уже говорили; мы видѣли, что тяглая община была продуктомъ усиленныхъ государственныхъ нуждъ и русской экономической неразвитости (стр. 159 и сл.). Но такая *тяглая* община еще не есть непремѣнно *хозяйственная*, какою мы знаемъ общину нашего времени. Хозяйственное распоряженіе общинной землей—въ формѣ «свалки и навалки» участковъ и въ формѣ періодическихъ передѣловъ всей земли— не входитъ необходимо въ кругъ обязанностей тяглой общины. Съ податной точки зрѣнія, постоянное приспособленіе платежей къ платежнымъ силамъ семьи, — какое достигается этими перераспредѣленіями участковъ, — есть, конечно, самая совершенная форма «народнаго кадастра». Но тяглая община, *какъ таковая*, не могла еще идти такъ далеко въ податномъ уравненіи плательщиковъ. Ея цѣль заключалась не въ постоянномъ приспособленіи платежей постоянно къ мѣняющимся рабочимъ силамъ каждаго хозяйства, — а просто въ уравненіи тягла съ размѣромъ участка, предполагая, что этотъ участокъ остается неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, старинная «мірская ровность» состояла не въ передачахъ и передѣлахъ участковъ, а только въ ихъ измѣреніи съ помощью веревки («вервленіи») и въ обложеніи ихъ тягломъ пропорціонально вычисленнымъ т.-е. размѣрамъ. Сами участки могли при этомъ оставаться полной и неприкосновенной собственностью ихъ хозяевъ. Если община позволяла себѣ распоряжаться этими участками, то только въ томъ случаѣ, когда хозяева-«вотчичи» участковъ, бросали ихъ пустыми: въ такомъ случаѣ община поневолѣ должна была пріискать хотя бы временныхъ «жильцовъ» на опустѣвшіе участки, такъ какъ съ этихъ участковъ все-таки ей же приходилось платить всѣ подати и нести всѣ повинности. Впервые болѣе свободное распоряженіе крестьянскими участками-«надѣлами», — напоминающее современную общину,—мы встрѣчаемъ на такихъ земляхъ, которыя крестьянамъ

въ собственности не принадлежали,—т. е. на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Распоряжается при этомъ не община, а прикащикъ частнаго владѣльца; если же распоряжается передѣломъ участковъ община, то это по специальному разрѣшенію или приказанію владѣльца. Такимъ образомъ, *хозяйственная* община нашего времени впервые появляется въ предѣлахъ частнаго—и притомъ болѣе или менѣе крупнаго — хозяйства: на земляхъ монастыря или князя. Уже въ XVI вѣкѣ свободное хозяйственное распоряженіе крестьянскими участками, повидимому, входитъ въ обычай на владѣльческихъ земляхъ срединной Россіи. Въ теченіе XVII и XVIII вв. правительство входитъ въ роль частнаго владѣльца и старается распространить этотъ обычай и на свободное крестьянство русскихъ окраинъ. Сейчасъ мы увидимъ, что въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка это вполнѣ ему удается (стр. 249).

Итакъ, русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія. Это нисколько не мѣшаетъ ей отражать на себѣ примитивный характеръ экономическаго быта, среди котораго она возникла. Но этотъ примитивный характеръ общины не долженъ вводить насъ въ заблужденіе. Нѣтъ надобности искать родственныхъ общинѣ формъ въ далекомъ прошломъ, когда недавнее настоящее представляло всѣ нужные элементы для возникновенія вновь этой формы и для распространенія ея на всѣ разнородные элементы, изъ которыхъ сложилось современное русское крестьянство. Только познакомившись съ тѣмъ, насколько различно сложилась предыдущая исторія этихъ разнородныхъ элементовъ, мы будемъ въ состояніи оцѣнить, какъ велика была ассимилирующая сила одинаковыхъ экономическихъ условій и одинаковой финансовой системы, сообщившая, въ концѣ концовъ, всѣмъ этимъ разнороднымъ частямъ сословія одинаковую соціально-экономическую структуру.

Въ наше время, дѣйствительно, все крестьянское сословіе Россіи представляетъ одно цѣлое. Все русское крестьянство выкупаетъ въ настоящее время свои надѣлы и выкупитъ ихъ окончательно въ свою собственность къ 1931 году—если только выкупные платежи не будутъ окончательно сложены съ крестьянъ раньше. По окончаніи выкупной операціи всѣ юридическіе слѣды прежнихъ различій въ положеніи разныхъ группъ крестьянства сгладятся совершенно и крестьянство окончательно сольется въ единое сословіе. Теперь же, прежде всего, разница самыхъ условій земельнаго выкупа напоминаетъ намъ о прошломъ. По усло-

віямъ выкупа вся крестьянская масса дѣлится на три категоріи. Первая категорія — это бывшіе *крѣпостные*, помѣщичьи крестьяне. Они перешли на выкупъ по положенію 19-го февраля 1861 г., но только съ 1883 года выкупъ сдѣланъ былъ для всѣхъ обязательнымъ. Эти крестьяне получили для разсчета съ помѣщиками правительственную ссуду, за которую они вносятъ проценты съ погашеніемъ (такъ называемые «выкупные платежи») и, такимъ образомъ, уплатятъ ссуду въ 49 лѣтъ, — за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, кому ссуда разсрочена на большее количество лѣтъ, чтобы понизить ихъ ежегодные платежи. Вторая категорія—*удѣльныхъ крестьянъ*—стала выкупать свои земли въ 1863 г. Выкупъ сдѣланъ былъ для нихъ съ самаго начала обязательнымъ и производится не путемъ взноса новыхъ платежей, а путемъ обращенія прежнихъ платежей въ выкупные; въ 49 лѣтъ образуется изъ этихъ взносовъ капиталъ, который и будетъ соотвѣтствовать цѣнности отданной удѣльнымъ крестьянамъ земли. Наконецъ, третья категорія—крестьянъ *государственныхъ*. Они хотя и остались на казенномъ оброкѣ, а земли ихъ въ казенной собственности, но уже въ 1865 г. эти земли были закрѣплены за ними особыми юридическими актами, такъ называемыми «владѣнными записями», и дозволенъ былъ желающимъ выкупъ этихъ земель въ полную собственность. Такимъ правомъ пользовались, однако, немногіе, и черезъ двадцать лѣтъ (при первой послѣ 1866 г. переоброчкѣ «оброчной подати») — въ 1886 г. выкупъ былъ сдѣланъ и для нихъ обязательнымъ; для этого оброчные платежи были обращены въ выкупные: взносъ ихъ въ 44 года долженъ образовать капиталъ, нужный для выкупа оброчной подати, которая затѣмъ и перестанетъ уплачиваться, такъ что крестьяне перестанутъ стоять относительно государства въ положеніи оброчниковъ, нанимателей государственной земли.

Разница въ прошломъ этихъ трехъ категорій крестьянства повлекла за собою и другое различіе — въ степени обезпеченія ихъ земельной собственностью. У крестьянъ разныхъ категорій размѣры выкупаемыхъ участковъ оказались различными. Всего хуже пришлось въ этомъ отношеніи помѣщичьимъ крестьянамъ, такъ какъ владѣльцы ихъ большею частью имѣли интересъ продать крестьянамъ какъ можно меньше земли, а себѣ оставить какъ можно больше. Такимъ образомъ, почти $^3/_4$ помѣщичьихъ крестьянъ (73%) получили надѣлы отъ десятины и менѣе до 4-хъ дес. на душу. Между тѣмъ $^3/_4$ удѣльныхъ крестьянъ (74,9%) обезпечены надѣлами отъ 2 до 6 десят., а изъ госу-

дарственныхъ большая часть (70,7%) получила отъ 4 до 10 дес. и больше (и 25% отъ 2 до 4 дес.). Если считать достаточнымъ для крестьянскаго хозяйства средній государственный надѣлъ, то изъ государственныхъ надѣлены были при выкупѣ недостаточно только 13,7%, а изъ помѣщичьихъ 42,6%, т. е. количество, втрое большее.

Обратимся теперь къ исторіи тѣхъ отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли, образовалось современное крестьянское сословіе: къ исторіи крестьянъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ.

Исторія помѣщичьихъ (и вообще владѣльческихъ) крестьянъ тѣсно переплетается съ исторіей другихъ сословій: естественно поэтому, что отмѣченные нами прежде періоды въ развитіи дворянскаго и городского сословія совпадаютъ съ періодами въ исторіи владѣльческихъ крестьянъ. Въ исторіи дворянства и горожанъ мы нашли четыре различные періода. Древнѣйшій періодъ (до конца XV вѣка) тамъ и здѣсь характеризуется отсутствіемъ юридическихъ разграниченій между сословіями, полной неустойчивостью сословныхъ связей, отсутствіемъ сословной организаціи. Во второмъ періодѣ (XVI и особенно XVII в.) усиливающаяся государственная власть закрѣпощаетъ сословія на государственную службу натурой или деньгами: закрѣпощая ихъ, она этимъ самымъ устанавливаетъ рѣзкія грани между сословіями и даетъ имъ принудительную организацію. Третій періодъ (XVIII в.) состоитъ, напротивъ, въ раскрѣпощеніи сословій. Освобождая ихъ отъ обязательной службы, правительство пытается дать имъ сословныя привилегіи и автономную организацію. Наконецъ, четвертый періодъ характеризуется отмѣной сословныхъ привилегій, юридическимъ сліяніемъ старыхъ сословныхъ группъ и началомъ новой общественной группировки. Короче, мы можемъ назвать эти періоды — періодомъ первоначальнаго смѣшенія, закрѣпощенія, раскрѣпощенія и разрушенія старыхъ сословій.

Отдѣлы, соотвѣтствующіе всѣмъ этимъ періодамъ, мы найдемъ и въ исторіи владѣльческаго крестьянства—съ нѣкоторыми, однако же, различіями. Въ древнѣйшемъ періодѣ, когда «вольные слуги» кочуютъ отъ князя къ князю и когда городское населеніе юридически не выдѣляется отъ деревенскаго—въ самомъ деревенскомъ населеніи мы отмѣтили уже прежде нѣкоторые элементы принудительной организаціи. Мы видѣли, что правительство подъ давленіемъ татарскаго ига, сгруппировало нѣкоторую, по крайней мѣрѣ, часть населенія въ тяглыя «сотни» и записало ихъ въ «данскія» книги. Эти «численные люди», «данные» и «письменные»,

были уже тогда закрѣплены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ записаны. Съ другими владѣльцами и князьями заключалось постоянное условіе, «а тяглыхъ тебѣ моихъ людей, данскихъ и письменныхъ, къ себѣ въ села не принимати». Такова была древнѣйшая форма прикрѣпленія крестьянъ, притомъ, свойственная всѣмъ ихъ категоріямъ одинаково. Конечно, это прикрѣпленіе было пока чисто податное: подобно городскому прикрѣпленію древнѣйшаго времени, здѣсь подать была прикрѣплена къ тяглу, а не къ тяглецу,—къ участку, а не къ его обитателю, который могъ свободно уйти, поставивъ за себя жильца. Когда начался второй періодъ сословной исторіи—періодъ прикрѣпленія жителей къ ихъ занятіямъ,—такого податного прикрѣпленія крестьянъ оказалось недостаточно. На крестьянъ легла новая обязанность: содержать обширное, вновь сформированное служилое сословіе. Бѣдное деньгами государство поступило такъ, какъ поступали и на Западѣ въ подобномъ случаѣ; оно заплатило своимъ служилымъ людямъ землей, но не простой землей, которая въ московскомъ государствѣ ничего не стоила, а землей, населенной крестьянами. Кому принадлежали раньше эти земли и на какомъ основаніи населеніе этихъ земель обязано было «слушать» своихъ новыхъ хозяевъ, «подати имъ платить и всякое издѣлье дѣлать, чѣмъ ихъ изоброчать»,—объ этомъ едва ли возникалъ вопросъ въ то время. Но, какъ бы то ни было, новая обязанность, возложенная на крестьянство, считалась особымъ видомъ службы *государству*. Хотя государство и не позаботилось установить границы обязанностей крестьянъ относительно ихъ «помѣщиковъ», тѣмъ не менѣе ни земля, данная за службу, ни, тѣмъ болѣе, крестьяне не считались отданными помѣщику въ полную собственность. Крестьянинъ смотрѣлъ на служилаго человѣка, котораго онъ обязанъ былъ «слушать» и подати ему платить,—какъ на царскаго слугу, а на свое подчиненіе ему, какъ на временную форму казеннаго вознагражденія за его службу. Совершенно такъ поставленъ былъ вопросъ и въ византійскомъ, турецкомъ и югославянскомъ законодательствѣ относительно военныхъ участковъ (см. выше, стр. 143). Такъ смотрѣло, конечно, вначалѣ и само правительство; въ одномъ документѣ средины XVI в. выставляется даже, въ интересахъ крестьянства, требованіе, чтобы служилые люди жили не на отведенныхъ имъ военныхъ участкахъ, а въ городахъ, въ сборныхъ пунктахъ, куда и должны были бы доставляться всѣ «установленные» сборы съ назначенныхъ на ихъ содержаніе «ратаевъ». (Ср. выше, стр. 158).

Однако же, о такомъ устройствѣ можно было только меч-

тать въ государствѣ, не имѣвшемъ еще собственныхъ органовъ для выполненія самыхъ важнѣйшихъ своихъ функцій. Если бы правительство могло установить *такія* отношенія между крестьянами и помѣщиками, то оно могло бы и ввести иную форму вознагражденія послѣднихъ. При тогдашнихъ же условіяхъ, сношенія съ крестьянами правительство должно было предоставить самимъ помѣщикамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно лишалось и всякой возможности контроля надъ этими отношеніями. Все, о чемъ оно особенно заботилось,—сводилось къ контролю надъ военной *службой*;—и въ этомъ отношеніи выработана была самая детальная регламентація (см. выше, стр. 211). Но относительно взаимныхъ правъ и обязанностей «ратаевъ» и отданныхъ имъ въ «послушаніе» земледѣльцевъ, правительство не позаботилось сдѣлать никакихъ законодательныхъ распоряженій. Не только оно не могло думать о защитѣ интересовъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, но на первыхъ же порахъ ему пришлось рѣшительно стать на сторону помѣщичьихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что недостаточно было дать служилымъ людямъ населенныя земли: надо было позаботиться о томъ, чтобы населеніе этихъ земель оставалось на мѣстѣ. Одной записи въ тягло было для этого слишкомъ мало. Правда, подъ вліяніемъ ли тягла или независимо отъ этого вліянія, нѣкоторая часть населенія привыкла къ своимъ мѣстамъ; сплошь и рядомъ въ документахъ XVI вѣка встрѣчаются «старожильцы», которые живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и полвѣка, и больше: и правительство кончаетъ тѣмъ, что признаетъ право владѣльца на такихъ старожильцевъ, начинаетъ считать ихъ «крѣпкими» ему «по старинѣ». Большая часть крестьянъ продолжаетъ, однако, бродить отъ одного владѣльца къ другому, вступая съ каждымъ изъ нихъ въ добровольное и временное соглашеніе. Этихъ-то вольныхъ людей правительство старается теперь всячески укрѣпить за владѣльцами; къ тому же стремятся, конечно, и сами владѣльцы. Тѣ и другіе дѣйствуютъ при этомъ такими средствами, какія находятся въ ихъ власти. Правительство законодательнымъ порядкомъ устанавливаетъ высокія пошлины съ уходящихъ отъ владѣльца крестьянъ—въ качествѣ платы за пользованіе избой («пожилое»); оно опредѣляетъ законный срокъ разсчета (Юрьевъ день); и въ случаѣ, если крестьянинъ ушелъ отъ владѣльца не въ срокъ и безъ платежа пошлинъ, т.-е. безъ правильнаго «отказа»,—правительство считаетъ такого крестьянина «бѣглымъ» и даетъ на него владѣльцу право иска и возвращенія судебнымъ порядкомъ. Съ своей стороны, и владѣлецъ принимаетъ мѣры, чтобы закрѣ-

пить себѣ крестьянина; лучшимъ средствомъ для этого служитъ выдача крестьянину «ссуды» на первоначальное обзаведеніе. Въ такой ссудѣ нуждалось большинство крестьянства; получивъ отъ 2 до 5 рублей (отъ 50 до 125 р. на наши деньги), крестьянинъ терялъ всякую возможность расплатиться съ хозяиномъ, и, такимъ образомъ, принужденъ былъ оставаться на его землѣ безсрочно: тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ нарушенія контракта, онъ обязанъ былъ выплатить еще особую неустойку («зарядъ»). Всѣхъ этихъ средствъ было бы совершенно достаточно, чтобы обезпечить помѣщику крестьянъ, если бы не примѣшались два непредвидѣнныя обстоятельства. Во-первыхъ, каждый помѣщикъ хлопоталъ о прикрѣпленіи собственныхъ крестьянъ, но въ то же время всячески препятствовалъ прикрѣпленію крестьянъ своего сосѣда, стараясь всѣми силами переманить ихъ къ себѣ. Законный «отказъ» и выходъ сталъ для крестьянина очень труденъ къ концу XVI в., но на смѣну выходу явился «вызовъ». Владѣльцы или общины, искавшіе работниковъ и тяглецовъ, разсылали своихъ агентовъ повсюду съ цѣлью «отказывать» себѣ крестьянъ изъ-за старыхъ владѣльцевъ. Новый хозяинъ охотно принималъ на себя уплату всѣхъ долговъ, лежавшихъ на крестьянинѣ, только бы перевезти его на свою землю. Воспротивиться такому «вывозу», если всѣ условія «отказа» были соблюдены, старый владѣлецъ не имѣлъ права Такимъ образомъ, свобода перехода крестьянъ превратилась въ свободу конкурренціи изъ-за крестьянъ между землевладѣльцами; конечно, при этомъ выиграли наиболѣе зажиточные хозяева, имѣвшіе возможность дать крестьянину наибольшую льготу. Эта конкурренція еще более обострилась тѣмъ обстоятельствомъ, что съ середины XVI вѣка открылась возможность колонизаціи новыхъ земель (стр. 56—7); народный потокъ хлынулъ туда, а въ старомъ московскомъ центрѣ земли стали пустовать, и явился усиленный спросъ на рабочія руки *). Правительство было завалено исками о возвра-

*) Сравнительная численность разныхъ формъ перехода въ концѣ XVI вѣка видна будетъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1580 г. въ тверской вотчинѣ князя Симеона Бекбулатовича (20 селъ и 473 деревни) числилось 2.217 крестьянъ. Изъ этого числа въ ближайшія пять лѣтъ до 1580 г. ушло 305 человѣкъ, т. е. около 14%. Но изъ числа ушедшихъ только 53 (17% или около 2% всѣхъ крестьянъ) смогли «выйти» сами, т.-е. разсчитаться своими средствами съ хозяиномъ. Нѣсколько большее количество «выбѣжало», т.-е. ушло безъ законнаго отказа (65 чел., 21% или около 3% всѣхъ крестьянъ); владѣлецъ имѣлъ право отыскивать ихъ законнымъ порядкомъ. Большая же часть (188 чел., 62% или около 9% всѣхъ крестьянъ) были «вывезены» дру-

щенiи незаконно ушедшихъ. На первыхъ порахъ оно не нашло ничего лучшаго, какъ попытаться сократить число этихъ исковъ: указомъ 1597 г. запрещено было принимать жалобы отъ тѣхъ, кто не успѣлъ подать ихъ въ теченiе пяти лѣтъ до этого года, Это значило, что всѣ незаконно ушедшiе съ своихъ мѣстъ раньше 1592 г., могутъ законно оставаться на своихъ мѣстахъ жительства и не считаются «бѣглыми». *Такимъ образомъ, результаты самаго горячаго времени колонизацiи степи и поволжья были оффицiально признаны правительствомъ.* Естественно, что въ служиломъ классѣ коренного московскаго центра эта мѣра должна была вызвать страшнѣйшее раздраженiе. Тогда Борисъ Годуновъ, вообще старавшiйся добиться расположенiя мелкихъ служилыхъ людей, рѣшился успокоить ихъ мѣрой совершенно противоположнаго характера. Въ 1601 г. и еще разъ въ 1602 г.—оба раза только на одинъ годъ—запрещено было крестьянамъ уходить изъ московскаго центра на окраины, и въ то же время свобода «вывоза» крестьянъ оставлена только мелкимъ служилымъ людямъ между собою, а крупнымъ—между собою. Такимъ образомъ, самые опасные конкурренты для мелкаго помѣщика, крупные хозяева, устранялись отъ конкурренцiи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и положенiе крестьянъ существенно измѣнилось. Теперь уже «бѣглыми» были не только тѣ крестьяне, которые ушли, не исполнивъ условiй своей «порядной», своего свободнаго договора; всякiй крестьянинъ, «вывезенный» за «сильнаго человѣка», былъ бѣглымъ, и даже хуже, чѣмъ бѣглымъ, такъ какъ тутъ къ нарушенiю обязанности со стороны крестьянина присоединялось нарушенiе закона со стороны принявшаго его хозяина. Правда, въ слѣдующiе годы законъ Бориса, повидимому, не подтверждался, да и скоро правительству стало не до того, чтобы разрѣшать вопросы сословной политики. Наступила смута и новая династiя застала положенiе дѣла самымъ неопредѣленнымъ. Съ одной стороны, уже во время смуты поговаривали о томъ, чтобы вообще запретить всякiе переходы крестьянъ; съ другой стороны, переходы эти стали легче, чѣмъ прежде, такъ какъ законъ 1597 г. стали толковать въ томъ смыслѣ, что отыскивать бѣглаго крестьянина вообще можно только въ теченiе пяти лѣтъ послѣ побѣга. Съ одной стороны, мелкiе служи-

гими владѣльцами. Такимъ образомъ, «вывозъ» былъ главной формой перехода. На мѣсто ушедшихъ пришло и вновь порядилось въ крестьянство всего 27 человѣкъ. Въ итогѣ, слѣдовательно, въ самый короткiй промежутокъ времени хозяйство Симеона потеряло 13% рабочаго населенiя.

лые люди твердо стояли на почвѣ закона 1601 года и считали «бѣглыми» всѣхъ, перезванныхъ «сильными людьми»; съ другой—«сильные» люди свободно продолжали переманивать крестьянъ и старались привязать ихъ къ себѣ какъ можно прочнѣе. Въ это время вошло въ обычай брать съ крестьянъ запись особаго рода: вмѣсто простой «порядной» крестьянинъ давалъ на себя такъ называемую *«ссудную запись»*. Здѣсь онъ навсегда отказывался отъ права уплатить взятую у хозяина ссуду, обязывался никуда не «выходить» отъ новаго хозяина и давалъ ему заранѣе право отыскивать себя повсюду и «отовсюду къ себѣ взяти». Можно себѣ представить положеніе стараго хозяина, когда передъ судомъ новый владѣлецъ выкладывалъ такой документъ. На что онъ могъ сослаться въ доказательство своихъ правъ на бывшаго своего крестьянина? Онъ ссылался, обыкновенно, на «старину»; но чтобы доказать, что отыскиваемый крестьяннинъ былъ его «старинный», надо было представить какую-нибудь «крѣпость», какой-нибудь документъ, въ которомъ этотъ крестьянинъ былъ записанъ въ его имѣніи. И уже никакія доказательства ни къ чему не служили, если новому владѣльцу удавалось укрыть у себя крестьянина въ теченіе пяти лѣтъ: тогда послѣдній оставался за нимъ по праву давности.

Естественно, что мелкіе служилые люди начинаютъ добиваться при новой династіи, чтобы бѣглый навсегда оставался бѣглымъ, т.-е. чтобы уничтожена была давность для исковъ о бѣглыхъ, которой не было «при прежнихъ государяхъ»; чтобы разнаго рода владѣнные документы на землю признавались достаточными «крѣпостями» на крестьянъ, чтобы сильнымъ людямъ вообще запрещено было вывозить за себя крестьянъ. Мало-по-малу, правительство уступаетъ: срокъ давности удлиняется до 10 лѣтъ, а потомъ и вовсе уничтожается; всѣ крестьяне, записанные въ новую дворовую перепись 1647—48 гг., признаются крѣпостными и *всякій* переходъ ихъ къ кому бы то ни было съ этого времени считается бѣгствомъ. Такимъ образомъ, служилое сословіе торжествуетъ побѣду надъ взаимной конкурренціей изъ-за крестьянъ, послѣ того, какъ оно давно уже восторжествовало надъ свободнымъ переходомъ крестьянъ. Остается, правда, еще кое-какое гулящее населеніе, не попавшее въ перепись; но теперь уже всякій договоръ такого гулящаго человѣка съ хозяиномъ заключается въ формѣ ссудной записи, т.-е. дѣлаетъ его вполнѣ крѣпостнымъ; и всякій такой случай поступленія «въ крестьянство» отмѣчается въ правительственномъ учрежденіи—помѣстномъ приказѣ.

По мѣрѣ того, какъ крестьянинъ закрѣпляется за владѣльцемъ, растетъ и власть надъ нимъ послѣдняго. Никто не вмѣшивается въ область ихъ взаимныхъ отношеній. Правительство заботится только о томъ, чтобы крестьянинъ не выходилъ изъ крестьянства, т.-е. чтобы онъ не переставалъ быть плательщикомъ: до остального ему нѣтъ никакого дѣла. Такимъ образомъ, уже въ XVII вѣкѣ, едва сложившись формально, крѣпостное право является со всѣми аттрибутами неограниченной власти человѣка надъ человѣкомъ. Съ самаго начала вѣка помѣщикъ безъ стѣсненія отрываетъ крестьянина отъ земли, переводитъ его въ дворовую прислугу, переселяетъ въ другія имѣнія, дробитъ крестьянскія семьи, дѣлитъ, мѣняетъ ихъ; навѣрное, тогда же начинается и прямая продажа крестьянъ. Судьей своихъ крестьянъ помѣщикъ былъ, вѣроятно, уже и въ XVI вѣкѣ; въ XVII вѣкѣ на помѣщичьемъ дворѣ можно уже встрѣтить тюрьму, кандалы и рогатки, а въ арсеналѣ судебныхъ доказательствъ появляются самыя изысканныя московскія пытки. Право наказанія не ограничивалось никакими предѣлами. Уложеніе, правда, при одномъ частномъ случаѣ, велитъ «приказывать накрѣпко» господину, чтобъ онъ не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ подвластнаго ему человѣка; но и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ законъ ничѣмъ не обезпечивалъ личности крѣпостного. Даже въ случаѣ убійства крѣпостного, владѣлецъ не несъ опредѣленной законами отвѣтственности. И при всемъ томъ законъ нисколько не ограничивалъ какихъ бы то ни было гражданскихъ правъ крестьянина, такъ что на практикѣ положеніе его было полно самыхъ рѣзкихъ противорѣчій. Крестьянинъ могъ быть проданъ помѣщикомъ—и въ то же время могъ покупать собственныхъ крѣпостныхъ; онъ подлежалъ помѣщичьему суду—и въ то же время являлся передъ обычными судами въ роли полноправнаго истца или отвѣтчика; имущество его входило въ составъ господскаго имущества—и одновременно онъ могъ самостоятельно входить въ имущественныя сдѣлки съ казной, посторонними лицами и даже съ собственнымъ владѣльцемъ: онъ былъ равноправнымъ — или равнообязаннымъ — членомъ общины, и вполнѣ зависѣлъ отъ личнаго произвола хозяина или его приказчика; онъ былъ крѣпокъ землѣ, и, повидимому, безъ всякаго спроса владѣльца могъ уходить на заработки и оставаться внѣ общины цѣлыми годами. И всѣ эти противорѣчія сводились къ одному коренному. Съ одной стороны, владѣніе крѣпостными продолжало считаться только средствомъ вознагражденія служилыхъ людей за ихъ службу, т.-е. было одной изъ формъ казен-

наго жалованья; съ другой, уже складывалось на практикѣ отношеніе къ крѣпостному, какъ къ полной собственности владѣльца.

Третій періодъ въ исторіи владѣльческаго сословія далъ рѣшительный перевѣсъ послѣднему взгляду на крѣпостное право. Оно сохраняло государственный характеръ, пока соединено было съ обязательной военной службой землевладѣльцевъ. Служба крестьянина помѣщику представлялась естественнымъ послѣдствіемъ службы помѣщика государству; закрѣпощеніе крестьянъ оправдывалось закрѣпощеніемъ самаго дворянства. Но въ XVIII вѣкѣ началось, какъ мы знаемъ, раскрѣпощеніе дворянства и превращеніе его въ привилегированное сословіе. Первымъ шагомъ къ этому раскрѣпощенію было отдѣленіе дворянской службы отъ дворянскаго землевладѣнія. Обязанность службы была сохранена и даже усилена Петромъ, но владѣніе бывшимъ служилымъ участкомъ (все равно, помѣстьемъ или вотчиной) перестало зависѣть отъ службы и превращено было знаменитымъ указомъ о единонаслѣдіи (1714) въ полную дворянскую собственность. Манифестъ 18 февраля 1762 г. и жалованная грамота Екатерины II дворянству закончили то, что было начато указомъ о единонаслѣдіи: дворянство окончательно освободилось отъ обязательной службы и получило подтвержденіе и даже расширеніе всѣхъ своихъ владѣльческихъ правъ. Что же должно было статься теперь съ крѣпостными? Сами они твердо помнили, что кормятъ царскаго слугу; если царь освободилъ его отъ службы, то ихъ онъ долженъ былъ, по ихъ убѣжденію, освободить отъ обязанности его кормить. Вотъ почему послѣ манифеста о вольности дворянства крѣпостные стали ждать и для себя такого же манифеста; не дождавшись его, они рѣшили, что манифестъ о ихъ вольности уже данъ, но только помѣщики его скрываютъ. При этомъ убѣжденіи, несмотря ни на что, они остались вплоть до освобожденія; и самое освобожденіе съ своей старой точки зрѣнія они поняли такъ, что царь, наконецъ, отдаетъ имъ землю, — которую они продолжали упорно считать своею,—а своихъ слугъ хочетъ наградить за ихъ службу царскимъ жалованьемъ.

Правительственная точка зрѣнія совершенно разошлась въ этомъ случаѣ съ народной. Въ тотъ моментъ, когда крестьяне начали ждать свободы, законъ превратилъ ихъ въ полную собственность дворянъ. *Государственный* характеръ этой собственности совершенно стушевался, и на первый планъ выступилъ *частный*. Правительство уже не ограничивалось пассивнымъ отношеніемъ къ положенію крѣпостныхъ: цѣлымъ рядомъ указовъ оно старалось провести новый взглядъ на нихъ, какъ на приви-

легированную дворянскую собственность. Постепенно крѣпостные лишаются права свободно уходить на промыслы (1726), брать откупы и подряды (1731), обязываться векселями и вступать въ поручительство (1761). Право продажи крѣпостныхъ, признанное закономъ уже въ концѣ XVII в., формально подтверждается въ 1747; но, кромѣ того, дается помѣщикамъ право ссылки въ Сибирь (1760), у крестьянъ отнимается право жалобы на помѣщиковъ (1767 г.). Отдавъ, такимъ образомъ, крѣпостныхъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ, правительство старается гарантировать себѣ только исправность платежей; для этой цѣли оно все настойчивѣе и настойчивѣе требуетъ послѣ Петра (1731, 1762), чтобы помѣщики взяли на себя отвѣтственность за правильный взносъ податей и поставку рекрутъ, и все опредѣленнѣе возлагаетъ на нихъ обязанность заботиться о прокормленіи крестьянъ во время голода, о снабженіи ихъ сѣменами въ случаѣ неурожая. Изъ частыхъ напоминаній помѣщикамъ обо всѣхъ этихъ обязанностяхъ можно заключить, что онѣ далеко не всегда выполнялись. Самые добросовѣстные изъ помѣщиковъ перелагали свои обязанности на крестьянъ, заставляя ихъ покупать рекрутъ въ складчину и наполнять своимъ хлѣбомъ запасные магазины. Большинство же и вовсе не заботилось о выполненіи обязанностей. Не имѣя, такимъ образомъ, возможности настоять даже на томъ, что его ближайшимъ образомъ интересовало, правительство, естественно, тѣмъ менѣе имѣло побужденій вмѣшиваться во внутреннія отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ. Область этихъ отношеній оставалась, по прежнему, незатронутой никакими законодательными опредѣленіями. Въ концѣ концовъ, такая неопредѣленность взаимныхъ отношеній, усердно оберегавшихся дворянствомъ отъ всякихъ посягательствъ законодателя,—послужила крестьянству на пользу, когда рѣчь зашла о ликвидаціи этихъ отношеній. Вездѣ на Западѣ сословная сила облеклась въ этомъ случаѣ въ формы права; земледѣльческое сословіе имѣло тамъ достаточно сословнаго такта, чтобы закрѣпить документомъ и защитить закономъ каждую частность своихъ крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему новѣйшему законодательству приходилось отвоевывать шагъ за шагомъ крестьянскую свободу, ставя на мѣсто стараго права новое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимныхъ отношеній. У насъ это было сдѣлать легче, такъ какъ законодательство представляло совершенную tabula rasa въ области крѣпостныхъ отношеній. Новое право не замѣняло здѣсь стараго, а явилось на смѣну полному отсутствію юридической точки зрѣнія. Въ этомъ смыслѣ, русское крѣпостное право сра-

внительно съ крѣпостнымъ правомъ Европы—тоже, что деревянный «острогъ» русской крѣпости сравнительно съ каменнымъ феодальнымъ замкомъ: ломкое, непрочное зданіе, безъ перегородокъ внутри, безъ контрфорсовъ снаружи. Чтобы разрушить твердыню средневѣковаго крѣпостничества понадобились столѣтія, тогда какъ одного почерка пера оказалось совершенно достаточнымъ, чтобы опрокинуть гнилое зданіе барскаго произвола.

Пришелъ ли этотъ «почеркъ пера» слишкомъ рано, какъ утверждаютъ одни, или, напротивъ, слишкомъ поздно, какъ говорятъ другіе? Несомнѣнно, что уничтоженіе крѣпостного права въ 1861 году соединено было съ значительными потерями для двбрянства нѣтъ основаній не вѣрить тѣмъ разсчетамъ, по которымъ потеря выгодъ, соединенныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, доходила до трети всего состоянія помѣщиковъ. Несомнѣнно, что если бы законодательство преслѣдовало ту цѣль, которую постоянно ставили крестьянской реформѣ представители власти отъ Екатерины II до Александра II, т.-е. если бы оно задавалось мыслью сдѣлать такъ, чтобы бытъ крестьянъ былъ улучшенъ, а помѣщикъ не пострадалъ, или даже выигралъ, то мы долго не дождались бы рѣшенія вопроса. Рѣшеній перепробовано было много въ теченіе цѣлаго столѣтія передъ освобожденіемъ; всѣ они оказались одинаково несостоятельными, такъ что путемъ простого исключенія правительство могло бы придти къ единственно возможному рѣшенію, принятому 19 февраля 1861 г. Началось, конечно, съ попытокъ частныхъ улучшеній; но правительство Екатерины II, также какъ и правительство Императора Николая I, должно было придти къ заключенію, что никакія отдѣльныя улучшенія невозможны, если оставить по прежнему ту неопредѣленность отношеній, которая составляла сущность нашего крѣпостного права. Регламентировать же серьезно эти отношенія ни одно правительство не рѣшилось; а когда рѣчь о такой регламентаціи зашла передъ освобожденіемъ крестьянъ, то наше дворянство ясно показало, что всякой подобной регламентаціи оно предпочитаетъ полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія самого дворянства, радикальное разрѣшеніе вопроса оказалось единственно возможнымъ. Какого рода должна была быть эта радикальная развязка, относительно этого предъидущая исторія крестьянскаго вопроса тоже не оставляла никакихъ сомнѣній. Первой мыслью было—дать крестьянамъ личную свободу, а землю оставить помѣщикамъ. Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго такое рѣшеніе считалось даже либеральнымъ; а постепенное развитіе экономической жизни Россіи сдѣлало это настолько выгод-

нымъ для помѣщиковъ, что наиболѣе развитая часть дворянства прямо стала желать освобожденія крестьянъ безъ земли. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде земля безъ крѣпостныхъ ничего не значила, то теперь она стала пріобрѣтать совершенно самостоятельную цѣнность. Помѣщикъ не могъ обойтись безъ дарового труда, пока онъ извлекалъ изъ своей земли продукты исключительно для личнаго потребленія. Сама по себѣ земля ничего бы ему не дала: понятно, что цѣнность ея измѣрялась для него количествомъ прикрѣпленныхъ къ ней рабочихъ рукъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Натуральное хозяйство начало уступать мѣсто мѣновому, земледѣльческіе продукты стали предметомъ сбыта внутри и внѣ страны; цѣны ихъ постепенно росли; вмѣстѣ съ тѣмъ возростала доходность хозяйства и поднимались цѣны годной для обработки земли. При этихъ условіяхъ даровой трудъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ быстро потерялъ свою привлекательность. Не трудно было убѣдиться, что трудъ этотъ — даровой только по видимости. На самомъ дѣлѣ, помѣщикъ платилъ крѣпостному, выдѣляя ему извѣстный клочекъ земли для его собственнаго хозяйства. Чѣмъ доходнѣе становился этотъ клочекъ, отданный крѣпостному, тѣмъ, значитъ, дороже обходились помѣщику его услуги; а производительность крѣпостного труда далеко уступала производительности труда свободнаго. Министръ Перовскій, самъ сторонникъ крѣпостного права, въ одномъ изъ секретныхъ комитетовъ Императора Николая (1845) прямо заявлялъ, что «опыты обработки земель наемными людьми въ губерніяхъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и другихъ показали, что тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ *ненаселенной* земли при подобномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противу *помѣщика*». Естественно, что помѣщики хлѣбородной полосы «сами начали понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдо-невыгодныя отношенія». Лучше всего было бы, конечно, съ ихъ точки зрѣнія, отпустить крѣпостныхъ на всѣ четыре стороны. Но достаточно было знать русскаго крестьянина, чтобы понять, что съ такимъ рѣшеніемъ онъ не помирится. Вотъ почему всѣ сколько-нибудь свѣдущіе защитники владѣльческихъ интересовъ всегда признавали безземельное освобожденіе неосуществимымъ въ настоящемъ и только настаивали на томъ, чтобы подготовить постепенно его осуществленіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Возникалъ по временамъ и другой проектъ развязки крѣпостныхъ отношеній. Если отдать крестьянину землю было неже-

лательно, а отнять ее у него — невозможно, то нельзя ли было избрать средній путь: оставивъ собственность на землю за помѣщиками, крестьянамъ передать право вѣчнаго пользованія ихъ участками за опредѣленныя повинности. Этотъ проектъ, чуждый условіямъ русской жизни, послужилъ, однако же, лишь для того, чтобы выяснить вообще неудовлетворительность среднихъ рѣшеній. Одна мысль о регламентаціи взаимныхъ отношеній и объ установленіи вѣчной обязательности ихъ для обѣихъ сторонъ приводила владѣльческое сословіе въ ужасъ. Притомъ же, нашимъ помѣщикамъ трудно давалось юридическое понятіе dominium directum. Права собственности они никакъ не могли представить себѣ безъ права распоряженія; отдача земли въ наслѣдственное пользованіе казалась имъ полной—и притомъ даровой—потерей имущества.

Итакъ, если уже развязка была необходима, оставалось только одно — остановиться на мысли, которая на первый взглядъ казалась возмутительной и революціонной: на мысли объ отдачѣ земли крестьянамъ. Возмутительной представлялась, собственно, въ этомъ исходѣ только идея принудительной экспропріаціи дворянской земли. Поэтому ни Императоръ Николай, ни Императоръ Александръ II не рѣшались сдѣлать передачу земли крестьянамъ обязательной для дворянства. Но разъ идея *обязательности* была, такимъ образомъ, устранена, продажа крестьянамъ земли могла сдѣлаться для помѣщиковъ даже выгодной операціей. Все зависѣло тутъ отъ условій продажи. Мы видѣли, что помѣщикъ хлѣбородной полосы къ серединѣ нашего вѣка сталъ предпочитать совсѣмъ отдѣлаться отъ крестьянъ. Но, если это было нельзя, онъ могъ съ выгодой для себя уступить крестьянину такой маленькій клочекъ земли, который самъ по себѣ не обезпечивалъ бы средствъ для существованія и для уплаты повинностей. Въ такомъ случаѣ, помѣщикъ освобождался отъ всего, что, по выраженію Перовскаго, дѣлало его отношенія къ крестьянину «тягостными»: избавлялся отъ неудовлетворительнаго и дорогого теперь крѣпостного труда, отъ «неопредѣленности крестьянскихъ обязанностей», а также и отъ своей «тяжкой обязанности—кормить крестьянъ на свой счетъ» въ случаѣ неурожая. Взамѣнъ того, онъ пріобрѣталъ дешеваго наемнаго работника, который находился въ полной отъ него зависимости и съ которымъ, въ то же время, онъ не былъ ничѣмъ связанъ формально. Въ сѣверной нехлѣбородной половинѣ Роосіи—разстаться съ землей помѣщику было еще легче. Здѣсь онъ уже и прежде, большею частью, не занимался хозяйствомъ и даже не жилъ въ деревнѣ, а получалъ

съ крестьянъ, за всѣ ихъ обязанности, круглую цифру «оброка» *). Трудность при развязкѣ крѣпостныхъ отношеній была тутъ другая. Земля была не нужна помѣщику, потому что съ нея здѣсь немного можно было выручить; но и крестьянинъ выручалъ въ этой мѣстности барскій оброкъ не съ земли, а съ промысловъ, служившихъ здѣсь издавна подспорьемъ землледѣлію. Стало быть, отдавъ крестьянину землю за то, чего она здѣсь стоила, помѣщикъ не вознаградилъ бы себя за потерю оброка; такъ или иначе онъ долженъ былъ добиться вознагражденія не за одну землю, но также и за теряемое имъ право на промышленный трудъ крестьянина.

Итакъ, освобожденіе крестьянъ съ землей могло бы быть выгодно помѣщикамъ только при томъ условіи, чтобы въ хлѣбородной полосѣ до крайности были урѣзаны размѣры надѣла, а въ промышленной — цѣна за землю была бы назначена выше ея естественной стоимости, принимая въ разсчетъ и внѣземледѣльческіе заработки крестьянина. Въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ прямо разсчитывалъ получить выкупъ за личность крѣпостного, а въ первомъ—онъ могъ надѣяться остаться фактическимъ распорядителемъ свободнаго крестьянскаго труда. Затѣмъ, за ликвидацію крѣпостныхъ отношеній посредствомъ выкупа говорила и настоятельная нужда многихъ помѣщиковъ — расплатиться съ долгами кредитнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Всѣ эти соображенія могли перевѣсить въ глазахъ помѣщиковъ опасеніе тѣхъ потерь, которыя по необходимости вытекали изъ упраздненія множества даровыхъ услугъ и натуральныхъ приношеній. Но, конечно, этого было слишкомъ недостаточно, чтобы побудить дворянство взять на себя иниціативу въ упраздненіи крѣпостного права. Извѣстно, до какой степени неподготовленной оказалась къ реформѣ масса рядового дворянства, и какія усилія дѣлалъ владѣльческій классъ, чтобы затормозить эмансипацію. Иниціативу взяло на себя правительство, и, конечно, оно руководилось при этомъ не измѣненіями въ экономическомъ строѣ помѣщичьяго хозяйства. Гораздо

*) Къ послѣдней четверти XVIII в. въ нечерноземныхъ губерніяхъ было на оброкѣ больше половины (55%) всего крѣпостного населенія, тогда какъ въ черноземныхъ губерніяхъ число оброчныхъ едва превышало четверть (26%), остальные были на барщинѣ. Ко времени крестьянскаго освобожденія эта разница между югомъ и сѣверомъ сдѣлалась еще рѣзче: въ 8 нечерноземныхъ губерніяхъ, въ которыхъ при Екатеринѣ II было 54% оброчныхъ, ко времени освобожденія ихъ было уже 63,8%, т. е. около двухъ третей. Напротивъ, на черноземѣ число оброчныхъ, крестьянъ, въ общемъ, не увеличилось, а во многихъ губерніяхъ даже уменьшилось.

большее значеніе могла имѣть мысль, что крѣпостное право вообще стоитъ на дорогѣ всему экономическому развитію цѣлой страны. Эта мысль должна была, конечно, утвердить въ обществѣ мнѣніе о необходимости реформы. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что рѣшающую роль въ возбужденіи вопроса о реформѣ сыграли не эти соображенія объ экономической необходимости эмансипаціи, а, съ одной стороны, чисто моральныя побужденія; съ другой соображенія государственной безопасности. Если угодно, эти двѣ причины суть двѣ стороны одной и той же причины. Одно и то же нравственное сознаніе невыносимости крѣпостной зависимости руководило общественнымъ мнѣніемъ въ его сознательныхъ стремленіяхъ къ реформѣ и самой народной массой въ ея стихійныхъ попыткахъ освободиться изъ подъ помѣщичьяго гнета. Уже Императрица Екатерина II высказала опасеніе, что «если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе роду человѣческому нестерпимаго наказанія, то и противъ воли сами оную (свободу) возьмутъ рано или поздно». Эта мысль, поддерживаемая непрерывными все болѣе и болѣе численными волненіями крестьянъ, не оставляла преемниковъ Екатерины, пока, наконецъ, Императоръ Александръ II не повторилъ ее въ своемъ знаменитомъ обращеніи къ московскому дворянству: «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу». Заявленная громко передъ всей Россіей, эта же мысль объясняетъ намъ, какимъ образомъ сперва одинъ человѣкъ, потомъ, еще двое, потомъ не болѣе дюжины искренно убѣжденныхъ могли разрушить до основанія зданіе крѣпостного права, лицомъ къ лицу съ раздраженными криками сословія, затронутаго въ своихъ существенныхъ интересахъ, и съ внушительнымъ спокойствіемъ массы. Конечно, владѣльческій классъ употребилъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать развязку выгодной для себя. И южный помѣщикъ получилъ возможность урѣзать надѣлы и сѣверный добился замаскированнаго выкупа личности крестьянина (посредствомъ повышенной оцѣнки «первой десятины» надѣла). Въ результатѣ крестьяне получили земли меньше, чѣмъ имъ было нужно, и принуждены были заплатить за нее больше, чѣмъ она стоила. Съ этими послѣдствіями освобожденія — съ малоземельемъ и съ несоотвѣтствіемъ между платежами за землю и ея доходностью—правительству приходится и до сихъ поръ считаться. Покупка земель съ помощью крестьянскаго банка и переселенія крестьянъ на свободныя земли должны были помочь малоземелью; пониженіе выкупныхъ платежей, разсрочка ихъ и отмѣна подушной подати должны были уравнять финансовыя тягости съ размѣрами крестьянскихъ доходовъ. Нечего и прибавлять, что, не-

смотря на все сдѣланное на этомъ пути, — еще гораздо больше остается сдѣлать.

Итакъ, крестьянская реформа осуществилась далеко не такъ, какъ этого требовали интересы крестьянства. Но было бы трудно винить за это дѣятелей эмансипаціи. Нужно знать, въ какой обстановкѣ приходилось имъ дѣйствовать и какія условія ставила для освобожденія противная сторона, чтобы оцѣнить вполнѣ, какъ много было все-таки сдѣлано для крестьянъ. «Вѣсы реформы» были, дѣйствительно, наклонены въ сторону помѣщичьихъ интересовъ, но это случилось уже послѣ того, какъ немногочисленные адвокаты крестьянскаго дѣла успѣли сильно перегнуть ихъ въ сторону своихъ кліентовъ. Въ итогѣ, конечно, все-таки получился компромиссъ, и очень невыгодный для крестьянства; но между окончательнымъ исходомъ дѣла и первоначальными предложеніями дворянства (даже либеральной части его) мы находимъ такую огромную разницу, что остается только удивляться, какимъ образомъ защитникамъ крестьянскихъ интересовъ удалось сдѣлать такъ много въ предѣлахъ скромной отведенной имъ роли—подготовителей и «редакторовъ» реформы. Слѣдующая табличка можетъ наглядно показать, въ какихъ предѣлахъ велась борьба по коренному вопросу—о размѣрахъ надѣла—и какъ велики были ея результаты.

Въ 6 губерніяхъ *) до реформы находились въ распоряженіи крестьянъ		5.986 тыс. дес.
Изъ этого числа предложено было вернуть дворянамъ при освобожденіи.		
1. Дворянствомъ (въ губернскихъ комитетахъ)	2.979 тыс. дес.	
(*Въ такомъ случаѣ осталось бы у крестьянъ всего*		*3.007*)
2. Сторонниками освобожденія въ редакціонныхъ комиссіяхъ, въ 1-й періодъ ихъ дѣятельности	825	
(*Въ такомъ случаѣ крестьянамъ осталось бы*		*5.161*)
3. Послѣ пересмотра ихъ предположеній, при новомъ консервативномъ предсѣдателѣ редакціонныхъ комиссій	938	
4. При окончательномъ рѣшеніи дѣла (въ Главномъ комитетѣ по крест. дѣлу)	1.022	
5. Сами крестьяне отказались по правилу		

*) По этимъ губерніямъ сообщены Н. П. Семеновымъ нужныя намъ свѣдѣнія (Казанская, Воронежская, Саратовская, Псковская, Новгородская и Симбирская).

о дарственномъ (нищенскомъ) надѣлѣ, введенному крѣпостниками	180	
Отдано крестьянамъ на выкупъ. .		*4.784*
Осталось земли у помѣщиковъ (въ 5 губерн.).	9.020	
Осталось бы, если бы осуществились отрѣзки, предложенные дворянствомъ	10.563	

Какъ видимъ, дворянство хотѣло отобрать у крестьянъ въ этихъ губерніяхъ половину существовавшихъ въ моментъ освобожденія надѣловъ, тогда какъ сторонники эмансипаціи предполагали отрѣзать меньше $^1/_7$. Послѣ всѣхъ усилій крѣпостникамъ удалось оставить за собой нѣсколько болѣе $^1/_6$ части крестьянской земли, т. е. все-таки *втрое* меньше, чѣмъ они желали. Но если бы даже имъ удалось, какъ они хотѣли, уменьшить крестьянскій надѣлъ вдвое, то отъ этого ихъ собственныя владѣнія увеличились бы только на 16⁰/₀. Осталось во владѣніи помѣщиковъ почти вдвое болѣе, чѣмъ продано крестьянамъ, т. е. они поступились всего третью своихъ земель.

Намъ пора перейти теперь къ исторіи другихъ отдѣловъ русскаго крестьянства: крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ. Крестьяне удѣльные составляли ко времени освобожденія до 900.000, т. е. незначительную сравнительно часть въ общей цифрѣ крестьянства того времени (22 милліона душъ муж. пола). Названіе ихъ «удѣльные» появилось только сто лѣтъ тому назадъ, въ 1797 г. когда Императоръ Павелъ своимъ «Учрежденіемъ объ Императорской фамиліи» выдѣлилъ эту группу крестьянъ въ вѣдомство «Удѣла». Но самая группа «удѣльныхъ» крестьянъ существовала и раньше: подъ названіемъ «дворцовыхъ» она восходитъ къ самымъ древнимъ временамъ нашей исторіи. Въ древнѣйшій періодъ, правда, «дворцовые» крестьяне сливались съ казенными крестьянами вообще, какъ и само дворцовое управленіе сливалось съ государственнымъ. Въ составъ дворцовыхъ волостей попали, повидимому, всѣ волости центральной Руси, не принадлежавшія частнымъ собственникамъ: въ основу легли при этомъ волости и села, купленныя или другими способами пріобрѣтенныя великими князьями; но уже въ XIV—XV в. къ этому ядру присоединяются и всѣ вообще «черныя», то-есть, свободныя крестьянскія волости московскаго центра; существовалъ даже терминъ для обозначенія перехода черныхъ волостей въ распоряженіе князя, «окняженіе». «Окняживъ» черныя волости, великій князь распоряжался ими по усмотрѣнію: дарилъ, продавалъ, мѣнялъ съ другими частными собственниками и т. д.

Изъ всей этой первоначальной массы государственныхъ волостей собственно дворцовыя волости выдѣляются, повидимому,

не ранѣе средины XVI в.; раньше мы видѣли, что въ то же время выдѣляется и вообще дворцовое управленіе изъ общегосударственнаго (стр. 188). Съ половины XVI в. до начала XVIII в. дворцовыя волости находятся въ завѣдываніи Большого Дворца; число ихъ послѣ Ивана Грознаго постепенно увеличивается: въ 1646 г. считалось въ завѣдываніи Большого Дворца 27.200 дворовъ, а въ 1678 г. уже 90.550 дворовъ. Но съ этого времени по 1711 г. роздано было изъ дворцовыхъ волостей больше 43 тысячъ дворовъ; въ 1711 г. считалось въ дворцовомъ вѣдомствѣ только около 50 тысячъ дворовъ. Съ начала XVIII в. Большой Дворецъ былъ уничтоженъ и замѣненъ дворцовой канцеляріей. Въ ея вѣдомствѣ и оставались дворцовые крестьяне до Екатерины II; при введеніи ею губернскихъ учрежденій дворцовыя имѣнія распредѣлились (какъ распредѣлялись уже одно время и при Петрѣ) между губерніями и съ этихъ поръ находились, какъ и государственныя имущества вообще, въ вѣдомствѣ казенныхъ палатъ. Съ 1797 г. дворцовые крестьяне снова были выдѣлены въ особую группу, и завѣдываніе ими опять сосредоточено въ особомъ центральномъ «удѣльномъ» вѣдомствѣ. Наконецъ, послѣ крестьянскаго освобожденія, съ 1863 г., какъ мы говорили выше, они были переведены на выкупъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Группа *государственныхъ* крестьянъ, по численности приблизительно равная группѣ помѣщичьихъ, составилась изъ весьма различныхъ элементовъ не раньше XVIII столѣтія. Главными составными частями этой группы *) были, такъ называемые, черносошные, однодворцы и ясачные крестьяне (т. е. инородцы, платившіе прямую подать, называвшуюся «ясакъ»). Всѣ три отдѣла государственныхъ крестьянъ расположились по разнымъ окраинамъ Московскаго государства: черносошные на сѣверѣ, однодворцы на югѣ и ясачные на востокѣ. На далекій сѣверъ, въ теперешнюю Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, сѣверныя части Вятской и Пермской губ., вліяніе московскаго правительства проникало довольно медленно. Гарнизоновъ военныхъ здѣсь держать было не нужно, такъ какъ съ сѣвера не грозила никакая опасность; раздавать въ такой отдаленности земли служилымъ людямъ было безполезно, такъ какъ на мѣстѣ ихъ служба была не нужна, а на московскую службу они не могли отсюда поспѣвать во время. Поэтому, служилое землевладѣніе сюда почти

*) Кромѣ такъ-называемыхъ «экономическихъ» крестьянъ, т. е. бывшихъ монастырскихъ, отданныхъ въ XVIII в. въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи.

совсѣмъ не проникло. Во время крестьянскаго освобожденія въ составѣ крестьянъ Олонецкой губ. было всего до $4^1/_2{}^0|_0$ крѣпостныхъ, въ Вятской — немного болѣе $2^1/_2{}^0/_0$, а въ Архангельской на всю губернію приходилось крѣпостныхъ всего 20 человѣкъ. Въ XVII вѣкѣ всѣ эти мѣстности выдѣлялись въ особый отдѣлъ именно на основаніи того, что въ нихъ служилыхъ людей вовсе не было. Служилый человѣкъ изъ Москвы являлся сюда только на время, или какъ воевода, или какъ сборщикъ податей; но уже очень рано правительство начало передавать управленіе краемъ и сборъ податей мѣстныхъ выборнымъ властямъ; къ началу XVIII в. правительственные воеводы и сборщики были здѣсь вовсе отмѣнены *). Такимъ образомъ, здѣшнее крестьянство и городское сословіе управлялись сами собою; поэтому здѣсь и создались самыя широкія формы крестьянскаго и посадскаго самоуправленія. Не только крестьянская волость составляла одно самоуправляющееся цѣлое, но мѣстами встрѣчаемъ выборное управленіе цѣлымъ «уѣздомъ»,—высшей областной единицей Московскаго государства: выборные изъ крестьянъ и посадскихъ засѣдали во «всеуѣздной избѣ», въ центрѣ обширнаго округа. Главной задачей этихъ выборныхъ властей было собираніе податей: мы знаемъ, что русскій сѣверъ въ XVII в. игралъ роль денежнаго сундука для правительства и былъ несравненно тяжеле другихъ частей государства обложенъ податями. (стр. 164).

Населеніе этой части государства носило названіе «черныхъ сохъ». Исключительно широкое самоуправленіе «черносошныхъ» крестьянъ привело нѣкоторыхъ изслѣдователей къ выводу, что здѣсь на сѣверѣ сохранилась въ чистомъ видѣ первобытная русская община. Однако же, такой выводъ не подтверждается при ближайшемъ разсмотрѣніи. Сѣверная волость, дѣйствительно, управляла, раскладывала и собирала подати, судила своихъ членовъ сама, другими словами, она, дѣйствительно, была общиной административной, судебной, финансовой; но она не была общиной хозяйственной (стр. 159—60). Участки земли, обработанные членами общины, составляли собственность не всей общины, а отдѣльныхъ хозяевъ, которые могли продавать, покупать, завѣщать ихъ, словомъ, распоряжались своими участками, какъ полною собственностью.

Такимъ образомъ, въ эпоху Московскаго государства на сѣверѣ не было еще общиннаго землевладѣнія. Мы видѣли, что

*) Ср. выше стр. 233

ъ то время общинное землепользованіе,—хозяйство крестьянина
а общинной землѣ, — существовало уже съ давнихъ поръ въ
центрѣ, на владѣльческихъ земляхъ. Отсюда, изъ центра, об-
щинные порядки распространяются и на сѣверъ, въ среду чер-
носошныхъ, но уже въ XVIII в. и притомъ преимущественно въ
концѣ его. Любопытно, что и самый переходъ общины изъ цен-
тра на сѣверъ связанъ съ перемѣной во взглядѣ на черносош-
кое землевладѣніе. Съ «черными сохами» случилось то же, что
ъ черными землями центра. Мы видѣли, что уже въ очень древ-
ее время правительство «окняжило» эти земли, т. е. превратило
хъ изъ свободной въ казенную собственность. «Черныя сохи»
ѣвера правительство тоже склонно считать своею собственно-
тью, но на сѣверѣ этотъ правительственный взглядъ сталки-
ается съ крестьянскимъ взглядомъ, по которому черныя сохи
уть свободная крестьянская собственность. До самаго XVIII в.
равительство оказывается безсильнымъ провести свой взглядъ
дѣлаетъ уступки взгляду мѣстнаго крестьянства. Но съ на-
ала XVIII в. московское правительство становится рѣшительнѣе
настойчивѣе. Петръ облагаетъ черносошныхъ, кромѣ подуш-
ой, еще особою дополнительною *оброчною* податью и этимъ фор-
ально ставитъ ихъ въ такое же отношеніе къ правительству,
ъ какомъ стояли помѣщичьи крестьяне относительно помѣщика:
ѣ и другіе платятъ оброкъ,—слѣдовательно, тѣ и другіе при-
наются не собственниками своихъ участковъ, а арендаторами
ужой земли, казенной или помѣщичьей. И такъ, со времени вве-
денія оброчной подати (1724) черносошные становятся формально
осударственными крестьянами, а черныя сохи—государственной
обственностью. Въ концѣ вѣка правительство рѣшилось сдѣ-
ать изъ своего права собственности и практическое примѣне-
іе,—распорядиться по хозяйски крестьянскими участками, кото-
ые крестьяне продолжали считать своей частной собственностью.
Коммиссія, посланная для усмиренія волненій олонецкихъ черно-
сошныхъ, прямо рѣшила ввести у черносошныхъ общинное зе-
млевладѣніе: «между крестьянами земли и всѣ угодья, смѣшавъ,
раздѣлить на тягла по душамъ и по имуществу»; дальнѣйшіе
передѣлы «предоставить на общее самихъ же ихъ мірское урав-
неніе», а «родословія и наслѣдства ихъ отрѣшить; продажи, за-
клады, мѣны и покупки уничтожить». Отмѣна частной собствен-
ности на землю, установившейся вѣками, конечно, была встрѣ-
чена съ неудовольствіемъ, вызвала отпоръ и окончательно про-
ведена была не раньше 30-хъ годовъ нашего столѣтія. Такъ слѣ-
довательно, недавно появилось на сѣверѣ общинное землевладѣніе.

Совершенно тотъ же ходъ дѣла встрѣтимъ у южнаго отдѣла государственныхъ крестьянъ, у бывшихъ однодворцевъ. По самому происхожденію своему однодворцы были не общинниками, а свободными собственниками. Однодворцы и другіе мелкіе служилые люди были поселены правительствомъ каждый на своемъ участкѣ на тогдашней военной границѣ: они должны были оборонять тѣ укрѣпленныя линіи, которыя воздвигало на югѣ для защиты отъ степи московское правительство (стр. 57—8). Эти военныя поселенія явились, слѣдовательно, одновременно съ устройствомъ оборонительныхъ линій, — на промежуткѣ отъ половины XVI в. до половины XVII вѣка Позже оборона границы была устроена, какъ мы знаемъ, иначе; съ половины XVII в. на югѣ селятся малороссійскіе полки, за ними устроенная Петромъ «ландмилиція», и, наконецъ, славянскіе военные выходцы. Такимъ образомъ, однодворческія поселенія въ поясѣ между Тульской и Бѣлгородской оборонительной чертами оказываются далеко отодвинутыми отъ новыхъ границъ и ихъ военная служба становится ненужной. Тогда Петръ записываетъ этихъ старыхъ служилыхъ людей въ подушный окладъ и превращаетъ ихъ въ крестьянство. Такимъ образомъ, группа однодворцевъ одновременно съ черносошными входитъ въ составъ государственныхъ крестьянъ; однодворческая земля начинаетъ, какъ и черносошная, считаться государственной. Однако же, тутъ новый взглядъ было еще труднѣе провести, чѣмъ на сѣверѣ; многіе изъ владѣльцевъ старинныхъ служилыхъ (такъ наз. «четвертныхъ», т. е. «положенныхъ въ *четверти*» и «измѣренныхъ въ десятины» правительственнымъ чиновникомъ при формальномъ отводѣ) участковъ сохраняли еще документы на владѣніе этими участками,— документы, данные самимъ правительствомъ. Превратить частное землевладѣніе однодворцевъ въ общинное нельзя было, конечно, одною какой-нибудь общей мѣрой безъ согласія владѣльцевъ. Однако же правительство старалось осуществить этотъ переходъ при всякомъ удобномъ случаѣ: и старанія эти были настолько успѣшны, что въ срединѣ XIX-го вѣка 533 тыс. душъ уже перешли къ общинному владѣнію и только 540 тыс. душъ сохранили владѣніе частное («четвертное»). Во вторую половину вѣка и до нашего времени этотъ переходъ къ общинѣ непрерывно, хотя и медленно, продолжался.

Итакъ, среди главныхъ разрядовъ государственныхъ крестьянъ общинное землевладѣніе есть совсѣмъ свѣжій продуктъ исторіи. Напротивъ, у крестьянъ владѣльческихъ оно создалось вѣками. Если такимъ образомъ, несмотря на различіе времени и условій жизни,

среди всѣхъ отдѣловъ русскаго крестьянства установилась одинаковая форма соціально-экономическаго быта, то мы должны заключить, что форма эта продолжаетъ поддерживаться какими-нибудь общими причинами, дѣйствующими во всей Россіи на пространствѣ вѣковъ. Эти причины мы уже указали раньше: это, съ одной стороны, низкій уровень экономическаго развитія, съ другой, финансовыя требованія государства. Устанавливая общинные порядки на сѣверной и южной окраинѣ, правительство прошлаго и первой половины настоящаго вѣка руководилось тѣми же соображеніями, которыя вызвали созданіе такой организаціи въ XIII и слѣдующихъ столѣтіяхъ. Свободная собственность не могла обезпечить правительству исправнаго платежа податей. У черносошныхъ и у однодворцевъ свобода землевладѣнія повела за собою свои обычныя послѣдствія. Земельные участки стали скопляться въ рукахъ зажиточныхъ и ускользать изъ рукъ бѣдныхъ владѣльцевъ; съ одной стороны, создалась вліятельная группа лицъ, имѣющихъ возможность (на сѣверѣ) перелагать свои повинности и платежи на бѣдняковъ, за которыми эти платежи пропадали въ вѣчной недоимкѣ; съ другой — явилась масса безземельныхъ, которымъ только и оставалось идти въ батраки къ деревенскимъ богачамъ; наконецъ, значительная часть земли вовсе ушла изъ крестьянскаго сословія, перейдя въ собственность покупателей изъ другихъ сословій. Въ отпоръ всѣмъ этимъ соціальнымъ явленіямъ правительство и поспѣшило ввести на окраинахъ тотъ же самый принципъ равномѣрнаго надѣленія землей за равномѣрныя повинности, къ которому оно привыкло въ центрѣ. Уравненіе повинностей являлось при этомъ главной цѣлью, а равномѣрное надѣленіе — испытаннымъ средствомъ, лучше всего приводившимъ къ цѣли.

Вся эта система аграрной политики покоилась на одной основной идеѣ: что земля въ Россіи принадлежитъ не крестьянамъ, а—или государству, или душевладѣльцамъ. Естественно, что переходъ въ 60-хъ годахъ къ выкупу крестьянскихъ надѣловъ долженъ былъ поколебать самыя основанія системы. Дѣятели крестьянскаго освобожденія исходили изъ мысли о благодѣтельности индивидуальной собственности для экономическаго развитія страны. Изъ всѣхъ членовъ редакціонныхъ коммиссій не было ни одного (кромѣ Ю. Самарина), кто бы не былъ увѣренъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ на благо Россіи община должна разрушиться и уступить свое мѣсто болѣе подвижнымъ формамъ землевладѣнія. Подъ вліяніемъ этой мысли законодательство открыло настежъ двери индивидуалистическимъ вліяніямъ

на общину и въ теченіе нѣкотораго времени воздерживалось отъ какого бы то ни было государственнаго вмѣшательства во внутреннія отношенія деревни. Послѣдствія не замедлили сказаться. Земская статистика 80-хъ годовъ констатировала цѣлый рядъ симптомовъ, свидѣтельствовавшихъ о разложеніи общины, особенно среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Передѣлы земли, казалось, выходили изъ употребленія; надѣльные участки зачастую фактически превращались въ наслѣдственные, а иногда такое превращеніе закрѣплялось и формальными приговорами о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному. Сознаніе того, что каждый хозяинъ выкупаетъ *своими* деньгами *свою* будущую собственность не могло не вызвать всѣхъ этихъ явленій. Но дѣло пошло уже и дальше. Раздѣлъ общинной земли нерѣдко служилъ лишь средствомъ для ея немедленной продажи своему же зажиточному сосѣду или на сторону—купцу, кабатчику и т. п. Къ тому же приводилъ и дозволенный статьей 165 Положенія досрочный выкупъ надѣловъ отдѣльными хозяевами: выкупъ этотъ возрасталъ въ геометрической прогрессіи, по мѣрѣ того, какъ приближался срокъ окончанія выкупа, и, слѣдовательно, на землѣ все меньше и меньше оставалось выкупного долга. Въ результатѣ, въ деревню проникли посторонніе элементы, а значительная часть деревенскаго населенія превратилась въ безземельныхъ. Словомъ, повторилось все то, что мы видѣли на черныхъ и однодворческихъ земляхъ до конца XVIII в. И правительство снова употребило противъ этихъ явленій прежнія средства: оно обратилось, въ послѣдніе годы, къ мѣрамъ охраны, имѣющимъ цѣлью—съ одной стороны, пріостановить мобилизацію крестьянской собственности, съ другой — регулировать общинное пользованіе ею. Каковы бы ни были мотивы, руководившіе при этомъ законодателемъ, среди нихъ побужденія чисто фискальнаго характера все еще играютъ не послѣднюю роль.

Изъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась наша община, одна *эта* причина продолжаетъ дѣйствовать, какъ дѣйствовала прежде. Сильно перемѣнился общій тонъ экономической жизни; земледѣльческія занятія въ значительной части Россіи начали, наконецъ, интересовать населеніе, — по крайней мѣрѣ, часть его, не какъ неизбѣжное средство расквитаться съ повинностями или кое-какъ просуществовать, а какъ выгодный источникъ дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, появилось и могущественное побужденіе къ пріобрѣтенію личной земельной собственности. Давно исчезла и та хозяйственная рука, которая давала общинѣ ея хозяйственное единство. По мѣрѣ развитія

личной инициативы и правового сознанія въ отдѣльныхъ членахъ общины, власть общины все болѣе стала чувствоваться, не какъ взаимное обезпеченіе отъ окружающаго насилія и безправія, а какъ воплощеніе этого безправія и насилія надъ личностью. Наконецъ, община, наряду съ обычнымъ правомъ, все болѣе становится такого рода пережиткомъ прошлаго, который является «одіозной привилегіей» бывшаго «податного сословія» и мѣшаетъ его слиянію съ другими общественными слоями по отношенію къ праву и самоуправленію. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ, только тяглый характеръ общинной организаціи (не исчерпываемый только-что отмѣненной круговой порукой) продолжаетъ сохраняться и сохранять общину отъ распаденія. Но общій ходъ нашей податной исторіи (стр. 158—170) не оставляетъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно развяжется и этотъ послѣдній узелъ, соединяющій членовъ общины принудительной связью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезнетъ главный мотивъ, руководившій до сихъ поръ нашей аграрной политикой при охранѣ общины. Сохранитъ ли и при этомъ условіи наше законодательство свою стародавнюю тенденцію—охранять крестьянскую общину, или оно уступитъ передъ напоромъ новыхъ, индивидуалистическихъ стремленій,—на этотъ вопросъ отвѣтить теперь довольно трудно.

Общественное мнѣніе, до сихъ поръ стоявшее за общину и, несомнѣнно, повліявшее на охранительную политику 80-хъ—90-хъ годовъ, въ настоящее время колеблется между требованіями соціальнаго равенства и индивидуальной свободы, причемъ послѣдняя пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ въ самыхъ разнообразныхъ лагеряхъ. Взглядъ, по которому сельская община считалась переходной ступенью къ свободной ассоціаціи на началахъ соціальнаго равенства и кратчайшимъ путемъ къ достиженію послѣдняго—взглядъ, раздѣлявшійся передовыми группами русской интеллигенціи съ 60-хъ годовъ, пересталъ быть господствующимъ даже среди этихъ группъ. Противъ него стоитъ другой взглядъ—что путь къ указанной цѣли лежитъ въ направленіи индивидуальной свободы и, слѣдовательно, предварительнаго разрушенія общины. Если для перваго взгляда община была могилой капитализма, то для второго она есть только его преддверіе, которое надо скорѣе миновать, чтобы раздѣлаться съ послѣдними остатками до-капиталистическаго крѣпостного періода. Здѣсь не мѣсто разбирать, который изъ этихъ двухъ взглядовъ «утопическій» и который «научный»; замѣтимъ только, что послѣдній взглядъ, несомнѣнно, идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія и, считаясь съ фактами дѣйствитель-

ности, даетъ въ то же время поддержку естественной историческoй тенденціи. Но куда ведетъ этотъ путь, мы видѣли даже въ предѣлахъ настоящей главы, не говоря уже о западныхъ параллеляхъ. Естественно, что общественное мнѣніе колеблется и, потерявъ вѣру въ теоретическую правоту прежняго взгляда, не рѣшается принять неизбѣжныхъ практическихъ послѣдствій второго. На дѣлѣ, это настроеніе должно разрѣшиться осторожными уступками наличнымъ индивидуалистическимъ тенденціямъ, при чемъ придется, несомнѣнно, сдѣлать различие между мѣстностями, гдѣ такія тенденціи особенно сильны, и другими мѣстностями, гдѣ община, благодаря тѣмъ или другимъ особеннымъ условіямъ, продолжаетъ сохранять свою старинную живучесть. Едва ли можно сомнѣваться, что, въ общемъ, демаркаціонная линія пройдетъ здѣсь между южной половиной Россіи, которая во всѣхъ отношеніяхъ является болѣе воспріимчивой къ явленіямъ новаго времени, и русскимъ сѣверо-востокомъ.

Важнѣйшія пособія: *А. В. Ходскій*. Земля и земледѣлецъ. 2 тома. Спб. 1891 г. (въ первомъ томѣ—положеніе европейскихъ крестьянъ; во второмъ—ходъ и результаты земельнаго выкупа разными категоріями крестьянъ). *К. П. Побѣдоносцевъ*. Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1875. («Историческіе очерки крѣпостного права въ Россіи»), *В. И. Семевскій*. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, т. I. Спб. *Его же*. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. 2 тома. Спб. 1888. Новѣйшія данныя о ходѣ крестьянской реформы, см. у *Н. П. Семенова*. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра, 3 тома (въ 4 книгахъ). Спб. 1889—1892. О результатахъ реформы, кромѣ Ходскаго, см. еще Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. *Ю. Янсона*. Особенности исторіи черносошныхъ крестьянъ прекрасно выясняются въ статьѣ г-жи *А. Я. Ефименко*. Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ Сѣверѣ, см. ея «Изслѣдованія народной жизни». М. 1884. См. также статьи *В. В.* «Начало передѣловъ земли на сѣверѣ Россіи», «Русская Мысль» 1897, XI—XII. Параллельныя данныя для исторіи однодворческаго землевладѣнія см. у *В. И. Семевскаго*. Казенные крестьяне при Екатеринѣ II, «Русская Старина» 1879 г. I—VI. *Н. А. Благовѣщенскаго*. Четвертное право. М. 1899. Сводъ данныхъ земской статистики объ общинѣ см. въ соч. *В. В.* Крестьянская община (Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики, т. I). Цифровыя данныя земской статистики сведены въ книгѣ *Н. А. Благовѣщенскаго*: Сводный статистическій сборникъ хозяйственныхъ свѣдѣній по земскимъ подворнымъ переписямъ. Т. I. Крестьянское хозяйство. М. 1893. Новѣйшія правительственныя мѣропріятія въ пользу крестьянской общины и вопросъ о ея будущемъ обсуждаются въ книгѣ *Ѳ. Тернера*, Государство и землевладѣніе, ч. I, Спб. Крестьянское землевладѣніе 1896 г. Данныя о переходахъ крестьянъ въ XVI в. взяты изъ соч. *И. Лаппо*. Тверской уѣздъ въ XVI ст. Дальнѣйшія указанія см. въ статьѣ «Крестьяне» Энциклопедическаго словаря *Арсеньева* и *Петрушевскаго*.

Итоги.

Резюме сдѣланныхъ выводовъ. — Общія черты ихъ. — Своеобразіе русскаго историческаго процесса и преувеличеніе этой основной черты во взглядѣ націоналистовъ. — Элементарность русскаго процесса и преувеличеніе этой черты во взглядѣ западниковъ.—Первый взглядъ страдаетъ недостаткомъ анализа, второй — недостаткомъ синтеза историческихъ условій. — Вопросъ о сохраненіи традиціи и о заимствованіи новыхъ формъ.—Что такое настоящая культурная традиція?

Дѣлая наблюденія надъ русской демографіей, экономическимъ, политическимъ и соціальнымъ строемъ, мы постоянно встрѣчались съ нѣкоторыми общими чертами, проходящими красной нитью черезъ весь русскій историческій процессъ и сообщающими разнымъ сторонамъ этого процесса единообразный характеръ. Въ заключеніе первой части нашихъ «Очерковъ» будетъ нелишнимъ еще разъ остановиться на этихъ общихъ чертахъ, снова пересмотрѣть ихъ и свести въ одно цѣлое.

Начавъ съ наблюденій надъ количественнымъ и качественнымъ составомъ русскаго населенія, мы пришли къ заключенію, что въ томъ и другомъ отношеніи Россія представляетъ большую разницу сравнительно съ Западной Европой. По степени населенности она далеко отстала отъ Запада и стоитъ на такой точкѣ, которая много вѣковъ тому назадъ превзойдена Западной Европой; и притомъ вопросъ, способна ли Россія по мѣстнымъ условіямъ когда-либо достигнуть плотности населенія, подобной Западу,—остается открытымъ. Размѣщеніе русскаго населенія по всей русской территоріи совершалось въ теченіе всей исторіи России, затянулось до нашего времени и до сихъ поръ далеко не пришло въ соотвѣтствіе съ естественными условіями почвы и климата. Наконецъ, въ этнографическомъ отношеніи, точно также черезъ всю исторію шелъ процессъ слиянія и ассимиляціи различныхъ племенныхъ элементовъ, до сихъ поръ не закончившійся. Перейдя затѣмъ къ

экономическому развитію русскаго населенія, мы должны были вывести, что и это развитіе совершалось медленно и достигло сравнительно невысокой степени. Такъ, мы видѣли, что черезъ всю исторію Россіи проходитъ процесъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ страны, по преимуществу зоологическихъ; что земледѣльческая культура развивается, исключая центра, очень поздно; ограничивается, опять-таки, расхищеніемъ природныхъ почвенныхъ силъ и стоитъ до сихъ поръ на очень низкой степени развитія. Промышленность старой Россіи, какъ мы видѣли, носила по преимуществу домашній характеръ; крупная же капиталистическая промышленность искусственно создана была государствомъ и до сихъ поръ не можетъ или не хочетъ обходиться безъ усиленнаго покровительства. Экономической неразвитости страны соотвѣтствовало, до самаго послѣдняго времени, плохое состояніе сообщеній. Разобщенность различныхъ частей Россіи вела за собой сокращеніе размѣровъ внутренняго рынка. Внутренняя торговля носила, при этихъ условіяхъ, совершенно элементарный—караванный и ярмарочный характеръ. Внѣшняя торговля Россіи отличалась пассивностью и находилась преимущественно въ рукахъ иностранцевъ, нуждавшихся въ русскихъ товарахъ. Капиталъ былъ рѣдокъ, и пользованіе имъ, при медленности обмѣна и величинѣ риска, оплачивалось чрезвычайно высокимъ процентомъ. Слабое развитіе промышленной жизни препятствовало развитію кредита, а неблагопріятныя условія кредита, въ свою очередь, мѣшали развитію промышленныхъ предпріятій и поддерживали на черезчуръ высокомъ уровнѣ норму предпринимательской прибыли. Кредитныя учрежденія возникли только сто лѣтъ тому назадъ, благодаря правительственному почину, и долго служили скорѣе орудіемъ государственной политики, чѣмъ средствомъ торгово-промышленнаго оборота. Частный починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ только нашему времени; до нижнихъ же слоевъ населенія, наиболѣе нуждающихся въ кредитѣ, кредитъ и до сихъ поръ не дошелъ.

На такомъ непрочномъ фундаментѣ могла сложиться только очень элементарная общественная организація и притомъ очень трудно и медленно. При элементарномъ развитіи матеріальныхъ интересовъ не было достаточно сильныхъ импульсовъ для соціальной дифференціаціи; не было и достаточно прочныхъ и сложныхъ матеріальныхъ связей, которыя могли бы служить основаніемъ для рѣзкой сословной группировки. Такимъ образомъ, общественный матеріалъ оставался разрозненнымъ, безформеннымъ, хаотически перемѣшаннымъ до тѣхъ поръ, пока не яви-

лась столь же элементарная потребность въ усиленіи государственной власти. Потребность эта явилась у насъ не изнутри, не вслѣдствіе внутренняго развитія общества, а вслѣдствіе внѣшней необходимости—государственной защиты. Сильная государственная власть нужна была для военной обороны страны, и военныя потребности надолго остались первенствующими потребностями государства. Для ихъ удовлетворенія государство должно было создать общественную организацію, скрѣпить общественныя связи. Такимъ образомъ, возникла волостная связь крестьянскихъ (и городскихъ) міровъ для удовлетворенія потребности въ деньгахъ и уѣздная связь служилаго сословія для удовлетворенія потребности въ войскѣ. По мѣрѣ увеличенія государственныхъ нуждъ и по мѣрѣ отягощенія населенія налогами, связь эта становилась все болѣе и болѣе принудительною и привела, наконецъ, въ XVII вѣкѣ ко всеобщему закрѣпощенію сословій: крестьянскаго такъ же, какъ и городского и служилаго. Это закрѣпощеніе впервые въ Россіи положило рѣзкія границы между сословіями и существенно содѣйствовало развитію ихъ внутренней организаціи. Съ XVIII столѣтія начинается обратное движеніе къ раскрѣпощенію, и при прямомъ содѣйствіи правительства сословія начинають проникаться духомъ внутренней самостоятельности. Однакоже, это развитіе сословнаго духа въ XVIII вѣкѣ не имѣло почвы въ исторіи русскихъ сословій и въ концѣ концовъ оказалось временнымъ и наноснымъ продуктомъ переходной эпохи; дальнѣйшее развитіе общественной самодѣятельности совершалось въ противоположномъ смыслѣ безсословности, и въ результатѣ получилось къ нашему времени полное разрушеніе и перетасовка старыхъ сословныхъ элементовъ.

Тѣ же причины, которыя помѣшали развитію сословной жизни въ Россіи, казалось, должны бы были содѣйствовать развитію государственности. Но государственность Россіи не становилась въ разрѣзъ съ сословной жизнью и употребляла или даже создавала сословныя группы, какъ орудія для своихъ правительственныхъ цѣлей. Причиной этого было то, что и правительству долго не хватало собственныхъ правительственныхъ органовъ: развитіе правильнаго управленія совершалось въ Россіи чрезвычайно медленно. Правительственныя учрежденія создавались подъ вліяніемъ неотложной нужды и соотвѣтствовали характеру этой нужды, т.-е. носили по преимуществу финансовый и военный характеръ. Собственно управленіе и судъ стояли для правительства на второмъ планѣ и примыкали къ учрежденіямъ финансовымъ и военнымъ. Безсистемное накопленіе приказовъ, сосредоточеніе

всѣхъ провинціальныхъ дѣлъ въ Москвѣ, по преимуществу въ финансовыхъ и военныхъ учрежденіяхъ—таковы главныя черты старой московской администраціи. Переходъ къ новому порядку создается путемъ введенія систематически соподчиненныхъ центральныхъ учрежденій и путемъ организаціи болѣе или менѣе самостоятельной областной единицы. Со второй половины XVIII вѣка, со времени Екатерины II, создается въ Россіи правильное областное устройство, со времени Александра I устанавливаются правильныя отношенія между областными учрежденіями и центральными, и со времени Александра II нѣкоторая часть областныхъ дѣлъ передается въ вѣдѣніе всесословнаго мѣстнаго самоуправленія. Въ этотъ только періодъ времени правительство получаетъ возможность систематически преслѣдовать въ области управленія болѣе широкія государственныя задачи, охранять и развивать въ населеніи чувство законности путемъ болѣе точнаго опредѣленія того, что должно считаться закономъ и путемъ болѣе дѣйствительнаго контроля за его примѣненіемъ на мѣстѣ. Только въ это время, наконецъ, становится возможнымъ освобожденіе цѣлаго сословія изъ-подъ власти другого, уравненіе гражданскихъ правъ и обязанностей разныхъ классовъ, и установленіе одинаковаго для всѣхъ права и равнаго для всѣхъ суда.

Если мы захотимъ формулировать общее впечатлѣніе, которое получается при сравненіи всѣхъ затронутыхъ нами сторонъ русскаго историческаго процесса съ тѣми же сторонами историческаго развитія Запада, то, кажется, можно будетъ свести это впечатлѣніе къ двумъ основнымъ чертамъ. Въ нашей исторической эволюціи бросается въ глаза: во-первыхъ, ея крайняя *элементарность*, во-вторыхъ, ея совершенное *своеобразіе*. Обѣ эти черты были давно подмѣчены, и каждая изъ нихъ легла въ основаніе одного изъ двухъ противоположныхъ взглядовъ на ходъ русской исторіи. По первому изъ этихъ взглядовъ, русская исторія есть нѣчто настолько своеобразное, что ничего подобнаго мы не найдемъ ни въ какомъ другомъ историческомъ процессѣ. Между Россіей и Европой такъ же нѣтъ ничего общаго, какъ не можетъ быть ничего общаго между двумя различными зоологическими типами, напримѣръ, между рыбами и млекопитающими: въ основѣ ихъ историческаго развитія лежатъ совершенно различные, цѣльные и неразложимые на составные элементы національные типы, несравнимые и несоизмѣримые между собою. Всѣ отдѣльныя черты каждаго національнаго типа вытекаютъ изъ его основной сущности и находятся другъ съ другомъ въ самой неразрывной связи. Привить какую-нибудь черту

одного изъ этихъ типовъ другому такъ же не возможно, какъ заставить рыбу дышать легкими, а млекопитающее жабрами. Такимъ образомъ, и въ общемъ, и въ частностяхъ историческое развитіе русскаго народа было, есть и будетъ совершенно самобытно, своеобразно и не похоже ни на какую другую національную исторію.

Таковъ взглядъ на русскую исторію нашихъ націоналистовъ. Другой взглядъ исходитъ изъ наблюденія другой отмѣченной черты: элементарности русскаго историческаго развитія. По этому взгляду всѣ народности проходятъ одинаковую лѣстницу общественнаго развитія, и вся разница русской исторіи отъ западной заключается въ томъ, что она не пошла пока дальше первыхъ ступеней этой лѣстницы. Въ дальнѣйшемъ Россія будетъ продолжать свою эволюцію и пройдетъ тѣ же ступени, какія уже пройдены или проходятся Западомъ.

Который же изъ двухъ взглядовъ вѣренъ? Представляетъ ли Россія совсѣмъ особый типъ національнаго развитія, или только одну изъ ступеней, давно пройденныхъ Европой? Мы поймемъ всю важность этого вопроса, если замѣтимъ, что отъ того или другого отвѣта на него зависитъ наше представленіе о дальнѣйшемъ развитіи, о будущности Россіи. Такая важность вопроса заставляетъ быть очень осторожными въ его разрѣшеніи. Мы поступимъ всего лучше, если не дадимъ вѣры ни тому, ни другому изъ двухъ крайнихъ взглядовъ въ ихъ чистомъ видѣ. Въ томъ и другомъ истина смѣшана съ ошибкой; и выдѣливъ изъ обоихъ долю истины, которая въ нихъ заключается, нельзя не придти къ заключенію, что, въ сущности говоря, оба взгляда не такъ непримиримы другъ съ другомъ, какъ это кажется съ перваго раза. Ни одно національное развитіе не похоже на другое, въ каждомъ есть доля своеобразнаго, индивидуальнаго, свойственнаго только одному данному случаю. Такъ говорятъ сторонники націонализма, и если бы они ограничились однимъ этимъ утвержденіемъ, намъ нечего было бы возразить имъ. Да, дѣйствительно, сочетаніе историческихъ условій, создающихъ національную жизнь, не можетъ не быть безконечно разнообразно въ каждомъ данномъ случаѣ, а слѣдовательно и результатъ этого сочетанія—національное развитіе—будетъ безконечно разнообразенъ. Но при всемъ разнообразіи результатовъ исторической жизни—точно ли они такъ несоизмѣримы другъ съ другомъ? Если сравнить между собою одни только готовые результаты и забыть о тѣхъ условіяхъ, которыя ихъ создали, конечно, сравненіе окажется затруднительнымъ. Но задача исто-

рика именно и заключается въ анализѣ историческаго явленія, въ сведеніи его къ создавшимъ его причинамъ. Чтобы воспользоваться приведеннымъ уже примѣромъ, конечно, было бы безцѣльно обсуждать сравнительное достоинство жабръ и легкихъ самихъ по себѣ, независимо отъ условій жизни въ водѣ и на сушѣ, къ которымъ эти органы приспособлены; но въ наше время существуетъ наука сравнительной анатоміи, которая производитъ сравненіе одинаковыхъ органовъ не въ ихъ готовомъ видѣ, а въ ихъ происхожденіи и развитіи въ цѣломъ рядѣ животныхъ формъ, подъ вліяніемъ условій среды. Съ этой точки зрѣнія между обѣими формами дыхательныхъ органовъ можно прослѣдить не только безусловное сходство, но даже, можетъ быть, и генеалогическое родство. Современный историкъ тоже не можетъ обойтись въ наше время безъ своего рода сравнительной анатоміи: и ему приходится расчленять историческое явленіе и устанавливать сравненіе не между готовыми результатами, а между условіями ихъ происхожденія. Такого рода расчлененіе условій историческаго явленія и мы пытались произвести въ началѣ нашихъ «Очерковъ». Теперь будетъ своевременно напомнить объ этомъ анализѣ и приложить его къ интересующему насъ вопросу. Мы различали въ историческомъ результатѣ три главныхъ группы производящихъ его условій. *Первое* условіе заключается во внутренней тенденціи, внутреннемъ законѣ развитія, присущемъ всякому обществу и для всякаго общества одинаковомъ. *Второе* условіе заключается въ особенностяхъ той матеріальной среды, обстановки, среди которой данному обществу суждено развиваться. Наконецъ, *третье* условіе состоитъ во вліяніи отдѣльной человѣческой личности на ходъ историческаго процесса. Первое условіе сообщаетъ различнымъ историческимъ процессамъ характеръ сходства въ основномъ ходѣ развитія; второе условіе придаетъ имъ характеръ разнообразія; третье, наиболѣе ограниченное въ своемъ дѣйствіи, вноситъ въ историческія явленія характеръ случайности. Если мы попробуемъ приложить эту классификацію историческихъ условій къ оцѣнкѣ противоположныхъ взглядовъ на прошлое и настоящее Россіи, мы увидимъ, что оцѣнка эта значительно облегчится. Взглядъ націоналистовъ, какъ мы видѣли, грѣшитъ тѣмъ, что вовсе не подвергаетъ анализу историческій результатъ и обращается съ нимъ, какъ съ неразложимымъ цѣлымъ. Взглядъ ихъ противниковъ (назовемъ ихъ для большаго удобства, — хотя не для большей точности, — западниками) вноситъ, напротивъ, необходимый анализъ, но, произведя этотъ анализъ, останавливается преимущественно на первомъ изъ отмѣченныхъ нами условій и

забываетъ объ остальныхъ. Если бы, дѣйствительно, вся историческая жизнь народовъ сводилась къ внутреннему, органическому развитію общества, если бы развитіе внутренней тенденціи историческаго процесса не осложнялось ничѣмъ постороннимъ, тогда, конечно, всѣ человѣческія общества проходили бы однѣ и тѣ же ступени развитія въ одномъ и томъ же порядкѣ, и намъ было бы нетрудно по извѣстнымъ признакамъ опредѣлить, на какой ступени стоитъ Россія и какія предстоитъ ей пройти въ будущемъ. Но какъ разъ относительно Россіи мы знаемъ уже, какъ внутренній ходъ ея развитія видоизмѣнялся подъ могущественнымъ вліяніемъ второго условія, исторической обстановки. Если бы можно было предположить, что это условіе произвело только задерживающее вліяніе, что оно остановило ростъ Россіи на одной изъ раннихъ ступеней жизни, тогда мы имѣли бы еще право сравнивать состояніе Россіи съ состояніемъ Европы, какъ два различные возраста. Но нѣтъ, историческая жизнь Россіи не остановилась; она шла своимъ ходомъ, можетъ быть, болѣе медленнымъ, но непрерывнымъ, и слѣдовательно, пережила извѣстные моменты развитія,—пережитые и Европой, — по своему. Такъ, образованіе государства есть ступень, одинаково пережитая и Россіей, и Европой; но мы видѣли, при какихъ различныхъ условіяхъ это происходило и съ какими разнообразными результатами. Такимъ образомъ, мы уже не можемъ, какъ предполагали нѣкоторые наши старые писатели, совѣтовать Россіи пережить сначала всѣ стадіи европейской жизни, чтобы придти къ европейскимъ результатамъ. Такъ или иначе, нѣкоторыя изъ этихъ стадій навсегда пережиты: такъ или иначе, и результаты прожитой жизни оказались и будутъ оказываться впредь болѣе или менѣе своеобразными. Итакъ, не слѣдуетъ ли вернуться къ теоріи націоналистовъ? Ничуть не бывало. Если историческая обстановка, видоизмѣняющая историческое развитіе, есть могущественный факторъ въ историческомъ процессѣ, то не менѣе основнымъ и могущественнымъ факторомъ надо считать внутреннее развитіе общества, — во всякомъ обществѣ одинаковое. Условія исторической жизни задержали развитіе численности русскаго населенія; но дальнѣйшій процессъ по необходимости будетъ заключаться въ размноженіи и увеличеніи плотности этого населенія. Условія обстановки задержали экономическую эволюцію на низшихъ ступеняхъ, но дальнѣйшій ходъ ея у насъ, какъ вездѣ, пойдетъ одинаковымъ порядкомъ, въ направленіи большей интенсивности, большей дифференціація и большаго обобществленія труда. Историческія условія создали насильственное спло-

ченіе сословій и одностороннее развитіе государственности; но дальнѣйшее развитіе экономической жизни уже привело отчасти къ ослабленію государственной опеки, къ раскрѣпощенію сословій, къ зачаткамъ общественной самостоятельности и самодѣятельности. Тѣ же историческія условія сузили государственную дѣятельность и сдвинули государственную организацію въ сторону военныхъ и финансовыхъ потребностей; но дальнѣйшее развитіе и здѣсь повело къ болѣе широкой раціональной постановкѣ государственныхъ задачъ и должно привести къ болѣе сознательной общественной организаціи. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ областяхъ жизни историческое развитіе совершается у насъ въ томъ же направленіи, какъ совершалось и вездѣ въ Европѣ. Это не значитъ, что оно приведетъ въ частностяхъ къ совершенно тожественнымъ результатамъ, но тожественности мы не встрѣтимъ и между отдѣльными государствами Запада, — каждое изъ нихъ представляетъ настолько глубокія различія своеобразія, что самое подведеніе ихъ подъ одну общую рубрику «западныхъ государствъ» можетъ имѣть только весьма условное и относительное значеніе.

Итакъ, несомнѣнное своеобразіе русскаго историческаго процесса не мѣшаетъ намъ находить весьма значительное сходство и въ его общемъ ходѣ, и, еще болѣе, въ отдѣльныхъ элементарныхъ факторахъ этого процесса, между нимъ и развитіемъ западноевропейскихъ государствъ. Наши націоналисты стараго времени, вѣрившіе въ то, что каждый народъ призванъ къ осуществленію какой-нибудь одной національной идеи и что эта послѣдняя вытекаетъ изъ внутреннихъ свойствъ народнаго духа, естественно, должны были находить, что это единство національной идеи должно выразиться и въ единствѣ національной исторіи, что, стало быть, завѣты историческаго прошлаго должны служить лучшимъ указаніемъ на задачи будущаго, а всякое заимствованіе со стороны есть не что иное, какъ измѣна національному преданію и искаженіе національной идеи. Въ наше время эти воззрѣнія какъ будто опять начали входить въ моду въ извѣстныхъ кругахъ. Тѣмъ болѣе необходимо бороться съ ними, такъ какъ подобныя идеи не только совершенно ошибочны, но и въ высшей степени вредны. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между тринадцатимилліоннымъ государствомъ съ плотностью трехъ человѣкъ на кв. километръ и съ городскимъ населеніемъ въ 3% всего населенія,—и между тѣмъ же государствомъ два вѣка спустя, съ населеніемъ въ 10 разъ болѣе, съ плотностью въ 6 разъ большею и съ городскимъ населеніемъ, увеличившимся въ 40 разъ

абсолютно и въ 4 раза пропорціонально? Какую историческую традицію можетъ передать періодъ натуральнаго хозяйства и крѣпостного права періоду мѣнового хозяйства и гражданской равноправности? Какая историческая связь можетъ существовать между историческимъ прошлымъ русскаго сѣвера и необычайно быстрымъ развитіемъ русскаго юга въ теченіе одного послѣдняго столѣтія,—развитіемъ, которое одно совершенно перемѣстило центръ русской экономической жизни? Наши націоналисты жаловались на Петра Великаго, что онъ хотѣлъ только-что вышедшую изъ младенчества Россію одѣть въ костюмъ взрослаго человѣка; но, настаивая на поддержаніи въ настоящемъ исторической традиціи, не хотятъ ли они сами, во что бы то ни стало сохранить на юношѣ дѣтскія пеленки?

Россія выросла изъ извѣстныхъ формъ и переросла извѣстныя традиціи. Отрицать это—значитъ закрывать глаза на дѣйствительность и отрицать законы историческаго роста. Признавъ эти законы, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтаемъ возможность взглянуть иначе на необходимость заимствованій съ Запада, чѣмъ смотрѣли на это наши самобытники. Если бы русскій историческій процессъ былъ дѣйствительно совершенно своеобразнымъ и несравнимымъ съ другими, тогда, конечно, всякое заимствованіе пришлось бы считать искаженіемъ національнаго процесса,—хотя тогда трудно бы было даже понять, какимъ образомъ такое искаженіе было бы возможно: ясное дѣло, что заимствованіе не имѣло бы тогда никакой возможности привиться. Но если основной ходъ историческаго развитія—общій у различныхъ историческихъ процессовъ, тогда необходимо признать и нѣкоторую общность въ формахъ этого развитія, и вопросъ долженъ идти уже не о томъ, законно или возможно ли вообще всякое заимствованіе, а о томъ, какія формы могутъ быть признаны подходящими для того, чтобы облечь въ нихъ наличное содержаніе даннаго момента народной жизни. Сходство съ Европой не будетъ при этомъ непремѣнной цѣлью при введеніи извѣстной новой формы, а только естественнымъ послѣдствіемъ сходства самихъ потребностей, вызывающихъ къ жизни и тамъ и здѣсь эти новыя формы. Само собою разумѣется, что сходство никогда не дойдетъ при этомъ до полнаго тожества. Итакъ, мы не должны обманывать самихъ себя и другихъ страхомъ передъ мнимой измѣной нашей національной традиціи. Если наше прошлое и связано съ настоящимъ, то только какъ балластъ, тянущій насъ книзу, хотя съ каждымъ днемъ все слабѣе и слабѣе. Эту слабость связи между нашимъ прошлымъ и настоящимъ съ грустью признаютъ и націоналисты: отъ требованій быть вѣрными

исторической традиціи они нерѣдко переходятъ къ печальнымъ размышленіямъ о томъ, что настоящей традиціи у насъ нѣтъ. Въ основѣ этихъ печалованій лежитъ, кажется, также нѣкоторое недоразумѣніе. Надо условиться, о какой традиціи мы говоримъ. Если рѣчь идетъ о связи различныхъ періодовъ естественной эволюціи общества, надо признать, что эта эволюція совершается по свойственнымъ ей законамъ; основной ея законъ есть постоянное измѣненіе и, стало быть, по самому существу дѣла здѣсь никакая традиція невозможна. Но можетъ быть рѣчь о традиціи въ другомъ смыслѣ. Помимо естественнаго хода общественной эволюціи,—или, точнѣе говоря, какъ одинъ изъ результатовъ этой самой эволюціи,—во всякомъ развитомъ обществѣ существуетъ сознательная человѣческая дѣятельность, стремящаяся цѣлесообразно воспользоваться естественной эволюціей и согласовать ее съ извѣстными человѣческими идеалами. Для достиженія этихъ цѣлей надо прежде всего выработать и распространить эти идеалы и затѣмъ воспитать волю. Если подобная работа совершается въ одномъ и томъ же направленіи въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, въ такомъ случаѣ въ результатѣ получится дѣйствительная *культурная* традиція—единство общественнаго воспитанія въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи. У насъ, дѣйствительно, такой традиціи нѣтъ, и притомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у насъ слишкомъ недавно началось какое бы то ни было сознательное общественное воспитаніе, во-вторыхъ, наши идеалы за этотъ небольшой промежутокъ сознательнаго общественнаго воспитанія слишкомъ быстро и рѣшительно мѣнялись *). То и другое совершенно естественно и необходимо вытекаетъ изъ общаго хода нашей исторической жизни: стихійная, безсознательная въ теченіе многихъ вѣковъ и потомъ быстро, лихорадочно двинувшаяся впередъ вѣка два тому назадъ, она должна была привести къ разрыву со старой традиціей, а для созданія новой традиціи условія русской духовной культуры сложились слишкомъ неблагопріятно. Но неблагопріятныя условія рано или поздно измѣнятся, и новая традиція будетъ имѣть время сложиться. Что же намъ дѣлать въ ожиданіи этого будущаго? Вернуться къ старой традиціи, говорятъ наши націоналисты. Эта старая до-петровская традиція дѣйствительно сложилась прочно и крѣпко: тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ слагала ее не сознательная дѣятельность общественнаго воспитанія, а сама жизнь съ ея потребностями. Разъ сложившись, эта традиція передавалась изъ поколѣ-

*) См. 3-ю часть «Очерковъ».

нія въ поколѣніе долгое время въ неизмѣнномъ видѣ,—даже не въ формѣ теоретическихъ предписаній, а въ формѣ житейскихъ привычекъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ ни о какой «быстрой смѣнѣ идеаловъ» не могло быть и рѣчи въ то время. Можно, смотря по вкусу, завидовать прочности этого до-петровскаго чина жизни,—или ненавидѣть его косность,—но, какъ бы мы на него ни смотрѣли, сочувственно или враждебно, нельзя ни надѣяться, ни опасаться, что онъ можетъ быть возстановленъ въ наше время тамъ, гдѣ онъ давно исчезъ, и сохраненъ тамъ, гдѣ уцѣлѣли до сихъ поръ его обломки. Та же жизнь, которая создала его, привела неотвратимо къ его разрушенію — раньше даже, чѣмъ воспитаніе могло успѣть сдѣлать это сознательно. Понятное дѣло, что и наша собственная сознательная дѣятельность должна быть направлена не на поддержаніе этого археологическаго остатка отдаленной старины, а на созданіе новой русской культурной традиціи, соотвѣтствующей современнымъ общественнымъ идеаламъ:

Das alte stürzt, es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen.

Конецъ I-ой части.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Третье изданіе „Очерковъ", подобно второму, подготовлялось при обстановкѣ, не вполнѣ удобной для спеціальныхъ работъ по русской исторіи. Этимъ объясняется, почему мнѣ не удалось сдѣлать въ немъ всѣхъ тѣхъ измѣненій, которыхъ я самъ бы желалъ. Это же обстоятельство замедлило нѣсколько и выпускъ въ свѣтъ настоящаго изданія „Очерковъ". Въ промежуткѣ появилось нѣсколько новыхъ изслѣдованій, выводы которыхъ приняты во вниманіе въ соотвѣтствующихъ частяхъ „Очерковъ". Нѣкоторыя изъ старыхъ работъ, оставшихся неиспользованными, также помогли восполнить кое-какіе пробѣлы и недосмотры прежнихъ изданій. Въ одномъ случаѣ оказалось возможнымъ и нужнымъ прибѣгнуть къ архивному документу. Наконецъ, цифровыя данныя были освѣжены на основаніи послѣднихъ публикацій, насколько можно было это сдѣлать, не затягивая слишкомъ печатаніе третьяго изданія. Нѣсколько лицъ прислали мнѣ письменныя замѣчанія; пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы выразить имъ мою искреннюю признательность. Особенно обязанъ я профессору Александрійскаго института, А. Ѳ. Фортунатову, отъ опытнаго глаза котораго не укрылся ни одинъ невѣрный шагъ мой на поприщѣ современной статистики. Сочувственный пріемъ, сдѣланный „Очеркамъ" въ періодической печати, обязывалъ меня отнестись съ особымъ вниманіемъ къ замѣчаніямъ моихъ рецензентовъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыми изъ этихъ замѣчаній я не могъ воспользоваться—исключительно по недостатку пособій, имѣющихся у меня въ данное время подъ руками. Были также случаи, въ которыхъ я не могъ стать на точку зрѣнія моихъ критиковъ. Такъ, напримѣръ, самыя существенныя возраженія въ одной изъ самыхъ солидныхъ рецензій—В. А. Мякотина—сдѣланы мнѣ съ точки зрѣнія, которая, выдвигая роль „нѣкоторыхъ традицій" удѣльнаго періода, „довольно живучихъ", по мнѣнію рецензента, исходитъ изъ совершенно другихъ общихъ взглядовъ на русскую исторію, чѣмъ мои собственные. Выборъ матеріала въ сочиненіи такого характера, какъ „Очерки" вполнѣ зависитъ отъ цѣли, которую ставитъ себѣ авторъ; объ абсолютной полнотѣ и равномѣрности изложенія не можетъ быть и рѣчи. Выдвигая впередъ одни явленія (напр., областное устройство) и ничего не говоря о другихъ (напр., о центральныхъ учрежденіяхъ, о порядкахъ домосковской Руси), я дѣйствовалъ совершенно сознательно; и если цѣль моя поставлена вѣрно, то справедливость требуетъ судить о выбранномъ мною матеріалѣ именно въ связи съ *этой* моею цѣлью. Впрочемъ, могу при-

бавить, что если для однихъ изъ опущенныхъ мною намѣренно историческихъ явленій (напр., для „вѣча") я продолжаю не находить мѣста въ моемъ изложеніи органическаго процесса развитія московской государственности, — зато къ другимъ явленіямъ (напр., къ боярской думѣ) я буду имѣть возможность вернуться въ третьей части „Очерковъ". Когда большая часть третьяго изданія была уже отпечатана, я ознакомился съ замѣткой г. П. Струве въ октябрьской книжкѣ „Новаго Слова". На этой замѣткѣ, изъ которой, при желаніи, можно было бы извлечь одинаково сильныя выраженія pro и contra автора „Очерковъ", я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе. Прежде всего, мнѣ приходится, къ сожалѣнію, признать правильнымъ приговоръ рецензента, что мои „разсужденія о развитіи русской промышленности грѣшатъ многими и крупными недостатками". Но, затѣмъ, къ еще большому сожалѣнію, я долженъ, констатировать, что и рецензентъ не помогъ мнѣ освободиться отъ этихъ недостатковъ. Я не думаю, впрочемъ упрекать его въ этомъ; такъ какъ полагаю, что это и не зависѣло отъ его доброй воли. Весьма возможно, что мнѣ придется смягчить мое мнѣніе объ отсутствіи органической связи между петровской фабрикой и предыдущими попытками; но для этого нужны новыя данныя, которыя могутъ быть добыты только спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Именно такое изслѣдованіе обѣщалъ намъ г. Туганъ-Барановскій *) и я съ интересомъ ожидаю въ немъ подтвержденія намѣченнаго авторомъ вывода, что торговый капиталъ въ гораздо большей мѣрѣ участвовалъ въ созданіи петровскихъ фабрикъ, чѣмъ это думаютъ обыкновенно. Въ ожиданіи доказательствъ, я не могу, однако, считать вопроса рѣшеннымъ тѣмъ соображеніемъ г. П. Струве, что „искусственное", по моему мнѣнію, развитіе первыхъ русскихъ фабрикъ— тоже „естественно". Это возраженіе было бы очень сильно при томъ условіи, если бы я признавалъ искусственное—„неестественнымъ„ или „сверхъестественнымъ" **). Но такъ какъ „искусственное" противополагается въ данномъ случаѣ не „естественному", а „органическому", то возраженіе г. Струве получаетъ характеръ скорѣе каламбура, чѣмъ серьезнаго аргумента. Далѣе, впрочемъ, рецензентъ старается доказать и органичность развитія русскаго капитализма при помощи соображеній объ „исторической роли кустарнаго производства въ Россіи". Многія изъ этихъ соображеній высказаны были уже въ поучительной статьѣ г. Туганъ-Барановскаго; но въ изложеніи г. П. Струве они приводятся въ стройную систему. Такъ какъ до появленія замѣтки г. Струве такого систематическаго взгляда на историческую роль кустарнаго производства никто, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не высказывалъ, то и не совсѣмъ справедливо упрекать меня въ томъ, что система г. Струве „не нашла себѣ ни мѣста,

*) См. «Новое Слово», 1897, апрѣль, статья объ «исторической роли капитала въ развитіи нашей кустарной промышленности».

**) Такая же двусмысленность заключается въ утвержденіи г. Туганъ-Барановскаго, что «крупныя русскія фабрики XVIII вѣка были естественнымъ продуктомъ экономическихъ и соціальныхъ условій своей эпохи». Подъ этимъ черезчуръ общимъ утвержденіемъ можно подписаться, даже оставаясь въ то же время при мнѣніи, что естественнымъ продуктомъ упомянутыхъ условій была искусственность первыхъ русскихъ фабрикъ.

ни оцѣнки въ „Очеркахъ". Теперь, когда рецензентъ высказалъ свое мнѣніе, онъ уже вправѣ, конечно, требовать отъ меня если не „мѣста" въ „Очеркахъ", то, по крайней мѣрѣ, „оцѣнки" въ настоящемъ предисловіи къ нимъ. Вотъ въ чемъ состоитъ теорія г. Струве. „На Западѣ промышленный капиталъ столкнулся съ *ремесломъ*, — самостоятельнымъ производствомъ на заказъ, *для извѣстнаго потребителя*, съ созданными ремесломъ традиціями и учрежденіями, словомъ, съ цѣлымъ ремесленнымъ строемъ". Въ Россіи же капитализмъ не встрѣтилъ никакихъ „антикапиталистическихъ традицій и учрежденій"; онъ нашелъ здѣсь *кустарную промышленность*, которая, — „по скольку она имѣла для населенія серьезное экономическое значеніе и не сводилась къ примитивной обработкѣ малоцѣннаго или дароваго сырья—всегда была plus ou moins капиталистической формой". Въ самомъ дѣлѣ, "правильный взглядъ на кустарную промышленность, какъ на технически-ремесленное производство *на широкій и неопредѣленный рынокъ*", показываетъ, что Россія „обладала, въ качествѣ національнаго и традиціоннаго типа промышленной организаціи,—формой производства, съ точки зрѣнія сбыта и отчасти соціальныхъ отношеній, тожественной съ развитымъ капитализмомъ". „Какъ производство на широкій и неопредѣленный рынокъ, кустарная промышленность не только не стоитъ—подобно ремеслу—въ антагонизмѣ съ капитализмомъ, а, наоборотъ, является предестинированнымъ и расчищеннымъ самой исторіей полемъ приложенія капитала". „Русскій кустарь, по общему правилу, никогда въ *экономическомъ* смыслѣ не былъ ремесленникомъ и потому, строго говоря, *никогда не былъ и не могъ быть экономически самостоятеленъ* (к. п.)... Кустарямъ всегда противостоялъ классъ торговцевъ, на сторонѣ которыхъ былъ капиталъ". Общій выводъ рецензента изъ всего предыдущаго тотъ, что, „благодаря этой національной особенности, мы съ самаго начала усиленной нашей европеизаціи въ промышленномъ отношеніи имѣли сравнительно съ Европой гораздо болѣе свободныя руки; никакой промышленной *культуры*, кромѣ капиталистической, у насъ никогда и не было".

Источникъ этой теоріи г. Струве можно видѣть въ наблюденіи Бюхера, по которому вся восточная Европа, въ томъ числѣ и Россія, прямо перескочила изъ періода натуральнаго хозяйства въ современное мѣновое, миновавъ тѣ вѣка промежуточнаго развитія, которые въ западной Европѣ характеризовались преобладаніемъ ремесла. Я не имѣлѣ въ виду этого наблюденія, когда составлялъ „Очерки", хотя оно очень хорошо гармонируетъ съ изложеннымъ въ „Очеркахъ" ходомъ русскаго экономическаго процесса, въ частности съ моими указаніями на искусственность первыхъ шаговъ русскаго капитализма. Къ сожалѣнію, исторія русскаго ремесла намъ слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было съ увѣренностью примкнуть къ утвержденію Бюхера объ отсутствіи у насъ этой предварительной стадіи. Зато можно уже съ полною увѣренностью отвергнуть тѣ черты, которыми осложнилъ г. Струве мнѣніе Бюхера. Во 1-хъ, продолжительность періода примитивнаго хозяйства совсѣмъ стушевалась въ его изложеніи. Напротивъ, рѣшительныя утвержденія, что русскій кустарь „никогда" не былъ экономически самостоятеленъ, что ему „всегда" противостоялъ торговецъ, что „никакой промышленной *культуры*, кромѣ капиталистической, у насъ никогда не было", что „нашъ національный и традиціонный типъ промышленной организаціи"

былъ „тожественъ съ развитымъ капитализмомъ",—всѣ эти утвержденія могутъ произвести впечатлѣніе, что русскій капитализмъ развивался съ какого-то весьма давняго времени. Во-2-хъ, и „насильственность", которою характеризуется, по Бюхеру, экономическій процессъ восточной Европы, вслѣдствіе „скачка" отъ примитивнаго натуральнаго хозяйства къ современному мѣновому, тоже стушевывается въ изложеніи г. Струве. Напротивъ, на первый планъ выдвигается наблюденіе, по которому русскій капитализмъ засталъ почву для своего развитія подготовленною предварительнымъ развитіемъ капиталистической же кустарной промышленности, тогда какъ западный капитализмъ встрѣтилъ препятствіе со стороны ремесленнаго строя. Въ-3-хъ, наконецъ, всѣ эти мнѣнія г. Струве выводятся имъ не столько изъ фактовъ, сколько изъ тѣхъ *опредѣленій*, которыя онъ даетъ *понятіямъ* „ремесленнаго" и „кустарнаго" производства". Первое есть работа на непосредственнаго потребителя (Kundenproduction по Бюхеру) и потому исключаетъ капитализмъ; второе есть работа на широкій рынокъ и потому необходимо предполагаетъ участіе капитала. За подтвержденіемъ этихъ опредѣленій г. Струве отсылаетъ меня къ авторитету нѣмецкихъ изслѣдованій. Я обращаюсь по указанному адресу, но нахожу не совсѣмъ то, что хочетъ доказать г. Струве. Для нѣмецкихъ изслѣдователей опредѣленія не заслоняютъ фактовъ Они постоянно предостерегаютъ читателя противъ излишняго схематизма въ изображеніи экономическаго процесса. Они допускаютъ параллельное существованіе разныхъ формъ производства и различные способы происхожденія каждой отдѣльной формы. И, читая ихъ, я понимаю, что ни ремесленный строй не находился въ такомъ „антагонизмѣ" съ капиталомъ, ни русская кустарная промышленность не представляла такого „тожества съ развитымъ капитализмомъ", какъ хочетъ заставить насъ думать г. Струве. Въ концѣ концовъ, я вывожу изъ ихъ изображенія, что „ремесленныя традиціи" такъ же мало препятствовали росту европейскаго капитализма, какъ мало содѣйствовалъ этому росту въ Россіи „національный и традиціонный типъ" кустарнаго производства.

Мнѣ не безызвѣстны, конечно, факты борьбы нѣкоторыхъ цеховъ противъ вторженія торговаго капитала. Но рядомъ съ этимъ другіе цехи, не вступая въ борьбу, приспособились къ новымъ условіямъ рынка, сохранивши притомъ на время свое старое ремесленное устройство. Не говорю уже о томъ, что значительную часть своихъ побѣдъ капиталъ одержалъ въ области производствъ, не захваченныхъ цеховой организацiей, и что были, наоборотъ, другія области, въ которыя капиталъ не проникалъ и гдѣ цехи сохранили свое господство до очень поздняго времени. Такимъ образомъ, „антагонизмъ" ремесла вовсе не былъ нормальнымъ явленіемъ, далеко не всегда имѣлъ случай обнаружиться, такъ какъ капиталистическая эволюція шла не только *черезъ* ремесло, но и *мимо* ремесла, и, наконецъ, когда этотъ антагонизмъ проявлялся, онъ былъ большею частью безсиленъ. Если, такимъ образомъ, не доказано, что „антикапиталистическія традиціи" помѣшали развитію западнаго капитализма, то содѣйствіе, оказанное „національнымъ и традиціоннымъ типомъ" производства русскому капитализму, представляется еще болѣе проблематичнымъ. Все доказательство основывается здѣсь на томъ, что этотъ „національный и традиціонный типъ" отожествляется безъ дальнѣйшихъ разсужденій съ Hausindustrie или Verlagssystem, т.-е. съ несомнѣнно капиталистическими

формами „кустарной промышленности“. *Если* „традиціонный“ типъ русскаго промышленнаго производства былъ, дѣйствительно, капиталистическимъ, тогда, конечно, намъ остается только принять выводъ, что почва была заранѣе подготовлена для развитія капитализма. Но все дѣло въ томъ, что эту основную посылку надо еще доказать. Г. Струве полагаетъ, что онъ достаточно сдѣлалъ для доказательства, установивъ „правильный взглядъ“ на *понятіе* „кустарной промышленности“. Въ противоположность ремеслу, онъ характеризуетъ эту промышленность, какъ производство на широкій и неопредѣленный рынокъ. Мнѣ кажется, однако, что именно это желаніе подчеркнуть контрастъ съ ремесломъ,— вовсе не такой безусловный въ дѣйствительности,—заставило автора выбрать очень неудачную черту для своего опредѣленія. Я совершенно согласенъ съ Зомбартомъ, когда онъ утверждаетъ, что въ основѣ „правильнаго взгляда“, рекомендуемаго намъ г. Струве, лежитъ der unselige Einfluss der alten, nunmehr überwundenen Theorie, — той самой, приверженцемъ которой напрасно считаетъ меня рецензентъ. „Необходимо противъ этого взгляда возразить слѣдующее,—говоритъ Зомбартъ:—широкій сбытъ вовсе не является характеристической чертой, которая могла бы отличить кустарную промышленность отъ ремесла; слѣдовательно, построенное на этомъ опредѣленіе кустарной промышленности—ошибочно. Самъ Штида и другіе изслѣдователи экономической исторіи доказали, что уже въ средніе вѣка значительное количество нѣмецкихъ ремеслъ, имѣвшихъ цеховую организацію, работали для „экспорта“, для „всемірнаго рынка“ *). Главная ошибка г. Струве заключается, однако, не въ этой неправильности опредѣленія, болѣе важной по отношенію къ ремеслу, чѣмъ въ кустарной промышленности. Пусть широкій сбытъ не составляетъ отличія, *исключительно* свойственнаго кустарной промышленности; какъ бы то ни было, это все-таки ея *необходимая* черта, если употреблять терминъ „кустарной промышленности“ въ смыслѣ Verlagssystem или Hausindustrie. Главная ошибка заключается въ томъ, что изъ опредѣленнаго такимъ образомъ термина г. Струве дѣлаетъ выводъ относительно характера „традиціоннаго національнаго“ типа русскаго производства. Изъ авторитетовъ г. Струве никто такой ошибки не дѣлаетъ. Всѣ изслѣдователи, безъ исключенія, держатся установленной на Будапештскомъ статистическомъ конгрессѣ терминологіи, по которой во всей восточной Европѣ господствуетъ, въ качествѣ „традиціоннаго“ типа, натуральное „домашнее“ и близкое къ нему „народное“ кустарное производство (Hausfleiss, Nationale Hausindustrie)—въ отличіе отъ капиталистическаго кустарнаго производства (Fabrikmässige Hausindustrie **). Г. Туганъ-Барановскій, дер-

---

*) Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik, B. IV, статья: „Die Hausindustrie in Deutschland». Въ словарѣ Конрада Зомбартъ просто повторяетъ опредѣленіе Бюхера. Случаи приспособленія ремесла къ новымъ условіямъ сбыта см. также въ статьѣ *Grupp*'а «Kapitalistische Anfänge in der Landwirthschaft und Gewerbe» въ «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», 1897, IV. Heft

**) По опредѣленію Engel'я народная кустарная промышленность восточной Европы есть такая, «welche nur eine zeitweilige Nebenbeschäftigung der landwirthschaftlichen Bevölkerung ist und dieser dazu dient die Lange Musse

жащійся на почвѣ фактовъ и поэтому болѣе осторожный въ своихъ заключеніяхъ, прямо признаетъ, что именно къ первой категоріи относятся, по своему происхожденію, кустарные промыслы древней Россіи. „Старинные крестьянскіе промыслы, которые существовали въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, несомнѣнно, не были продуктомъ капитализма,— замѣчаетъ онъ въ не разъ упоминавшейся выше статьѣ.—Поэтому противопоставленіе такихъ промысловъ капиталистическимъ формамъ промышленности имѣетъ свое raison d'être“. Справедливость требуетъ прибавить, что и самъ г. Струве въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ объ экономическомъ развитии Россіи“ былъ того же мнѣнія. Тамъ онъ говорилъ, напр., что кустарное производство „совершенно явственный капиталистическій характеръ носитъ на Западѣ; наше же кустарное производство въ *общемъ* стоитъ еще на болѣе низкой ступени развитія“ (стр. 101). Теперь онъ находитъ, что „наша кустарная промышленность— поскольку она имѣла для населенія серьезное экономическое значеніе и не сводилась къ примитивной обработкѣ малоцѣннаго или дарового сырья—всегда была plus ou moins капиталистической формой“. Эта маленькая оговорка („по скольку“ и т. д.), правда, выгораживаетъ рецензента, но она же обращаетъ въ ничто всю его теорію, если постараемся раскрыть ея смыслъ. Вѣдь все дѣло и заключается именно въ томъ, чтобы рѣшить, *поскольку* русская кустарная промышленность стояла или не стояла „на болѣе низкой ступени развитія“ сравнительно съ западной. Только установивъ это „поскольку“, можно было бы затѣмъ устанавливать „общее правило“, изъ котораго, притомъ же, „никогда не было и не могло быть“ ни одного исключенія. Нужны годы изслѣдованій, чтобы наша увѣренность могла такъ возрасти, какъ возрастаетъ она у г. Струве въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ журнальной рецензіи.

У г. Струве есть еще замѣчаніе по поводу „недостаточности“ моихъ „экономическихъ объясненій“. „Замедленіе въ ростѣ населенія въ сѣверной и центральной Россіи,—по его словамъ, — очень удовлетворительно объясняется тѣмъ, что промысловыя занятія производятся внѣ юридической и даже бытовой (семейной) осѣдлости (отхожіе промыслы), т.-е, другими словами, вытекаетъ изъ пресловутой связи неземледѣльческаго рабочаго населенія съ землей, тогда какъ г. Милюковъ главную роль приписываетъ обремененію крестьянства непосильными платежами“. Во-первыхъ, взглядъ мой переданъ здѣсь невѣрно, такъ какъ пріостановку роста населенія въ указанныхъ частяхъ Россіи я ставлю въ связь со всѣмъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данныхъ мѣстностяхъ. Во-вторыхъ, взглядъ на этотъ предметъ самого г. Струве почти ничѣмъ не отличается отъ моего, какъ читатель можетъ видѣть изъ стр. 184—192 его „Критическихъ замѣтокъ“. Главную причину замедленія естественнаго прироста онъ ищетъ тутъ, какъ и я, въ „законѣ соотвѣтствія между

---

des Winters, als auch die übrige Zeit, die nicht durch die landwirthschaftlichen Arbeiten in Anspruch genommen ist, lohnend auszufüllen. Факты, свидѣтельствующіе о долговременномъ господствѣ этого типа въ другихъ мѣстностяхъ восточной Европы, кромѣ Россіи, собраны у *Schwiedland*'а, «Kleingewerbe und Hausindustrie in Oesterreich». Lpz. 1894, глава I (Die Entstehung der Hausindustrie).

размноженіемъ населенія и средствами существованія", и находитъ, что „при данныхъ условіяхъ техники производства и слабомъ развитіи обмѣна значительная часть страны была насыщена населеніемъ". „Отхожіе промыслы" являются скорѣе слѣдствіемъ такого „насыщенія", чѣмъ его причиной; какъ способъ увеличить мѣстныя средства, существованія", они скорѣе всего могутъ способствовать дальнѣйшему сгущенію населенія въ промышленной мѣстности и отодвинуть дальше предѣлъ „насыщенія". Впрочемъ, въ томъ неразработанномъ видѣ, въ какомъ г. Струве оставилъ свою догадку, трудно ее обсуждать.

Перехожу теперь къ замѣчаніямъ г. Струве по поводу моихъ „соціологическихъ воззрѣній". Воззрѣнія эти рецензентъ находитъ „не ясными" и — по отношенію къ экономическому матеріализму — „не глубокими". Сужденіе объ этомъ общемъ приговорѣ я, конечно, долженъ предоставить читателю; но не могу оставить безъ возраженій тѣхъ аргументовъ, на которыхъ г. Струве основываетъ свой приговоръ. „Слабая сторона" моихъ соціологическихъ идей заключается, по мнѣнію г. Струве, „въ отсутствіи надлежащихъ гносеологическихъ критеріевъ при рѣшеніи вопроса о предѣлахъ и средствахъ соціологическаго познанія". Я не могу принять этого возраженія,—не потому, чтобы я не признавалъ необходимости гносеологическаго критерія вообще, но потому, что мое изложеніе не давало мнѣ достаточныхъ поводовъ обращаться къ помощи гносеологіи. Я хорошо понимаю великое значеніе гносеологіи въ ея собственной сферѣ, т.-е. на той пограничной чертѣ опытнаго познанія, которую она призвана защищать отъ незаконныхъ вторженій изъ области сверхчувственнаго міра. Къ сожалѣнію, далеко не всегда она исполняетъ эту свою обязанность, какъ слѣдуетъ: часто она пропускаетъ непріятеля въ защищаемые ею предѣлы, а иногда и сама не удерживается отъ экскурсій въ невѣдомую область. Конечно, эти ошибки отдѣльныхъ гносеологовъ ничего не доказываютъ противъ необходимости дальнѣйшаго существованія самой гносеологіи; онѣ только иллюстрируютъ трудность ея положенія на границѣ, съ которой она не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Моему рецензенту, впрочемъ, опасность этого положенія должна быть хорошо извѣстна по собственному, не совсѣмъ счастливому опыту. Я разумѣю его полемику съ г. Булгаковымъ по поводу книги Штаммлера,—полемику, въ которой поле битвы далеко не во всѣхъ случаяхъ осталось за моимъ рецензентомъ *). Можно согласиться, конечно, что такая книга, какъ „Wirthschaft und Recht", дедуцирующая изъ понятій и строящая все зданіе на опредѣленіяхъ, конструирующая отношенія „хозяйства" и „права" на метафорическомъ контрастѣ „матеріи" и „формы", смѣло переносящая, вообще, кантовскіе Grenzbegriffe изъ трансцендентальной области въ непрерывный контекстъ опытнаго познанія,—такая книга поневолѣ вызывала со стороны критики гносеологическую провѣрку. Но

*) См. «Вопросы философіи и психологіи», книги 35 и 36 и «Новое Слово», 1897, май. (*Прим. 5 изд.* Дальнѣйшая эволюція идей обоихъ противниковъ дала богатыя иллюстраціи къ тому, что иногда подразумѣвается подъ «гносеологической» точкой зрѣнія и гдѣ лежатъ ея опасности. Въ виду этихъ печальныхъ съ истинно-гносеологической точки зрѣнія результатовъ—я могу только поздравить себя съ «отсутствіемъ гносеологическихъ критеріевъ», считаемыхъ обоими упомянутыми авторами за «надлежащіе»).

говорить о необходимости гносеологическаго обоснованія *всякаго* соціологическаго построенія—значить, по моему мнѣнію, совершать большую ошибку. Даже такая близкая къ гносеологіи наука, какъ эмпирическая психологія, сочла, въ концѣ концовъ, нужнымъ тщательно отгородить свою собственную область отъ области гносеологіи и превратить отношенія союза съ послѣдней въ отношеніе нейтралитета. Тѣмъ болѣе это умѣстно сдѣлать въ области эмпирической соціологіи. Впрочемъ, это и дѣлается современной соціологіей, за исключеніемъ того — чисто нѣмецкаго—теченія, съ которымъ г. Струве обнаруживаетъ преимущественное знакомство въ своихъ сочиненіяхъ.

„Но,—говоритъ г. Струве,—есть вопросъ, по поводу котораго и на меня можетъ быть наложено гносеологическое veto". Это именно вопросъ о „личности" и „индивидуальности" въ томъ освѣщеніи, которое я ему придаю. Мое преступленіе заключается въ томъ, что я хочу „объяснить" индивидуальность, тогда какъ г. Струве предлагаетъ ее „устранить" и „игнорировать". Мое corpus delicti заключается въ слѣдующихъ фразахъ: „индивидуальная физіономія факта такъ же подлежитъ закономѣрному объясненію, какъ и его общій характеръ; собственно говоря, трудно было бы даже провести опредѣленную границу между общей и частной стороной историческаго явленія, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ только результатъ совмѣстнаго дѣйствія общихъ и частныхъ факторовъ". Какъ разъ эти фразы я устранилъ изъ 2-го и 3-го изданій „Очерковъ", опасаясь, что они могутъ подать поводъ къ упреку, что я смѣшиваю абстрактную науку съ конкретной. Устранена и послѣдующая полемика съ Лакомбомъ, потому что побѣда надъ послѣднимъ казалась мнѣ слишкомъ легкой и не выясняющей сущности вопроса. Относящіяся сюда возраженія г. Струве показываютъ, что мои опасенія были основательны; а соотвѣтствующія измѣненія на стр. 15—16, думаю, дѣлаютъ эти возраженія теперь уже излишними. Но я никогда не ожидалъ, чтобы изъ цитированныхъ фразъ можно было вывести обвиненіе, которое г. Струве формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Г. Милюковъ (первою изъ этихъ фразъ) обнаруживаетъ, что ему совершенно чуждо, во-первыхъ, непротиворѣчивое понятіе закономѣрности, во-вторыхъ, ясное представленіе о томъ, что же такое „индивидуальное". Понятно,—говоритъ Риккертъ,— лишь то, что можно сравнить съ чѣмъ-нибудь другимъ; и понятнымъ что-нибудь можетъ быть лишь постольку, поскольку оно похоже на что-нибудь другое... непонятна (необъяснима, unbegreiflich) каждая отдѣльная личность въ томъ, что отличаетъ ее отъ другихъ личностей..." Понимать индивидуальность—значитъ, отрицать ее, какъ таковую. „Игнорированіе личности въ соціологіи или, вѣрнѣе, ея устраненіе изъ соціологіи есть, въ сущности, только *частный случай стремленія къ научному познанію*" (цитата изъ „Крит. замѣтокъ"). Тамъ, гдѣ допускается индивидуальность, не можетъ быть и рѣчи о *закономѣрности* въ строгомъ смыслѣ. Принципъ строгой закономѣрности дѣйствуетъ на индивидуальныя представленія и образы, какъ вода на огонь; все индивидуальное гаснетъ отъ „понятія" и „закона".

Или я сильно ошибаюсь, или же въ приведенныхъ строкахъ заключается самое странное qui-pro-quo, и обвиненія г. Струве должны быть направлены прямо по противоположному адресу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мое требованіе закономѣрнаго объясненія всего индивидуальнаго не есть

„частный случай стремленія къ научному познанію“? И развѣ принципіальное признаніе „необъяснимости“ всего, „что отличаетъ каждую отдѣльную личность отъ другихъ“, не есть полная измѣна этому стремленію,—послѣ которой, дѣйствительно, остается только „устранить“ и „игнорировать“ личность, разъ мы не можемъ ее объяснить? Очень плохо то „понятіе“ и „законъ“, отъ которыхъ „гаснетъ все индивидуальное“. Отъ своего любимаго писателя, Зиммеля, г. Струве могъ бы узнать, что подобное утвержденіе есть чистѣйшій „платонизмъ“ и что, наоборотъ, стремленіе „разложить общія понятія на сумму отдѣльныхъ явленій, которымъ однимъ только свойственна реальность, — составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей современнаго склада мысли“ *). Въ этомъ смыслѣ я утверждалъ, въ противоположность Лакомбу, что ничто не повторяется въ мірѣ соціальныхъ явленій и что каждое явленіе индивидуально и единично въ своемъ родѣ. Это нисколько не мѣшаетъ утвержденію, что все индивидуальное объяснимо и соизмѣримо. Дѣло въ томъ, что все индивидуальное — *сложно*, и въ этой сложности заключается простой секретъ какъ отличія каждаго индивидуальнаго случая отъ всѣхъ другихъ по данной комбинаціи составныхъ элементовъ, — такъ и принципіальной возможности свести самыя разнообразныя комбинаціи къ этимъ составнымъ элементамъ, вездѣ однимъ и тѣмъ же. Описывать *данныя* комбинаціи есть, конечно, дѣло не абстрактной, а *конкретной* науки. Но я продолжаю держаться мнѣнія, что и абстрактная наука не можетъ ограничиться анализомъ простыхъ составныхъ элементовъ, а должна изучать также законы ихъ комбинацій. Разницу между конкретной и абстрактной наукой я вполнѣ признаю и подобно рецензенту думаю, что она заключается „въ точкѣ зрѣнія, а не въ предметѣ разсмотрѣнія“. Но именно поэтому я и не усматриваю того „глубокаго“, чуть ли не качественнаго различія, которое г. Струве хочетъ вслѣдъ за Зиммелемъ провести „между наукой, устанавливающей *законы*, и наукой исторической, повѣствующей, *что* происходитъ“. Я, впрочемъ, не понимаю, на что нужно рецензенту это „глубокое“ различіе, когда тамъ и здѣсь онъ признаетъ „одинъ общій гносеологическій принципъ причинности“ и ни тамъ, ни здѣсь не находитъ „мѣста индивидуальности“ **).

---

*) «Ueber sociale Differenzirung», 10. Смыслъ этихъ словъ не измѣняется отъ контекста, въ которомъ они стоятъ. Замѣтимъ, кстати, что Риккертъ, цитатой изъ котораго доказывается, что «понимать индивидуальность — значитъ отрицать ее», самъ безусловно отказывается «понимать индивидуальность» и является крайнимъ индивидуалистомъ, противникомъ исторической закономѣрности (которую онъ оставляетъ въ удѣлъ естественнымъ наукамъ) и сторонникомъ свободной самоопредѣляющейся личности. (*Прим. 5 изд.* Послѣдующія работы г. Струве показали, что таковъ же и его личный взглядъ на индивидуальность; при свѣтѣ этого взгляда, очевидно, надо понимать и выраженія, цитированныя изъ «Крит. Замѣтокъ». Индивидуальное «исключаетъ» закономѣрное, очевидно, въ томъ смыслѣ, что надо отвергнуть... закономѣрное въ области индивидуальнаго, существованіе которой не подвергается сомнѣнію. Индивидуальное есть неразложимое, «абсолютное» въ метафизическомъ и, если угодно, теологическомъ смыслѣ).

**) *Прим. 5 изд.* «Глубокое» различіе между абстрактнымъ и конкретнымъ теперь тоже становится понятнымъ, если примемъ во вниманіе, что кон-

Мнѣ остается отмѣтить брошенный г. Струве мимоходомъ упрекъ въ томъ, что я „насильственно упрощаю и тривіализирую концепцію“ экономическаго матеріализма, возражая противъ него, что „отношенія человѣка къ окружающей средѣ не ограничиваются одной только экономической потребностью“. Если бы дѣло шло объ одной этой фразѣ, особенно вырванной изъ контекста, я согласился бы, пожалуй, съ рецензентомъ, что она неосторожна и можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Но г. Струве, вѣроятно, имѣетъ въ виду и весь контекстъ, въ которомъ, если не ошибаюсь, экономическій матеріализмъ характеризуется, какъ всѣ его характеризовали до сихъ поръ. Для лицъ, не принадлежащихъ къ сторонникамъ этого направленія, возможно, конечно, утверждать, что въ экономическомъ матеріализмѣ важна собственно его методическая сторона, важно требованіе единаго принципа научнаго объясненія. Но для сторонниковъ экономическаго матеріализма необходимо принимать не одну формальную, а также и матеріальную сторону тезиса, т.-е. не только признавать необходимость единаго принципа, но и утверждать, что принципомъ этимъ долженъ быть экономическій факторъ исторіи. Правда, недавно одинъ изъ русскихъ сторонниковъ этого направленія *) выступилъ съ заявленіемъ, что не только теорія „преобладанія экономическаго фактора“, но и вообще теорія „соціально-историческихъ факторовъ“ должны быть отброшены, какъ устарѣлыя; что понятіе о „факторѣ“ есть лишь наша „абстракція“, и только „благодаря процессу абстрагированія различныя *стороны* общественнаго *цѣлаго* принимаютъ видъ обособленныхъ *категорій*“; что, наконецъ, съ этой точки зрѣнія и „самый вопросъ о томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни“, является „неосновательнымъ вопросомъ“. Мы готовы были бы привѣтствовать эти утвержденія, столь близкія къ нашимъ собственнымъ, если бы авторъ въ продолженіи своей статьи не вернулся ко всѣмъ старымъ утвержденіямъ „экономическаго (авторъ предпочитаетъ выражаться: „діалектическаго“) матеріализма“. Отвергнутый имъ „экономическій факторъ“ возвращается снова въ видѣ „производительныхъ силъ“; и признавъ необходимость „отъ экономіи перейти къ *общественной психологіи*“, авторъ тотчасъ же уничтожаетъ все значеніе сдѣланной уступки своимъ утвержденіемъ, что „вся совокупность явленій (общественной психологіи) прямо или косвенно обусловливается общественной экономіей“. И если бы даже авторъ былъ послѣдовательнѣе въ своихъ уступкахъ, мы все-таки не сказали бы, что экономическій матеріализмъ углубилъ свою соціологическую теорію; мы констатировали бы только, что въ средѣ русскихъ экономическихъ матеріалистовъ появилось новое направленіе. Попытку выйти на новую дорогу мы видимъ и въ стремленіи г. Струве сочетать „экономическій матеріализмъ“ съ

кретное есть «индивидуальное», а «индивидуальное» неразложимо. Авторъ сборника «На разныя темы» объясняетъ возможность недоразумѣній, подобныхъ случившимся со мной, тѣмъ, что г. Струве находился въ то время, къ которому относится эта полемика, въ переходной стадіи отъ одного міровоззрѣнія къ другому.

*) «Новое Слово», 1897, сентябрь, статья *Н. Каменскаго*. «О матеріалистическомъ пониманіи исторіи» (по поводу книги «Labriola»).

„гносеологіей“. Но ничего сколько-нибудь оригинальнаго и законченнаго до сихъ поръ изъ всѣхъ этихъ попытокъ не вышло.

Въ ожиданіи, пока „экономическій матеріализмъ“ перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ, меня интересовалъ въ рецензіи г. Струве больше всего вопросъ, какъ онъ отнесется къ моей попыткѣ прослѣдить эволюцію русскихъ „идеологій“ (во II томѣ „Очерковъ“) независимо отъ русской эволюціи матеріальнаго быта. Можетъ быть, думалъ я, мысль человѣка, сосредоточившаго свое вниманіе на одной центральной идеѣ, поможетъ ему открыть такія связи между матеріальной и идеологической эволюціей Россіи, которыя ускользнули отъ моего непривычнаго глаза. Но рецензентъ уклонился отъ разсмотрѣнія этого вопроса,—самаго существеннаго для его міровоззрѣнія, по справедливому замѣчанію одного нѣмецкаго критика „Очерковъ“ *). Онъ ограничился вердиктомъ: виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія, такъ какъ „самая красивая дѣвушка Франціи не можетъ дать больше того, что у нея есть“. Я, однако, не просилъ снисхожденія, а просилъ критики. Положимъ, рецензентъ намекаетъ на то, что во II части и критиковать нечего, такъ какъ тамъ „*разсказъ* рѣшительно преобладаетъ надъ *обобщеніями*“. Приговоръ суровый для такой книги, какъ „Очерки“. Справедливый ли,—пусть судитъ читатель.

Софія, 15-го января 1898 г.

---

*) «Die Zeit», 1897, № 155, статья *B. Minzes*, подъ нѣсколько неожиданнымъ заглавіемъ: «Eine marxistische Kulturgeschichte Russlands».

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящее изданіе внесены, прежде всего, поправки и измѣненія, сдѣланныя для нѣмецкаго изданія „Очерковъ“, вышедшаго въ 1898 году *). Согласно съ переработанными по даннымъ переписи 1897 г. цифрами сравнительной населенности Россіи, вновь составлена для 4-го изданія картограмма плотности населенія 1724, 1858 и 1897 гг. Карта русской колонизаціи вновь награвирована съ цѣлью сдѣлать изображеніе поступательнаго процесса колонизаціи — болѣе нагляднымъ. Изъ измѣненій, вызванныхъ новыми выводами спеціальной исторической литературы, наиболѣе важны тѣ, которыми я обязанъ сочиненіямъ г. *Рожкова* о „Сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси въ XVI вѣкѣ“, М. 1899, и особенно труду г. *Туганъ-Барановскаго* о „Русской фабрикѣ въ прошломъ и настоящемъ“. Спб. 1898. Къ сожалѣнію, обѣщаніе, данное авторомъ и отмѣченное мною въ предисловіи къ предыдущему изданію, показать значительность роли торговаго капитала при созданіи петровскихъ фабрикъ и этимъ доказать „естественность“ и органичность ихъ развитія, въ противоположность раздѣляемому мною мнѣнію объ ихъ „искусственности“, — это обѣщаніе приходится считать отчасти невыполненнымъ, отчасти выполненнымъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно было ожидать. Предвидя въ моемъ предисловіи возможность, что аргументы г. Туганъ-Барановскаго заставятъ меня смягчить мое мнѣніе, я предполагалъ, что авторъ разумѣетъ вліяніе торговаго капитала на самую форму производства и ждалъ отъ него доказательствъ того, что уже до Петра торговый капиталъ превратилъ домашнее производство въ капиталистическое и что петровская фабрика такъ или иначе воспользовалась этими уже выработанными предыдущимъ экономическимъ развитіемъ формами. Существованіе подобнаго подготовительнаго процесса я и теперь считаю возможнымъ и вѣроятнымъ; но доказать, что онъ существовалъ, при недостаткѣ сохранившагося и приведеннаго въ извѣстность матеріала, было бы очень трудно. Вотъ почему отъ г. Тугана-Барановскаго, спеціально изучавшаго вопросъ, я съ особымъ интересомъ ждалъ отвѣта на поставленный имъ вопросъ о роли торговаго капитала. Отвѣтъ и данъ имъ, но совсѣмъ не на тотъ вопросъ, рѣшеніе котораго въ данномъ случаѣ было бы наибо-

---

*) «Skizzen russischer Kulturgeschichte, Deutsche vom Verfasser durchgesehene Ausgabe» von *E. Davidson*, mit einer Vorrede des Verfassers zur deutschen Ausgabe. I Band. Leipzig. 1898 (Otto Wigand).

лѣе интересно. Г. Туганъ-Барановскій доказываетъ, что часть капиталовъ, накопленныхъ путемъ торговли, была при Петрѣ употреблена на открытіе фабрикъ и что роль правительственныхъ денежныхъ субсидій была при этомъ менѣе значительна, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Даже если согласиться съ этимъ выводомъ, основаннымъ у автора на черезчуръ неполныхъ данныхъ,—все-таки роль торговаго капитала, *какъ такового*, въ процессѣ развитія формъ производства не только не будетъ этимъ разрѣшена, но даже не будетъ и поставлена на рѣшеніе. Торговый капиталъ, вынимаемый изъ торговли и обращаемый на фабричное производство, очевидно, перестаетъ быть торговымъ; между тѣмъ, весь вопросъ въ томъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на формы производства, оставаясь въ своей собственной сферѣ — торговли, скупки или заказа непосредственному производителю. Допустимъ, что даже всѣ капиталы, употребленные при Петрѣ на устройство фабрики, были капиталами частными (не только *торговыми*), а не казенными; остается, при всемъ томъ, несомнѣннымъ и неопровергнутымъ, что самое назначеніе, данное вновь этимъ капиталамъ, находится въ прямой зависимости отъ покровительственныхъ мѣръ правительства, принятыхъ именно съ цѣлью—привлечь капиталы къ *данному* употребленію. Другими словами, фактъ „искусственности" привлеченія капиталовъ, хотя бы и частныхъ, къ первой русской фабрикѣ не только остается непоколебленнымъ, но даже получаетъ новое яркое подтвержденіе. Г. Туганъ-Барановскій это очень хорошо чувствуетъ, и потому самъ повторяетъ все то, что говорилось сторонниками раздѣляемаго мною взгляда по поводу „искусственности" созданія первыхъ русскихъ фабрикъ. Но рядомъ съ этимъ онъ хочетъ спасти и высказанныя имъ ранѣе утвержденія относительно „естественности" русскаго индустріальнаго развитія. Онъ не только не признаетъ здѣсь противорѣчія, на которое совершенно основательно указала ему критика *), но пытается поставить оба свои утвержденія въ логическую связь и, какъ я думаю, дѣлаетъ это очень неудачно. Онъ представляетъ, именно, свое первое утвержденіе о „естественности" въ видѣ логическаго вывода изъ силлогизма, въ которомъ второй посылкой служитъ его второе мнѣніе объ „искусственности", а первую онъ создаетъ ad hoc, влагая въ нее то, что ему нужно получить въ выводѣ. Ибо, какъ извѣстно, въ выводѣ изъ силлогизма нельзя ничего получить такого, что не было бы въ посылкахъ. И ошибку, если она есть въ выводѣ, можно только перемѣстить въ посылки, а уничтожить ее нельзя. Но чего никакъ нельзя сдѣлать, — это вывести заключеніе, противорѣчащее посылкамъ.

---

*) См. рецензію г. *Слонимскаго* въ «Вѣстникѣ Европы», 1898, іюнь, и *В. А. Мякотина* въ «Русскомъ Богатствѣ», 1899, январь. Противорѣчіе, указываемое критиками, особенно ярко видно изъ сопоставленія слѣдующихъ двухъ утвержденій г. Тугана-Барановскаго:

«Возникновеніе у насъ крупнаго производства при Петрѣ было естественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и соціальныхъ условій Россіи».

«Безъ мѣръ, принятыхъ Петромъ, крупное производство не имѣло никакихъ шансовъ развиться въ тогдашней Россіи».

Отвѣтъ г. Тугана-Барановскаго см. въ «Началѣ», январь—февраль 1899 г.

Если такой выводъ сдѣланъ, то, очевидно, что къ реальной ошибкѣ противъ фактовъ прибавлена еще другая, формальная — противъ логики. Г. Туганъ-Барановскій предлагаетъ одному изъ своихъ критиковъ „указать, въ чемъ заключается логическая неправильность такого силлогизма:

„*1 посылка:* Экономическія и соціальныя условія Россіи естественно и необходимо привели къ мѣрамъ, принятымъ Петромъ“.

„*2 посылка*: Мѣры, принятыя Петромъ, вызвали крупное производство въ Россіи“.

„*Заключеніе*: Возникновеніе крупнаго производства при Петрѣ было естественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и соціальныхъ условій Россіи“.

Указать ошибку нетрудно. Она заключается (помимо того, что термины силлогизма не „распредѣлены“, т.-е. не указана *степень общности* утвержденій автора) въ употребленіи одного изъ терминовъ силлогизма въ двухъ разныхъ смыслахъ, или въ такъ называемомъ quaternio terminorum („учетвереніе терминовъ“). Очевидно, въ первой посылкѣ ссылка на „экономическія и соціальныя условія“ можетъ имѣть только одинъ реальный смыслъ, развиваемый г. Тугановъ-Барановскимъ и въ его книгѣ. Хотя „торговый капиталъ“ и облегчалъ для Россіи переходъ къ крупному производству, тѣмъ не менѣе, одного приложенія торговаго капитала къ производству было недостаточно, чтобы переходъ совершился самъ собой: необходимы были поэтому также мѣры Петра. Другими словами, „экономическія и соціальныя“ условія Россіи, *въ силу своей неполной подготовленности*, привели къ мѣрамъ Петра.

Итакъ, смыслъ первой посылки — тотъ, что „неполная подготовленность“ (или „полная неподготовленность“— объ этомъ мы сейчасъ спорить не станемъ) Россіи — естественно и необходимо привела къ искусственнымъ мѣрамъ насажденія фабричнаго производства. Столь же несомнѣнно, что въ выводѣ,—если онъ имѣетъ какое-нибудь значеніе для автора,— тѣ же „экономическія и соціальныя условія“ обозначаютъ нѣчто діаметрально противоположное: именно, „подготовленность“ Россіи къ возникновенію крупнаго производства, *вслѣдствіе чего это возникновеніе и представляется автору естественнымъ и необходимымъ*. Если не захотимъ, вслѣдъ за авторомъ, „четверить“ терминовъ, то его силлогизмъ приметъ одинъ изъ слѣдующихъ двухъ видовъ:

1) Неполная подготовленность Россіи вызвала мѣры Петра, а мѣры Петра создали крупное производство (его времени), слѣдовательно, крупное производство (въ той формѣ, въ какой создано мѣрами Петра) было вызвано неполной подготовленностью Россіи.

2) Подготовленность Россіи вызвала мѣры Петра, а мѣры Петра создали крупное производство; слѣдовательно, крупное производство вызвано подготовленностью Россіи.

Очевидно, первая посылка второго силлогизма не можетъ быть защищаема, ибо „подготовленность“ Россіи и „мѣры Петра“ исключаютъ другъ друга: только вслѣдствіе „неподготовленности“ — онѣ и могли имѣть мѣсто. Слѣдовательно, приходится отбросить и выводъ второго силлогизма, что „крупное производство вызвано „подготовленностью Россіи“. Остается выводъ о неподготовленности, — причемъ вопросъ о *степени* этой неподготовленности, разумѣется, никакими силлогизмами рѣшенъ быть не можетъ и подлежитъ дальнѣйшему изслѣдованію.

Еще одно замѣчаніе. Въ первомъ силлогизмѣ я сдѣлалъ, для точности, оговорки въ скобкахъ, такъ какъ иначе было бы неясно также и то, о *какомъ* крупномъ производствѣ идетъ рѣчь: утверждается ли вообще искусственность крупнаго производства въ Россіи или только его искусственность въ первое время его существованія. Въ текстѣ „Очерковъ" я совершенно опредѣленно сталъ на вторую точку зрѣнія, указавъ нѣкоторые характерные факты, свидѣтельствующіе и о непрочности фабричнаго производства въ первое время послѣ Петра, и о его постепенной акклиматизаціи въ Россіи со времени Екатерины. Г. Туганъ-Барановскій этихъ фактовъ не опровергалъ; напротивъ, онъ далъ въ своей книгѣ нѣсколько новыхъ фактовъ того же рода, которыми я и воспользовался въ настоящемъ изданіи для развитія своей прежней мысли. Я очень хорошо знаю, что существовали мнѣнія, защищавшія и общій тезисъ— объ искусственности капитализма въ Россіи вообще; но свое отрицательное отношеніе къ этимъ мнѣніямъ я достаточно ясно высказалъ въ текстѣ „Очерковъ".

Не знаю, удовлетворитъ ли эта оговорка г. Тугана-Барановскаго. Въ одномъ мѣстѣ своей статьи онъ „рѣшительно отказывается понять, въ чемъ заключается смыслъ глубокомысленныхъ разсужденій объ искусственномъ происхожденіи нашего капитализма". Но ниже, на той же страницѣ, онъ становится снисходительнѣе—и понимаетъ. „Повидимому,— говоритъ онъ,—сила разсматриваемаго аргумента заключается въ томъ, что въ Россіи капиталистическое производство встрѣчаетъ менѣе благопріятныя условія для своего развитія, чѣмъ въ другихъ странахъ". Казалось бы, на такомъ пониманіи можно было бы сговориться окончательно и покончить пререканія. Но автору такая уступка кажется, повидимому, черезчуръ ужъ большой. Согласившись говорить объ „искусственности" русскаго промышленнаго развитія, какъ о чемъ-то возможномъ и понятномъ, онъ доказываетъ, вполнѣ основательно, что и въ другихъ странахъ промышленность развивалась съ поддержкой правительства, т. е. искусственно. Мы опять готовы бы были согласиться, но г. Туганъ-Барановскій тутъ и беретъ назадъ сдѣланную раньше уступку. „Итакъ,—резюмируетъ онъ,—капитализмъ развивался въ Россіи *столь же* искусственно (или естественно, какъ хотите), какъ и во всѣхъ другихъ странахъ". Зачѣмъ же непремѣнно „сто̀ль же?" Скажи авторъ хоть „тоже", вмѣсто „столь же", и опять споръ бы могъ кончиться. Но, нѣтъ, ему нужно, почему-то, именно „столь же". На „менѣе" (естественно) и на „болѣе" (искусственно) онъ опять несогласенъ, хотя, казалось бы, онъ уже понялъ, что въ „болѣе" или „менѣе" заключается вся „сила разсматриваемаго аргумента".

Мои возраженія на рецензію г. Струве, сдѣланныя въ предисловіи къ 3-му изданію, вызвали со стороны г. Струве отвѣтъ *), о которомъ я тоже долженъ сказать нѣсколько словъ. Г. Струве обходитъ молчаніемъ всѣ мои замѣчанія, кромѣ тѣхъ, которыя касаются его теоріи развитія русской кустарной промышленности. Эту теорію онъ не только поддерживаетъ въ полномъ объемѣ, но и развиваетъ далѣе, предупреждая на этотъ разъ читателя: „положенія мои основаны на фактахъ, а не „выведены изъ опредѣленій". Каждое обобщеніе настоящей статьи можетъ

*) «Міръ Божій», 1898, апрѣль.

быть ad libitum подкрѣплено. Мои обобщенія и здѣсь, и въ критикуемой г. Милюковымъ рецензіи явились и сложились не при писаніи данной статьи или рецензіи. Они представляютъ попытку научнаго историко-сравнительнаго истолкованія огромнаго, накопившагося въ нашей литературѣ фактическаго матеріала". Конечно, было бы лучше, если бы читатель самъ пришелъ къ сдѣланной здѣсь самооцѣнкѣ; но, къ сожалѣнію, г. Струве даетъ для этого слишкомъ мало данныхъ. Оставляя, поэтому, приведенныя заявленія на отвѣтственности автора, не могу, однако, не констатировать, что написанныя имъ по поводу моего отвѣта 13 страницъ содержатъ въ себѣ, при нѣсколько большей сдержанности тона и полемическихъ пріемовъ, прежнія дедукціи изъ понятій, попрежнему не подкрѣпленныя фактами. А то новое, что даетъ разбираемая статья, состоитъ изъ усилій,—надо сказать, не совсѣмъ безплодныхъ, — перенести споръ на болѣе защищенную позицію, не дѣлая въ то же время никакихъ формальныхъ уступокъ.

По отношенію къ своимъ „выводамъ изъ опредѣленій" г. Струве защищаетъ, во-первыхъ, принципіальное право науки на систематику наблюдаемыхъ явленій; во-вторыхъ, въ частности ту систематику формъ производства, которую онъ заимствовалъ изъ Бюхера, и ея приложимость къ объясненію историческихъ явленій. Перваго, т.-е. права наукъ на систематику я, конечно, никогда не отрицалъ. Во второмъ, т.-е. въ правильности систематики Бюхера, я теперь еще сильнѣе сомнѣваюсь, чѣмъ два года назадъ, такъ какъ теперь мы имѣемъ блестящую критику этой систематики, сдѣланную Зомбартомъ *). Новый анализъ Зомбарта обѣщаетъ быть настолько капитальнымъ вкладомъ въ систематику формъ промышленности, что вести теперь полемику съ г. Струве на почвѣ старыхъ бюхеровскихъ опредѣленій, кажется мнѣ, было бы безполезной потерей времени. Въ частности, Зомбартъ устанавливаетъ въ самомъ преддверіи своей классификаціи коренное различіе между „системой хозяйства" и „формой хозяйственнаго предпріятія" („заведенія", Betrieb), допуская, что одна и таже форма заведенія можетъ быть употребляема при самыхъ различныхъ „системахъ народнаго хозяйства". Эта идея, можетъ быть, поможетъ примирить „параллельное существованіе разныхъ формъ производства" и „неуловимые переходы" между ними, представляемые дѣйствительностью и упомянутые въ моемъ предисловіи къ 3-му изданію,— съ правомъ науки на систематику. Послѣ новаго анализа Зомбарта научная систематика, можетъ быть, окажется достаточно гибкой, чтобы не насиловать дѣйствительности и не плодить „недоразумѣній" и доктринерства.

Впрочемъ, еще ранѣе статей Зомбарта, въ своемъ собственномъ лагерѣ г. Струве встрѣтилъ противорѣчіе: въ своей извѣстной книгѣ о „Развитіи капитализма въ Россіи" г. Ильинъ сталъ въ обсуждаемомъ вопросѣ на точку зрѣнія, противоположную г. Струве *).

Что касается новыхъ „построеній" г. Струве, онѣ вызваны, какъ уже сказано, желаніемъ лучше обосновать основной тезисъ, слишкомъ звучавшій парадоксомъ въ прежней рецензіи г. Струве; именно, его положеніе, что отсталая экономическая Россія была, въ сущности, болѣе под-

---

*) «Міръ Божій», 1898, апрѣль.

готовлена къ капитализму, чѣмъ Западъ. Въ Россіи не было *ремесла*, препятствовавшаго капитализму въ Европѣ, говорилъ онъ прежде. Въ Россіи *именно вслѣдствіе отсутствія ближайшаго рынка* издавна существовалъ широкій рынокъ для обмѣна произведеній между различными областями нашей обширной страны (именно, между земледѣльческой Россіей),—говоритъ онъ теперь. Этотъ рынокъ и создалъ *капиталистическую* кустарную промышленность.

Мысль очень остроумная и интересная, — нечуждая и западной экономической литературѣ. Въ виду послѣдняго обстоятельства мы въ правѣ спросить: не существовало ли кое-гдѣ и въ Европѣ такого же „естественно-географическаго" раздѣленія труда между большими территоріями, — и такъ ли свойственна эта особенность исключительно Россіи? Но, какъ бы то ни было, на этотъ разъ существованіе капиталистической кустарной промышленности — не является болѣе у автора доказательствомъ *подготовленности* Россіи къ капитализму, а, напротивъ, однимъ изъ послѣдствій ея экономической отсталости. Нельзя не пожалѣть, однако, что авторъ не дѣлаетъ изъ усвоенной имъ теперь мысли никакого дальнѣйшаго употребленія для какого-нибудь фактическаго объясненія. Мы спрашивали и спрашиваемъ: когда же начала играть роль въ русской народной жизни эта капиталистическая кустарная промышленность? Авторъ отвѣчаетъ различно: то онъ называетъ XVII вѣкъ, то XVIII вѣкъ и XIX; то, наконецъ, децентрализованное товарное производство оказывается «такъ же старо, какъ его базисъ—національное раздѣленіе труда между неземледѣльческой и земледѣльческой Россіей". Во всякомъ случаѣ, раньше этого вида промышленной культуры — ничего не было, потому что простое „*мѣстное* кустарничество, непосредственно вырастающее изъ домашняго промысловаго труда земледѣльца (Hauswerk или Hausfleiss Бюхера)"—„знаменуетъ, въ дѣйствительности *полное отсутствіе въ странѣ промышленной культуры*".

Почему домашнее кустарничество есть непремѣнно *мѣстное*, а то кустарничество, продукты котораго отсылаются на широкій рынокъ, въ другія „естественно-географическія" области Россіи,—непремѣнно и сразу должно быть *капиталистическимъ*, этого авторъ не объясняетъ. И самый вопросъ, здѣсь поставленный, долженъ показаться ему результатомъ простого „недоразумѣнія" или „непониманія". Вѣдь сказалъ же Бюхеръ, что производство на широкій рынокъ есть капиталистическое: очевидно, стоитъ доказать только, что русское кустарное производство работало на широкій рынокъ; а что оно было капиталистическимъ, — это уже будетъ разумѣться само собой. Оставивъ Бюхера въ сторонѣ, мы можемъ конечно, безусловно согласиться съ положеніемъ: всякое капиталистическое производство есть производство на широкій рынокъ. Но, по правиламъ логики, это общеутвердительное предложеніе можетъ быть „обращено" лишь въ частно-утвердительное: нѣкоторое (не всякое) производство на широкій рынокъ есть капиталистическое.

Въ итогѣ, изъ всѣхъ новыхъ положеній г. Струве мы можемъ согласиться только съ однимъ,—именно съ тѣмъ, для котораго г. Туганъ-Барановскій собралъ не мало фактическихъ данныхъ, а г. Струве намѣтилъ (хотя и не развилъ) нѣкоторое теоретическое обоснованіе. Послѣ работъ обоихъ писателей, безспорно, становится яснѣе, чѣмъ было прежде, что та крупная роль, которую сыграла русская кустарная про-

мышленность въ XVIII и XIX вѣкѣ нашей исторіи—не есть простое наслѣдіе прошлыхъ временъ и не есть также залогъ ея роли въ будущемъ, а есть явленіе, съ одной стороны, новое, съ другой—переходное. Оно есть явленіе новое, такъ какъ въ *этотъ* періодъ кустарная промышленность (каковой бы мы ее ни считали раньше) несомнѣнно становится капиталистической. Это есть также явленіе переходное, такъ какъ тотъ же капитализмъ, который расширилъ экономическую роль кустарной промышленности, воспользовавшись ею, какъ самой подходящей при данныхъ условіяхъ формой предпріятій,—въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи явился злѣйшимъ врагомъ этой формы, грозя, если не полнымъ ея уничтоженіемъ, то, во всякомъ случаѣ, сведеніемъ къ гораздо болѣе скромнымъ размѣрамъ.

Въ такой формулировкѣ тезисы гг. Тугана-Барановскаго и Струве казались мнѣ вполнѣ заслуживающими признанія и были приняты мною во вниманіе при пересмотрѣ текста „Очерковъ" для настоящаго изданія.

Что касается споровъ по общимъ соціологическимъ вопросамъ, то молчаніе г. Струве если и не свидѣтельствуетъ о его согласіи со мной, то, во всякомъ случаѣ, лишаетъ меня повода продолжать съ нимъ полемику,—тѣмъ болѣе, что послѣ его статьи въ № 74 „Сѣв. Курьера" трудно было бы судить, не имѣя его собственнаго заявленія, въ какой степени г. Струве будетъ поддерживать свои прежнія утвержденія о роли личности въ историческомъ процессѣ.

С.-Петербургъ, 8-го февраля 1900 г.
